E41 1443

М. ТАНИН

Т-182

10 ЛЕТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР

1917 — 1927

Д. БЕДНОТА

1927

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ИСТПАРТ

Очерки по истории Октябрьской революции. Под. ред. М. Н. Покровского. В двух томах.

Протоколы съездов и конференций ВКП (б). Шестой съезд. Август 1917 г.

Солдатские письма 1917 г. С предисл. М. Н. Покровского.

Вторая и третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 г. Протоколы и материалы. Под общ. ред. И. Ф. Куделли. Подготовил к печати Г. Л. Шидловский. (Ленинградский Истпарт.)

Протоколы Петроградского комитета большевиков за 1917 г. (Ленинградский Истпарт).

Пионтковский, С. Октябрь 1917 года.

Шестаков, А. Большевики и крестьянство в революции 1917 года.

ОКТЯБРЬ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СССР

А

Стр. 216. . 60 к.

«У нас не о том,
что предст есьма
существе лина...
Живые, жение
и правит ского
империал я, до-

«Ценност енный
им, затем т боль-
шого кру ватель-
ных оче тью..»

«С некот нижке

1-й экз. с. фонда
Е41 1443
Т-182
ЛЕ Т18

М. ТАНИН

10 ЛЕТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ С. С. С. Р.

(1917—1927)

ПОГАШЕНО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1927 ★ ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО
в 1-й Образцовой типографии
Госиздата. Москва, Пятницкая, 71.
Главлит 95090. Гиз 22044. Заказ 3673.
Тираж 5000 экз.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА НЕФТИ И ГАЗА
№ 5905

ПРЕДИСЛОВИЕ

Десять лет, да еще в такую эпоху, когда события развиваются бурным бешеным темпом — это уже порядочный «кусок истории». Между тем у нас по пальцам можно перечесть книги, трактующие об истории внешней политики за истекший хотя бы неполный период.

При выполнении настоящей работы, представляющей собой попытку частично заполнить этот пробел, перед нами раньше всего стал вопрос о периодизации. На какие периоды можно подразделить десятилетнюю историю развития наших отношений с капиталистическим миром? Как всегда в таких случаях, возможны разные варианты, но нам кажется, что наиболее соответствующей политическому содержанию пройденных фаз развития является следующая схема:

I) Борьба за мир с ноября 1917 г. до середины 1918 г. Этот период охватывает попытки добиться общего мира, Брестский мир и усилия избежать состояния открытой войны с германским империализмом, вносившим штыком дополнения к «Бресту». В этот период союзный империализм, занятый борьбой с центральными державами, еще не определил конкретно и окончательно своей позиции по отношению к Советской России. В некоторых кругах Антанты даже носились с мыслью о практической сделке с советским правительством насчет согласования военных мер по борьбе с германским милитаризмом. Союзная интервенция в то время находилась лишь в зародышевом состоянии.

II) Борьба против союзной интервенции. Этот большой героический период советской власти охватывает время с середины 1918 г. по конец 1920 г. Правда, общее крушение интервенции уже наметилось в конце 1919 г., когда были разбиты подходивший к Москве Деникин и стоявший под Петроградом Юденич и когда в Копенгагене начались переговоры т. Литвинова с английским представителем О. Греди (несколько позже 16 января 1920 г. союзный Верховный совет формально снял блокаду с Советской России). Но мы к этому периоду должны отнести

и войну Польши против Советской России, войну, представляющую собой не что иное, как рецидив интервенции.

III) Третий период (1921—1922 гг.)—период дипломатических побед, как политическая надстройка на базе победы над интервентами. Сюда относятся признания РСФСР де-факто Англией (англо-советский договор 16 марта 1921 г.), приглашение советского правительства в Геную, установление в той или иной форме связей с целым рядом государств. В этот период дает себя сильно чувствовать своеобразный вынужденный пацифизм Англии, питавшийся крахом интервенции, а также надеждой на ослабление послевоенного экономического кризиса, путем использования огромного рынка Советской России, причем предполагалось, что в связи с нэпом экономический обмен между капиталистическими странами и Советской Россией может привести к «перерождению» последней (теория Ллойд-Джорджа).

IV) Наступление английского империализма (1922—1923 гг.). Ослабление таких настроений в Англии в связи с усилением буржуазии. Уход Ллойд-Джорджа. Приход к власти консерваторов. Дипломатическая атака на СССР (Лозаннская конференция, ультиматум Керзона).

V) «Пацифистская эра» и признания де-юре (1924—1925 гг.). Хотя эта «эра» продолжалась «без году неделю» и отцвела, не успев расцвесть, она все же составляет своеобразную полосу в наших взаимоотношениях с капиталистическим миром, а потому должна быть особо выделена.

VI) Новое наступление английского империализма (1925—1927 гг.). Вторичный приход к власти консерваторов. Срыв англо-советского генерального договора 8 августа 1924 г. Локарно. Англо-советский разрыв. Явная подготовка новой интервенции против СССР.

Такой периодизации мы и придерживались в нашей работе. Но так как исторические периоды не имеют свойства укладываться хотя бы в приблизительно равные главы книги, то во избежание диспропорции некоторые периоды разбиты на отдельные главы.

В отличие от всей работы, построенной по хронологическому принципу с целью дать картину общего постепенного развития наших взаимоотношений с капиталистическим миром, изложение предпоследней главы уже построено по линии отношения отдельных стран к английской политике окружения СССР, начиная приблизительно с Локарно. Это преследует цель дать читателю возможность быстро ориентироваться в наших современных взаимоотношениях с интересующей его страной. Если же его интересует

более ранний период, то это не трудно найти, пользуясь предметным указателем.

Некоторые отрывки из настоящей работы взяты из нашей книжки «Международная политика СССР», вышедшей в изд. «Работник Просвещения» в 1924 г. Упомянутая предпоследняя глава печаталась в виде серии статей под общим заголовком «Англо-советский разрыв и проблема единого империалистского фронта» в «Большевике», №№ 11—12, 13 и 14, осенью 1927 г.

М. ТАНИН.

Москва, сентябрь 1927 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие III

Глава I. **Борьба за мир**

(Ноябрь 1917 г. — серед. 1918 г.)

Первый период брестских переговоров 3
Ленинские «тезисы о мире». Подписание мира 12
Наступление Германии после мира 18

Глава II. **Первый период союзной интервенции**

(Ноябрь 1917 г. — ноябрь 1918 г.)

Расхождение политических линий союзников 21
Первые десанты, заговоры, чехословаки 28
Почему кризис был преодолен 33
Германская революция и РСФСР 37

Глава III. **Второй период интервенции**

(Ноябрь 1918 г. — ноябрь 1919 г.)

Две переоценки 42
Интервенция на юге 45
Интервенция на севере 50
Интервенция в Сибири 51
Японско-американский антагонизм . . . . . —
Англо-французский антагонизм 56
Чехословаки и Колчак 59
Борьба течений в Антанте и Принцевы острова 60
Ставка союзников на Колчака 67
Преодоление осеннего кризиса 1919 года 69

Глава IV. **Рецидив интервенции**

(1920 г.)

«Окно в Европу» 75
Борьба против Врангеля 78
Польско-советская война 81

Глава V. **Мир и признания де-факто**

(1921 — 1922 гг.)

Англо-советский договор 16 марта 1921 г. 89
Успехи на Востоке 91
Отрыжки интервенции 99
Генуэзская конференция 102
Гаагская конференция 110

Стр.

Глава VI. **Наступление английского империализма**

(1922—1923 гг.)

Лозаннская конференция 116
Ультиматум Керзона 120

Глава VII. **«Пацифистская эра» и признания де-юре**

(1924—1925 гг.)

Признание СССР Англией 126
Признание Италией 127
Улучшение франко-советских отношений 129
Советско-китайский договор 131
Улучшение советско-японских отношений 133
Англо-советский договор 8 августа 1924 г. 134
„Письмо Зиновьева“ 139

Глава VIII. **В борьбе с новым наступлением английского империализма**

(1925—1927 гг.)

Срыв англо-советского договора 8 августа 1924 г. 143
Кризис в связи с шанхайскими событиями 1925 г. 147
«Дух Локарно» 149
Забастовка горняков и новый кризис 154
Подготовка срыва англо-советских отношений 158
Англо-советский разрыв 164
Проблема единого антисоветского фронта в Англии 173

Глава IX. **Английская политика окружения и другие страны**

Германия 181
Франция 188
Италия 190
Польша 191
Прибалтика 197
Литва . . . . . —
Латвия 198
Эстония 200
Финляндия 201
Общее положение на нашей западной границе 202
Ближний Восток 204
Турция . . . . . —
Персия 206
Афганистан 211
Дальний Восток 213
Китай . . . . . —
Япония 215
Соед. Штаты 217

Глава X. **Итоги и перспективы**

Уроки прошедшего и угроза новой интервенции 227
Хроника событий 233
Указатель 253
Предметный указатель 255
Карта СССР

10 ЛЕТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

БОРЬБА ЗА МИР.

(НОЯБРЬ 1917—МАРТ 1918.)

Декларация принципов революционной внешней политики.— Попытка добиться общего мира.— Отказ союзников.— Переговоры в Брест-Литовске.— Внутрипартийная борьба по вопросу о мире.— Тезисы Ленина.— „Похабный мир" подписан.— Германский империализм штыком вносит дополнения к Брестскому договору.

Первый период брестских переговоров.

Первым криком Советской Республики, рожденной под грохот пушек столь затянувшейся кровавой и мучительнейшей империалистической войны, был—«мир». Под знаком мира был совершен великий Октябрьский переворот. За мир вся исстрадавшаяся, вконец измотавшаяся солдатская масса, по образному выражению Ленина, «голосовала ногами» — дезертировала с фронта. Но Милюковы и Керенские, прикованные к тачке союзного империализма, мира дать не могли. Большевики же, наоборот, не могли не дать мира, не могли не пойти на не предвещающие ничего хорошего мирные переговоры с победителями, германскими империалистами, даже тогда, когда появилось социалистическое отечество, которое следовало защищать. Ибо где была та сила, которая могла отменить это своеобразное голосование солдатской массы, повернуть вспять солдатскую лавину, устремившуюся назад в родные деревни, где крестьяне будут делить вожделенную помещичью землю, в родные города, где рабочие будут захватывать фабрики и заводы?

И вот 8 ноября*) на следующий же день после захвата власти, советское правительство обращается ко всем народам и правительствам с предложением о немедленном мире «без аннексий и контрибуций».

«Продолжать эту войну, — гласит это обращение, — из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности, правительство считает величайшим преступлением

*) Здесь и всюду даты по новому стилю.

против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на... равно справедливых для всех без изъятия народностей условиях... Тайную дипломатию правительство отменяет, с своей стороны, выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 года».

Обращаясь с особенной силой к пролетариату важнейших воюющих стран — Англии, Франции и Германии, «советское правительство призывает их помочь и успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплоатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплоатации».

Логическим дополнением к этому провозглашению новых революционных принципов западной внешней политики явилось опубликованное 7-го декабря обращение Совета Народных Комиссаров «ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». «Отныне ваши верования и обычаи, — говорится в обращении к мусульманам России, — ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов — Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Обращаясь к мусульманам за пределами России, декларация говорит:

«Мусульмане Востока, персы и турки, арабы и индусы, все те, головами и имуществами которых, свободой и родиной которых сотни лет торговали алчные хищники Европы, все те, страны которых хотят поделить начавшие войну грабители! Мы заявляем, что тайные договоры свергнутого царя о захвате Константинополя, подтвержденные свергнутым Керенским, ныне порваны и уничтожены. Республика Российская и ее правительство — Совет Народных Комиссаров — против захвата чужих земель. Контантинополь должен остаться в руках мусульман. Мы заявляем, что договор о разделе Персии порван и уничтожен. Как только прекратятся военные действия, войска будут выведены из Персии, и персам будет обеспечено право свободного определения своей судьбы. Мы заявляем, что договор о разделе Турции и отнятии у нее Армении порван и уничтожен. Как только прекратятся военные действия, армянам будет обеспечено право свободно определить свою политическую судьбу.

Не от России и ее революционного правительства ждет вас порабощение, а от хищников европейского империализма, от тех, которые

ведут нынешнюю войну из-за дележа ваших стран, от тех, которые превратили вашу родину в расхищаемую и обираемую свою колонию... Свергайте же этих хищников и поработителей ваших стран».

Так великая Октябрьская революция бросала на Запад и на Восток новые, насыщенные динамитом, революционные лозунги, лозунги, с точки зрения мировой буржуазии, огромной «разрушительной» силы. Прошло немного времени, и со стороны советского правительства последовал новый толчок, который потряс устои старого буржуазного порядка — был опубликован декрет об аннулировании старых займов (8 февраля 1918 г.).

«Все государственные займы, заключенные правительствами российских помещиков и российской буржуазии, аннулируются... Безусловно и без всяких исключений аннулируются все иностранные займы».

Капиталистические и в частности союзные правительства потрясены и возмущены этими актами новой революционной власти в России. О выходе России из мировой войны они и слышать не хотят. 23 ноября в коллективном обращении через голову советского правительства к смещенному в тот момент быв. верховному главнокомандующему ген. Духонину союзные военные атташе от имени своих правительств протестуют против предложения советского правительства о мире, как нарушения обязательств царского правительства от 5 сентября 1914 г. о незаключении сепаратного мира, и угрожают, что нарушение последних повлечет за собой «самые серьезные последствия». Обращение к народам Востока вызывает возмущение в правящих кругах Англии. «В своем призыве к мусульманам Востока г. Ленин говорил о нас, как о жадных эксплоататорах и грабителях, — вносит в свой дневник («My Mission to Russia») 8 декабря возмущенный английский посол Дж. Бьюкенен, — и подстрекал в то же время наших подданных индусов к восстанию... Совершенно неслыханная вещь, чтобы человек, претендующий на руководство русской политикой, говорил таким языком о дружественной и союзной стране».

Декрет об аннулировании займов влечет за собой коллективный протест всех союзных и нейтральных дипломатических представительств (26 февраля), в котором этот декрет объявляется «несуществующим» и который оговаривает право их правительств в любое время «настоятельно требовать удовлетворения и возмещения всех ущербов и утрат».

Но перейдем к описанию борьбы советского правительства за мир.

21 ноября народный комиссар по иностранным делам тов. Троцкий обращается к послам союзных держав с нотой о перемирии и мире на основе самоопределения народов. На это союзные военные атташе отвечают упомянутым протестом. 23 ноября тов. Троцкий предлагает

послам нейтральных стран взять на себя посредничество в деле мира. 24 ноября тов. Троцкий в ноте представителям союзников предлагает им «определить свое отношение к мирным переговорам, т.-е. свою готовность или свой отказ принять участие в переговорах о перемирии и мире, и — в случае отказа — открыто перед лицом всего человечества заявить ясно, точно и определенно, во имя каких целей народы Европы должны истекать кровью в течение четвертого года войны».

Таким образом, мы видим, что советское правительство стремилось к общему миру, который положил бы конец империалистической бойне на всех фронтах, а не к сепаратному миру с Германией. И только по вине союзных империалистов, надеявшихся окончательно разгромить германский империализм и нажиться при дележе добычи, развитие событий пошло по-иному.

Германия, которой важно было закрепить одержанные до того времени победы, если не общим, то хотя бы сепаратным миром с Советской Россией, 27 ноября через свое главное военное командование изъявила согласие приступить к переговорам о немедленном перемирии. Антанта же беспощадно требовала, чтобы истекающий кровью русский солдат продолжал сражаться во имя тайных обязательств свергнутого царского правительства, данных в надежде на участие в будущем торжестве победителей за счет побежденных.

Тогда для советского правительства остался один только выход — итти на сепаратные переговоры с германскими империалистами.

22 декабря начались мирные переговоры в Брест-Литовске. На этом месте для конференции дипломаты Германии и Австрии упорно настаивали, не соглашаясь на какой-либо нейтральный город (Стокгольм), как это неоднократно предлагала советская делегация. Они боялись, как бы революционные лозунги, под знаком которых вели переговоры советские делегаты (тт. Иоффе — председатель, Карахан — секретарь, Каменев, Покровский и др.), не нашли широкого отклика среди трудящихся масс Германии и Австрии. Поэтому дипломаты старались заглушить их в городе, находящемся в пределах германской военной оккупации. В этом открыто сознается в своих воспоминаниях бывший австрийский министр иностранных дел и глава австрийской делегации в Бресте граф Чернин *).

«Перенесение конференции в Стокгольм, — пишет этот дипломат, — было бы для нас концом всего, потому что оно лишило бы нас возможности держать большевиков всего мира вдали от нее. В таком случае стало бы неизбежно именно то, чему мы с самого начала изо всех

*) См. указатель источников в конце книги.

сил старались воспрепятствовать: поводья оказались бы вырванными из наших рук и верховодство делами перешло бы к этим элементам».

Настолько велик был страх победителей перед влиянием большевистской пропаганды в их странах! Тот же страх сквозит в мемуарах бывшего начальника штаба германского восточного фронта генерала Гофмана [2]. Описывая ход переговоров после перерыва 28 декабря 1917 г. — 9 января 1918 г., когда тов. Троцкий в качестве народного комиссара по иностранным делам сменил тов. Иоффе на посту председателя делегации, Гофман, этот типичный представитель германской военной клики, пишет:

«Только постепенно всем участникам [делегации германского правительства и его союзников] стало ясно, что главной целью Троцкого было провозглашение большевистского ученья, что он обращался через голову конференции ко всему миру... Параллельно с его речами распространялись радио «ко всем», призывавшие к неповиновению, разжалованию и убийству офицеров. Я заявил против этого энергичный протест».

В другом месте Гофман, философствуя о мировой революции, как о цели большевиков и о «разрушительном» влиянии их пропаганды, пишет, что в его душу вкралось сомнение, не допустило ли германское правительство ошибку, связавшись с такой «нечистой силой», как большевики. «Во время разговоров с Иоффе, — пишет Гофман, — у меня в первый раз появились сомнения, правильно ли было, что мы вошли в переговоры с большевиками».

Тот же, прямо-таки панический, страх перед большевистской пропагандой обуревает Гинденбурга. Он ее боится больше, нежели армии Фоша:

«Из Брест-Литовска, — возмущается он в своих мемуарах [3], — раздавались дикие агитационные речи доктринеров разрушения. Широкие народные массы всех стран призывались этими подстрекателями свергнуть угнетающее их иго и установить царство террора. (Занятно, как этот палач миллионов пылает благородным возмущением по поводу большевистского террора.— *М. Т.*) Русские парламентеры, а прежде всего Троцкий, смотрели на переговоры... как на средство сильнейшей агитации.... По моему мнению, Ленин и Троцкий вели активную политику не как побежденные, а как победители, при чем они хотели внести разложение в наш тыл и в ряды нашей армии».

Заволновался и «сам» кайзер, который потребовал от председателя германской делегации статс-секретаря фон-Кюльмана предъявления советской делегации 24-часового ультиматума, до чего, однако, не дошло. вследствие противодействия последнего.

Германские империалисты имели основания гневаться: советская делегация, действительно, прилагала все усилия к тому, чтобы, по возможности затягивая переговоры, через головы представителей германского империализма, бросить революционный клич пролетариату Германии и других стран. Советская делегация потребовала, чтобы все заседания были гласными и чтобы она пользовалась правом публиковать их подробные протоколы. Было также выдвинуто требование о разрешении ввоза революционной литературы в Германию, а через нее в другие страны.

Полемизируя с германской делегацией по вопросу о пропаганде, тов. Троцкий на заседании от 10 января заявил:

«Что касается протеста генерала Гофмана против статей нашей печати, радио-телеграмм, воззваний и проч., то мы считаем необходимым заявить: ни условия перемирия, ни характер мирных переговоров ни в каком смысле и ни с какой стороны не ограничивают свободы печати и свободы слова ни одной из договаривающихся сторон»... И, вновь возвращаясь к вопросу о Брест-Литовске, тов. Троцкий в связи с вопросом о самоопределении народов заявил: «Мы считаем во всяком случае неоспоримым, что для российской делегации пребывание в Брест-литовской крепости, в главной квартире неприятельских армий, под контролем немецких властей создает... невыгоды искусственной изоляции... Мы считали ввиду этого крайне нежелательным продолжать переговоры в таких условиях, которые давали бы право утверждать, будто мы, отрезанные от источников всесторонней информации, изолированные от общественного мнения мировой демократии, не имея даже гарантий того, что наши заявления доходят до ведома народов Четверного союза, участвуем в решении судьбы живых народов за их спиной».

И, полемизируя со лживыми и лицемерными заверениями Кюльмана, будто бы германское правительство потому не соглашается на перенесение переговоров на нейтральную почву, что там возможны закулисные махинации со стороны Антанты с целью оказать давление на советское правительство, тов. Троцкий сказал:

«Мы считаем уместным разъяснить, что наша политика обходится вообще без кулис, так как это орудие старой дипломатии радикально устранено русским народом, наряду со многими вещами, в победоносном восстании 25 октября. Все эти заподазривания нас в участии в англо-французских интригах, дополняющие лондонские и парижские инсинуации о наших тайных соглашениях с Берлином, отметаются нами с той решительностью, на которую дает нам право наша политика, руководящаяся не случайными комбинациями, а основными историческими интересами трудящихся классов всех стран» [4].

Но эта ясная, убедительная аргументация не могла, конечно, побудить противника отказаться от его цели — заглушить в стенах Брест-литовской крепости голос Республики Советов. Да и, впрочем, советская делегация выдвигала эту аргументацию в надежде не на уступчивость представителей германского империализма, а на отклик, который она вызовет среди трудящихся масс всего мира, в случае если какими-либо путями дойдет до них. Это было особенно важно, ввиду гнусной пропаганды буржуазной и соглашательской печати Антанты, построенной на том, что большевики, дескать, германские агенты, и на мирной конференции они лишь разыгрывают комедию. Не менее важно было дать понять надменным противникам, что, склоняясь перед грубой силой, большевики вовсе не намерены облегчить их дело, не поднимая голоса громкого протеста против их насилий. Эти постоянные протесты крайне раздражали победителей, так как создавали для них неблагоприятную атмосферу за границей, как раз в тот момент, когда они остро чувствовали необходимость возможно скорее выйти из войны и на западных фронтах.

В такой исключительно тяжелой для советской делегации обстановке шли переговоры. Еще 22 декабря, в самом начале переговоров, советская делегация огласила декларацию, излагавшую принципы, которые должны лечь в их основу:

«Не допускаются никакие насильственные присоединения захваченных во время войны территорий. Войска, оккупирующие эти территории, выводятся оттуда в кратчайший срок... Восстанавливается во всей полноте политическая самостоятельность народов, которые во время настоящей войны были этой самостоятельности лишены... Национальным группам, не пользовавшимся политической самостоятельностью до войны, гарантируется возможность свободно решить вопрос о своей принадлежности к тому или другому государству или о своей государственной самостоятельности путем референдума. Этот референдум должен быть организован таким образом, чтобы была обеспечена полная свобода голосования для всего населения данной территории... Ни одна из воюющих стран не обязана платить другим странам так называемых «военных издержек».

Таковы были лозунги мира, провозглашенные Октябрьской революцией. Вначале представитель делегаций Четверного союза (Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция), германский министр иностранных дел фон-Кюльман, делал вид, что принимает эти лозунги. Такой тактикой он надеялся усилить интерес к общим переговорам в странах Антанты. Но, когда это не удалось, германский империализм показал свои клыки. Фон-Кюльман потребовал от советской делегации, чтобы

она признала марионеточные «правительства», сколоченные германскими оккупационными властями в Польше, Литве, Курляндии, Эстляндии и Лифляндии, как носителей той политической самостоятельности, о которой шла речь в советской декларации. Это было равносильно признанию их аннексии Германией. На это советская делегация не согласилась. Конференция уперлась в тупик. По предложению советской делегации, в надежде на развитие революционных событий на Западе, всячески старавшейся выиграть время, был назначен десятидневный перерыв — от 28 декабря 1917 г. до 7 января 1918 г.

Положение новорожденной Советской Республики в этот момент было отчаянное. Хищный враг пристает с ножом к горлу; защищаться нет сил; реальной осязательной помощи со стороны пролетариата других стран нет; мир возможен только неслыханно тяжелый — кабальный. Как быть? Что делать?.. Между тем, оттягивать решение становится все труднее: немцы настаивают на немедленном ответе.

7 января советская делегация опять встретилась в Брест-Литовске с делегацией противника. К этому времени обстановка еще более ухудшилась. Потеряв всякую надежду побудить Антанту к переговорам, германские империалисты распоясались во-всю. Вдобавок они получили новый козырь — появившуюся на конференции делегацию контрреволюционной Украинской рады с Голубовичем во главе. Голубович, желая привлечь на свою сторону немцев в его борьбе с другой частью Украины, в которой все более укреплялась советская власть, повел с ними сепаратные переговоры и таким образом нанес удар в спину советской делегации. Между тем, реальная сила, стоявшая за спиной последней, была ничтожна. О состоянии армии в тот момент красноречиво свидетельствуют тезисы Ленина (см. ниже). О том же рассказывает в своих воспоминаниях тов. Троцкий [5].

«То, что мы не можем воевать, было для меня совершенно очевидно. Когда я в первый раз проезжал через окопы на пути в Брест-Литовск, наши товарищи, несмотря на все предупреждения и понукания, оказались бессильны организовать сколько-нибудь значительную манифестацию протеста против чрезмерных требований Германии; окопы были почти пусты; никто не отважился говорить даже условно о продолжении войны. Мир, мир во что бы то ни стало! Позже, во время приезда из Брест-Литовска, я уговаривал представителя военной группы во ВЦИК'е поддержать нашу делегацию «патриотической» речью. «Невозможно, — отвечал он, — совершенно невозможно; мы не сможем вернуться в окопы; нас не поймут, мы потеряем всякое влияние».

Впрочем, противная сторона тоже нуждалась в мире. Продовольственная катастрофа в Австрии к тому времени приняла угрожающи

формы; вместе с нею нарастало революционное движение. Глава австрийской делегации Чернин с тревогой следил за вызываемой непримиримостью Кюльмана и Гофмана затяжкой переговоров. «Я сейчас читаю мемуары эпохи французской революции, — пишет он в своем дневнике незадолго до возвращения советской делегации в Брест, — весьма подходящее чтение в связи с тем, что сейчас происходит в России и может еще случиться во всей Европе». Когда же Кюльман, на основании впечатлений о положении русской армии на фронте, переданных ему офицером, привезшим советскую делегацию, цинично заявляет: «У них (у русских) выбора нет, каким бы соусом они этого ни поливали», Чернин отвечает: «Так же, как у нас»...

Крайне нужен был мир и Германии как для того, чтобы сосредоточить все внимание на западном фронте, так и для того, чтобы произвести политически-психологический эффект «первым миром» у себя на родине и в странах Антанты. О настроениях немцев в Брест-Литовске мы в том же дневнике в записи, датированной 4 января, читаем:

«Вечером, после ужина, пришла телеграмма из Петербурга, сообщающая о предстоящем прибытии делегации вместе с министром иностранных дел Троцким. Было занимательно наблюдать, с каким восторгом это известие было встречено; лишь внезапное и бурное веселье, охватившее всех, показало, какой над ними висел гнет, как сильно было опасение, что русские не вернутся».

Последовавшие за этим события, однако, показали, насколько опасно было переоценивать это вынужденное миролюбие германского империализма, и что прав оказался Ленин, который все говаривал: «сей зверь прыгает быстро» [6]. Действительно, в германских правящих кругах начинает брать верх военщина, типичным и достойным представителем которой являлся генерал Гофман, угрожавший, как выражается Чернин, «еще раз хорошенько ударить русских по голове». Впрочем, «умеренные» германские дипломаты типа Кюльмана тоже скоро сбросили маски и стали диктовать явно-аннексионистские условия. Последние, в оценке тов. Троцкого, сделанной в ответной речи 18 января, сводились к следующему:

«Германия и Австро-Венгрия отрезают от владений бывшей Российской империи территорию размером свыше 150 тысяч квадратных верст с границами, которые охватывают бывшее Царство Польское и Литву значительные пространства, населенные украинцами и белоруссами далее прорезают территорию, населенную латышами, разделяя ее на две части и отсекая далее населенные эстонцами острова от эстонской части континента. В этих пределах Германия и Австро-Венгрия сохра-

няют режим военной оккупации не только после заключения мира с Россией, но и после заключения общего мира... Внутренняя жизнь в этих областях остается... на неопределенную историческую эпоху в руках оккупационных держав» [7].

Но мало было разоблачать хищнические намерения германского империализма. Нужно было противопоставить ему силу. А этой силы, как уже указывалось, не было. Оставалось одно — затягивать переговоры, тем более, что в Германии в это время недовольство масс, на почве невыносимых тягот и обострившегося продовольственного кризиса, стало выливаться в революционные формы. В стране прокатилась волна крупных забастовок и демонстраций против войны — за демократический мир с Советской Россией и с Антантой. В Австрии движение носило еще более широкий характер. На западе блеснул луч надежды. «В могущественном протесте рабочих Вены, Нижней Австрии и Венгрии против аннексионистского мира, в пробуждающемся революционном движении пролетариата Германии, Всероссийский Съезд усматривает лучшую гарантию против империалистического мира, основанного на порабощении, насилии, замаскированной контрибуции» — эти слова из резолюции III Всероссийского Съезда Советов свидетельствуют о тех великих надеждах, которые возбудили в терроризируемой германским империализмом Республике Советов первые революционные вспышки в Германии и Австрии.

Германскому правительству, однако, удалось подавить движение, а, вынужденная к уступкам, Австрия играла в Бресте лишь подчиненную роль. Положение советской делегации ухудшилось также в связи с предательством делегации Украинской рады, подписавшей за спиной советской делегации сепаратный кабальный договор с целью получить от германских и австрийских империалистов то признание, в котором ей отказывали трудящиеся массы Украины, приветствовавшие победоносное наступление красных частей против войск Рады. Получив такой козырь, Кюльман и Гофман стали еще более непримиримыми.

Ленинские «Тезисы о мире». Подписание мира.

Неудивительно, что в такой исключительной обстановке возникли разногласия в РКП (б). Стало оформляться возглавляемое тов. Бухариным «левое» течение, которое выдвигало лозунг немедленной революционной войны с германским империализмом. Обнаруживал колебания и тов. Троцкий *). Тов. Ленин, с присущей ему точностью анализа и чутьем, учитывая реальное соотношение сил в тот момент, доказывал, что, при полном развале армии, путь немедленной революционной войны

*) Тт. Бухарин и Троцкий скоро признали свои ошибки.

ведет к гибели революции. Свои взгляды Ленин изложил в ныне ставших историческими «Тезисах о мире», написанных 20 января, но по тактическим соображениям опубликованных в «Правде» лишь 24 февраля. Приводим выдержки из этого исторического документа:

«Мирные переговоры в Брест-Литовске вполне выяснили в настоящий момент, к 7/I 1918 г., что у германского правительства (вполне ведущего на поводу остальные правительства Четверного союза) безусловно взяла верх военная партия, которая по сути дела уже поставила России ультиматум (со дня на день следует ждать,— необходимо ждать и его формального предъявления). Ультиматум этот таков: либо дальнейшая война, либо аннексионистский мир, т.-е. мир на условии, что мы отдаем все занятые нами земли; германцы сохраняют все занятые ими земли и налагают на нас контрибуцию (прикрытую внешностью платы на содержание пленных), контрибуцию, размером приблизительно в 3 миллиарда рублей, с рассрочкой платежа на несколько лет.

Перед социалистическим правительством России встает требующий неотложного решения вопрос: принять ли сейчас этот аннексионистский мир, или вести тотчас революционную войну. Никакие средние решения по сути дела тут не возможны. Никакие дальнейшие отсрочки более не осуществимы, ибо для искусственного затягивания переговоров мы уже сделали все возможное и невозможное.

Рассматривая доводы за немедленную революционную войну, мы встречаем, прежде всего, тот вывод, что сепаратный мир будет теперь объективно соглашением с немецкими империалистами, «империалистской сделкой» и т. п., и что, следовательно, такой мир был бы полным разрывом с основными принципами пролетарского интернационализма.

Но этот довод неверен. Рабочие, которые проигрывают стачку, подписывая невыгодные для них, выгодные для капиталиста, условия возобновления работ, не изменяют социализму. Изменяют социализму лишь те, кто обменивает выгоды для части рабочих на выгоды для капиталистов, лишь такие соглашения в принципе недопустимы.

Сведя вместе оценку доводов за немедленную революционную войну, надо притти к выводу, что такая политика отвечала бы, может быть, потребностям человека в стремлении к красивому, эффектному и яркому, но совершенно не считалась бы с объективным соотношением классовых сил и материальных факторов в переживаемый момент начавшейся социалистической революции.

Нет сомнения, что наша армия в данный момент и в ближайшие недели (а, вероятно, и в ближайшие месяцы) абсолютно не в состоянии успешно отражать немецкое наступление... Далее, нет также никакого сомнения, что крестьянское большинство нашей армии в данный момент безусловно высказалось бы за аннексионистский мир, а не за немедленную революционную войну, ибо дело социалистической революционной армии, влития в нее отрядов Красной гвардии и проч. только-только начато. При полной демократизации армии вести войну против воли большинства солдат было бы авантюрой, а на создание действительно прочной и идейно крепкой социалистической армии нужны по меньшей мере месяцы и месяцы. Дело стоит, следовательно, с революционной войной в данное время следующим образом: если бы германская революция вспыхнула в ближайшие 3—4 месяца, тогда, может быть, тактика немедленной революционной войны не погубила бы нашей социалистической революции. Если же германская революция в ближайшие месяцы не наступит, то ход событий при продолжении войны будет неизменно такой, что сильнейшие поражения заставят Россию заключить еще более невыгодный сепаратный мир, причем мир этот будет заключен не социалистическим правительством, а каким-либо другим (например, блоком буржуазной Рады с черновцами или что-либо подобное), ибо крестьянская армия, невыносимо истрепленная войной, после

первых же поражений, вероятно, даже не через месяц, а через неделю, свергнет социалистическое рабочее правительство.

При таком положении дел было бы совершенно недопустимой тактикой ставить на карту судьбу начавшейся уже в России социалистической революции только из-за того, начнется ли германская революция в ближайший, кратчайший, измеряемый неделями срок. Такая тактика была бы авантюрой. Так рисковать мы не имеем права».

Теперь, 10 лет после Брестского мира, основная мысль этих тезисов кажется настолько простой и ясной, что непонятно, как можно было спорить против нее. Достаточно, однако, перенестись мыслью в ту эпоху, чтобы понять великое смущение, посеянное ими в умах многих выдающихся большевиков. «Похабный мир» казался им равносильным банкротству революции. Но беспощадно трезвый учет соотношения сил революции и наступающей извне и изнутри контрреволюции — интересы спасения революции от нависающей над ней катастрофы с железной необходимостью диктовали не красивый, эффектный и яркий прыжок в неизвестное, а мудрое, осторожное отступление, сохранение революционных сил для наступления в лучших условиях. Для того, чтобы понять это, требовался крутой психологический перелом, и его подготовил своими точными, отчеканенными, отшлифованными непреложной логикой «Тезисами о мире» Ленин.

Пока в Петрограде шла борьба течений по вопросу о мире, напор немцев на советскую делегацию становился для последней все более невыносимым. Дальнейшая дискуссия стала невозможной, так как противная сторона не соглашалась ни на какие уступки и категорически возражала против оттяжки переговоров. В таких условиях советская делегация огласила историческое заявление, смысл которого сводился к формуле — «ни мира, ни войны»: «Отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия, со своей стороны, объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращенным. Российским войскам одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту».

Этот шаг создал странное, своеобразное положение: одна из воюющих сторон, сторона побежденная, заявляет, что война кончена, хоть и без мира, а другая — победоносная, готовая к дальнейшему наступлению — требует под угрозой пушек закрепления своей победы актом диктуемого ею мира.

Тов. Троцкий в своих воспоминаниях («О Ленине») рассказывает, из чего он исходил тогда, в Бресте, совершая этот шаг, сугубая опрометчивость которого не замедлила выявиться.

«Известно, что даже в Германии, среди социал-демократической оппозиции, ходили настойчивые слухи о том, что большевики подкуплены германским правительством и что в Брест-Литовске происхо-

дит сейчас комедия с заранее распределенными ролями. Еще более вероподобной эта версия должна была казаться во Франции и Англии. Я считал, что до подписания мира необходимо во что бы то ни стало дать рабочим Европы яркое доказательство смертельной враждебности между нами и правящей Германией. Именно под влиянием этих соображений я пришел в Брест-Литовске к мысли о той «педагогической» демонстрации, которая выражалась формулой: «войну прекращаем, но мира не подписываем».

Эта неожиданная демонстрация в первый момент произвела некоторое впечатление на немцев. «Молчание воцарилось на заседании после оглашения декларации Троцкого, — пишет в своем дневнике генерал Гофман,—смущение было всеобщее». И дальше он рассказывает о том, что германский канцлер Гертлинг и Кюльман были за принятие декларации, военное командование—против. Победила, однако, военщина. 18 февраля германское командование, оповестив весь мир по радио, что оно берет на себя защиту цивилизации от большевизма, перешло в наступление и, не встречая никакого сопротивления со стороны развалившейся русской армии, быстро заняло всю Лифляндию и Эстляндию. Действительно, «сей зверь прыгал быстро»...

Вопрос стал ребром: может ли, должна ли молодая Советская Республика, ввиду ее отчаянного положения, подписать кабальный мирный договор, по сравнению с Брест-литовским проектом, еще ухудшенный ультиматумом из Берлина, и притом договор, дающий лишь проблематичные гарантии передышки? Ответ на этот роковой вопрос нужно было дать в течение 48 часов. Так требовали с ножом у горла революционной России германские империалисты.

В тот же день 18 февраля состоялись два экстренных заседания ЦК. На первом, когда размеры германского наступления еще не были выяснены, предложение Ленина о посылке немцам телеграммы о готовности подписать мир было отклонено 7 голосами против 6. На втором заседании, когда катастрофический характер положения стал более отчетливым, Ленин произносит краткую убедительную речь, в которой, между прочим, говорит:

«Шутить с войной нельзя... Теперь невозможно ждать, ибо положение определено вполне. Народ не поймет этого: раз война, так нельзя было демобилизовать; немцы теперь будут брать все... Игра зашла в такой тупик, что крах революции неизбежен, если в дальнейшем занимать позицию среднюю... Иоффе писал из Бреста, что в Германии нет и начала революции; если так, то германцы могут получить награду, двигаясь дальше. Теперь нет возможности ждать. Это значит сдавать русскую революцию на слом. Если бы немцы

сказали, что требуют свержения большевистской власти, тогда, конечно, надо воевать; теперь никакие оттяжки далее не возможны. Теперь дело идет не о прошлом, а настоящем. Если запросить немцев, это будет только бумажка. Это не политика... Бумажки мы пишем, а они пока берут склады, вагоны, и мы околеваем. Теперь на карту поставлено то, что мы, играя свободой, отдаем революцию немцам.— История скажет, что революцию мы отдали. Мы могли подписать мир, который не грозил нисколько революции».

И, отвечая возражавшим товарищам, Ленин присовокупил:

«На революционную войну мужик не пойдет — и сбросит всякого, кто открыто ее скажет. Революция в Германии еще не началась, а мы знаем, что и у нас наша революция не сразу победила. Здесь немцы возьмут Лифляндию и Эстляндию, но мы можем их отдать во имя революции. Если они потребуют вывода войск из Финляндии — пожалуйста, пусть они возьмут революционную Финляндию. Если мы отдадим Финляндию, Лифляндию и Эстляндию, революция не потеряна» [8].

«Пожалуйста, пусть они возьмут революционную Финляндию»... Это странно звучащее «пожалуйста», конечно, не следует понимать дословно. Оно только характеризует резкость и заостренность аргументации Ленина в те моменты, когда требуется употребить максимум давления: не ударяться в псевдореволюционный сентиментализм — пожертвовать одним отрядом революционной армии, чтобы спасти массу ее для дальнейшей борьбы во имя революции.

Железная логика и настойчивость Ленина оказывают влияние. За его предложение голосуют 7 против 6.

На следующий день, 19 февраля советское правительство по радио извещает германское правительство о согласии возобновить переговоры. Но германское командование, с целью, очевидно, захватить возможно больше территории, медлит с ответом. Положение — крайне напряженное. Советское правительство в воззвании от 22 февраля, озаглавленном «Социалистическое отечество в опасности», призывает «защищать каждую позицию до последней капли крови»... и уничтожать все продовольственные запасы, а равно всякое ценное имущество, которые могут попасть в руки врага. Но развал в остатках армии настолько велик, что это воззвание не оказывает должного действия.

В это время французская военная миссия предлагает Наркоминделу помощь против немцев. ЦК высказывается за это предложение 6-голосами против 5, при чем, не имевший возможности присутствовать на заседании, Ленин посылает в ЦК характерную записочку: «Прошу присоединить мой голос за взятие поддержки у разбойников англо-фран-

цузского империализма. Ленин». Почему бы в интересах революции не использовать одних разбойников против других?

Но в день опубликования упомянутого воззвания — 22 февраля — получается германский ответ, значительно ухудшающий первоначальные условия мира; немцы теперь уже требуют очищения советскими войсками и Красной гвардией Эстляндии и Лифляндии, которые занимаются германскими «полицейскими силами», а также очищения Финляндии и Украины, при чем на последнюю распространяется власть Рады. Условия эти диктуются в ультимативной форме. Ответ должен быть дан не позже чем через 48 часов — к 7 часам утра 24 февраля. ЦК на заседании 23 февраля постановляет германский ультиматум принять (7 — за, 4 — против, 4 — воздержавшихся). В тот же день этот роковой вопрос обсуждается на вечернем заседании ВЦИК. Заседание длится всю ночь, и к утру, когда истекает срок ультиматума, выносится такое же решение как в ЦК. Большинство — не особенно значительное, так как левые эсеры голосуют против (126 голосов — за, 85 — против, 26 — воздержавшихся). Избирается новая делегация для «переговоров» с немцами, возглавляемая председателем — тов. Сокольниковым и секретарем — тов. Караханом. Делегация выезжает из Петрограда в Брест 24 февраля. Железнодорожное сообщение с Двинском прервано; часть пути делегаты вынуждены проделать пешком. В Бресте их уже встречают, как выражается в своих записках генерал Гофман, «деятели второго сорта» (себя генерал, очевидно, относит к первому сорту) во главе с немецким полковником фон-Розенбергом, предупреждающим советскую делегацию, что для «переговоров» ей дается не больше 3-х дней. На заседании 1 марта зачитывается продиктованный германской военщиной новый ухудшенный проект мирного договора. В такой обстановке тов. Сокольников счел нужным не вхсдить в обсуждение отдельных статей, чтобы не создать нужной германским империалистам видимости переговоров, и 3 марта в 5 часов дня именем РСФСР подписал «похабный» акт, вошедший в историю под названием Брест-литовского договора.

Этот договор включает те условия, которые были суммированы в вышеупомянутом заявлении тов. Троцкого в Брест-Литовске от 18 января, и ухудшения, содержавшиеся в требованиях германского командования после наступления, т.-е. очищение Эстляндии и Финляндии и признание власти Рады над Украиной.

Другие пункты договора гласят: «Округа Ардагана, Карса и Батума также незамедлительно очищаются от российских войск. Россия не будет вмешиваться в новую организацию государственно-правовых и международно-правовых отношений этих округов, а предоставит

населению этих округов установить новый строй в согласии с соседними государствами, в особенности с Турцией» (статья 4).

Что эта лицемерная [illegible]витиеватая формулировка означает не что иное, как аннексию этих территорий Турцией — ясно без слов. Статья 5 гласит: «Россия незамедлительно произведет полную демобилизацию своей армии, включая войсковые части, вновь формированные теперешним правительством». К тому еще договор предусматривает особое соглашение по вопросу о военнопленных, в котором, под видом возмещения Германии расходов по их содержанию, проводится контрибуция в ее пользу.

Таков был «мир», навязанный германским империализмом Республике Советов.

Наступление Германии после мира.

Брест-литовская «передышка» спасла Советскую Россию от удушения. Но петля на ее шее осталась, и германский империализм продолжал дергать за конец веревки. Германия всячески пыталась спасти на востоке то, что она стала терять под усилившимся нажимом Антанты на западе. Немедленно после подписания Брестского мира, который должен был установить «добрососедские отношения» между Германией и Советской Россией, германские империалисты вторглись в Советскую Финляндию (3 апреля 1918 г.) и с помощью генерала Маннергейма с неслыханным зверством утопили в крови финляндскую революцию.

В то же время германские войска, воспользовавшись приглашением прогнанной рабочими и крестьянами Рады, заняли Украину и, покончив с самой Радой (28 апреля 1918 г.), передали власть своему ставленнику Скоропадскому, возглавлявшему клику помещиков германской ориентации. Вслед за тем немцы заняли Крым, Ростов-на-Дону и некоторые южные уезды Курской губернии, всюду принося с собой реквизиции, грабеж, насилия над рабочими и крестьянами и безудержную юнкерскую реакцию *).

---

*). О зверствах германской военщины красноречиво свидетельствует следующая выдержка из приказа главнокомандующего германскими военными силами в Эстляндии и Курляндии по поводу революционных партизанских отрядов, боровшихся с захватчиками — германскими империалистами.

«Я приказываю бороться с партизанскими организациями без всякой пощады... На подобных воров и убийц жаль тратить снаряды; для них можно ограничиться веревкой».

Еще один документ — выдержка из письма германского солдата, в котором описывается сражение под Таганрогом:

«Когда большевики увидели, что они уже окружены, около 2 000 из них сдались. Все пленные были расстреляны на следующий день. Они были выстроены отрядами от 400 до 500 человек и затем сметены нашим пулеметным огнем». (П. Фрелих «К истории германской революции», т. I, стр. 226, Госиздат 1926 г.).

Но и эти захваты не удовлетворяли империалистских хищников. В течение всего лета 1918 г. германское посольство, оказывая грубое давление на советское правительство, добивалось подписания экономического договора на кабальных для РСФСР условиях. Не имея никакой возможности оказать противодействие германским домогательствам, советское правительство вынуждено было подписать требуемый договор (27 августа), который в замаскированной форме налагал тяжелую контрибуцию на трудящиеся массы РСФСР. («Россия уплатит Германии для вознаграждения потерпевших от русских мероприятий германцев сумму в шесть миллиардов марок».

В то же время германские империалисты, сильно опасавшиеся, как бы «большевистская зараза» не проникла в Германию, вели тайные переговоры с русскими контрреволюционерами о свержении советской власти. Они оказывали активную поддержку атаману Краснову; они также вели тайные переговоры с Милюковым о создании в Москве тайного контрреволюционного монархического «правительства», как организующего центра для борьбы с советской властью [9]. Этот маститый представитель русской «демократии», в первое время после Октябрьского переворота горевший священным гневом по поводу «измены» России союзникам и подписния Брестского мира, не замедлил переметнуться на сторону кайзеровской Германии и был готов подписать все, что она потребует, как только ему почудилось, что она может принять его услуги для борьбы с большевизмом.

Нужна была огромная выдержка, величайшая осторожность, гибкость и изворотливость, которые Ленин таким удивительным образом сочетал в себе с беспредельной смелостью и революционной отвагой, чтобы не поддаться на провокацию германского империализма. В Германии тогда была военная клика, которая в отличие от других элементов, боявшихся распыления сил, требовала продвижения в Москву и уничтожения ненавистной диктатуры пролетариата, как это было сделано в Киеве, Гельсингфорсе и др. центрах. Неосторожный шаг со стороны советского правительства сыграл бы на-руку этой клике и поставил бы на карту судьбу революции. 6 июля германский посол граф Мирбах был убит левым эсером Блюмкиным. Это послужило поводом для новых домогательств германского правительства вплоть до требования допущения германского батальона для охраны посольства в Москве. Советско-германские отношения висели на волоске. Советское правительство при всей осторожности и гибкости проявило тогда необходимую твердость. В своей речи в ВЦИК 15 июля 1918 г. Ленин сделал следующее заявление:

«Бессмысленная и преступная авантюра левых с.-р. привела на волосок от войны. Отношения наши к германскому правительству, вопреки нашему желанию, не могли не обостриться. Признавая законность желания германского правительства усилить охрану своего посольства, мы шли и идем далеко для удовлетворения этого желания. Но когда нам было сообщено желание германского правительства, не носящее еще характера безусловного требования, чтобы мы пропустили в Москву батальон вооруженных немецких войск в форме, то мы ответили и повторяем теперь этот ответ перед лицом высшего органа советской власти рабочих и крестьян, перед лицом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, что подобного желания мы ни в коем случае и ни при каких условиях удовлетворить не можем, ибо это было бы объективно началом оккупации России чужеземными войсками.

На такой шаг мы вынуждены были бы ответить... усиленной мобилизацией, призывом поголовно всех взрослых рабочих и крестьян к вооруженному сопротивлению и к уничтожению, в случае временной необходимости отступления всех и всяческих, без всяких изъятий, путем сожжения складов и, в особенности, продовольственных продуктов, чтобы они не могли достаться в руки неприятеля. Война стала бы для нас тогда роковой, но безусловной и безоговорочной необходимостью, но эту революционную войну рабочие и крестьяне России поведут рука об руку с советской властью до последнего издыхания» [10].

Эта не оставляющая никаких сомнений решительность, повидимому, подействовала на германских империалистов, и они пошли на компромисс — охрану посольства русскими частями и немцами в штатском. Советскому правительству удалось избегнуть разрыва, но отношения попрежнему оставались крайне напряженными. Этому не в малой степени способствовал новый германский посол Гельферих, который, судя по его мемуарам [11], настолько был запуган участью своего предшественника, что страдал манией преследования и стремился поскорее убраться из Москвы. Гельферих поддерживал связи с русскими белогвардейцами и настаивал перед правительством на разрыве отношений с советским правительством и оказании вооруженной поддержки контрреволюционному перевороту. Он нашел своих единомышленников в Берлине, и если бы не гибкая тактика советского правительства, такая политика могла бы победить и, вполне возможно, привести к кризису советской власти. Германское правительство в большинстве своем, однако, было тогда чересчур озабочено положением на западе, чтобы решиться на возобновление военных действий, хотя бы в малых размерах — на востоке. Гельферих в августе был отозван; новый посол не был назначен, а временный заместитель Гельфериха переехал в Псков, в район немецкой оккупации. Советско-германские отношения висели на волоске.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД СОЮЗНОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ.

(НОЯБРЬ 1917—НОЯБРЬ 1918)

Колебания, разногласия и противоречия в лагере Антанты. — Нерешительные попытки союзников сотрудничать с Советской Россией против Германии. — Интервенция берет верх. — Чехословацкий заговор. — Десанты в Архангельске и Владивостоке. — Кризис Советской Республики и его ослабление. — Германский империализм выбывает из строя.

Расхождение политических линий союзников.

Первый период союзной интервенции, по случайному совпадению, как раз укладывается в рамки первого года существования Советской Республики. В начале этого года появляются предвестники интервенции, а в конце разбитый германский империализм выходит из строя и во взаимоотношениях между Советской Республикой и капиталистическим миром создается новое положение, обусловливаемое тем, что оно имеет перед собой не два воюющих империалистических лагеря, а только один — победоносную Антанту.

Описываемый нами первый период союзной интервенции, в свою очередь, можно было бы подразделить на две фазы: 1) от возникновения Советской Республики приблизительно до середины 1918 г. — период колебаний Антанты в выборе политической линии по отношению к новой еще невиданной революционной власти и 2) от середины 1918 г. — начала активной интервенции Антанты до осени 1918 г. — момента крушения германского империализма.

Державы Антанты не сразу набросились на Республику Советов. Они вначале выжидали. Они надеялись, что захват власти большевиками — это только временный эпизод революции. Их дипломатические

представители в России в большинстве случаев были круглыми невеждами в отношении понимания внутреннего смысла социальной борьбы в «доверенной» их дипломатическому таланту стране. Они, по выражению Ленина, «большевизм рассматривали в начале Октябрьской революции, как курьез». К тому же в первый год существования Советской России Антанта должна была руководствоваться соображениями борьбы с еще не побежденным германским империализмом. Давали себя также знать противоречия в лагере союзников, и в частности американско-японский антагонизм.

Из всех держав раньше всех на путь интервенции стала Франция. Французский империализм, несмотря на тяжелое военное положение, в котором он находился в момент Октябрьского переворота, продолжал войну с величайшим упорством и не обнаруживал склонности отказаться от своих империалистических военных целей. На выход России, своей старой союзницы, из войны Франция реагировала более раздраженно, чем остальные союзники. Кроме того, французская буржуазия, занимавшая первое место по вложению капиталов в России, чувствовала себя наиболее ущемленной революцией и в особенности декретом об аннулировании иностранных займов. Накануне Октябрьского переворота французские капиталы, вложенные в различные акционерные и паевые предприятия в России, оценивались в 732 миллиона рублей, что составляло около $^1/_3$, точнее 32,6 % всех иностранных капиталов в России [12]. Но, помимо этого, Франция была банкиром царского правительства, при чем займовые облигации расходились не только среди крупной буржуазии, но и среди широких слоев мелкой буржуазии. И, если верить французским данным, число держателей аннулированных советским правительством облигаций доходило до трех миллионов. Это давало возможность французским вдохновителям интервенции эксплоатировать недовольство этих довольно широких кругов мелких рантье.

В числе причин, объясняющих особую непримиримость Франции, следует указать и на то, что она, будучи больше других союзников истощена войной, имела также больше оснований опасаться «большевистской заразы».

Следует, однако, отметить, что в первое время после Октябрьского переворота Франция также обнаруживала колебания. Так, например, в связи с немецким наступлением после первоначального отказа советской делегации подписать мирный договор, французский генерал Лаверн от имени французской военной миссии вел переговоры с тов. Троцким относительно военно-технической помощи против Германии. Но эти переговоры не дали результатов, так как французское правительство скоро стало на точку зрения интервенции. Предвестником ее было

носившее вызывающий характер по отношению к советскому правительству обращение начальника французской военной миссии в России ген. Бертело к генералу Духонину (25 ноября). Последний еще за три дня до обращения за неповиновение советской власти был смещен с поста главнокомандующего и заменен тов. Крыленко. Бертело не мог не знать о смещении Духонина и самым фактом обращения к последнему хотел демонстративно подчеркнуть, что игнорирует советское правительство:

«Франция, — говорилось в обращении Бертело, — не признает правительства Совета Народных Комиссаров и, вполне доверяя патриотизму русского высшего командования, ожидает, что последнее категорически отклонит всякие преступные переговоры и будет держать русскую армию на фронте против общего врага. Франция считает себя связанной с Россией военными соглашениями и уже заявляла и теперь еще раз определенно заявляет, что не признает никакого правительства в России, способного войти в переговоры с врагом» [13].

Итак, в первый период отношение Франции к Советской России определялось, главным образом, недовольством тем, что новое революционное правительство не хотело гнать истекающий кровью народ на поле брани в защиту такого мира, который был бы выгоден французскому империализму. Казалось бы, что когда впоследствии, после возобновления наступления германских войск 18 февраля, советское правительство, защищая свои цели, готово было предпринять отчаянную попытку оказать им сопротивление, Франция должна была ввиду временного совпадения интересов прийти на помощь Советской России. Этого, однако, не случилось ни в этот момент, ни после Брестского мира, когда германский империализм вероломно продолжал наступать. Классовая ненависть к власти пролетариата оказывалась сильнее шовинистической ненависти к империалистическому сопернику. Лишь на короткий момент обнаруживается колебание, но оно быстро сменяется твердым курсом на интервенцию. 24 февраля Нуланс, по совету проникшегося сочувствием к великой российской революции члена французской военной миссии капитана Садуля, телефонирует Троцкому: «В вашем сопротивлении против Германии вы можете рассчитывать на военную и финансовую поддержку Франции». Но за этим неисполненным обещанием идут преступные тайные интриги и явная интервенция, о которой речь будет ниже.

Присмотримся теперь к политике Англии. Здесь короткий период колебаний выступает еще более явственно. Английские правящие круги ошарашены. Они неспособны ориентироваться в быстром бурном ходе событий. Кто они, эти большевики, которых революция вынесла

на гребне волны? Большевизм только призрак, исчадие революции или нечто более реальное? Не нужно принимать скоропалительных решений. Лучше осторожно нащупывать путь. А для того, чтобы иметь возможность остаться на наблюдательном посту — не будет ли выгоднее поддерживать деловые отношения с большевиками, тем более, что этого требуют интересы борьбы с Германией?.. Вот, примерно, настроение английского посольства в Петрограде и, под его влиянием, некоторых правящих кругов в Лондоне в первые дни и недели после Октябрьского переворота.

«Перспективы были столь темны, что можно было пробираться ощупью во тьме», — пишет в своих мемуарах б. английский посол в Петрограде Бьюкенен [14]. И дальше, в записи от 27 ноября: «Я пришел к заключению, что единственное, что для нас остается — это faire bonne mine au mauvais jeu (делать хорошую мину при плохой игре). Я отправил в министерство иностранных дел следующую телеграмму: «Для нас — требовать своего фунта мяса и настаивать на том, чтобы Россия исполнила свои обязательства, вытекающие из соглашения 1914 г., значит играть в руку Германии. Каждый день, что мы удерживаем Россию в войне вопреки ее собственной воле, будет только ожесточать ее народ против нас»...

Исходя из этих соображений, Бьюкенен 5 января 1918 г. пишет: «Я указал министерству иностранных дел, что мы должны сделать выбор и либо притти к какому-либо деловому соглашению с большевиками, либо совершенно с ними порвать. Полный разрыв предоставил бы германцам свободу действий в России и лишил бы нас возможности оказывать нашим интересам ту защиту, которую сможет дать им посольство. Поэтому, по моему мнению, мы можем прибегнуть к такому выводу лишь на последний конец».

Против разрыва с советским правительством, который облегчил бы дело Германии, на первых порах высказывается также сменивший Бьюкенена Локарт. В секретной телеграмме министерству иностранных дел от 5 марта, т.-е. через два дня после подписания Брестского мира, Локарт высказывается против плана японской интервенции в Сибири:

«Положение здесь еще не безнадежно... Возмущение Германией так сильно, что можно почти с уверенностью предполагать, что нынешний хаос уступит место какой-либо форме сопротивления. Если союзники когда-либо после революции имели шансы в России, то это — в настоящий момент. Эти шансы предоставляют сами немцы насильническими условиями мира, которые они навязали России. И вот теперь, когда цели Германии были разоблачены перед всем миром, союзники намерены уничтожить вытекающие из этого выгоды, разрешая японцам вступить в Сибирь. Если правительство его величества не хочет видеть Германию в роли доминирующей державы в России, я самым серьезным образом умоляю вас (implore) не упустить этой возможности. Съезд [Советов] откры-

вается 12-го. Уполномочьте меня уведомить Ленина, что вопрос о японской интервенции отстрочен, что мы убедим китайцев снять запрет с вывоза продовольствия [в Россию], что мы готовы поддерживать большевиков постольку, поскольку они будут оказывать сопротивление Германии, и что мы приглашаем их сделать предложения о лучших способах предоставления этой помощи. Взамен за это, я надеюсь, мне удастся получить заверения, что русское правительство, по крайней мере в настоящий момент, откажется от пропаганды в Англии» [15].

На эту телеграмму ответа из Лондона не последовало. В то время в английских правящих кругах еще не было принято твердых решений во вопросу об отношении к советскому правительству. В отличие от французского правительства, отказавшегося допустить во Францию назначенного туда чрезвычайным уполномоченным тов. Каменева английское правительство, по требованию НКИД, освободило из тюрьмы назначенного временным уполномоченным НКИД тов. Литвинова и поддерживало с ним полуофициальные отношения. Но в то же время английское правительство неоднократно подчеркивало‘ что не признает советского правительства. Так, например, 16 января 1918 г. в ответ на запрос депутатов Макдональда и Кинга в палате министр иностранных дел Бальфур отвечает:

«Мы не признаем петроградской власти в качестве фактического и юридического правительства России, но мы проводим необходимые дела неофициальным путем через посредство агента, действующего по инструкциям нашего посольства в Петрограде. Большевистские власти назначили Литвинова своим представителем в Лондоне, и мы намерены войти в аналогичные неофициальные отношения и с ним. Набоков, являвшийся уполномоченным последнего русского правительства, повидимому, останется в Лондоне до тех пор, пока он не будет отозван правительством русского народа» [16].

Это подчеркивание недействительности аннулирования полномочий Набокова советским правительством, которому Бальфур упорно отказывает в признании «правительством русского народа», подчеркивает принципиальную непримиримость правительства английской буржуазии по отношению к революционной власти в России, непримиримость, которая отнюдь не смягчалась фактом поддерживания практического контакта с ней.

В дальнейшем агрессивные элементы в Англии берут верх, и начинается полоса беспощадной, злой и мстительной интервенции. Но об этом речь будет впереди. Пока мы только отмечаем тот исторический факт, что и в Англии еще в большей степени, чем во Франции, в первые недели и месяцы после установления советской власти, при всей враждебности к ней, обнаруживались колебания в вопросе о выборе конкретной позиции.

Еще в большей степени эти колебания проявлялись в политике Соед. Штатов, которые не сразу решились на интервенцию и вначале как будто проявляли готовность установить modus vivendi, некую форму взаимоотношений с советским правительством. Чем объяснить этот «либерализм» американского империализма? Раньше всего тем фактом, что он не только не пострадал, но и окреп в войне, а потому, в отличие от других союзников, не испытывал такого страха перед распространением большевистских идей. Это позволяло ему свободнее маневрировать в вопросе о сотрудничестве с советским правительством против Германии. Некоторую роль сыграло также либеральничание Вильсона, опиравшееся на отрицательное отношение к интервенции со стороны американских прогрессивных кругов. Вильсон, как мы увидим ниже, постепенно стал склоняться к мнению, что интервенция лишь придает моральную силу большевикам, выступающим в качестве защитников страны от вторжения иностранцев, и что предоставленный самому себе большевизм обанкротится, мол, в силу внутренней несостоятельности. Наконец, союзная интервенция дала бы возможность врагу Соединенных Штатов — Японии — укрепиться в Сибири и усилить свое влияние на всем Дальнем Востоке.

Действительно, роль японского империализма в интервенции сводилась к самому наглому неприкрытому грабежу, к захвату советской территории. И здесь он наталкивался на противодействие своего «союзника» — Соед. Штатов. Этот американско-японский антагонизм сыграл весьма значительную роль в деле ослабления интервенции и обречения ее на неудачу.

Этой совокупностью причин объясняются такие факты, как заверения дружбы к революционной России со стороны президента Вильсона в его обращении к американскому конгрессу (парламенту) 8 января 1918 г. и в его приветственной телеграмме 11 марта 1918 г. Съезду Советов в Москве.

В первом обращении Вильсон в свойственном ему «высоком штиле», между прочим, говорит [17]:

«Есть голос, призывающий к определению этих [военных] целей и принципов, голос, который мне кажется более трогательным и убедительным, чем все трогательные голоса, которые теперь наполняют напряженную атмосферу мира. Это — голос русского народа. Русский народ распластан и как будто беспомощен перед жестокой силой Германии, которая не знает ни послаблений, ни жалости. Его сила как будто расшатана, но душа его не хочет покориться. Она не уступит ни в принципах, ни в действиях».

И, ссылаясь, повидимому, на требования советских делегатов в Брест-Литовске, Вильсон продолжает:

«Их концепция о том, что справедливо, что человечно и достойно того, чтобы быть принятым, ими была высказана с такой откровенностью, широтой размаха, благородством

духа и общей симпатией ко всему человечеству, что это должно вызвать восхищение всякого друга человечества... Верят ли нам нынешние русские лидеры или нет, мы от всей души желаем и надеемся, чтобы найден был способ, который дал бы нам счастливую возможность помочь русскому народу достигнуть того, что составляет предмет его горячих надежд — свободы и благоустроенного мира».

Далее Вильсон в связи с предложением советского правительства об общем мире выдвигает свои пресловутые 14 пунктов, из которых 6-й посвящен России:

«Эвакуация российской территории и такое разрешение всех касающихся России вопросов, которое обеспечило бы самое лучшее и самое свободное сотрудничество всех других народов мира с целью получения для нее ничем не препятствуемой возможности независимого определения ее собственного политического развития и национальной политики, которое обеспечило бы ей искренний прием в семье свободных народов в выбранной ею самой государственной форме, и — больше, чем радушный прием — также всякую помощь, которая ей может понадобиться и которую она сама захочет. Отношение братских народов к России в течение ближайших месяцев будет пробным камнем (acid test) их добрых намерений и понимания ими ее интересов, отличных от их собственных интересов — испытанием их мудрой и бескорыстной симпатии».

В таком же тоне написано обращение Вильсона к III Всероссийскому Съезду Советов. Указывая на домогательства Германии, Вильсон пишет:

«Хотя правительство Соединенных Штатов в настоящий момент вопреки своему желанию, к несчастью, не в состоянии оказывать [России] прямую и существенную помощь, я хочу заверить русский народ через Съезд [Советов], что оно воспользуется всякой возможностью, чтобы обеспечить России вновь полную суверенность и независимость в ее собственных делах и полное восстановление ее крупной роли в Европе и современном мире».

Как-то странно звучат эти слова в устах главы империалистической Америки... И если даже учесть утонченное лицемерие Вильсона и его приверженность к напыщенной патетической фразеологии, то такое выступление можно объяснить только тем, что он считал большевистскую революцию «курьезом», дерзкой шалостью детей, которых можно образумить хорошей проповедью и соответствующими действиями в форме тонкого вмешательства и осторожного давления. Такие взгляды, повидимому, питались информацией американского посла Френсиса, который впоследствии, отказавшись от своей первоначальной позиции, объяснял ее следующим образом [18]:

«Я откладывал советовать союзникам начать интервенцию... надеясь, что русский народ проснется от летаргии и сам обратится к союзникам с просьбой об этом. Я надеялся, что о вмешательстве будет просить само советское правительство, и в этом направлении все время осторожно работал... Для этого... я старался поддерживать дружественные деловые отношения с большевиками и с этой целью разрешил Робинсу (представитель американского Красного креста. *М. Т.*) остаться в Москве... Я рекомендовал союзникам участвовать в формировании новой русской армии... Я был уверен, что в подходящий момент я мог бы оказать влияние на такую армию». (Курсив наш. — *М. Т.*)

Но, каковы бы ни были тайные намерения американских правящих кругов в тот момент, их политика значительно облегчала чрезвычайно тяжелое международное положение Советской России, которой с запада угрожал германский империализм, а с востока — явно готовившийся к интервенции японский империализм (Англия и Франция в момент обращения Вильсона к Съезду Советов еще колебались). Вот почему телеграмма Вильсона была покрыта дружными аплодисментами Съезда Советов, принявшего по ней резолюцию благодарности американскому народу, «и в первую очередь трудящимся и эксплоатируемым классам Соединенных Штатов».

И даже впоследствии, когда Вашингтон уже начинает принимать участие в интервенции, Робинс, действуя по инструкциям Френсиса, пытается воздействовать на государственный департамент в смысле примирения с советским правительством. И, когда в мае месяце Робинса вызывают в Вашингтон для доклада, он получает у Ленина обширный меморандум о взаимной выгодности широких советско-американских экономических отношений, тезисы которого горячо защищает перед своим правительством.

Но все эти вынужденные и неискренние попытки Америки, а также Англии нащупать modus vivendi с советским правительством вскоре уступают место курсу на интервенцию, на крестовый поход против российского пролетариата, осмелившегося бросить вызов всему капиталистическому миру.

Первые десанты, заговоры, чехо-словаки.

«Честь» фактического открытия военных действий против Советской России принадлежит Японии. 5 апреля 1918 г. во Владивостоке высаживается японский десант. Интервенция мотивируется убийством двух японцев, а также угрозой захвата Сибирской железной дороги германскими военнопленными. Что касается первого предлога, то его абсурдность прямо бьет в глаза: убийство произошло за день до высадки, и японское правительство даже не предприняло малейшей попытки урегулировать этот вопрос с советским правительством. Что же до военнопленных, то советское правительство дало возможность американскому и английскому посольствам послать своих уполномоченных в Сибирь, чтобы убедиться в лживости этой провокационной легенды.

Выступление Японии было, повидимому, согласовано с Англией и Францией. За это говорят предшествовавшие ему события. 14 марта Бальфур от имени правительства делает в палате общин заявление об «оказании помощи России против Германии» (читай: об интервенции), в котором особенно подчеркивает роль Японии и лицемерно протестует против «слухов, что Япония движима эгоистическими

нечестными мотивами». Все это, разумеется, рассчитано было на то, чтобы развязать руки Японии. Немного раньше (26 февраля) в американской печати появилось интервью с французским главнокомандующим маршалом Фошем, также высказывавшимся за интервенцию в Сибири со стороны Японии, а также Соед. Штатов.

Соед. Штаты, однако, с сугубой подозрительностью следившие за каждым шагом своего «доблестного союзника» — Японии, вначале возражали против ее выступления, тем более что последняя упорно настаивала на неучастии союзников в экспедиции. «Доверяйте Японии, — гласит заявление «из авторитетных японских источников в Лондоне» (посольства, повидимому), напечатанное в «Дейли Мейль» 1 марта. — Не заставляйте ее входить в соглашение, которое помешает использовать всю ее силу в этот момент, властно диктующий немедленные действия. Прежде чем Япония сможет что-нибудь сделать, она хочет иметь за собой японское общественное мнение, а таковое единодушное мнение может явиться только тогда, когда вожди японского народа смогут сказать народу, что союзники доверяют Японии единодушно и без оговорок и поручают ей эту большую миссию».

Но, увы, со стороны другого партнера, Соед. Штатов, этого доверия к Японии не было. Япония и Америка — эти рыцари без страха и упрека, боровшиеся за торжество демократии и международной справедливости — напоминали тогда двух воров-партнеров, из которых каждый боится оставить другого наедине при «исполнении обязанностей».

К вопросу об интервенции в Сибири мы еще вернемся. А пока, в целях соблюдения хронологического порядка событий, займемся вопросом об интервенционистских выступлениях в Европейской России, относящихся к описываемому нами периоду — второй четверти 1918 г.

Интервенция постепенно начинает оформляться. Устанавливается тесная подпольная связь между русскими контрреволюционерами всех мастей и иностранными посольствами, в частности французским. Подготовляются заговоры и восстания. 21 апреля советские власти во Владивостоке арестовывают члена подпольного белогвардейского «правительства автономной Сибири» и находят при нем ряд документов, подробно освещающих связи заговорщиков с французским, английским и американским консулами. 29 мая ВЧК арестовывает в Москве штаб широко-разветвленной белогвардейской организации «Союза защиты родины и свободы», во главе с Борисом Савинковым и полк. Перхуровым, действовавшими по поручению генерала Алексеева и в контакте с французским посольством, а также с председателем чехословацкого национального совета (ныне президент чехо-словацкой республики)

Массариком. Эта преступная деятельность Нуланса неопровержимо установлена показаниями Савинкова, который, окончательно разочаровавшись в российской контрреволюции, перед Верховным судом в Москве в августе 1924 г. *) чистосердечно покаялся во всех своих преступлениях. Вот выдержка из заслуживающих особого внимания показаний этого бывшего видного деятеля контрреволюции:

«Дело было так. Когда создалась организация, я первоначально думал о выступлении в Москве силами этой организации. Может быть на этом плане я бы окончательно остановился, если бы французы в лице консула Гренара и военного атташе генерала Лаверна, который действовал от имени французского посла Нуланса, не заявили мне о том, что союзники полагают, что есть возможность продолжения войны с Германией на русском фронте... Мне было заявлено, что для этой цели будет высажен англо-французский десант со значительными силами в Архангельске... Этот десант было предложено поддержать вооруженным выступлением изнутри. План был такой: занять верхнюю Волгу, англо-французский десант поддержит восставших. Таким образом верхняя Волга должна была быть базой для движения на Москву. Мы должны были занять Ярославль, Рыбинск, Кострому и Муром. Вологду французы, как они заявляли, оставляют за собой».

Для всего этого требовались крупные суммы денег, и Савинков подробно рассказывает, как французское посольство финансировало белогвардейские заговоры:

«Французы знали подробно о всех ресурсах, которыми мы располагали. Переговоры с французами вел Деренталь. Я лично раза два, а может быть и четыре, видел Гренара и Лаверна, военного французского представителя. Деньги французы давали мне в мое распоряжение. Вообще денежные средства были сравнительно незначительные. Я получил также 200 000 р. керенских через некоего чеха Клецандо **). Наконец, французы дали около $2^1/_2$ млн. керенских рублей. Получка денег от французов производилась таким образом: французский чиновник обыкновенно приносил деньги туда, куда я указывал, и вручал лично мне. Сначала от французов были мелкие поступления: по 40—100 тысяч и т. д. Когда же речь зашла о восстании, то на это дело они сразу дали большую сумму—если не ошибаюсь, 2 миллиона. С самого начала наша организация была в тесном контакте с французами. Они очень внимательно следили за ее ростом, поддерживали ее» [19].

Однако широко задуманный план провалился. Восстания в Ярославле, Рыбинске и Муроме были подавлены. Достаточно сильный десант не был высажен во-время. Нуланс, как не без основания полагает Савинков, сознательно ввел его в заблуждение, чтобы поставить «общественное мнение» за границей перед фактом «стихийных» восстаний против советской власти и, таким образом, подготовить почву для интервенции. Такое отношение империалистов Антанты к своим

*) Савинков был приговорен к смертной казни, но помилован и заключен в тюрьму, где он кончил самоубийством.

**) Георгий Клецандо был ближайшим соратником Массарика и последний, неоднократно упоминая о нем в своих мемуарах (T. S. Massaryk, Die Welt Revolution, Reiss-Verlag, Berlin 1925), почему-то обходит молчанием эту финансовую операцию...

русским «друзьям» — как к пушечному мясу — вполне гармонирует со всем духом интервенции.

К этому же времени относится начало другого непомерно более широкого и коварного заговора против советской власти — восстания чехо-словаков.

Во время войны в России накопилось около 100 000 чехо-словаков, которые, находясь в армии угнетавшей их Австро-Венгерской империи, не проявляли особого военного энтузиазма и сдавались в плен. Когда впоследствии стало усиливаться движение за создание самостоятельной Чехо-Словакии, во главе которого стали буржуазные националисты типа Массарика и Крамаржа, возник план использования военнопленных для создания особого корпуса. Корпус этот предполагалось отправить на французский фронт, чтобы чехо-словаки, ценой борьбы за «демократию, права угнетенных народов» и проч., купили себе у будущих победителей — союзников — право на самостоятельное существование Чехо-Словакии. В связи с этой целью союзники официально признали Чехословацкий национальный совет и субсидировали его как свою агентуру. Комитет имел также свое отделение в России, которое формировало особый корпус на Украине.

В таком положении находился чехо-словацкий вопрос в момент Октябрьской революции. Когда немцы стали наступать на Украину, чехо-словацкий корпус перешел на территорию РСФСР. Между представителями корпуса и советским правительством было заключено соглашение, в силу которого им предоставляется возможность эвакуироваться через Сибирь при условии сдачи оружия. Однако, это условие, вследствие расхлябанности к тому времени еще не оформившегося советского аппарата на местах, не было выполнено, и у чехо-словаков осталось большое количество оружия. Вооруженные чехо-словацкие эшелоны, во главе которых стояло чешское и русское белогвардейское командование, фактически и формально подчиненное уже ставшей на путь активной интервенции Франции, стали двигаться на восток по сибирскому пути. Тем временем во Владивостоке происходило постепенное накопление японских военных сил. Создалась, таким образом, явная опасность контакта между японцами и чехо-словаками, с целью установления общего интервенционистского фронта по всей Сибири. В таких условиях советское правительство, в распоряжении которого были данные о подготовляемом заговоре, вынуждено было задержать дальнейшее продвижение эшелонов. Чтобы все же дать чехо-словакам возможность эвакуироваться, советское правительство предложило французскому и английскому правительству содействовать путем предоставления судов и продовольствия отправке корпуса во Францию через Архангельск или Мурманск.

Но союзники, обвинявшие советское правительство в том, что оно мешает эвакуации чехо-словаков, стали упорно саботировать это предложение. Коварный план союзников вырисовывался вполне ясно: чехословацкий корпус им нужен был не на своих фронтах, а в Советской России, как ядро для военной интервенции. И в осуществлении этих преступных замыслов им помогал великий демократ, мыслитель-гуманист Массарик. Об этом неопровержимо свидетельствуют уже цитированное заявление Савинкова перед Верховным судом о получении денег у Клецандо и его дальнейшие показания о том, что деньги были переданы от имени Массарика, который подчеркивал, чтобы они «были употреблены главным образом на террористическую борьбу». Впрочем, дальнейшее развитие событий лучше всего вскрывает широкий размер чудовищного заговора против советской власти, все нити которого, идущие от чехо-словаков, эсеров, кадетов и монархистов, сходились в дипломатических миссиях союзных империалистов.

17 мая чехо-словаки совершают набег на Челябинск. С этим первым выступлением чехо-словаков подозрительно совпадает по времени мятеж эсеров в Самаре (17—20 мая); 28—29 мая чехи занимают Моршанск, Мценск и Ртищево; 29 мая в Москве ВЧК арестовывает штаб упомянутой Савинковской организации «Союза защиты родины и свободы», получавшей крупные суммы от чехо-словаков и французов; 30 мая чехо-словаки занимают Пензу и Сызрань; 4 июня представители союзников в Москве, в связи с приказом советского правительства о разоружении мятежников чехо-словаков, заявляют, что рассматривают последних, как часть своей армии, а их разоружение — как враждебный акт, направленный против Антанты. (Союзники таким образом претендовали на то, чтобы иметь свою армию на территории Советской России, вышедшей из войны и обязанной соблюдать нейтралитет в борьбе обеих империалистических коалиций!)

8 июня чехо-словаки занимают Самару, где еще до их прихода и в контакте с ними создается контрреволюционный центр — «Комитет членов Учредительного собрания»; 20 июня в Петрограде падает от руки заговорщика активный деятель Октябрьской революции тов. Володарский; 29 июня чехо-словаки, белогвардейцы и японцы захватывают Владивосток; 1 июля в Мурманске высаживается англо-французский десант с явной целью установить контакт с чехо-словаками; 6 июля левый эсер Блюмкин убивает германского посла Мирбаха; в тот же день в Москве происходит вооруженное восстание левых эсеров, а в Ярославле—выступление белогвардейцев; 12 июля подкупленный англичанами главнокомандующий на фронте против чехо-словаков Муравьев открывает фронт, пытаясь под предлогом немецкого наступления

направить войска на Москву; 17 июля Деникин, провозглашающий «поход на Москву», занимает Тихорецкую; 31 июля англичане, после того как они обещанием доставить деньги, продовольствие и мануфактуру подкупили Мурманский краевой совет, занимают Онегу; 2 августа в Архангельске высаживается второй десант англофранцузов, с помощью которого устраивается белогвардейское восстание и формируется контрреволюционное «Верховное управление Северной области».

6 августа чехо-словаки берут Казань; предательский удар направлен в самое сердце советской страны — Москву; 15 августа английский экспедиционный корпус с помощью дашнаков (армянские соглашатели) и эсеров захватывает власть в Баку. 21 августа в Москве ВЧК раскрывает широкий белогвардейский заговор в тот момент, когда все было готово к вооруженному выступлению в широком масштабе; 30 августа в Москве эсерка Фанни Каплан стреляет в Ленина; в тот же день в Петрограде падает от руки эсеров председатель ЧК, Урицкий. 2 сентября в штаб-квартире контрреволюционной организации в Москве ВЧК среди прочих заговорщиков арестовывает главу английской миссии Локарта и раскрывает план проникновения в Кремль путем подкупа латышских частей для ареста т. Ленина и др. членов правительства. (Ставший ярым сторонником интервенции, Локарт, очевидно, для исполнения подобных заданий остался в Москве после того, как английское посольство — 22 июня — оставило Вологду, куда оно переехало вместе с дипломатическими миссиями других стран).

Так один за другим в грудь и в спину сыпались удары на молодую Советскую Республику. Критическое положение осложнялось еще тем, что убийство графа Мирбаха, в связи с интригами его заместителя Гельфериха, грозило вызвать новое наступление германского империализма. Это был опаснейший критический момент в жизни молодой Советской Республики.

Почему кризис был преодолен.

В этот грозный час испытания советская власть обнаружила всю присущую ей железную решительность и целеустремленность. Своей несокрушимой твердостью и беспощадной расправой она нанесла чувствительный удар активной контрреволюции и дала почувствовать ненадежным элементам, что с диктатурой пролетариата шутить опасно. ЧК, столь ненавистная всей мировой буржуазии, столь охаянная социал-соглашателями, в этот грозный для революции час сыграла огромную роль как ее верный страж и защитник.

29 июля 1918 г. на чрезвычайном заседании ВЦИК принимается резолюция, которая гласит: «Признать социалистическое отечество

в опасности... Усилить бдительность по отношению к буржуазии, всюду становившейся на сторону контрреволюционеров. Советская власть должна обеспечить свой тыл, взяв под надзор буржуазию, проводя на практике массовый террор против нее... Массовый поход за хлебом, массовое обучение военному делу, массовое вооружение рабочих и напряжение всех сил для военного похода против контрреволюционной буржуазии с лозунгом «смерть или победа».

Та же беспощадность по отношению к контрреволюции в приказе Наркомвнудел о заложниках, опубликованном 4 сентября:

«Из буржуазии и офицеров должны быть взяты значительные количества заложников. При малейших попытках сопротивления или малейшем движении в белогвардейской среде должен применяться безоговорочно массовый расстрел... Ни малейших колебаний, ни малейшей нерешительности в применении массового террора» [20].

Но террор, даже самый решительный и беспощадный, как показывает опыт российской контрреволюции, не дает результатов, или даже имеет обратное действие, если на стороне, применяющей его, нет внутренней сплоченности, подъема и объединяющей великой идеи. Все это было налицо на стороне советской власти. Единое железное руководство партии делало чудеса: оно бросало на самые опасные места фронта десятки тысяч коммунистов; через профсоюзы и советы мобилизовало весь рабочий класс и беднейшее крестьянство и в лихорадочном темпе создавало единую централизованную Красную армию, которая до момента кризиса по существу была вольным объединением разрозненных военных частей и партизанских отрядов.

Вся эта система мер подействовала. Внутренняя контрреволюция была терроризована; на чехо-словацком фронте, куда партия бросила лучшие свои силы, в конце августа наметился благоприятный перелом. 10 сентября Красная армия отбивает у чехо-словаков Казань. По этому поводу тов. Троцкий пишет:

«На наковальне войны мы сейчас выковываем армию первоклассного качества. Можно сказать, что если бы чехо-словаков не было, то их следовало бы выдумать, ибо в обстановке мирного времени нам никогда не удалось бы создать в короткий срок сплоченной дисциплинированной армии. А теперь эта армия складывается на наших глазах» [21].

За победами над чехо-словаками следуют победы на Урале. 26 сентября рабочая армия Урала под командой тов. Блюхера соединяется с частями Красной армии, держащими фронт против чехо-словаков. К 8 октября вся Волга очищается от белых, а приблизительно к первой годовщине Октябрьской революции красные части после упор-

нейших боев занимают Уфу, врезаясь клином в линию фронта белых.

В героическом напряжении всех сил пролетариат, руководимый партией большевиков, нанес сильный удар по руке палача, уже закинувшего петлю на шею революции. Революция вздохнула свободнее... Но одним геройством пролетариата, как бы оно ни было велико и беспримерно, нельзя объяснить того, как Республика Советов могла спастись в тот момент, когда она стояла на краю гибели. Огромную роль тут сыграли причины внешне-политического характера. Раньше всего следует отметить тот факт, что буржуазный мир был тогда разбит на два лагеря, ожесточенная борьба между которыми,— борьба не на жизнь, а на смерть,— дошла в тот момент до апогея. Германский империализм, обуреваемый хищническим аппетитом и ненавистью к Советской Республике, был тогда в состоянии посылать в не особенно значительном количестве войска в Финляндию, Прибалтику и Украину, но, будучи прикован к западному фронту, где решалась его судьба, не мог перебрасывать оттуда новые корпуса для оккупации РСФСР.

По аналогичным причинам интервенция Антанты не могла вылиться в форму широкого военного похода. Союзники интриговали, устраивали заговоры и восстания, послали в Россию сравнительно небольшой экспедиционный корпус, но дальше этого итти не могли. Не могли не только потому, что были прикованы к западному фронту, но и потому, что посылать рабочих и крестьян в солдатских шинелях против российской революции было весьма трудно. Не могли и потому, что союзная коалиция, как мы уже видели выше, была раздираема внутренними противоречиями, в частности, японско-американским антагонизмом, в значительной степени парализовавшим огромные силы японского империализма.

Что же касается боевого авангарда союзников в России — чехословаков, то и в их рядах не все обстояло благополучно. Немалая часть вовлеченных Массариком и К° в преступную авантюру чехословацких рабочих и крестьян инстинктивно сочувствовала советской власти, и по мере того, как они на опыте познавали все прелести российской контрреволюции, эта часть все увеличивалась и в последний период интервенции местами даже стала помогать Красной армии и красным партизанам. А ведь лагерь контрреволюции представлял собою такую мерзкую отвратительную картину, что союзническим дипломатам и их агентам в рядах Чешского национального совета и русским белогвардейским военным руководителям чехо-словацкого корпуса нелегко было во имя защиты ее интересов гнать в бой чехо-словацких солдат.

Борьба между обеими империалистическими коалициями, исход которой в то время трудно было предвидеть, и внутренние противоречия среди союзников находили свое отражение и в стане российской контрреволюции. Часть кадетов, а также атаман Краснов и другие контрреволюционные группировки ориентировались тогда на Германию и не поддерживали основанного с помощью чехо-словаков Комитета членов Учредительного собрания в Самаре. В Омском же правительстве, также созданном с помощью чехо-словаков, сказывался в отраженной форме скрытый антагонизм, разделявший его покровителей — французов и англичан.

К этой борьбе внешних ориентаций следует прибавить борьбу между различными социальными группами контрреволюции и даже отдельных контрреволюционных партий. Мелкобуржуазные эсеры пытались играть в «демократию» и выставляли лозунг воскрешения «попранных» большевиками прав учредительного собрания. Буржуазия и военщина не скрывали своих чувств к учредилке и требовали установления «твердой власти», при чем черносотенные элементы подразумевали под этим восстановление самодержавия. В борьбе этих течений, в силу логики войны с советской властью, всюду в конечном счете брали верх наиболее реакционные элементы,— дворянство и военщина,— и они своим разнузданным белым террором и политикой реставрации восстанавливали против себя крестьян, значительную часть городской мелкой буржуазии и интеллигенции (о рабочих говорить не приходится — они, попадая под власть белых, через подпольные организации РКП не теряли идейной и организационной связи с революцией и при первой возможности протягивали братскую руку помощи Красной армии).

Эти различные контрреволюционные правительства, представлявшие различные внешне-политические ориентации и, на определенной стадии, различные социальные оттенки,— открыто враждовали между собой. Сибирское правительство посылало своих агентов на территорию Самарского правительства, чтобы восстанавливать там население и армию против «учредиловцев», и даже объявило последнему таможенную войну! «Правительства» оренбургских и уральских казаков признавали Самару постольку, поскольку была надежда получать там деньги или оружие. «Союз возрождения», в который на-ряду с монархистами входили эсеры Авксентьев, Аргунов и знаменитая «бабушка контрреволюции» Е. К. Брешковская, интриговал против Комитета членов Учредительного собрания, в котором главную роль играла та же партия с.-р. Савинковский «Всероссийский национальный союз» на деньги Нуланса и др. дипломатов Антанты делал свою самостоятельную «национальную политику, «Всероссийское правительство» Деникина, выдви-

нувшее лозунг — «великая единая неделимая Россия», вело форменную войну с правительством Кубанской краевой Рады и с меньшевистской Грузией и т. д. Всего в августе 1918 г. на территории России, не оккупированной немцами, существовало **19** правительств, враждовавших или даже воевавших между собой!

Этому вавилонскому столпотворению контрреволюции противостояла поистине великая единая неделимая Революция, возглавляемая великой единой неделимой коммунистической партией, охватывавшей лучшие пролетарские элементы всех национальностей бывшей тюрьмы народов — царской империи, — партии, опирающейся на сочувствие крестьян и руководимой гениальным вождем Лениным.

Вот в самих кратких чертах объяснения исторического «чуда» спасения Советской Республики в неимоверно тяжелые дни накануне первой годовщины Октября.

Германская революция и РСФСР.

Конец первого года существования Республики Советов в империалистическом окружении знаменуется крахом германского империализма и германской Ноябрьской революцией.

Революция вызвала огромный энтузиазм в Советской России. Российский пролетариат почувствовал, что голос его услышан т а м, за красным рубежом; ему показалось, что вот-вот Российская советская республика сможет протянуть братскую руку Германской советской республике, чтобы вместе итти в бой к дальнейшим победам. Еще в начале октября, когда в Германии чувствовалось наступление революционной грозы, Ленин уже горел огнем революционного нетерпения, столь характерного для него в те моменты, когда объективная ситуация ему казалась благоприятной для решительных действий. В связи с объединенным заседанием ВЦИК и др. советских и профсоюзных организаций в Москве 3 октября 1918 г., Ленин, не имевший возможности выступить ввиду неполного выздоровления после произведенного на него покушения, пишет письмо собранию, в котором предлагает приступить к формированию трехмиллионной армии и продовольственного фонда помощи германской революции.

«Кризис в Германии,— писал Ленин,—только начался. Он кончится неизбежно переходом политической власти в руки германского пролетариата. Российский пролетариат с восторгом следит за событиями. Теперь даже самые ослепленные из рабочих разных стран увидят, как правы были большевики, всю тактику строившие на поддержке всемирной рабочей революции и не боявшиеся приносить различные тягчайшие жертвы... Близится время, когда обстоятельства могут потребовать от нас помощи освобождающемуся от своего империализма

немецкому народу против англо-французского империализма... Прежде всего удесятерим свои силы по заготовке запасов хлеба. Постановим, что в каждом крупном элеваторе создается запас хлеба для помощи немецким рабочим, если обстоятельства поставят их в трудное положение в их борьбе за освобождение от чудовищ и зверей империализма... Мы решили иметь армию в 1 000 000 человек к весне. Нам нужна теперь армия в три миллиона человек! Мы можем ее иметь, и мы будем ее иметь» [22].

Достаточно представить себе свирепствовавший в то время в Советской России голод и все еще чрезвычайно тяжелое, несмотря на победы над чехо-словаками, положение на фронтах, чтобы оценить, насколько велика была выраженная в письме Ленина жертвенная готовность Российской Октябрьской революции в отношении интересов мировой революции. В согласии с обращением Ленина ВЦИК принял соответствующую резолюцию. Когда же пришла весть о том, что по всей Германии стихийно создаются советы рабочих и солдатских депутатов, глубокая, но все еще туманная надежда российского пролетариата вылилась в форму взрыва величайшего энтузиазма; пролетариат почувствовал тот могучий прилив бурной радости, который охватывает подвергавшуюся продолжительной мучительной осаде армию, когда она видит другую, идущую ей на выручку братскую армию. Яркой иллюстрацией этого подъема служит выступление Ленина 6 ноября, накануне первой Октябрьской годовщины на VI Всероссийском Съезде Советов.

«Мы пришли от международного одиночества,— сказал Ильич, — от которого мы страдали и в Октябре и в начале текущего года, к такому положению, когда наш единственный, но прочный союзник трудящихся и угнетенных всех стран, когда он, наконец, поднялся, когда вожди западно-европейского пролетариата, как Либкнехт и Адлер *), вожди, которые долгими месяцами каторги заплатили за свои смелые геройские попытки поднять голос против империалистической войны,— мы видим, что эти вожди на свободе, потому что их заставила освободить венская и берлинская рабочая революция, которая растет не по дням, а по часам. От одиночества мы пришли к тому положению, когда мы стоим рука об руку, плечом к плечу с нашими международными союзниками».

Под тем же углом зрения Ильич смотрит на последовавшую накануне 15 ноября высылку доживавшим последние дни германским кайзеровским правительством советского посла в Берлине тов. Иоффе, которому было предъявлено обвинение в революционной пропаганде.

---

*) Впоследствии Фридрих Адлер проделал эволюцию вправо.

«Германское правительство потеряло голову, и когда горит вся Германия, оно думает, что погасит пожар, направляя свои полицейские кишки на один дом» [23].

Через три дня после этой речи германского кайзеровского правительства уже не существовало. 9 ноября кайзер был низвергнут с престола, и Германия об'явлена «социалистической» республикой. У власти стало Правительство народных уполномоченных, состоявшее из социал-демократов (Эберт, Шейдеман и Ландсберг) и независимых с.-д. (Гаазе, Дитман и Барт). 13 ноября советское правительство делает логический вывод из создавшейся новой обстановки — аннулирует кабальный Брест-литовский договор и навязанное РСФСР шантажистское дополнительное «соглашение» 27 августа 1918 г. в Берлине.

Следует отметить, что одновременно договор потерял силу и со стороны Германии, которая отказалась от него согласно условиям продиктованного ей союзниками перемирия 11 ноября. Грабители-победители не могли мириться с тем, чтобы их побежденные соперники удержали в своих руках награбленное. И в результате случилось то, что западный империализм выступил в роли освободителя ненавистной ему большевистской России от ига Брест-литовского договора — любопытный исторический парадокс из области противоречий в лагере империалистов, сыгравших такую большую роль в провале интервенции.

Заявляя об аннулировании Брест-литовского договора, ВЦИК в своей резолюции обращается к трудящимся Германии и Австро-Венгрии со следующим призывом:

«РСФСР предлагает братским народам Германии и бывшей Австро-Венгрии в лице их советов рабочих и солдатских депутатов немедленно приступить к урегулированию вопросов, связанных с уничтожением Брестского договора. В основу истинного мира народов могут лечь только те принципы, которые соответствуют братским отношениям между трудящимися всех стран и наций и которые были провозглашены Октябрьской революцией и отстаивались русской делегацией в Бресте. Все оккупированные (германскими войсками. *М. Т.*) области России будут очищены. Право на самоопределение в полной мере будет признано за трудящимися всех народов. Все убытки будут возложены на истинных виновников войны — на буржуазные классы. Революционные солдаты Германии и Австрии, создающие ныне в оккупированных областях солдатские советы депутатов, вступив в связь с местными рабочими и крестьянскими советами, будут сотрудниками и союзниками трудящихся в осуществлении этих задач. Братским союзом с рабочими и крестьянами России они искупят раны, нанесенные населению оккупированных областей германскими и австрийскими генералами, охранявшими интересы контрреволюции. Построенные на этих основах отношения между народами России, Германии и Австро-Венгрии будут не только мирными отношениями. Это будет союз трудящихся масс всех наций в борьбе за создание и укрепление социалистического строя на развалинах строя милитаризма, империализма и экономического рабства. Этот союз трудящиеся массы России в лице советского правительства предлагают народам Германии и Австро-Венгрии.

Они надеются, что к этому могущественному союзу освободившихся народов примкнут народы всех остальных стран, еще не сбросивших иго империалистов».

В руке, протянутой российским пролетариатом германскому пролетариату, было не только это предложение братского кровного союза против капитализма, в ней был и хлеб. В день принятия этой резолюции ВЦИК отправил из Москвы в Берлин маршрутный поезд с хлебом — подарок голодающим германским рабочим, символ тесной спайки в общих лишениях и испытаниях.

Но братская рука, протянутая советским правительством, повисла в воздухе. Те, которые стали стеной между российским и германским пролетариатом, помешали германскому рабочему классу пожать эту братскую руку. Они ориентировались не на российскую революцию, а на союзную и в частности американскую «демократию». Они боялись «скомпрометировать» себя в глазах Вильсона, Клемансо и Ллойд-Джорджа близостью с большевистской Россией. Они, в течение четырех мучительных лет призывавшие германский пролетариат к все новым и новым неслыханным жертвам во имя буржуазного отечества, испугались жертв, которые потребует революция. И в этом величайшем по своей подлости предательстве «левые» независимые Гаазе и К° абсолютно ничем не отличались от Эберта и Шейдемана. Недаром же последний в мемуарах [24] хвалит своих коллег по кабинету — независимцев за «реально-политическое чутье». (Гаазе, занимавший пост уполномоченного по иностранным делам, был особенно возмущен телеграммой тов. Иоффе, в которой последний заявлял, что выдавал Гаазе деньги на революционные цели; Гаазе считал, что такое заявление дискредитировало его в глазах отечественных патриотов и победителей — союзных империалистов.)

16 ноября Чичерин в разговоре с Гаазе по прямому проводу сообщил, что существует опасность наступления Антанты на Советскую Россию. В ответ на это Совет уполномоченных решил соблюдать нейтралитет, нейтралитет в борьбе социализма с империализмом... Когда же наиболее «левый» из уполномоченных Эмиль Барт предложил неофициальным путем установить дружественные отношения с Советской Россией, Ландсберг, «ломая руки и теребя бороду», воскликнул: «Куда же денется наше национальное достоинство, если мы станем заигрывать со всякими славянскими народами? Этого не должно быть; мы не смеем так поступать!» [25]

То же возвышенное чувство «национального достоинства», очевидно, побудило германское «социалистическое» правительство отказаться от присланного русскими рабочими хлеба и, вопреки протестам германских советов, отказать в разрешении на в'езд в Германию делегации

ВЦИК на Всегерманский съезд советов в составе тт. Бухарина, Игнатова, Иоффе и Раковского. (Тов. Радек, прибывший нелегально, во время спартаковских выступлений был арестован и даже закован в кандалы.) 18 ноября Совет уполномоченных отправил советскому правительству ноту о германско-советских отношениях, которая как нельзя лучше характеризует «социалистическую» дипломатию Гаазе, Шейдемана и К°. Последние совсем в духе фон Кюльмана и Гофмана протестуют против советских агитационных радио-призывов к германскому пролетариату, как против «вмешательства во внутренние дела Германии»; они также протестуют против замены с согласия советского правительства германских кайзеровских консулов в России германскими рабочими и солдатскими советами из рядов военнопленных. Мало того, германское «социалистическое» правительство отказывается допустить в Германию дипломатического представителя (и даже уполномоченного Красного креста) Советской России, и таким образом между обеими странами наступает полный разрыв.

Но один разрыв не удовлетворял лидеров социал-демократии. Некоторые из них, вместе с группой буржуазных политиков, носились с планом вооруженной борьбы против Советской России, чтобы за счет русских рабочих поправить на Востоке то, что столь любезное их сердцу буржуазное отечество потеряло на Западе. К ним относится видный социал демократ Винниг, который находился в Прибалтике и, после перемирия на западном фронте, вел в Риге переговоры с английским генералом о совместном наступлении на Советскую Россию.

Несмотря на все это, германская революция даже в ее абортивной форме сыграла большую роль для облегчения положения Советской Республики. Она вызвала большой подъем в рабочих массах СССР, до известной степени наэлектризовала мировой пролетариат и напугала мировую буржуазию; она сделала невозможной сделку победоносного западного империализма с побежденной германской буржуазией за счет Советской России; она, наконец, косвенно способствовала политическому и военному укреплению РСФСР, дав ей возможность — во многих местах по соглашению с солдатскими советами германских оккупационных армий — прийти на помощь трудящимся Украины, Эстонии, Латвии, Литвы и Белоруссии в их борьбе за установление советской власти. И хотя в Прибалтике советская власть удержалась недолго, эти победы в то время все же значительно облегчили крайне тяжелое положение Республики Советов, которой всякая передышка, хоть и самая кратковременная, шла на пользу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ВТОРОЙ ПЕРИОД ИНТЕРВЕНЦИИ.

(НОЯБРЬ 1918 — НОЯБРЬ 1919.)

Клемансо возвещает политику „санитарного кордона". — Союзники делят белую Россию на „сферы влияния". — Ряд наступлений на различных фронтах, но не ожидавшийся генеральный штурм. — Новая фаза противоречий в лагере союзников. — Принцевы острова и миссия Буллита. — Интервенция на юге, северо-западе и в Сибири. — За кулисами интервенции. — Белые у красных столиц. — Решительный удар по интервенции

Две переоценки. Второй период интервенции, совпадающий приблизительно со вторым годом существования Советской Республики, охватывает время с того момента, когда в результате разгрома Германии у Антанты руки оказались развязанными для борьбы с Советской Республикой — с момента расширения союзной интервенции и кончая моментом блестящих побед Красной армии над Юденичем, Деникиным и Колчаком, мирными переговорами с окраинными государствами и — в замаскированной форме — с Англией.

Начало этого периода, как мы видели выше, знаменуется эвакуацией из России германских войск, занимавших огромные территории на юге и на западе. Естественно возникает вопрос,— а победоносная Антанта? Как она могла допустить, чтобы очищаемые германскими войсками территории занимались Красной армией, почему она, развязав себе руки после победы над Германией, не бросилась всей силой на Республику Советов, чтобы задушить ее? Действительно, в тот момент такая опасность казалась весьма реальной, и только теперь, с историческими фактами в руках, можно сделать вывод, что эта опасность в известной мере была тогда переоценена. Точно так же в ноябре 1918 г. была допущена переоценка противоположного характера — переоценка герман-

ской Ноябрьской революции. В общем и целом, тогда давался примерно такой анализ положения: германская революция означает прелюдию к европейской революции, но пока произойдет последняя, возможен быстрый решительный натиск на Советскую Республику со стороны союзников одних, или же с Германией на буксире.

«Главный итог международного положения, — говорил Ленин в своей речи на заседании VI Съезда Советов, на следующий день после первой годовщины Октября, — можно охарактеризовать так:... мы никогда не были столь близки к международной пролетарской революции, как теперь. Мы им доказали, что, ставя ставку на международную пролетарскую революцию, никакие жертвы не могут быть слишком велики [26]. Мы величайшие жертвы — национальные и экономические — приносили не даром. В этом отношении мы достигли успеха. Но если мы никогда не были так близки к международной революции, то никогда наше положение не было так опасно, как теперь (Курсив наш — *М. Т.*) Империалисты были заняты друг другом. И теперь одна из группировок сметена группой англо-франко-американцев. Они главной задачей считают — душить мировой большевизм, душить его главную ячейку — Российскую Советскую Республику... Товарищи, мы прожили год и достигли успеха, но это еще мало по сравнению с тем могучим врагом, который идет на нас. Этот враг — всемирный, победивший весь мир, англо-французский империализм. Мы идем в борьбу с ним не потому, чтобы мы думали в политическом и техническом отношениях сравняться с передовыми странами Европы. Нет, но мы знаем, что этот враг идет... к гибели».

(Правда, Ленин в той же речи указывает, что после поражения Германии — общего врага союзных империалистов — в рядах последних обострятся противоречия, но все же он особенно подчеркивает опасность возможного сговора.)

Что темп развития мировой революции в то время переоценивался партией — это при свете последовавших событий теперь ясно. 15 января 1919 г. германская социал-демократия в союзе с военщиной старого режима вырывает из рядов пролетариата Карла Либкнехта и Розу Люксембург; под ударами той же социал-генеральской коалиции 1 мая падает Баварская Советская Республика; 2 августа после удара в спину со стороны «ставших на советскую платформу» венгерских социал-демократов и под натиском слуг Антанты румынских бояр падает Венгерская Советская Республика — тягчайшие удары по мировой революции, горькие разочарования для ее авангарда — российского пролетариата. С этими поражениями потерпело неудачу и военное наступление Советской России в Прибалтике и в сторону Галиции, имевшее

целью установить контакт соответственно с германской и венгерской революциями.

Но если надежды на европейскую революцию оказались преувеличенными, то была также преувеличена опасность генерального штурма со стороны империализма. Наступления на разных фронтах были, интервенция была, и она навлекла на Республику Советов страшные бедствия и разрушения и одно время — осенью 1919 г. — даже непосредственно угрожала ее существованию; но генерального штурма как широкой единой и планомерной военной операции победоносного союзнического империализма не было, и это спасло Октябрьскую революцию.

Действительно, в связи с разгромом Германии и чрезвычайно напугавшим империалистов подъемом революционной волны в Германии, Австро-Венгрии, Болгарии, Польше, мы в начале второго года существования Советской Республики видим усиление интервенции с целью уничтожить очаг «большевистской заразы». Предвестником такого поворота является арест в Англии 6 сентября 1918 г. советского представителя тов. Литвинова, с которым английское правительство, как уже выше указывалось, вначале поддерживало неофициальные деловые отношения. (Примеру Англии последовали Швейцария, выславшая советского уполномоченного тов. Берзина, Швеция, выславшая тов. Воровского, и Дания — тов. Сурица.) Тов. Литвинов и целый ряд других советских граждан, арестованных в Лондоне, впоследствии были обменены на арестованных в Советской России англичан и французов. Так оборвались последние тонкие дипломатические нити, связывавшие РСФСР и Англию.

Более серьезным симптомом усиления интервенции является так называемое Ясское совещание. В ноябре 1918 г. в Яссах (Румыния) происходит конференция представителей контрреволюции всех мастей — от монархистов до эсеров включительно — и послов союзных держав с целью выработки плана расширения интервенции. Клемансо в своих заявлениях от 13 и 21 декабря провозглашает свой поистине дьявольский план антибольшевистского «санитарного кордона», или, как его назвал впоследствии на Парижской мирной конференции Ллойд-Джордж, «кордона смерти». Согласно этому методу союзные армии должны «ограничиться» тем, чтобы «воспрепятствовать большевикам доступ в районы Украины, на Кавказ и в Западную Сибирь, которые в экономическом отношении необходимы для их существования и где организуются русские элементы порядка; ...план действий союзников состоит в том, чтобы одновременно создать против большевиков сани-

тарный кордон и водворить порядок с помощью русских элементов». Иными словами — взять стомиллионное население Советской Республики измором и военным давлением на окраинах, где должна быть оказана военная, продовольственная и техническая помощь капиталистам и помещикам для «водворения порядка» в России. Одновременно (23) декабря союзники заключают между собою соглашение, которое фактически сводится к разделу сфер влияния в занятых белыми частях России. Согласно этому сговору, во французскую сферу входят Украина, Крым, западная часть Дона, а также Польша; в английскую — север России, Прибалтика, Кавказ, Кубань, восточная часть Дона и весь Туркестан.

Интервенция на юге.

Параллельно с этими закулисными переговорами идет военная интервенция. 23 ноября союзническая эскадра прибывает в Новороссийск; 17 декабря в Одессе высаживается союзный десант; по мере прибытия новых военных транспортов зона оккупации расширяется, захватывая Херсон, Николаев и растягиваясь в районе Одессы на 100—150 километров к северу до линии Вознесенск-Тирасполь, при чем в марте 1919 г. численность союзных (преимущественно французских) войск под командованием генерала Бертело доходит до 70 000 человек. Одновременно производится также высадка французского десанта в Крыму. Англичане, избравшие на юго-востоке для своих интервенционистских операций район, прилегающий к их азиатским владениям и «сферам влияния» — Индии, Персии, Афганистану, Месопотамии, — также стали проявлять энергичную деятельность. 17 сентября английские военные силы, под командой генерала Томсона оперировавшие в районе Месопотамии, вторично занимают Баку (первая высадка, когда англичане расстреляли 26 комиссаров, произошла в июне 1918 г.). Хотя формально власть находилась в руках правительства татарской буржуазной партии мусаватистов, фактическим хозяином положения были ген. Томсон и комиссар полиции в Баку полк. Кокерель, которые устаповили там режим белого террора. 23 ноября английский десант высаживается на противоположном пункте Северного Кавказа — в Батуме. Одна из целей интервенции в защиту «демократии» достигнута — бакинские нефтяные источники и нефтепровод Баку-Батум попадают в руки англичан. Они издают распоряжение, запрещающее вывоз нефти без разрешения, и сами приступают к ее усиленному выкачиванию. Став ногой в Баку и стремясь подчинить своему влиянию весь Кавказ, Закаспийский край, Туркестан и Бухару, англичане развивают усиленную деятельность по всем направлениям, стремясь к расчленению всех этих обширнейших территорий и использованию противоречий интересов новоиспеченных государственных образований.

С помощью отряда авантюриста белогвардейца Бичехарова они укрепились на восточном берегу Каспийского моря в Красноводске и далее к востоку в Мерве и Чарджуе. Англичане также оказывают военную помощь так называемому Закаспийскому исполнительному комитету, руководившему восстанием против советской власти. С их помощью повстанцы в ноябре занимают линию Мерв-Кушка, угрожая опоре Советской власти в Туркестане — Ташкенту. Любопытно отметить, что на основании соглашения между Закаспийским правительством и английским генералом Малесалом, в целях «воспрепятствования перехода хлопка в руки неприятеля», устанавливалась особая система разрешений на вывоз — замаскированное обязательство Закаспийского правительства дать в этом отношении монополию или преимущества англичанам. Итак, на ряду с нефтью английские «освободители» проявляли особый интерес к хлопку.

Параллельно с этим, период разгрома Германии союзниками отмечается усилением помощи со стороны последних Деникину и попытками объединения сил контрреволюции. Впрочем, эти попытки следует отнести преимущественно за счет Франции и той части английского кабинета во главе с военным министром Черчиллем, которая в отличие от Ллойд-Джорджа и его сторонников стояла за более решительную интервенцию. Эту двойственность политики английского правительства отмечает, между прочим, в своих показаниях перед судом Савинков, который, будучи представителем Колчака за границей, часто встречался с Ллойд-Джорджем и с Черчиллем:

«Когда я беседовал с Ллойд-Джорджем, лично он всегда занимал позицию немного двойственную, а Черчилль действительно очень энергично старался помочь». Что же касается подхода Черчилля к этой помощи, то это лучше всего характеризуется словами, сказанными им Савинкову у карты юга России: «Вот это моя армия!» сказал Черчилль, указывая на флажки по линии расположения деникинских войск. Эта циничная откровенность повлияла даже на Савинкова, у которого, по его образному выражению, в этот момент «ноги приросли к полу».

Но если политика английского правительства в целом отличалась двойственностью и колебаниями, то этого никак нельзя сказать про Францию. 23 ноября в Архангельске Нуланс в присутствии северного правительства, созданного с помощью союзников в августе 1918 г. «социалистом» Чайковским, произносит речь против «произвола жестокой тирании народных комиссаров» и обещает оказывать антибольшевистским элементам широкую помощь при условии, однако, если они забудут «свои классы и партии» [27], т. е. если они признают угодных Франции носителей власти. Это условие французские дипломаты настой-

чиво диктуют не только северному правительству, но и Краснову и Деникину. 8 января 1919 г. французский представитель на юге Фукэ без особых церемоний заставляет Краснова дать обязательство в признании над собой командования Деникина. В то же время это обязательство содержало весьма любопытные пункты, характеризующие взаимоотношения между интервентами и их ставленниками:

«Как высшую над собой власть в военном, политическом, административном и внутреннем отношении признаем власть французского главнокомандующего Франшэ д'Эсперэ... Все распоряжения, отдаваемые войску, будут делаться с ведома капитана Фукэ... Обязываемся всем достоянием Войска донского возместить все убытки французских граждан, проживающих в Донецком угольном районе и где бы они ни находились, происшедшие вследствие отсутствия порядка в стране, в чем бы они ни выражались, в порче машин и приспособлений, в отсутствии рабочей силы. Мы обязаны возместить потерявшим трудоспособность, а также семьям убитых вследствие беспорядков, и заплатить полностью среднюю доходность предприятий, с причислением к ней 5 % надбавки за все то время, когда эти предприятия почему-либо не работали, начиная с 1914 г.»(!!)

Эти циничные ростовщические условия возмутили даже Краснова, который раньше продавался немцам, а теперь союзникам *).

— «Это все? — спросил он возмущенным тоном.

— Все, — отвечал Фукэ. — Без этого вы не получите ни одного солдата, mais, mon ami (но, мой друг), вы понимаете, что в вашем положении нет выхода» [28]. И, действительно, поскольку атаман Краснов, как и все прочие главари контрреволюции, душой и телом продались союзному империализму, без поддержки которого они существовать никак не могли, ему не осталось ничего другого, как подписать эти условия. Таким путем французы заставили Краснова подчиниться Деникину.

На Деникина, в свою очередь, было оказано давление с тем, чтобы подчинить его Колчаку, который в описываемый нами период — конец 1918 г. — с помощью англичан успел отстранить от власти созданное

---

*) Недаром в штабе деникинской Добровольческой армии говорили: «Войско донское — это проститутка, продающаяся тому, кто ей заплатит».

Впрочем, и донской штаб не остался в долгу. Устами командующего Донской армией генерал-майора Денисова он на это ответил: «Скажите Добровольческой армии, что если Войско донское — проститутка, то Добровольческая армия есть «кот», пользующийся ее заработком и живущий у нее на содержании (И. В. Гессен, «Архив русской революции», т. V, стр. 205).

Недурной обмен комплиментами между «идейными» соратниками!

23 сентября на государственном совещании в Уфе «Всероссийское временное правительство» с эсером Авксентьевым во главе (Уфимская директория). Деникин же, точно так же как Краснов, был пешкой в руках союзников, которые обусловливали свою помощь фактическим протекторатом. Это видно, хотя бы, из следующего любопытного факта. 4 апреля 1919 г. между представителями Франции и Англии в Париже было заключено соглашение относительно условий оказания поддержки Деникину, дополняющее вышеупомянутое соглашение о разграничении сфер влияния от 23 декабря 1918 г. Соглашение, сообщенное «для сведения и руководства» Деникину, между прочим, гласит: «Русские войска, отказавшиеся от подчинения генералу Деникину, оставляются в распоряжении высшего французского командования». Таким путем Франция хотела получить в свое распоряжение постоянную силу для полного «приручения» Деникина. Последний, правда, протестовал против парижского соглашения, но хозяева вряд ли считались с протестом своего наймита.

Другим способом оказывания давления на Деникина было заигрывание с противником деникинской единой неделимой России — Украинской директорией с Винниченко и Петлюрой во главе, пришедшей на смену гетману Скоропадскому в момент эвакуации германских войск, после разгрома Германии. Опять-таки Винниченко и Петлюра играли не менее жалкую роль, чем Деникин. Зажатая в тиски, с одной стороны, Красной армией и революционными партизанами, а с другой — деникинцами, Директория обратилась к французскому командованию с позорнейшей «декларацией», которая гласит: «Директория постановила: признавая свои ошибки, просить французское командование помочь Директории в борьбе с большевиками... Директория отдает себя под покровительство Франции и просит французские власти руководить Директорией в отношениях дипломатическом, военном, политическом, экономическом, финансовом и судебном впредь до окончания борьбы с большевиками... Директория надеется на великодушие Франции и других держав Согласия, когда по окончании войны с большевизмом возникнут вопросы о границах и нациях» [29].

Эта общая запродажа Украины французским интервентам получила свое конкретное оформление в виде договора, в котором Директория обязуется уплатить Франции царские долги, в течение пяти лет подчинить французскому контролю экономическую и военную политику страны, сдать Франции концессию на все украинские железные дороги в течение 50 лет и т. д. Читая эти условия, не знаешь, чему больше удивляться — подлости украинских «патриотов» или хищническим аппетитам «освободителей России» — французских империалистов, смотрев-

ших на Украину «как на будущую колонию французского капитала, как на новый Мадагаскар, Марокко или Индо-Китай» (из ноты протеста тов. Раковского от 26 февраля 1919 г.).

Но это еще не все! В последних числах января 1919 г., под угрозой 24-часового ультиматума французского командования, Директория подписала другой договор, в котором, отказываясь от «самостийности» Украины признает единую неделимую Россию (конечно, буржуазно-помещичью.— *М. Т.*), в состав которой Украина входила бы на федеративных началах, и обязуется не допускать конгресса трудящихся и существования на территории Украины совстов рабочих и крестьянских депутатов.

Еще один яркий образчик грубого солдафонского вмешательства французского генерала Д'Ансельма во внутренние дела Украины. Как передает в своих воспоминаниях (на украинском языке) Винниченко [30], сотрудник генерала полк. Фрейденберг бросил в лицо пресмыкавшимся перед ним делегатам Директории:

«Голову Директорії В. Винниченка й голову народніх міністрів В. Чеховського «вигнать як собак», бо вони більшовики. С. Петлюру усунити, бо він бандит». «Це дословні вирази,— продолжает Винниченко,— полковника Фрейденберга, які він тоном п'яного й лютого унтер-офіцера кинув у лице української делегації».

Вот как «демократическая» Антанта обращалась со своими «союзниками» в борьбе против большевизма на Украине!

Неудивительно, что такого рода обращение поставило перед многими деятелями лагеря контрреволюции вопрос о «смене вех». К таким относится на-ряду с Винниченко и покрывший себя печальной славой другой маститый деятель южной контрреволюции, соратник Деникина, генерал Слащев. Здесь уместно будет привести и его свидетельское показание о положении на юге в описываемый нами период:

«... И вот получилась картина: Англия снабжает Деникина и пользуется в этом отношении завистливой помощью Франции. Польша устраивается, снабжается и руководится Францией. Польша снабжает Петлюру французскими деньгами и оружием. Деникин дерется с Петлюрой. На спинах русских рабочих и крестьян державы Антанты боролись между собой за создание в бывшей России мелких несоветских государств, которые бы можно было превратить в колонии, используя их как рынок для сбыта товаров, как источник дешевых рабочих рук и как поставщика дешевого сырья» [31].

С вопросом об интервенции союзников на юге России тесно связан вопрос о захвате Бессарабии Румынией. Хотя Бессарабию румынские захватчики получили в виде подкупа за присоединение к коалиции центральных держав непосредственно из рук германского империа-

лизма, ответственность за дальнейшую «легализацию» грабежа всецело ложится на союзников. Последние вначале вмешались в качестве «честных маклеров», якобы в целях мирного урегулирования советско-румынского конфликта, а по существу, чтобы получить объект торга с Румынией и привлечь ее на сторону Антанты. Первое вмешательство союзников произошло еще в начале 1918 г., когда советское правительство в виде репрессии за вторжение румынских войск в Бессарабию конфисковало хранившийся в России румынский золотой запас и арестовало румынского посла Диаманди. Союзные дипломатические представители тогда потребовали освобождения Диаманди. Затем, при посредничестве представителей союзников в Одессе 9 марта 1918 г. т. Раковский и румынский премьер Авереску подписали соглашение, в силу которого Румыния обязалась в двухмесячный срок эвакуировать Бессарабию. Это обязательство исполнено не было и 27 марта 1918 г. румынская военщина под угрозой штыков заставляет часть депутатов бессарабского Сфатул-Церия (краевого совета) голосовать за присоединение Бессарабии на автономных началах к Румынии. 26 ноября 1918 г. даже этот искусственно подобранный румынским правительством орган распускается, и Бессарабия объявляется частью Румынии без всяких автономных гарантий. Но так как Румыния потом переметнулась на сторону союзников, то последние стали поддерживать ее против Советской России и помогать ей в деле удержания грабительским путем захваченной территории.

Интервенция на севере.

Аналогичную картину мы видим на крайнем севере, где описываемый нами период также отмечен усилением интервенции. Напомним предварительно ход предшествующих событий в этом районе, о которых вкратце уже упоминалось выше.

Еще в начале 1918 г. в Мурманске находились различные союзнические комиссии, сотрудничавшие с местными советами в борьбе против финских отрядов, находившихся под германским руководством. Но скоро за спиной советских властей начинаются темные махинации: стягивание в Мурманск под предлогом эвакуации из России различных элементов, которые могли бы быть использованы для интервенции— французских подданных, польских легионеров, сербских солдат и т. п. Все нити этих махинаций сходились в руках Нуланса, который в то время еще находился в Вологде и действовал через находившегося в Петрозаводске начальника французской военной миссии поручика Фуасси. В момент восстания в Ярославле 6 июля и выступлений чехословаков Нуланс отправил в Париж телеграмму, в которой настойчиво доказывал, что наступил благоприятный момент для интервенции на

севере. Одновременно, тоже 6 июля, как уже упоминалось, представители союзников с помощью нажима и обещания снабжать продовольствием склонили Мурманский Совет порвать с советским правительством и подписать договор о сотрудничестве с союзным командованием. За этим следует ряд десантов и начинается открытая военная интервенция. Во главе всех союзных вооруженных сил, численность которых тогда достигла 10 000 чел., становится англичанин, генерал Пуль. 1 августа в Архангельске происходит контрреволюционный переворот, и по соглашению между повстанцами и союзными империалистами формируется контрреволюционная власть — Верховное управление Северной областью под председательством «социалиста» Чайковского. Но и тут, точно так же как на юге России, не обходилось без трений между опекаемыми русскими контрреволюционерами и их «высокими» опекунами на почве домогательств последних. Так, например, ген. Пуль в своей широковещательной декларации о целях интервенции («кровные братья не могут оставить России») ни словом не упомянул о северном правительстве, против которого он поддерживал наиболее реакционную часть военщины. Это привело к временному аресту самого правительства группой офицеров, после чего правительство было реорганизовано в составе трех кадетов, одного трудовика и двух беспартийных.

Следует отметить, что трения происходили не только между русскими контрреволюционерами и союзниками, но и в лагере самих союзников. Англичане спорили с французами о том, кому дать инструкторов для формирования белогвардейской армии, американцы не ладили с англичанами и конкурировали в области торговой и т. д. В одном, однако, продставители «демократической» Антанты вполне сходились: эти «кровные братья» Чайковского и его генерал-губернатора Миллера установили в крае режим свирепого белого террора, беспощадно расправляясь со всяким заподозренным в сочувствии советской власти, не говоря уже об участниках часто вспыхивавших в белых отрядах восстаний. В каторжных тюрьмах, на Мудьюге на Белом море, на Иоканьге в Ледовитом океане и в др. застенках были замучены тысячи рабочих и крестьян, геройски боровшихся против интервентов и их наймитов.

Северное правительство признало военную диктатуру Колчака в качестве «всероссийской» власти, чего в интересах создания единого фронта всех антибольшевистских сил усиленно добивалась Франция. На Колчака же интервенты возлагали большие надежды.

Интервенция в Сибири.

а) *Японско-американский антагонизм.* В Сибири, в царстве Колчака к тому времени создался сложный узел отечественной контрреволюции и иностранной интервенции. Колчак, отшвырнув вон своих мелкобуржуазных союзников,

водворив в подвластной ему территории режим буржуазно-помещичьей реставрации, готовился к походу на Москву. За ним как будто стояла вся сила союзнического империализма, только что разбившего враждебную коалицию центральных держав, — небывалая в мире комбинация империалистических сил. Мы говорим «как будто», ибо, если внимательнее присмотреться к фактам, то эта комбинация предстанет перед нами в другом свете. Среди союзников не только не было единогласия — их раздирали постоянные разногласия, принимавшие форму бесконечных интриг и взаимных подсиживаний. Мы уже говорили раньше о японско-американском антагонизме как о факторе, в значительной степени парализовавшем широкие интервенционистские замыслы Японии и задержавшем присоединение Соединенных Штатов к интервенции. Посмотрим теперь, как действовал этот фактор после присоединения Соединенных Штатов к сибирской экспедиции.

Хищные грабительские мотивы интервенции ни у кого из союзников не выступали так рельефно, как у Японии. Японские империалисты преследовали прямую, конкретную захватническую цель — оторвать от России как можно бо́льший кусок территории. И когда японское правительство в начале интервенции говорило о необходимости вместе с союзнической «демократией» защищать весь мир от германского милитаризма, «заключившего союз с большевиками», то это звучало особенно лживо, особенно лицемерно, потому что Япония в то время зондировала почву для сепаратного мира с Германией и, надеявшись на победу последней, прямо-таки вызывающе третировала своих союзников в Сибири.

Эта тактика японского империализма находит свое подтверждение в весьма любопытных документах. В докладе о положении в Сибири, посланном 17 сентября 1918 г. ген. Алексееву — с ведома Колчака — ген. Степановым, мы читаем [32]:

«Все более и более выясняется, что союзники вступили в пределы России не ради спасения ее, а вернее — ради своих собственных выгод. России никому не нужно. Установление у нас определенной твердой правительственной власти вредно для интересов господ союзников, желающих хозяйничать самостоятельно. Но особенно для них нетерпима организация русской военной силы. Наглее всех это высказывают японцы, вносящие всюду интриги через своих агентов и купленных ими русских пособников. Выступление японцев равносильно военной оккупации занятой ими территории».

И далее автор доклада, сам пособник японских захватчиков, рассказывает, что Япония, не имеющая своего железа, в виде «вознаграждения за... «бескорыстную помощь» намерена захватить побережные

районы Сибири, богатые железной рудой, Уссурийский край и Владивосток, а также Восточно-китайскую железную дорогу. Соответствующие «намоки» уже были сделаны ген. Накасима».

О тех же мародерских замыслах японских империалистов весьма интересные вещи рассказывает начальник английского экспедиционного отряда в Сибири, полковник Уорд [33]. Японцы не остановились перед тем, чтобы предложить владивостокским властям крупнейшую сумму, исчисляемую в десятках миллионов рублей за подписание ими «соглашения», предоставляющего Японии права пользоваться берегом и заниматься рыбной ловлей в прибрежной полосе вплоть до Камчатки и отдающего ей в вечную «аренду» Инжильские копи и все запасы русского железа, находящегося во Владивостоке. Ясно, что предложение такой крупной суммы денег лицам, не имеющим права принимать и подписывать обязательства, означало не что иное, как предложение крупной взятки. Когда же представитель местной власти отказался подписать такой акт, ссылаясь на его незаконность, агент японского правительства ответил в довольно откровенной форме: «Берите наши деньги и подписывайте соглашение, а риск относительно законности поделим пополам».

«Социалисты»-«народоправцы» из авксентьевской Директории оказались менее щепетильными насчет права говорить от имени русского народа и послали своего представителя генерала Болдырева в Токио для секретных переговоров по этим вопросам. Точное содержание этих переговоров неизвестно, но некоторый свет на этот вопрос бросает рассказ Уорда о том, что накануне своего падения Директория, чтобы спастись, согласилась в обмен за помощь японских штыков предоставить Японии в полное обладание Сибирскую железную дорогу!

Когда же на смену Директории появился в качестве «верховного правителя» Колчак, который под давлением Англии отказался признать соглашение, Япония еще более энергично стала помогать его соперникам, оперировавшим в прилегающем к Манчжурии районе «атаманам» (проще говоря — бандитам) Калмыкову и Семенову, при чем последнего она намеревалась посадить в цари прибранной к рукам Монголии. Такова была та политика, которая в резолюции съезда сибирских промышленников и купцов в Омске в марте 1919 г. характеризуется как «благородная политика Японии» и ее «чудесных войск» по «охранению законности и порядка на русской земле»!..

Такая политика Японии шла вразрез с интересами Соединенных Штатов, конечно, не в силу их любви к России, а в силу их ненависти к сопернику — Японии. Но, с другой стороны, американских империалистов объединяла с японскими ненависть к большевистской

России. В результате создалось крайне запутанное и противоречивое положение.

Об этом красноречиво свидетельствует американско-японское соглашение по вопросу о контроле над железной дорогой в Сибири и оговорка к соглашению со стороны Вашингтона.

9 января 1919 г. в Токио американский посол Моррис и японский министр иностранных дел Ушида подписывают соглашение о контроле над Восточно-китайской железной дорогой и той частью Сибирской железной дороги, которая будет находится в районе действий союзных экспедиционных войск. Нужно сказать, что эти дороги составляли объект вожделений не только японских, но и американских империалистов. «Заботы об улучшении транспорта сибирских дорог имеют своей главной целью, — читаем мы в записке колчаковского штаба [34], — установление доминирующего значения Америки в железнодорожном деле Сибири и создание возможности глубокого экономического проникновения американского капитала с попутным вытеснением в этом отношении Японии».

Об аналогичных планах американцев рассказывает упомянутый ген. Степанов. — Американцы, по его словам, носились с планом добиться права постройки железной дороги через Камчатку на Иркутск. И только в силу необходимости Соединенные Штаты вынуждены были в столь важном с точки зрения их империалистических интересов вопросе, как контроль над Китайско-восточной и Сибирской жел. дор., пойти на сделку с Японией. При этом они, однако, обеспечили за своим представителем Стивенсом председательское место в техническом совете, одном из наиболее важных органов при междусоюзнической контрольной комиссии. Но и этот успех не мог устранить американских опасений, и государственный департамент считает нужным послать японскому правительству ноту, в которой дает понять, что Соединенные Штаты не потерпят широкой экспансии Японии в Сибири. Нота (19 февраля 1919 г.) стремится создать ясность по поводу пункта токийского соглашения, предусматривающего, что при назначении председателем технического совета местных инспекторов, должны быть приняты во внимание «интересы» ссответствующих союзных держав в данном районе. И вот американская дипломатия подчеркивает, что термин «интересы» «не должен обозначать политических и территориальных прав или сферы влияния» [35].

Другими словами, американский империализм и в Сибири в противовес традиционной японской политике «сфер влияния» выдвигает свою традиционную политику открытых дверей, или еще проще, без дипломатической тер-

минологии, — американский империализм не намерен позволить своему сопернику оторвать кусок территории Сибири и беспрепятственно хозяйничать там, а хочет, чтобы двери во все районы Сибири были открыты настежь, ибо только при таком положении он имеет возможность с помощью своих экономических ресурсов придушить в дверях своего конкурента. Таков истинный смысл «мягкой либеральной» политики Америки в Сибири. Отсюда, деликатно выражаясь, «своеобразие» американско-японских отношений в Сибири. Оно становится еще более ярким при свете любопытных деталей, приводимых ген. Степановым и полк. Уордом.

«Соперниками японцев, — пишет колчаковский генерал, — являются только американцы, сильные с промышленной и финансовой стороны, но слабые в военном отношении. Соперничество это уже обозначается явно: японцы порой как бы издеваются над американцами. Недавно, например, на протест американцев по поводу ввода японцами значительно бо́льших сил, чем это было оговорено в условиях интервенции, японцы насмешливо ответили, что они ничего не имеют, если американцы введут сюда бо́льшее число своих войск, даже большее, чем это может сделать Япония... Генерал Накасима и другие японские офицеры по-азиатски стараются натравить на американцев других союзников и, особенно, нас, русских, всюду и везде подчеркивая, что американцы — явные сторонники большевиков».

Как ни курьезно это обвинение американских интервентов в большевизме, оно потом повторяется в устах колчаковских генералов, относящих американских солдат к категории «большевиствующих». В секретной военно-политической сводке колчаковского штаба за 1—15 октября 1919 г. мы даже наталкиваемся на любопытное заявление о том, что «американцы продолжают поддерживать большевистскую агитацию в Приморской области и в Забайкалье»[36]. Поводом к таким незаслуженным «обвинениям» служили выступления американцев против наиболее активных интервентов — японцев — и тот случай, когда американские войска взяли под свою защиту несколько сот русских солдат, восставших против вопиющих зверств головореза Калмыкова (и тут, конечно, сыграло определенную роль то обстоятельство, что Калмыков — я п о н с к и й ставленник).

Этот случай не является единичным. Уорд приводит целый ряд фактов о местных соглашениях начальника американского отряда генерала Гревса с красными партизанами и в частности возмущается тем, что американцы, вопреки мнению других союзников, издали приказ, объявляющий нейтральной зоной Сучанский район, в котором укрывались действовавшие против Калмыкова красные партизанские

отряды. «Офицеры Ленина и Троцкого, — негодует Уорд, — ухватились за этот приказ и сразу же начали собирать свои рассеянные силы. Через три недели они подняли большевистский флаг над своей главной квартирой под защитой флага Соединенных Штатов. На этой нейтральной зоне большевики организовали свои силы для нападения на японцев, стоявших по Амуру, спускали под откос союзные поезда с военным снаряжением, даже обменялись выстрелами со сторожевыми постами вокруг самого Владивостока, скрываясь всякий раз на американскую нейтральную зону, когда на них набрасывались войска верховного правителя».

И, настроившись под влиянием этих поистине весьма странных происшествий на философский лад, «истинный друг» русского народа и даже русских рабочих, как подчеркивает в своих записках Уорд, этот бывший профбюрократ в офицерской шинели, а теперь «спец» по русскому вопросу, глубокомысленно заключает:

«Огромной ошибкой Англии и Франции было оставить Америку и Японию с глазу на глаз без умеряющего влияния. Она вредит доброму делу (?! *М. Т.*), которое осуществляли союзники на Дальнем Востоке. Соперничество этих обеих держав в этой части света было хорошо известно, и его необходимо было избежать. Было бы слишком много ожидать, что они отложат свои споры из-за концессий и торговли и забудут их в бескорыстной помощи России. Государства вообще не являются филантропическими организациями, а Япония и Америка — меньше всех остальных».

б) Англо-французский антагонизм. Другое дело, конечно, христианнейшая Англия. Она в отличие от меркантильных американцев и японцев не искала в Сибири никаких земных благ, а только бескорыстно помогала русскому народу с помощью «верховного правителя» Колчака и его генералов установить на русской земле «демократический порядок». Это — по Уорду. В действительности же картина получается несколько иная. Раньше всего следует иметь в виду тот факт, что над всеми интервенционистскими шагами Англии доминировала боязнь увидеть возрождение старой великой единой России, исторической соперницы Великобритании. Если в последние годы накануне мировой войны острота англо-русского антагонизма несколько притупилась, то это объяснялось общностью интересов обеих стран в борьбе с быстро возраставшим могуществом Германии. Поскольку же последняя оказалась разбитой, а старая Россия возродилась бы, то такой поворот событий в широкой перспективе не сулил бы ничего хорошего великобританскому империализму. Если же говорить о ближайших пер-

спективах, то при начавшемся тогда дележе добычи в Версале Англии пришлось бы считаться с домогательствами представителей реставрированной России, которые, без сомнения, цеплялись бы за старые тайные обязательства союзников (Константинополь и т. д.). Все это отнюдь не было бы в интересах английского империализма. Наоборот, ему, как уже указывалось, было выгодно затягивание гражданской войны, ослабление и расчленение России. О его тайных вожделениях лучше всего свидетельствует откровенно-циничное заявление лорда Берти, занимавшего во время войны пост английского посла в Париже:

«Если только нам удастся, — пишет лорд, — добиться независимости буферных государств... т.-е. Финляндии, Польши, Эстонии, Украины и т. д., и сколько бы их ни удалось сфабриковать, то, по мне, остальное может убраться к чорту и вариться в собственном соку. Российская республика не была бы в состоянии управлять магометанскими ханствами в Средней Азии и кавказскими княжествами» [37].

Вот настоящая установка английского империализма! С какой же стати Англии, — думали про себя лорды-дипломаты, — оказывать широкую решительную помощь Колчаку и дать ему возможность быстро восстановить старую Россию — воскресить «русского медведя», протягивавшего лапы к Китаю, Персии, Афганистану и даже Индии? Не лучше ли ввиду угрожающей английскому империализму с другой стороны большевистской опасности оказывать Колчаку помощь лишь «постольку-поскольку» и в то же время использовать все возможности для укрепления своего влияния в Сибири? Так именно и поступала Англия. Если бы Англия высадила, как надеялись в лагере контрреволюции, сильный десант в Архангельске весной 1919 г., когда Колчак взял Пермь и Уфу, то кто знает, выдержала ли бы такой натиск с обеих сторон молодая Красная армия. Тот факт, что английское правительство на это не пошло, в значительной степени объясняется давлением пролетариата и нежеланием мелкой буржуазии, а также доминионов, после окончания тяжелой мучительной войны пуститься в новую военную авантюру. Значения этого фактора мы ни в коей мере не собираемся отрицать. Но если мы все же не видели со стороны английского империализма свойственных ему решительных, напористых и последовательных попыток навязать народу свою волю, то это уже объясняется тем отношением к России, которое нашло свое яркое выражение у Берти.

Это также подтверждается рядом фактов из истории взаимоотношений между Англией и Колчаком. Создание крупной, вполне самостоятельной колчаковской армии главнокомандующий английскими войсками

в России генерал Нокс вместе с представителями других держав, как мы видим в докладе ген. Степанова, саботировал. Он предпочитал подчинить армию английским инструкторам и английскому командованию. Но тут он натолкнулся на противодействие Франции, и ему пришлось уступить. В фактическом изъятии Сибирской железной дороги из рук «Всероссийского правительства» на время ведения военных операций против большевиков (а там видно будет...) Англия также принимала активное участие. А ведь достаточно представить себе, какую решающую роль в экономическом и военном отношениях играет единственная железнодорожная артерия в Сибири, чтобы понять все значение такого шага со стороны «доблестных союзников» колчаковской России. Помимо того, английские представители при Колчаке выработали план создания синдиката для будущего железнодорожного строительства в России, и свое участие в контроле над Сибирской железной дорогой рассматривали как начало будущего подчинения России своему экономическому влиянию, что, между прочим, признал колчаковский министр путей сообщения Устругов [38]. В конвенции от 16 января 1919 г., точно и жестко устанавливающей взаимоотношения между союзническим командованием с французским генералом Жаненом во главе и Колчаком, особо оговорены права ген. Нокса: «Генерал Нокс является сотрудником ген. Жанен по всем вопросам, касающимся снабжения, идущего из-за границы, и имеет общей задачей объединить помощь, оказываемую союзниками, в тыловом районе; по соглашению с русским военным министерством он определяет, совместно с ген. Жанен, заказы материальной части, которые надлежит делать у союзников... Кроме того, ген. Нокс будет иметь задачей содействовать в тыловом районе организации и обучению формируемых частей войск, руководствуясь при этом общими указаниями, даваемыми ген. Жанен».

Так как «тыловой район» понятие весьма растяжимое, то ген. Нокс, повидимому, пытался закрепить за собой такое положение, при котором он мог бы способствовать внедрению английского капитала в Сибирь, а потом и в «будущую Россию».

Но с этим не мог мириться французский империализм, который претендовал на монополию в «деле спасения» России. Когда ген. Нокс стал прибирать к рукам командование колчаковской армией, французские агенты в Омске стали бомбардировать Париж телеграммами об огромном ущербе, угрожающем престижу Франции, уступающей такую роль Англии. Четыре месяца тянулся торг между Лондоном и Парижем, и в результате победил последний — главнокомандующим был назначен ген. Жанен. Нужно отметить, что Колчак, которому стало слишком душно в объятиях «союзников», протестовал против наделения Жанена

полномочиями, ставящими русское командование в подчиненное положение, но союзники с Колчаком так же мало считались, как с Деникиным, Красновым, Миллером и прочими русскими генералами, и отношения между покровителями и покровительствуемыми здесь были не лучше, чем на юге.

в) Чехо-словаки и Колчак. Положение в стане сибирской контрреволюции осложнялось вследствие антагонизма между основным ядром контрреволюционных вооруженных сил — чехословаками и русскими белогвардейцами. Выше уже указывалось, что обманутые своими вождями чешские и словацкие рабочие и крестьяне не обнаруживали особого энтузиазма в борьбе за интересы российской контрреволюции. По мере того как военные действия затягивались, а контрреволюция сбрасывала с себя покровы «демократии» и предстала перед чехо-словаками во всей ее наготе как кровавая помещичье-генеральская реставрация, они все больше стали отходить от нее. И еще в начале 1919 г., когда процесс «разложения» чехо-словаков еще находился в первоначальной стадии, в Париж приехал из Сибири чехо-словацкий министр Стефаник и заявил, что чехо-словацкий корпус больше не может поддерживать Колчака и что если корпус не будет заблаговременно эвакуирован, то «сибирские политические условия очень скоро могут сделать чехо-словаков большевиками».

Что же касается русского населения Сибири, то оно в массе своей, за исключением кучки капиталистов, помещиков и военщины, убедившись на опыте, что «учредиловцы» и прочие «демократы» являются лишь лакеями царских генералов, восстанавливающих старый режим во всем его «блеске», скоро прониклось непримиримой ненавистью как к отечественным, так и иностранным «освободителям». Рабочие же с самого начала вели ожесточенную непримиримую геройскую войну с контрреволюцией, и никакие ужасы колчаковской контрразведки и восстановленной жандармерии, никакие расстрелы (в одиночку и «через десятого»), никакие закапывания живыми в землю, никакие порки, пытки и мучения не могли задушить революционное движение среди рабочих и ликвидировать большевистское подполье, в котором с изумительным бесстрашием и упорством систематически закладывались мины под власть контрреволюции. Прежде колебавшееся крестьянство, почувствовав на своей спине колчаковские аграрные «реформы» и нагайки восстановленных ими исправников, приставов, урядников и специальных «карателей», стало выделять из своей среды все новые и новые отряды красных партизан, которые держали под постоянной угрозой двигавшиеся по железной дороге колчаковские и союзнические эшелоны—всю колчаковщину.

Таково было внутреннее и внешнее положение сибирской контрреволюции в начале второго года существования советской власти. Таковы были те сложные противоречия в лагере иностранных империалистов, которые в значительной степени предопределили исход борьбы на растянувшемся на тысячи верст фронте, где сталкивались грудью, с одной стороны, империалистская интервенция и контрреволюция, а с другой — революция.

Борьба течений в Антанте и Принцевы острова.

Чтобы дополнить данный нами анализ как движущих сил, так и противоречий политики интервенции, следует еще остановиться на одном весьма важном моменте — парижских мирных переговорах, на которых победоносные вершители судеб истекавшей кровью Европы тогда решали «русский вопрос» и, в частности, выбирали позиции по отношению к «всероссийской власти» Колчака и советской власти.

Собственно говоря, по отношению к Германии Парижская мирная конференция носила характер не переговоров, а диктовки. Переговоры и разговоры — и притом не особенно приятные «разговорчики» — происходили между самими союзниками; Англия и Франция стремились оттеснить от пирога итальянских союзников и дрались между собой за гегемонию в будущей «реорганизованной» на основах «международной справедливости», «демократии» и пр. Европе; Америка пыталась умерить аппетиты как Англии, так и Франции, чтобы оградить себя в будущем от чересчур могущественных соперников. Недаром Бальфур еще до открытия конференции сказал, что она обещает быть «беспокойным делом» [39], а участник конференции б. американский статс-секретарь Лансинг с своей книге «The Peace Negociations» («Мирные переговоры») следующим образом характеризует атмосферу, создавшуюся вокруг конференции: «Интриги, козни, торг и комбинации... Всюду растет недовольство секретностью... Терпение исчерпано, люди приходят в возмущение; им до-смерти надоело шушукание дипломатов».

Один итальянский дипломат по этому поводу как-то заявил Лансингу: «Один говорит вам одно, и это неправда; другой говорит другое — и это опять неправда. Так чему же верить? Что делать? Прямо безнадежно!»

И вот в такой обстановке, обусловливаемой, с одной стороны, общим страхом перед большевизмом, а с другой — многочисленными внутренними антагонизмами, победители-союзники занялись «русским вопросом». Ныне опубликованные секретные документы о заседаниях Парижской конференции дают богатый материал для оценки борьбы течений вокруг союзной интервенции в описываемый период — начало второго года существования Советской Республики.

Раньше всего возник вопрос о русском представительстве на мирной конференции, так как все же неудобно было провозглашать «новую счастливую эру», совершенно игнорируя такую великую страну, как Россия. К тому же пользовавшийся поддержкой союзников «верховный правитель России» адмирал Колчак упорно добивался, чтобы ему и только ему была предоставлена возможность послать на конференцию делегацию, за которой должно быть признано монопольное право представлять всю Россию. В связи с этим Ллойд-Джордж выдвинул проект приглашения на Парижскую конференцию представителей советского правительства, равно как и всех контрреволюционных правительств на территории России не для участия в конференции на одинаковых правах с представителями западных держав, а только для изложения их точек зрения. Что руководило при этом Ллойд-Джорджем и поддерживавшим его Вильсоном? Послушаем раньше всего их самих, для чего приведем цитату из весьма интересного и любопытного протокола совещания представителей союзников в помещении французского министерства иностранных дел 16 января 1919 г. [40].

Ллойд-Джордж выдвигал следующие доводы:

«Во-первых, действительное фактическое положение вещей [в России] неизвестно. Во-вторых, невозможно добиться фактов; единственный путь — подвергнуть вопрос разбирательству (adjudicate the question); в-третьих, положение в России очень скверное; неизвестно, кто берет верх, но надежда на то, что большевистское правительство падет, не оправдалась (курсив наш.—*М. Т.*). Есть даже сообщение, что большевики теперь сильнее, чем когда бы то ни было, что их внутреннее положение сильно, что их влияние на народ теперь сильнее... Сообщают также, что крестьяне становятся большевиками...»

Хотя при защите своего плана приглашения советского правительства и контрреволюционных правительств на мирную конференцию у Ллойд-Джорджа, вероятно, была задняя мысль — создать впечатление, что Россия была заслушана на конференции, и вместе с тем свести на нет роль России в мирных переговорах путем использования противоречий среди русских делегаций, можно, однако, полагать, что в данном случае заявления Ллойд-Джорджа, как отличавшегося среди своих коллег относительной дальновидностью, до некоторой степени были искренни. Это подтверждается дальнейшими объяснениями Ллойд-Джорджа. Колчак,—говорил он,—собрал вокруг себя деятелей старого режима и в душе стремится к восстановлению монархии. Чехо-словаки это поняли, и они вовсе не намерены бороться за восстановление старого режима в России. «Если союзники рассчитывают на Колчака или Деникина, то они строят на песке». Выступая далее против идеи Клемансо о «санитарном кор-

доне» против Республики Советов, проще говоря—блокаде, Ллойд-Джордж, ставя точку над «i», сказал, что это не «кордон здоровья», а «кордон смерти», обречение на смерть 150-миллионного народа. И хотя против этого он возражал из соображений чисто-гуманитарного характера, следует полагать, что в действительности он уже тогда руководствовался впоследствии открыто защищавшейся им идеей невозможности восстановления разрушенной войной Европы без экономического сотрудничества с такой огромной и богатой всякими потенциальными возможностями страной, как Россия.

С еще бо́льшей решительностью Ллойд-Джордж выступает против плана французских военных кругов — отправки в Россию против большевиков достаточно сильной союзнической армии. Эту идею Ллойд-Джордж просто называет «безумием». Ввиду исключительного интереса этой части заявлений Ллойд-Джорджа, цитируем их:

«Верно, что большевистское движение столь же опасно для цивилизации, как германский милитаризм (*! М. Т.*). Но уничтожить его мечом... это означало бы оккупацию нескольких провинций в России. Германия, имея миллионы человек на восточном фронте, держала только край этой территории. Если послать теперь для этой цели тысячу британских солдат в Россию, они взбунтовались бы... Мысль о том, чтобы уничтожить большевизм военной силой — безумие... Военный поход против большевиков сделал бы Англию большевистской и принес бы Лондону Совет» (курсив наш.—*М. Т.*).

Эти слова заслуживают особого внимания. Они показывают, насколько велик был страх перед лишь начавшим строить свою вооруженную силу большевизмом у тех, в чьем распоряжении находились миллионы штыков, у тех, кто только что повергли в прах такого могучего противника, как Германия; они показывают, что вершители судеб мира не доверяли своим рабочим и крестьянам, — опасались посылать их против большевистской России и что эта косвенная помощь со стороны пролетариата сыграла огромную роль в деле спасения Советской Республики от хищнического союзнического империализма.

Тот же страх перед «большевистской опасностью» чувствуется и в словах Вильсона, который поддержал предложение Ллойд-Джорджа. Вильсон, этот великий проповедник мира, штыком начертавший на своих скрижалях свои священные 14 заповедей и давший исстрадавшемуся человечеству великую хартию Лиги наций, пустил слезу по поводу «недоразумения» между трудом и капиталом, питающего большевизм: «Жестокий большевизм, — заявил проповедник из Белого дома, — нигде не встретил бы сочувствия, если бы крупные частные интересы (larg evested interests) не занимали господствующего положения в политике и экономике всех стран».

Это, конечно, весьма близко к истине. Президент, однако, оговаривается, что «это зло поддается лечению путем постепенных реформ», но вынужден признать, что, «вследствие непроведения реформ, широкими массами овладело нетерпение... Большинство, состоящее из широких масс рабочих..., не доверяет меньшинству (капиталистам) и чувствует, что это меньшинство никогда не восстановит его в правах... Весь мир был в смятении в связи с этим вопросом еще до того, как большевики пришли к власти. Семена нуждаются в почве, и большевистские семена нашли эту почву подготовленной для них».

Нужно отдать справедливость Вильсону: в объяснении природы большевизма он поднялся выше теории о «германских агентах». Характерно также, что накануне заседания Парижской мирной конференции, о которой идет речь, Вильсон отправил атташе американского посольства в Париже Буклера в Стокгольм к Литвинову с поручением в «частном порядке» прозондировать почву насчет взглядов советского правительства на мир с союзниками. Именно предложения Литвинова и дали определенный толчок дебатам в Париже.

Все это, конечно, не мешало ставленнику американской буржуазии искать средств борьбы с Советской Россией. Но в методах борьбы Вильсон расходился с Клемансо и приближался к точке зрения Ллойд-Джорджа. Вильсон рассуждал следующим образом: выступая против большевизма с оружием в руках, союзники только помогают делу большевизма; союзники дают возможность большевикам аргументировать, что «империалистические капиталистические правительства хотят эксплоатировать страну, вернуть землю помещикам и таким образом восстановить реакцию; если бы можно было доказать, что это неверно и что союзники намерены иметь дело с правителями России, этот аргумент в значительной степени потерял бы в моральной силе; если бы союзники могли преодолеть свою гордость и естественное отвращение, которое они питают к большевикам, и пригласили бы представителей всех организованных групп России в одно определенное место, то это привело бы к значительной реакции против большевизма» [41].

Такова была в то время программа Вильсона. Он надеялся осторожной тактикой политического обволакивания России изжить большевизм, выжить его из «цивилизованного» мира. Правда, когда он произносил эти речи против вооруженного вмешательства, американские войска находились на территории РСФСР — в Архангельске и Сибири, где они на-ряду с англичанами и французами штыком вмешивались во внутренние дела России. Но в интересах объективности анализа следует констатировать, что американская интервенция все же носила половинчатый и нерешительный характер.

Другую позицию занимал Клемансо. «Тигр» был непримиримым. Он говорил о том, что большевистская опасность угрожает всей Европе, что нельзя вступать в переговоры с большевиками, так как это подняло бы их до уровня таких людей, как сам Клемансо и его почтенные коллеги, что против них нужно действовать решительно. Клемансо вновь напоминал о своем методе лечения от большевизма — «санитарном кордоне». Но в конце концов Пуанкаре пришлось пойти на уступки, и в результате было принято предложение Вильсона и Ллойд-Джорджа о приглашении советского правительства и всех антибольшевистских правительств России на мирную конференцию на Принцевы острова в Мраморном море. (На этих заброшенных островах гг. «миротворцы» остановились потому, что они опасались пускать большевиков в свои страны.)

Ввиду продолжавшихся трений между союзниками, официальное оповещение советского правительства о приглашении на Принцевы острова задерживалось. Но советское правительство, основываясь на сообщениях печати в радиограмме союзным правительствам от 4 февраля 1919 г., известило их о своем согласии участвовать в предполагаемой конференции. Более того, советское правительство не только согласилось сесть за один стол с белогвардейскими группировками и признать за ними захваченные с помощью иностранных штыков огромнейшие территории, но изъявило согласие даже на следующие условия: признание долгов, оплата процентов сырьем, предоставление концессий, обсуждение вопроса об аннексии русской территории союзниками!

Все это — за прекращение интервенции, за мир, за хлеб...

Чем же объяснить тот факт, что советское правительство тогда готово было пойти на такие тяжелые жертвы? — Раньше всего, чрезвычайно тяжелым положением Советской Республики, мучительной борьбой на всех фронтах, лютым голодом и страшной разрухой. Но немалую роль при этом сыграла господствовавшая тогда уверенность, что быстрыми решительными шагами приближается европейская революция, которая в самом скором времени освободит пролетариат СССР от оков необходимого в данный момент, ради получения новой передышки, нового Бреста:

«Мне кажется, — говорил т. Ленин в отчете ЦК VIII съезду РКП 18 марта 1919 г., — то предложение, которое сделала советская власть союзным державам, или, вернее, то согласие, которое наше правительство дало на известное всем предложение насчет конференции на Принцевых островах, мне кажется, это предложение и наш ответ кое в чем, и в довольно существенном, воспроизводит отношение к империализму, установленное нами во время Брестского мира... Мы ответили согласием на предложение конференции на Принцевых островах. Мы знали, что идем на мир чрезвычайно насильнического характера.

Но, с другой стороны, мы теперь больше знаем о том, как подымается в Западной Европе революционная пролетарская волна, как брожение переходит там в сознательное недовольство, как оно ведет к организации всемирного советского пролетарского движения. Если тогда мы шли ощупью, если тогда мы гадали на основе наших теоретических убеждений, когда может разразиться революция в Европе, — то теперь у нас уже есть целый ряд фактов, показывающих, как назревает революция в других странах, как началось это движение. Вот почему по отношению к Западной Европе и к союзным державам нам приходилось или придется повторить многое из того, что мы совершили во время Брестского мира. После брестского опыта нам будет гораздо легче это сделать» [42].

Да, советское правительство рассчитывало на то, что революционный подъем в странах Антанты, питаемый так называемыми «демобилизационными» настроениями, скоро выльется в форму настоящей революции и, в ожидании выручки со стороны западно-европейского пролетариата, оно готово было пойти на любые жертвы, лишь бы получить до зарезу необходимую передышку. Но белогвардейские правительства, повидимому, по наущению из Парижа, артачились, и большинство из них отказалось от участия в конференции, и вся затея так и расстроилась.

Но, если белогвардейцы в надежде на своих союзников отказывались сесть за один стол с большевиками, то союзники — и в особенности англичане — не особенно дорожили присутствием их русских друзей на мирной конференции: несмотря на усердное обивание порогов министерств в Лондоне и Париже, представителям «верховного правителя» России Колчака так и не удалось быть допущенным на конференцию.

Один из этих представителей, Савинков, впоследствии перед Верховным судом СССР довольно правильно охарактеризовал политику союзников: «Выходило так: Красную Россию они не признавали, и не только не признавали, но всячески подстрекали к борьбе с вами, а Россию, которую они рассматривали, как союзную, о которой они говорили, что она свои военные обязательства выполнила... — нас — они держали на задворках. Выходило так, что, по их точке зрения, России вообще нет никакой и что они могут распоряжаться, как им угодно» [43].

Это действительно так. Мы уже видели неоднократно, что именно такова была позиция Антанты по отношению к их «союзнице» — «белой России» — позиция бесчестного опекуна, который думает только о том, как бы заработать на объекте опеки.

Что же касается отношения союзников к большевистской России тот момент, то неудачливый план Принцевых островов лишь подчеркнул противоречия в лагере союзников, зигзагообразность и непоследовательность политики Антанты по отношению к России. Можно даже утверждать, что предложение о Принцевых островах, несмотря на содержав-

шиеся в нем кабальные условия для советского правительства, было предвестником краха политики «священной» войны против большевизма, ибо как-никак оно предполагало переговоры с ненавистными врагами «цивилизации»...

Идея «Принцевых островов», однако, вслед за ее провалом была повторена вторым изданием — миссией Буллита.

Вильям Ч. Буллит, журналист, сотрудник информационного отдела при американской мирной делегации на Парижской конференции, в конце февраля 1919 г. вслед за принятием Верховным советом плана о Принцевых островах был послан американским министром иностранных дел Робертом Лансингом в Россию, с целью неофициальным путем выяснить отношение советского правительства к условиям мира с контрреволюционными правительствами и с союзниками. При этом член американской делегации полковник Гауз заявил Буллиту, что Соед. Штаты готовы прекратить интервенцию против Советской России и установить с ней торговые сношения, при условии, если советское правительство заключит мир со своими противниками внутри страны.

Такое же заявление сделал Буллиту секретарь и ближайший сотрудник Ллойд-Джорджа Филипп Керр. Последний даже вручил Буллиту в письменной форме проект установления нормальных отношений с советским правительством на условиях, изложенных полк. Гаузом. И хотя Керр указывал, что эти условия не являются официальными, не подлежит никакому сомнению, что они были продиктованы Ллойд-Джорджем.

Буллит прибыл в Москву и был хорошо встречен Лениным. Последовали переговоры, и 14 марта тов. Чичерин вручил Буллиту проект мирного предложения союзникам, который в общем и целом совпадал с их вышеупомянутыми требованиями. С этими предложениями, а также с личным докладом, опровергающим все нелепые измышления о Советской России, Буллит вскоре вернулся в Париж. Но, хотя Ллойд-Джордж и Вильсон готовы были продолжать политику «Принцевых островов», этот новый план также расстроился, вследствие противодействия Франции и оппозиции английских консерваторов. Некоторое влияние оказало также то обстоятельство, что Колчак в то время добился на фронте частичных успехов, которые были раздуты буржуазной печатью в блестящие победы, предвещающие скорую и неминуемую гибель большевиков.

Когда потом Ллойд-Джорджу в парламенте был задан вопрос о мирных предложениях советского правительства, врученных Буллиту, он притворился, что ничего о них не знает. «Это был наиболее замечательный случай обмана общественного мнения, может быть, самый дерзкий, какой я знаю за всю свою жизнь»,— возмущался потом Буллит [11].

Но это, конечно, был не первый и не последний «дерзкий обман» со стороны английской дипломатии *).

Ставка союзников на Колчака.

После всех этих шатаний Ллойд-Джорджа и Вильсона курс на интервенцию становится решительнее. В порядок дня ставится вопрос об официальном признании правительства Колчака «всероссийской властью», ставший особенно актуальным в интервенционистских кругах ввиду успехов белых под Петроградом в мае. Но, чтобы оправдать интервенцию в глазах общественного мнения европейских стран, нужно было, чтобы такая власть носила «демократическое» обличие. Вот почему союзники в ноте недавно совершившему переворот царскому адмиралу и убежденному монархисту Колчаку лицемерно требуют от него официального признания принципов «демократии». В ноте Верховного совета от 26 мая 1919 г. союзники, открыто изъявляя готовность помочь Колчаку аммуницией против советского правительства (все это при «кардинальной аксиоме — избежания вмешательства во внутренние дела России»!), выдвигают ряд «демократических» требований — созыв Учредительного собрания, «как только Колчак и его союзники придут в Москву», отказ от реставрации старого режима, признание независимости окраинных государств и, конечно, признание царских долгов. Из всех этих требований только последнее отличается полной искренностью. Что же касается «требований» о «демократии», то достаточно сказать, что план переворота Колчака был разработан в поезде союзнической миссии в Омске. Когда же (22 декабря 1918 г.) в Омске происходило революционное восстание против Колчака, полк. Уорд помогал своим отрядом самозванному «верховному правителю».

Колчаку, конечно, не стоило большого труда принять условия союзников, о чем он их оповещает в меморандуме от 4 июня. Нужно, впрочем, отметить, что часть меморандума, касающаяся самоопределения Эстонии, Литвы, Латвии и Кавказа, написана в настолько неопределенных туманных выражениях, что это вызывает коллективный протест

*) Буллит вскоре подал в отставку, отправив президенту Вильсону письмо, в котором между прочим, писал: «Я был один из миллионов тех людей, которые слепо доверялись вашему руководству и верили, что вы добьетесь по меньшей мере «вечного мира» на основе «бескорыстной справедливости»... Но теперь я не могу уже убеждать себя в том, что для меня как для сотрудника этого правительства возможна продуктивная работа по установлению «нового мирового порядка»... Россия как «пробный камень доброй воли» (намек на трактующий о России 6-й пункт из 14 пунктов Вильсона. *М. П.*). для... вас осталась даже непонятной».

Это интересное письмо выражает протест мелкобуржуазной интеллигенции против интервенции, протест, сыгравший определенную роль как противоядие по отношению к бешеной антисоветской пропаганде буржуазии.

союзному Верховному совету со стороны правительств окраин. В тактике Колчака тут сказывалась старая великодержавная закваска представителей российской контрреволюции, которые, даже в самые трудные моменты, на клочках территории или даже на территории уже самоопределившихся частей бывшей царской империи (Юденич в Эстонии) не хотели «даровать» самостоятельности «инородцам»! Колчак в этом вопросе проявлял тупое упорство, ставившее его прямо в комичное положение. Когда Колчак, приблизительно во время этих его переговоров с Верховным советом, получил от финского диктатора генерала Маннергейма предложение двинуть стотысячную финскую армию на Петроград взамен за признание независимости Финляндии, колчаковский министр иностранных дел Сукин дал генералу — по характеристике этого колчаковского дипломата — «такой ответ, который отучил бы его впредь обращаться с такими дерзкими и непріемлемыми для великодержавной России предложениями» [45]. Все это звучит, прямо-таки как забавный анекдот, но это — исторический факт, сыгравший немалую роль в крушении интервенции и победе революции.

Верховный совет, не имевший тогда никакой определенной политики по отношению к новым государственным образованиям на территории бывшей Российской империи, признал, однако, ответ Колчака удовлетворительным, и сочувственное подтверждение этого ответа (13 июня 1919 г.), по существу говоря, означает признание союзниками Колчака верховным правителем России и открытое объявление войны Советской России.

В то самое время, когда «демократические» союзники и «демократ» Колчак обменивались декларациями об Учредительном собрании, земствах, аграрных реформах и т. д., в колчаковской сатрапии «легально» и нелегально расстреливали солдат и даже офицеров за агитацию в пользу Учредительного собрания, за отказ встать при гимне «Боже, царя храни»; в Иркутской губернии генерал Волков через десятого расстреливал «большевиствующих» крестьян, в Енисейской губернии генерал Розанов ввел заложничество в систему; в Забайкальской области атаман Семенов нагайками порол крестьян; в Омском военном округе генерал Матковский вешал большевиков на телеграфных столбах Сибирской железной дороги, в Приморской области предавались огню и мечу целые деревни, заподозренные в сочувствии большевизму...

А внутри колчаковскую «демократию» разъедали хищения, разграбление народного достояния и взяточничество, которое свило себе прочное гнездо как в низах реставрированного царского бюрократического аппарата, так и в самой верхушке. «На Дальном Востоке,— пишет в своих воспоминаниях бывший управляющий военным министерством

Колчака и принципиальный монархист барон Будберг[46], — одним из крупнейших препятствий к водворению порядка и законности являются атаманы и окружившие их банды насильников, интриганов и темных жуликов, прикрывающих высокими и святыми лозунгами всю разводимую ими грязь и преследование личных, шкурных, честолюбивых, корыстолюбивых, чрево-и плотоугодных интересов». Грабили почти открыто. Генерал Хорват, одно время представитель «Всероссийского правительства» на железнодорожной станции Гродеково, а потом представитель тоже «Всероссийского правительства» в Манчжурии, присвоил себе 18 тысяч десятин казенной земли; сподвижник Хорвата — Тютюков — 12 тысяч десятин и т. д., воровали и по чину и не по чину.

Таков тот режим, на который ставили ставки представители западной «цивилизации» Клемансо, и Вильсон, и Ллойд-Джордж. Фактическое признание Колчака и широкая помощь, оказанная ему союзниками, однако, не могли спасти этого режима. Процесс его внутреннего разложения в то время уже зашел очень глубоко. Действовавшие раньше разрозненно красные партизанские отряды объединяются, нападения на железную дорогу принимают организованный, систематический характер; к маю 1919 г. почти весь север Енисейской и Томской губернии уже находится во власти партизан; на почве скандала по поводу взяточничества начальника колчаковского штаба, генерала Лебедева, главнокомандующий фронтом чехо-словацкий генерал Гайда уезжает из Омска на восток; часть чехо-словаков от пассивного сочувствия красным переходит к оказанию им поддержки.

Чувствуя, что почва уходит из-под ног, Колчак срочно телеграфирует в Париж о готовности признать самостоятельность окраинных государств и, намекая союзникам на щедрую плату за помощь, обещает предоставить им «самые широкие возможности для применения ими своих технических и материальных сил». Другими словами, «приходите княжить нами и володети» — только спасите от большевиков! Но помощь от союзников шла медленно, а Красная армия, подвигаясь быстро навстречу красным партизанам, перешла Урал и к началу августа освободила от «колчаков» восточную часть Сибири до реки Тобол. Здесь наступление временно приостанавливается с целью собирания сил для дальнейших боев.

Преодоление осеннего кризиса 1919 г.

Отвлечение сил на колчаковский фронт ухудшило положение на других фронтах. В мае Деникин, подкрепленный значительными поставками аммуниции со стороны Антанты и изменой анархо-бандита «батьки» Махно советской власти, переходит в наступление. Усталая, голодная,

плохо экипированная Красная армия в беспорядке отступает (следует иметь в виду, что это был период крестьянских восстаний против советской власти в Казанской губернии, районе Сызрани и других местах, на почве суровой выкачки хлеба, а также момент серьезных забастовок на почве голода в Петрограде, в которых участвовали тысячи рабочих). К 20 июня 1919 г., когда Деникин возвещает «поход на Москву», он занимает своими войсками Крым, Донскую область, Царицын, значительную часть губерний Воронежской, Екатеринославской и Харьковской. Пользуясь благоприятным переломом на колчаковском фронте, партия мобилизует лучшие силы и бросает их на деникинский фронт. В августе удается на время задержать наступление врага. Но в то же время деникинский генерал Мамонтов с его десятитысячным кавалерийским отрядом под Новохоперском прорывает красный фронт, пробирается в глубокий тыл Красной армии через Воронеж и Тамбов вплоть до Рязани, производя там кровавые набеги и опустошения. В борьбе с Мамонтовым создается красная конница Буденного, которая наносит решительные удары противнику (в конце сентября). Основная цель набега Мамонтова — поднять широкое восстание крестьян против советской власти — все же не удалась. Между тем начинается новое наступление Деникина. 21 сентября деникинцы берут Курск, а 13 октября — Орел; контрреволюция готовится с юга нанести удар в самое сердце Советской республики — взять Москву.

В то же время нависает угроза над северной столицей — над Петроградом, на который наступает генерал Юденич.

«Правительство» генерала Юденича было сколочено на территории Эстонии английским империализмом в тот момент, когда последний под давлением английского рабочего класса и либеральных кругов вынужден был решиться на эвакуацию Северной области. Для уяснения причин эвакуации весьма характерен следующий разговор английского главнокомандующего генерала Айронсайда с представителем русского белого правительства эсером Б. Соколовым:

«Мое мнение,—говорит генерал,—надо ликвидировать северный фронт. Он совершенно никому не нужен. До недавнего времени я был горячим сторонником того, чтобы сохранить Северную область, чтобы продолжать помогать здешним русским бороться с большевиками и всеми силами я защищал эту позицию перед Foreign Office (министерством иностранных дел). Но теперь я больше не могу этого делать. Эти бунты в полках, а особенно настроение г. Архангельска и деревень, убедили меня, что большинство сочувствует большевикам. Так к чему же тратить такую уйму денег, да к тому же совершенно без пользы? Для меня ясно, что русские не хотят воевать с большевиками». И на вопрос,

что же будет с Северной областью после ухода англичан, Айронсайд отвечает: «Когда мы уйдем? Но, конечно, вслед за нами придут большевики. И чтобы было меньше жертв, надо, чтобы русские офицеры и вообще все антибольшевики уехали вместе с союзными войсками [47]».

Любопытно также, что английское командование, вопреки протестам белого северного правительства, решительно требовало, чтобы русские военные власти тоже эвакуировались вместе с англичанами. Оно также потопило в Двине на сотни тысяч фунтов стерлингов военного снаряжения, которого нельзя было вывезти, и не отдало его оставшимся белым. Следует также отметить, что и на севере, точно так же как на юге и в Сибири, сказывалась тактика англичан, поддерживать российскую контрреволюцию лишь «постольку-поскольку»,— постольку, поскольку нужно помешать, с одной стороны, объединению России под властью большевиков, а с другой — под властью сторонников «великой единой неделимой России».

Итак, в тот самый момент, когда Деникин приближался к Москве, английские войска эвакуировали Архангельск (26—27 сентября 1919 г.). Но тут же, для продолжения борьбы с большевиками и, пожалуй, в надежде усилить свое влияние на Балтийском море, англичане сформировали новое русское правительство — «правительство Северо-западной области» на территории Эстонии. Буржуазная Эстония, созданная после свержения эстонской советской власти в феврале 1919 г., с помощью английского оружия, содержала на своей территории русский белогвардейский корпус, впоследствии перешедший под командование ставленника Колчака генерала Юденича. На базе сотрудничества эстонского буржуазного правительства и этого корпуса в борьбе против Советской России англичанами и было сфабриковано в августе 1919 г. в Ревеле правительство Северо-западной области России, фактически подчиненное военному министру генералу Юденичу, а через него — Колчаку. Термин «сфабриковано» — не просто фигуральное выражение. Вот что рассказывают сами деятели контрреволюции о методах сформирования этого правительства в зале английского консульства в Ревеле английским генералом Марш:

«Генерал Марш предложил нам, русским, немедленно, не выходя из комнаты, образовать демократическое [!] *(М. Т.)* русское правительство, которое сегодня же должно заключить договор с Эстонским правительством. Текст договора он тут же огласил. Если, прибавил генерал Марш в заключение, правительство не будет к 7 часам образовано, то всякая помощь со стороны союзников будет сейчас же прекращена. Его буквальные слова — «мы вас будем бросать» (генерал говорил по-русски, но плохо). Генерал Марш передал М. Г. Суворову текст предложенного к заключению с эстонцами соглашения и список лиц, которых он предлагает включить в состав пра-

вительства Северо-западной области, и вместе с представителями английской, французской и американской миссий удалился, заявив, что вернется за ответом в 7 часов. В это время было 6 ч. 20 м.[48]

И что же? Представители русской «демократии», «будущие» правители России немедленно исполнили требование бравого английского генерала и даже дали единогласный ответ до 7 часов,— настолько они торопились спасти Россию под руководством генерала Марша! Так было создано «правительство» Лианозова, в котором главную роль играл генерал Юденич, «будущий» освободитель северной столицы от «ига большевиков».

Впрочем, правительство Юденича служило не только союзникам. Оно было связано и с германской военщиной, стремившейся сохранить свое влияние в Прибалтике и после вынужденной эвакуации. С этой целью в Латвии была сформирована так называемая «железная дивизия» из германских добровольцев, прельстившихся обещанием получить землю в Прибалтике; здесь же подвизались отряды русских авантюристов Бермонта-Авалова и князя Ливена, и другие части. Во всех махинациях особую роль играл германский генерал фон-дер-Гольц, причем входившие в правительство германские с.-д. смотрели сквозь пальцы на эту авантюру. Что же касается отношения англичан к этим тайным связям правительства Юденича, то оно отличалось двойственностью: с одной стороны, они (в частности, Черчилль и его сторонники) были непрочь использовать в борьбе с Советской Россией силы, находящиеся под германским влиянием, но, с другой стороны, они боялись этого влияния. Этой боязнью можно объяснить обращение начальника союзных военных миссий в Прибалтике к правительству Юденича, в котором он предостерегает его от связи с Германией.

«Многие русские командиры,— пишет генерал Гоф в свойственном английским покровителям российской контрреволюции тоне,— до такой степени тупоумны или коротки памятью, что уже открыто говорят о необходимости обратиться к немцам за помощью против воли союзных держав. Скажите этим д у р а к а м, чтобы они прочли мирный договор. Все, что Германия имеет, уже ею потеряно... Немцы снаряжали войска Ливена краденными припасами. Через несколько недель все германские припасы должны быть сданы нам»[49].

Но на этом интриги вокруг и внутри правительства Юденича еще не кончаются. Отношения между хозяевами эстонцами и их гостями — русскими белогвардейцами — не отличались особой искренностью. Хозяева не без оснований опасались, как бы гости не сели им на шею, подобно тому, как это сделал Бермонт-Авалов по отношению к латышам. Столь же запутаны были отношения Юденича с финнами. Юденич никак не мог сторговаться с финляндским правительством насчет цены за помощь в наступлении на Петроград. К тому же часть финской буржуазии

так же, как и эстонская, опасалась, что восстановление старой России может означать конец самостоятельности Финляндии. Ей приходилось также учитывать борьбу финского пролетариата против интервенции.

Нужно ясно представить себе всю эту закулисную сторону похода на Петроград, чтобы понять дальнейший ход событий в тот момент, когда Деникин приближался к Москве, и мировая буржуазия была уверена в том, что дни ненавистной власти большевиков сочтены.

11 октября начинается второе (после мая) наступление Юденича на Петроград. 16 октября войска Юденича вторгаются в Красное Село. Положение становится угрожающим. В Петроград перебрасываются партийные силы и военные подкрепления; мобилизуется весь пролетариат; формируются также боевые отряды из работниц; принимается решение, в случае вступления врага в столицу, защищать каждую улицу, каждый дом; в городе возводятся баррикады, укрепления и прикрытия для пушек; чувствуется, что изголодавшаяся, измученная революционная столица напрягает последние силы для последнего решительного боя.

Наступление врага продолжается еще четыре дня. Враг настолько уверен в победе, что, когда 20 октября белые офицеры в Детском Селе предлагают генералу Глазенкампфу бинокль, чтобы посмотреть на Петроград, он отвечает, что завтра увидит столицу и без бинокля. В тот же день радио Юденича разносит по всему миру весть, что Красный Петроград уже взят белыми. Генерал Юденич, однако, поторопился, а генерал Глазенкампф напрасно не воспользовался биноклем...

22 октября Красная армия перешла в наступление и завладела Детским Селом; 3 ноября — Гатчиной; 7 ноября, в день второй годовщины Октябрьской революции — Гдовом. Через неделю — Юденич уже окончательно разгромлен. Северная революционная столица — спасена.

Одновременно Красная армия наносит сокрушительный удар Деникину, который к 17 октября уже продвинулся до Новосиля Тульской губернии, создавая самую непосредственную угрозу Москве. 19 октября намечается перелом на южном фронте. Под Воронежом конница Буденного наносит решительный удар Мамонтову; 17 ноября Красная армия берет Курск; 11 декабря — Харьков, 12 декабря — Полтаву, 16 декабря — Киев. Деникинщине нанесен смертельный удар, и только на крайнем юге и в Крыму она удерживает свои позиции.

Разгрому главных сил российской контрреволюции на юге предшествовала эвакуация союзных войск из района Одессы и др. южных портов. Эта вынужденная эвакуация составляет одну из самых блестящих страниц в истории помощи, оказанной Российской революции международным пролетариатом. Чем дольше длилась оккупация, тем больше «разлагались» союзные армии и, в частности, французские солдаты

и матросы, с которыми подпольным и партийным организациям удалось, несмотря на неистовый террор со стороны командования, установить тесный контакт. Был расстрелян руководитель подпольной работы в Одессе Николай Смирнов (Ласточкин), предварительно подвергшийся страшным пыткам, и ряд других подпольщиков из «иностранной коллегии», занимавшейся пропагандой в союзной армии; была расстреляна рабочая демонстрация в Севастополе; были расстреляны заподозренные в большевизме солдаты французского 19-го артиллерийского полка. Но все это не помогло: революционизирование оккупационных войск шло быстрым темпом. Восстание матросов броненосца «Мирабо» в севастопольском порту под руководством т. Марти (20 апреля 1919 г.) послужило сигналом для всего французского флота не только в Черном, но и в Средиземном море. Примеру Одессы последовал Севастополь, где 20 апреля матросы крупнейших французских кораблей выбросили красный флаг и демонстрировали в городе вместе с рабочими. В Херсоне французский полк отказался итти в бой против атамана Григорьева. В самой Франции матросы отказывались отплыть в Черное море. В таких условиях французское правительство вынуждено было приступить к эвакуации черноморского побережья и впоследствии при уходе из Одессы французское командование имело удовольствие видеть, как французские солдаты и моряки с пением «Интернационала» дефилировали перед зданием Совета.

Эти блестящие победы пролетариата на севере и на юге увенчиваются грандиозными победами на востоке — над Колчаком. 14 ноября сибирская группа Красной армии, пополненная десятками тысяч партизан, взяла Омск. Сам Колчак бежит. Но революция гонится за ним по пятам, а союзники его — чехи и эсеры — в жалкой попытке в последнюю минуту реабилитировать себя перед революцией, преграждают ему путь к отступлению. Колчак ищет помощи у своего хозяина, генерала Жанена, умоляя дать ему возможность эвакуироваться. Но Жанен уже бессилен. Чехо-словаки в паническом бегстве на восток выбрасывают из вагонов колчаковских генералов и министров; наконец, решается участь самого Колчака. Его союзники французы выдают его другим союзникам чехо-словакам, а те — в виде искупительной жертвы — эсеровскому Политическому центру, а центр, в свою очередь, по тем же соображениям, — Ревкому Красной армии для суда и впоследствии — расстрела. Такова жестокая ирония судьбы российской контрреволюции.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

РЕЦИДИВИВ ИНТЕРВЕНЦИИ

(1920 г.)

Мирные переговоры с окраинными республиками. — Начало переговоров с Англией. — Снятие блокады. — Снова интервенция. — Ставка на Врангеля. — Война с Польшей.

„Окно в Европу". Только после блестящих военных побед Советской Республики над Колчаком, Деникиным и Юденичем враги начинают прислушиваться к ее мирным предложениям, и начало (но только начало) третьего года существования советской власти знаменуется значительным ослаблением напряженности ее отношений с капиталистическим миром, мирными переговорами с окраинными республиками, снятием блокады с РСФСР и взаимным нащупыванием почвы для англо-советского сближения.

25 ноября 1919 г. в Копенгагене открываются переговоры об обмене военнопленными между тов. Литвиновым и представителем Англии, деятелем Рабочей партии О'Греди. Несмотря на узкую цель переговоров, они имели большое политическое значение как первая дипломатическая встреча между Англией и Советской Россией после разрыва сношений, интервенции и блокады. Помимо того, пример Англии придал храбрости малым странам — Швеции, Австрии, Венгрии, Швейцарии и Голландии, решившимся протянуть руку уполномоченным большевистской России. Даже Франция, самая активная в деле интервенции, присоединилась к переговорам по обмену пленными, и со всеми перечисленными странами было достигнуто соглашение по этому вопросу.

Этот вынужденный сдвиг в политике великих держав оказал большое влияние на правительства окраинных государств. 5 декабря в Юрьеве открываются мирные переговоры с Эстонией. (В советскую делегацию входили тт. Красин — председатель, Литвинов,

Радек, Иоффе и др.) Эти переговоры, принесшие Советской России первый, после начала интервенции, мир, имели крупное политическое значение. Они особенно рельефно выявляли крах политики западного империализма и российской контрреволюции по отношению к окраинным государствам. Отягивание великими державами вопроса о признании, вытекавшее из их взаимоотношений с русской шовинистской контрреволюцией, дало понять этим мелким государствам, что они служат лишь разменной монетой в крупной интервенционистской игре, и они стали внимательнее прислушиваться к мирным предложениям советского правительства.

Что же касается русских белогвардейцев, то они всей своей, прямо-таки до идиотизма тупой, политикой толкали окраинные государства на мир с безоговорочно признавшим их независимость советским правительством. Это, в частности, относится к оперировавшим на территории Эстонии русским контрреволюционным группировкам. Для характеристики их политики достаточно привести следующий анекдотический случай. В феврале 1919 г. в Ревеле съехалась какая-то белогвардейская «делегация» для переговоров с бело-эстонцами о совместных действиях против Советской России в составе князя Волконского, генерала Суворова и др. И вот гости, нашедшие себе приют на территории Эстонии, заговаривают с хозяевами о будущем устройстве Эстонской губернии в пределах «будущей» России!

Не лучше складывались отношения между буржуазной Эстонией и Юденичем в период их общей борьбы против Советской России. В меморандуме к Верховному совету от 16 декабря 1919 г. по поводу эстонско-советских переговоров эстонское правительство горько жалуется на коварство Юденича, интригующего против самостоятельности Эстонии и, подчеркивая перед великими державами свои горячие антибольшевистские чувства, все же уведомляет их о твердом решении установить мир с Советской Россией.

Маленькая мелкобуржуазная Эстония решилась, наконец, выбраться из тупика, в который ее загнала буржуазия Антанты и ошибки своей собственной политики. Пример Эстонии оказал большое влияние и на другие окраинные государства, которые находились в аналогичном положении, и начало 1920 г. отмечается значительными достижениями советского правительства на этом дипломатическом фронте: 2 февраля состоялось подписание мирного договора с Эстонией в Юрьеве, 31 марта — предложение Литвы о мирных переговорах, завершающееся подписанием мира 12 июля в Москве, 16 апреля — открытие мирной конференции с Латвией в Москве, завершившейся подписанием мирного договора в Риге 11 августа; 7 апреля после продолжительной дипломати-

ческой переписки последовало согласие Финляндии на переговоры о перемирии (мирный договор был подписан 14 октября в Юрьеве).

16 января 1920 г. Верховный совет Антанты выносит постановление о снятии блокады с Советской России. Значение этого перелома станет особенно ясно, если вспомнить, что всего лишь за три месяца до него — 25 октября 1919 г. — Верховный совет обратился с нотой к Германии и нейтральным странам, в которой требовал от них принятия участия в блокаде Советской России. Повидимому, быстро последовавшие друг за другом в течение этих трех месяцев сокрушительные удары по Юденичу, Колчаку и Деникину повлияли также на гг. Клемансо, Ллойд-Джорджа и Вильсона.

Актом 16 января 1920 г. высшая инстанция союзной буржуазии подписывается под позорным банкротством всей безумной политики союзников, стоившей огромнейших жертв людьми и материальными благами, преступно выключившей из мирового экономического обмена $^1/_6$ часть мира и усугубившей роковые последствия мировой империалистической бойни. Правда, Верховный совет, олицетворявший собой коллективную мудрость вершителей судеб мира, еще пытается обойти советское правительство, разрешая своим гражданам торговать с «населением России», а не с ее правительством. Это решение было принято после доклада кооперативного деятеля русского эмигранта Беркенгейма, который, повидимому, надеялся добиться возрождения в России «независимых» — т. е. независимых от пролетарского государства, враждебных ему — кооперативов как связующих центров между «населением России» и капиталистическим миром. Но в то же время был признан советский Центросоюз, которому было разрешено послать торговую делегацию в Лондон. Советское правительство, соглашаясь на эту игру в прятки, все же назначило «уполномоченными Центросоюза» таких видных советских политических деятелей, как Литвинов и Красин, и тем самым подчеркнуло политический характер переговоров.

Одновременно со снятием блокады Верховным советом, Соед. Штаты в официальном сообщении (16 января) заявляют об эвакуации своих войск из Сибири и в ноте Японии, правда, в довольно нерешительной форме высказываются за прекращение интервенции. Затем (24 февраля) следует новая декларация Верховного совета, уточняющая новый курс союзнической политики по отношению к Советской России. «Союзные правительства, — говорится в этой декларации, — не могут советовать окраинным государствам продолжать войну с Советской Россией, которая (война) может повредить интересам этих государств. Тем паче союзные правительства не могут рекомендовать им агрессивную политику по отношению к России. Но если Советская Россия нападет на

их законные границы, союзники окажут окраинным государством вся ческую помощь». Подтверждается также намерение поощрять торговые отношения с Советской Россией, «которые столь необходимы для улучшения экономического положения не только России, но и остального мира».

Дальше, однако, подчеркивается, что союзники не могут вступить в дипломатические отношения с советским правительством, «пока не прекратятся большевистские ужасы и пока оно не изъявит готовности согласовать свои методы и дипломатическую политику с принципами, применяемыми всеми цивилизованными правительствами». В заключение выражается пожелание о посылке Лигой Наций в Советскую Россию «комиссии для обследования».

Эта лицемерная декларация, как нельзя лучше, выявляет позицию держав по отношению к Советской России в тот момент: торговать, потому что политика блокады провалилась, потому что это может быть выгодно, но не признавать, а изолировать, т. е. торговую блокаду снять, дипломатическую блокаду продолжать. Но последовавшие за этим события показали, что эта декларация еще не выдала всех тайных замыслов союзных империалистов, что они за спиной еще держали отравленный кинжал интервенции. — Мы говорим о «рецидиве» (возврате) интервенции в форме врангельщины и войны Польши против Советской России.

Борьба с авантюрой Врангеля.

Несколько слов о появлении на сцену нового ставленника союзников — барона Врангеля. После того как Деникин понес сокрушительные поражения, недовольство им в рядах его собственных соратников усилилось, и он оказался вынужденным уступить свое место барону Врангелю. Врангель ставит себе задачей приостановить развал в остатках Добровольческой армии и, пользуясь выгодным, с точки зрения стратегической, положением Крымского полуострова, превратить его в базу для борьбы с советской властью. Все расчеты при этом строились исключительно на помощи союзников, без которой о продолжении борьбы вообще не могло быть речи. Как сообщает в своих воспоминаниях Слащев, на созванном 4 апреля 1920 г. Деникиным совещании командного состава по вопросу о дальнейшей организации власти, предложение ген. Сидорина о мире с советским правительством и передаче ему, как законной власти, флота встретило большое сочувствие, и только интриги со стороны представителей Франции толкнули последних могикан интервенции на безумную, явно обреченную на неудачу авантюру. План Франции состоял в том, чтобы путем объедине-

ния сил Польши, Петлюры и Врангеля вновь воскресить агонизировавшую интервенцию против власти, посмевшей нарушить «священный принцип священной частной собственности», основу французской и вообще западной «цивилизации». Врангель же признанием царских долгов и целым рядом экономических обязательств давал самые широкие гарантии соблюдения этих «принципов». По сообщению «Дейли Геральд» от 30 августа 1920 г. Врангель, помимо признания долгов от имени «будущей» России, обязался передать Франции на определенный срок эксплоатацию железных дорог Европейской России, предоставлять в ее распоряжение на определенных условиях $^3/_4$ добычи нефти, $^1/_4$ угля Донбасса, допускать французских экономических советников и т. д. Хотя белогвардейцы пытались опровергнуть это сообщение, оно все же весьма правдоподобно, так как согласуется со всей линией французской интервенционистской политики и продажностью главарей российской контрреволюции. Оно косвенно также потверждается заявлением Слащева о том, что французский представитель при Врангеле генерал Пелле проявлял особый интерес к углю Донбасса. Несмотря на категорические доводы Слащева, что по стратегическим соображениям требуется двинуть силы на Украину, ген. Пелле, к неудовольствию «самого» Врангеля, решительно настаивал на занятии Донбасса. Вообще, французская миссия проявляла усиленный интерес к южному экспорту как оплате за военную помощь Врангелю.

Англия в первое время также проявляла «интерес» к врангелевской авантюре. Нужно думать, что в этом направлении толкал ее не столько Ллойд-Джордж, который в этот период уже определенно склонялся к миру с Советской Республикой, а Черчилль и К°. Как бы то ни было, определенно установлено, что прибывший 9 апреля 1920 г. в Сочи английский генерал Де-Рабек на совещании склонявшихся к миру с РСФСР представителей Кубанской рады настаивал на продолжении борьбы. На том же настаивал прибывший немного раньше в Новороссийск член английского парламента Мак-Киндер, которому было поручено согласовать действия Деникина, Польши и Румынии. Какие же цели при этом преследовал английский империализм? Не только ослабление Советской России вообще, но и определенные конкретные задачи. Английская официальная «Форейн Оффис», обозревая ход военных действий в Крыму, откровенно писала: «узкая полоса земли связывает Крымский полуостров с материком. Неужели здесь нельзя создать сильной крепости, которая представляла бы для Англии не меньшее значение, чем Гибралтар и Суэц?»

Достаточно вспомнить традиционное «влечение — род недуга» английского имперализма ко всяким перешейкам и проливам, вспомнить

сбрисованные выше английские интервенционистские интриги на Кавказе, в Закаспии и во всех территориях, прилегающих к Турции, Персии, Афганистану и Индии, чтобы уяснить себе широкие замыслы английских империалистов в их игре с Врангелем.

И на-ряду с этим английский министр иностранных дел Керзон, исполнившись чувством гуманности, выступает в роли «честного маклера» с целью прекратить борьбу в Крыму! «Я обращаюсь к вам с просьбой, — пишет Керзон к ноте, обращенной НКИД 11 апреля 1920 г., чтобы вы в интересах России и гуманности распорядились о прекращении враждебных действий и объявили всеобщую амнистию при условии расформирования Добровольческой армии».

14 апреля советское правительство отвечает на это предложение согласием, затрагивая одновременно вопрос об общем урегулировании англо-советских отношений. Но 18 апреля Керзон, ссылаясь на неполучение ответа, уже нагло угрожает «дать приказ судам его величества в Черном море оказать всемерную защиту армии в Крыму [т.-е. Врангелю] и сохранить для нее найденное там ею убежище, предотвратив вторжение советских войск». Советское правительство снова подтверждает свою готовность к переговорам об условиях сдачи Врангеля. Но Керзон, который только что писал о «расформировании Добровольческой армии» в ноте от 4 мая, когда поляки подходили к Киеву, уже предлагает только перемирие, — перемирие между очистившей от врагов всю свою огромную территорию от Минска до Иркутска и от Мурманска до Перекопа Советской Республикой и англо-французской марионеткой в Крымской «бутылке»!

Не прошло и месяца после этой ноты Керзона, как Врангель, к которому все время в огромном количестве поступало английское и французское военное снаряжение, перешел в успешное наступление — шулерская игра маркиза Керзона двумя колодами карт одновременно была разоблачена самим ходом событий.

Итак, Англия возобновляет войну с Советской Россией? Нет, английское правительство в то же время ведет дипломатическую переписку с советским правительством об урегулировании общих отношений, которая приводит к согласию Керзона на приезд Красина в Лондон для переговоров.

В этой двойственности есть с точки зрения английских империалистов своя логика: отчего бы не ослаблять Советской России ударами в спину во время вынужденных переговоров с ней? Эта двойственность также отражала борьбу течений в английских правящих кругах. Более дальновидный среди своих коллег Ллойд-Джордж, как уже указывалось, в это время уже понимал, что карта интервенции бита и что все углу-

бляющийся в Англии хозяйственный кризис властно диктует необходимость сближения с Советской Россией как с огромным рынком. «Торгующая нация, — сказал Ллойд-Джордж 3 июня 1920 г. в парламенте, — не может позволить себе чересчур много предрассудков; она не может всегда строго разбираться в прошлом своих клиентов». Иными словами, лучше положить в карман свои последовательные антибольшевистские принципы, чем вынимать оттуда деньги для дальнейших рискованных авантюр и для покрытия торгового дефицита. С другой стороны, непримиримые элементы консервативной партии еще мечтали о победе над непокорной страной большевизма. Ллойд-Джордж же, чья судьба находилась в руках входивших в правительственную коалицию консерваторов, не делал шагу, не оглядываясь с опаской в их сторону. Отсюда — неуверенность и зигзагообразность его политической линии в отношении Советской России.

Польско-советская война.

Наступившие вскоре события ясно показали, что рецидив интервенции на юге России составляет лишь часть широкого интервенционистского плана. На российскую революцию была брошена панская Польша. Эта война Польши против Советской России была не чем иным, как продолжением войны капиталистического мира против страны зарождающегося социализма. Это была ожесточенная схватка, в которой решительная победа одной или другой стороны на долгие годы определила бы ход развития мировой истории. Вот почему весь мир с затаенным дыханием следил за событиями на советско-польском фронте.

Несколько слов о событиях, предшествовавших войне. — В течение 1919 г., когда все силы Советской Республики были отвлечены на борьбу с Колчаком, Деникиным и Юденичем, армия возродившейся буржуазной Польши постепенно без объявления войны, захватывала территории Белорусско-литовской советской республики.

21 апреля 1919 г. бело-поляки вторгаются в Вильно и 8 августа в Минск. К концу августа линия фронта доходила по реке Березине до Бобруйска и тянулась дальше к западу от Мозыря и Коростени. Приблизительно на этой линии и держался фронт в начале 1920 г.

Неоднократные мирные предложения советского правительства Польше встречались со стороны польского правительства либо молчанием, либо уклончивым ответом, равносильным саботажу. 27 марта польский министр иностранных дел Патек, предварительно ездивший за советом в Париж и Лондон, в ответ на обращение ВЦИК'а от 2 февраля 1920 г. и многократные предшествовавшие обращения сообщает, что Польша согласна на переговоры, но... переговоры должны вестись

в польской военной зоне, в Борисове, и перемирие на этом участке фронта заключается только на 24 часа, чтобы дать пройти советским делегатам. Тов. Чичерин в последующей переписке отмечает, что отказ от перемирия по всему фронту и упорное настаивание на Борисове «свидетельствует о каких-то тайных стратегических намерениях Польши». Но Польша явно стремится к разрыву. Еще недавно,—и это весьма любопытно для всей истории взаимоотношений между Советской Россией и окраинными государствами,—она вела негласные переговоры с советскими уполномоченными о временном соглашении, которое необходимо было советскому правительству в целях успешной борьбы с Колчаком и Деникиным, достигшими крупных успехов. Эти успехи пугали и польское правительство, которое вполне справедливо полагало, что восстановленная старая «великая единая неделимая Россия» положит конец существованию независимой Польши и всей ее «миссии» как защитного вала против продвижения большевизма с востока на запад в сторону «цивилизации», «демократии» и пр. И вот, продолжая брать деньги у союзников на войну с Советской Россией в союзе с Колчаком и Юденичем, Пилсудский втихомолку сговаривался с Советской Россией против белых генералов, ставленников Антанты. Он предавал своих великих покровителей и родную ему по борьбе с большевиками российскую контрреволюцию!

Но с тех пор положение изменилось. Опасность реставрации старой России исчезла вместе с белыми армиями. Исчез белый призрак, и Пилсудский видел пред собой красный призрак. И, подстрекаемый французским правительством и влиятельными английскими кликами, он бросается в военную авантюру, связавшись с достойным его авантюристом — Петлюрой.

О сознательной систематической подготовке этой войны сам Пилсудский вполне откровенно пишет в своих воспоминаниях [50]), пытаясь доказать, что она носила «превентивный», оборонительный характер, в предвидении, мол, будущего нападения Советской России.

«Еще в 1918 г.,—хвастает Пилсудский,—независимо ни от кого, я поставил себе определенную цель войны с Советами (Курсив наш. *М. Т.*). Я решил напрячь все усилия к тому, чтобы возможно дальше от мест, где зарождалась новая жизнь, пресечь все попытки и покушения еще раз навязать нам чуждую, устроенную не нами самими жизнь».

И вот, этот принципиальный противник вмешательства во внутренние дела других стран берется «устроить жизнь» Украины. 25 апреля начинается польское наступление на Украину с целью дать ей «настоящую» самостоятельность. 6 мая поляки берут Киев, 11 мая Пилсудский триумфом въезжает в город.

Грабительское нападение Пилсудского в тот момент, когда трудящиеся массы Советской Республики уже готовы были приступить к мирному труду, вызывает новый подъем боевой готовности. Подъем заражает и те группы, которые раньше не отличались особой преданностью по отношению к советской власти. Создается нечто вроде единого общенационального фронта для защиты родины, общенационального фронта, как раз противоположного тому, который возникает во время войны в капиталистической стране. Там, в странах капитализма, одурманенный шовинизмом пролетариат, жертвуя своими классовыми интересами, идет защищать «свое» капиталистическое отечество, подчиняясь директивам буржуазии. Здесь, в Советской России, буржуазная интеллигенция, старые военные спецы, под влиянием нашествия извне, предложили свои услуги пролетариату для защиты, с их точки зрения просто «родины», но по объективному смыслу — социалистической родины, под его, пролетариата, директивами, под его полновластным руководством и наблюдением. Именно таков был объективный смысл письма бывшего генерала Брусилова, предложившего советскому командованию свои услуги, которые и были приняты.

Польская буржуазия и социал-соглашательская печать, ухватившись за этот факт, стала изображать дело так, будто войну против Польши ведут царские генералы. Но это, конечно, был только клеветнический маневр, чтобы затемнить в сознании польских трудящихся масс истинный смысл борьбы Красной армии с панской Польшей: войной руководило советское *социалистическое* правительство Советской Социалистической Республики, имея против себя правительство *буржуазное* Польши, за спиной которой стоял весь буржуазный мир. Вот почему война Советской России против Польши была с начала до конца, ни на одну минуту не переставала быть — войной социализма против капитализма, одним из крупнейших боев эпохи мировой социальной революции.

Об этом характере войны свидетельствует обращение Советского правительства «К польским рабочим, крестьянам и легионерам», опубликованное в советской печати 18 июля 1920 г.:

«Мы признаем независимость Польши. С самого начала мы не хотели войны, мы шли на самые большие уступки во имя мира, но после того, как ваши преступные правители навязали нам войну, мы сосредоточили достаточные силы для того, чтобы вконец разгромить ваших помещиков и капиталистов и обеспечить, таким образом, мир между независимой рабоче-крестьянской Польшей и рабоче-крестьянской Россией... Рабоче-крестьянской Польше не грозит никакая опасность от Красной армии. Наоборот, мы готовы вам оказать братскую поддержку против

ваших врагов, внутренних и внешних, т.-е. как против польских, так и против иноземных хищников — империалистов... Бросайте же кровавое, бесчестное, проклятое дело борьбы с рабочими и крестьянами России и Украины. Переходите к нам. В одиночку или целыми частями, с оружием или без оружия, переходите под верную надежную братскую защиту рабоче-крестьянской армии, чтобы таким путем вернее и скорее обеспечить независимую социалистическую Польшу. Долой польскую буржуазию и шляхту! Долой вызванную ею преступную войну! Да здравствует независимая рабоче-крестьянская Польша в братском союзе с рабоче-крестьянской Украиной и Россией!»

Это правительственное обращение, кажется, не оставляет никаких сомнений насчет того, какие цели ставило советское правительство в войне после того, как она была навязана ему, и после блестящих побед Красной армии.

Всеобщий боевой подъем, охвативший в связи с грабительским нападением Польши пролетариат, крестьянство и даже мелкобуржуазную интеллигенцию Советской России, не замедлил дать плоды. 7 июня конница Буденного прорывает польский фронт, занимает Бердичев и Житомир и обращает бело-поляков в бегство. К 20 августа красные войска юго-западного фронта уже стояли в 10—15 верстах восточнее Львова. В то же время шло стремительное наступление по западному фронту, где особенно отличался отчаянными набегами в глубокий тыл неприятеля конный корпус тов. Гая. Красная армия подходила к Нареву и Западному Бугу. Стихийная логика войны, необходимость окончательно разбить противника, прежде чем помощь Антанты даст ему возможность перейти в наступление, революционно-политические соображения,— все это поставило в порядок дня лозунг «Даешь Варшаву!». Натиск Красной армии был настолько стремителен, что произвел панику в рядах польской армии. Сам Пилсудский в уже цитированной нами работе характеризует его в следующих выражениях:

«Поход Красной армии даже на испытанных генералов производил впечатление какого-то ужасного калейдоскопа, в котором каждый день является какое-то новое положение, с новыми названиями географических пунктов, с номерами полков и дивизий, с новым распределением времени, с новым расчетом пространства».

Но еще важнее признание Пилсудского, показывающее, что в тылу его армии создавалась революционная обстановка: «Под влиянием этого марша колебались характеры, размякали сердца солдат, создавался за внешним фронтом фронт внутренний» (Курсив здесь и ниже в цитатах наш. *М. Т.*). И дальше: «Под влиянием успехов конницы Буденного начинала разваливаться государственная работа, вспыхивала паника в местностях, расположенных даже на расстоянии сотен километров от фронта, начинал организовываться наиболее опасный для меня (Пилсудского. *М. Т.*) фронт—внутренний».

В середине августа разъезды красной конницы уже появляются почти у самых ворот столицы той страны, которой победители в мировой бойне доверили столь ответственную «миссию» — служить защитным валом для западной «цивилизации» против «большевистского варварства».

Это был момент, полный острого исторического драматизма. Пролетариат Советской России увидал перед собой широкий мировой горизонт, залитый заревом победоносной европейской революции; пролетариат Германии ждал чего-то великого; пролетариат Англии создавал комитеты действия для защиты российской революции; пролетариат других стран организовывался, чтобы помешать доставке аммуниции Польше. С другой стороны, в лагере буржуазии царила паника. В Париже трепетали в ужасе при одной мысли, что лавина Красной армии может снести польский барьер, слиться с германским революционным потоком и устремиться дальше на запад. Весь французский генеральный штаб был поставлен на ноги, чтобы помочь Польше; генерал Вейганд спешно выехал в Варшаву; транспорт за транспортом отправлялась французская аммуниция на польский фронт. Беспокойство охватывало и правящие круги Англии, до того момента относившиеся без особого энтузиазма к войне Польши, подчиненной влиянию соперника — Франции.

Ллойд-Джордж действует тонкими методами. Он обещает прибывшему в Лондон тов. Каменеву открыть широкие переговоры об урегулировании англо-советских отношений во всей их широте и взамен требует «лишь» приостановки победоносного наступления Красной армии. Ллойд-Джордж, который был одним из руководителей крестового похода против Советской Республики, который прямо или косвенно поддерживал Польшу в ее «малой войне» против Советской России в 1919 г. и только что занимал позицию «благожелательного нейтралитета» по отношению к налету Пилсудского на Киев, теперь, когда красные стали бить белых, неожиданно воспылал любовью к немедленному миру...

Учитывая блестящие победы на фронте и революционный подъем, вызванный ими, советское правительство выставило тогда ряд требований революционного характера (сокращение численности польской армии до 50 тыс. человек, создание рабочей милиции, наделение поляков-инвалидов землей и т. д.). Эти требования вызвали бешенство английской буржуазии. Ллойд-Джордж сбрасывает маску и начинает угрожать отправкой союзной эскадры против Советской России. Но своих угроз он выполнить не в состоянии — руки коротки. Английское рабочее движение тогда находилось в полосе бурного подъема.

В 1919 г. число рабочих, участвовавших в конфликтах с предпринимателями, составляло 2 600 000 человек. Конгресс тред-юнионов в Глазго в сентябре 1919 г. единогласно принял резолюцию за отзыв английских войск из Советской России. Блестящие победы Красной армии еще более углубили процесс революционизирования масс. И, в ответ на угрозы Ллойд-Джорджа Советской Республике, созданный под давлением масс Совет действия созвал чрезвычайный съезд всех рабочих организаций Англии с участием 1 044 делегатов, которые от имени $6^1/_2$ миллионов английских рабочих постановили, в случае непрекращения агрессивной политики Ллойд-Джорджа объявить всеобщую забастовку.

Скоро, однако, события приняли другой оборот. Стали сказываться отрицательные стороны смелого стратегического плана Красной армии и переоценки политической зрелости польского пролетариата и крестьянства. Взять Варшаву не удалось. Получившая значительные подкрепления от Франции польская армия, после овладения Седлецом, 18 августа перешла в наступление, против которого оторвавшаяся от своих баз Красная армия не могла устоять. В начале октября боевые действия затихли на линии Минск — р. Уборть — р. Случь. Еще раньше поляки прорвали фронт у Ковеля, и Красная армия стала отступать на Броды.

Теперь миротворец Ллойд-Джордж уж не требовал от поляков приостановки наступления, как он совсем еще недавно требовал от советского правительства. Вместо любезных переговоров с тов. Каменевым, вдруг выдвигаются обвинения, что он поддерживал связи с Советом действия, субсидировал рабочую газету «Дейли Геральд» и т. д., а потому политические переговоры объявляются прерванными, и Каменеву предлагается оставить Лондон (торговая делегация, однако, осталась).

Франция в этот момент усиленно толкает Польшу на борьбу до «победного конца». Однако Пилсудский, уже видевший Красную армию под воротами Варшавы, предпочел больше не доверяться изменчивому военному счастью и решил пойти на мир. 12 октября в Риге был подписан прелиминарный (предварительный) мирный договор, определивший в основном содержание мирного договора, подписанного лишь через 5 месяце — 18 в марта 1921 г. в Риге. Основные пункты договора следующие: граница восточнее той, которую в декабре 1919 г. намечал для Польши Верховный совет, т.-е. признание Советской Россией за Польшей Восточной Галиции и территорий, населенных белоруссами и украинцами, взаимный отказ от возмещения военных

расходов и убытков, выдача Польше как составной части б. Российской империи 30 миллионов из золотого фонда и на 29 миллионов рублей железнодорожного имущества, взаимное гарантирование прав нацменьшинств.

Польша, однако, не удовлетворилась этими условиями и сейчас же после подписания прелиминарного мирного договора стала грубо нарушать его, бросая на территорию Советских республик организованные в Польше банды Петлюры, Савинкова, Булак-Балаховича, Перемыкина и др. польских наймитов. Вся эта заговорщическая работа, которая раньше отрицалась польским правительством, впоследствии во всех деталях была разоблачена перед советским судом Савинковым. Польша в этот период также инсценировала «самочинный» захват польским генералом Желиговским у литовцев г. Вильно, который был занят во время польско-советской войны Красной армией и уступлен Литве. В таких условиях работы мирной конференции, конечно, подвигались вперед крайне туго, и советской дипломатии стоило огромных усилий добиться установления более или менее нормальных отношений с Польшей.

Итак, великая схватка между мировой революцией и контрреволюцией, отражением которой являлась польско-советская война 1920 г., окончилась вничью. Бело-поляки не удержали Киева, красные не взяли Варшавы. Не взяли не только по причинам военно-технического характера, но и потому, что революционное движение внутри самой Польши в тот момент еще не достигло достаточной зрелости. В то время как батрачество не скрывало своих симпатий к Красной армии, среднее крестьянство, не будучи уверенным в окончательной победе красного оружия, боялось брать помещичью землю. А что касается городского пролетариата, то он, хоть в некоторых городах (Белосток, например) частично перешел на сторону советской власти, но в массе своей все же остался верен социал-патриотизму и ППС (Польской социалистической партии). Не взяли красные Варшавы и потому, что выступления европейского пролетариата были недостаточно энергичны для того, чтобы воспрепятствовать Франции и Англии помогать белой Польше оружием, деньгами и дипломатическим вмешательством.

Таким образом, исход советско-польской войны есть следствие того относительного равновесия, которое установилось в Европе в конце 1920 г. С одной стороны, коммунистическая революция не была в состоянии добиться решительных успехов за красным рубежом первой Советской Республики, а с другой — мировая контрреволюция после провала последнего акта интервенции — выступления Польши и Врангеля — должна была задержаться у этого самого красного рубежа, охраняемого красноармейцем.

Конец 1920 г. принес Советской Республике еще одну победу — разгром последних сил интервенции — армии Врангеля. Ни усилия Франции, официально признавшей правительство Врангеля «фактическим правительством южной России» (11 августа 1920 г.), ни хитроумные планы Керзона, до середины этого года усердно защищавшего его, не могли спасти «последыша интервенции» от уготованной ему участи.

Подписывая перемирие с Советской Россией, Пилсудский тем самым подписывал смертный приговор своему союзнику. Судьба и тут зло подшутила над ставленниками интервенции и контрреволюции. И не случайно,— ибо и в данном случае сказались неизбежные противоречия в стане врагов СССР. Пилсудский не желал победы носителя идеи великой России Врангеля; Петлюра не доверял Пилсудскому, и, наоборот; Англия с середины 1920 г. прекратила поддержку Врангелю, потому что он стал слепым орудием в руках ее соперницы Франции и т. д.

В августе месяце Врангель, воспользовавшись ослаблением красного фронта в связи с польско-советской войной, высадил десанты на Азовском побережьи у Ахтари и на Таманском полуострове под Новороссийском. Врангель надеялся, что вокруг этих десантов сгруппируются значительные силы контрреволюции, но он ошибся. 26 октября, ровно через две недели после подписания перемирия с Польшей, Красная армия перешла в наступление против Врангеля и, прорвавшись через укрепленный французскими генштабистами и казавшийся неприступным перешеек, ворвалась в Крым и уничтожила армию удравшего в Константинополь Врангеля. Водрузив красное знамя на берегу Черного моря, Красная армия возвестила всем народам, что $^1/_6$ часть мира — от Читы до «взятого» Юденичем Петрограда и от взятого, но не удержанного Черчиллем Мурманска до Севастополя — освобождена от наймитов интервенции и закреплена за властью Советов.

ГЛАВА ПЯТАЯ

МИР И ПРИЗНАНИЯ ДЕ-ФАКТО

(1921/22 г.)

Договор с Англией и др. западными державами.— Договоры с Турцией, Персией и Афганистаном.— Лицом к лицу с капиталистическим миром в Генуе и Гааге.

Англо-советский договор 16 марта 1921 г.

На четвертом году своей жизни Республика советов заставила старые империалистические державы признать пролетарское большевистское государство крупной силой в международном масштабе, которую никак нельзя игнорировать. 16 марта 1921 г. после упорной интервенции и блокады, после дипломатического бойкота и шантажа, после продолжительных переговоров, зигзагов и шатаний правительство «первоклассной» империалистической Великобритании вынуждено было признать де-факто советское правительство, заключив с ним торговое соглашение (Trade Agreement), составлявшее, по существу говоря, сугубо-политический акт.

Правда, термин «признание де-факто» в договоре отсутствует, но оно вытекает как из самого факта заключения договора, так и из всего его содержания и подтверждается заявлением Ллойд-Джорджа в палате общин от 23 марта 1921 г. Помимо того «торговым соглашением» предусматривается в будущем «заключение формального общего мирного договора между правительствами этих стран (Англии и РСФСР), которым будут урегулированы их экономические и политические отношения в будущем», — другими словами, предусматривается полное признание и возобновление дипломатических отношений.

Важнейшие пункты этого договора — следующие: советское правительство принципиально признает обязанность в будущем уплатить возмещение частным лицам, поставившим товары или оказавшим

услуги России; вообще же все претензии обеих стран или их граждан в отношении обязательств, лежащих на правительстве другой стороны, должны быть разрешены в будущем общем мирном договоре; обе стороны обмениваются торговыми представительствами и воздерживаются от «пропаганды».

На последнем вопросе — о «пропаганде» стоит остановиться несколько подробнее, так как он играл исключительную роль в переговорах, причем Ллойд-Джордж пытался придать этому термину очень широкое толкование.

Английское правительство в то время было крайне обеспокоено съездом народов Востока в Баку (сентябрь 1920 г.), на который съехалось около 2 000 делегатов, в том числе и индусы. Другим событием на восточном фронте, вызвавшим тревогу англичан, было занятие советской флотилией под командованием тов. Раскольникова оккупированного англичанами персидского порта Энзели (18 мая 1920 г.). Англичане пытались превратить этот чрезвычайно важный в стратегическом отношении пункт в базу для борьбы с РСФСР, в частности с Азербайджаном. В Энзели также укрывался действовавший против РСФСР в контакте с англичанами флот Деникина, так что смелый шаг тов. Раскольникова, заставившего англичан убраться оттуда, был по существу актом самообороны.

Все это вместе взятое дало в Англии толчок ускорению подписания договора с РСФСР, который обязал бы советское правительство воздержаться от столь пугавшей английских государственных деятелей «пропаганды». Ллойд-Джордж вначале пытался придать пункту о «пропаганде» такое толкование, которое означало бы ограничение деятельности советской дипломатии в восточных странах, в дашнакской Армении и меньшевистской Грузии, которые он причислял к английской «сфере влияния». Красин на это, конечно, не соглашался. После долгих переговоров была, наконец, принята следующая компромиссная формулировка:

«Каждая сторона должна воздержаться от враждебных действий вне своих собственных границ или какой-либо официальной пропаганды, прямой или косвенной, против Британской империи или РСФСР. И, в частности, Российское советское правительство должно воздержаться от всякой попытки, будь то путем военных, дипломатических или каких-либо других действий или пропаганды, к поощрению какого-либо из азиатских народов предпринимать какого-либо рода враждебные действия против британских интересов или Британской империи, в частности в Индии и независимом государстве Афганистане. Британское правительство берет на себя подобное же обяза-

тельство перед Российским советским правительством относительно стран, составляющих часть бывшей Российской империи и ныне ставших независимыми».

В такой редакции пункт о «пропаганде» и включен в договор. С тем же злополучным вопросом о «пропаганде» связан маленький «инцидент», имевший место в самый момент подписания договора, когда представитель английского правительства сэр Роберт Хорн передал Красину обширный меморандум с целым рядом обвинений против советского правительства в пропаганде на Востоке.

Но, как бы то ни было, договор был подписан: после $3^1/_2$ лет кровавой интервенции и мертвящей блокады старый английский империализм, наконец, «признал» своего соперника — первое пролетарское государство. И, что особенно характерно, — подписание договора происходит в тот момент, когда Кронштадт еще находится в руках мятежников и буржуазная печать всех стран трубит о близком падении советской власти.

Переговоры с Англией и их благополучное завершение произвели огромное впечатление во всем мире и способствовали успехам советского правительства на различных дипломатических фронтах. Этот период отмечается целым рядом договоров. 18 марта, как уже упоминалось, был подписан рижский договор с Польшей. 5 февраля итальянское правительство извещает Наркоминдел, что оно согласно принять советскую торговую делегацию во главе с тов. Воровским.

6 мая германское правительство, еще раньше изъявившее готовность к урегулированию отношений с РСФСР, но боявшееся опередить Лондон, подписывает временное германско-советское торговое соглашение — шаг к полному восстановлению дипломатических отношений.

Успехи на Востоке.

Победы советской власти в борьбе с западным империализмом не могли не оказать влияния на угнетаемые им восточные народы. Ряд договоров, заключенных в этот период (начало 1921 г.) с восточными странами, показал, насколько выросло влияние Республики Советов на востоке.

28 февраля 1921 г. в Москве подписывается советско-афганский договор, подводящий правовую базу под дружественные отношения между обеими странами, установленные еще в 1919 г. История этих отношений заслуживает особого внимания ввиду того, что она переплетается с борьбой английского империализма против советского влияния на Востоке.

Российская революция, провозгласившая лозунг освобождения колониальных народов от ига империалистов, оказала большое влияние на

развитие национально-освободительного движения в Афганистане. В начале 1919 г. это движение вылилось в форму переворота, во время которого был убит эмир Хабибула-хан, пешка в руках англичан, и сменен Аманулла-ханом, сторонником реформ и борьбы за национальную независимость. Одним из первых шагов нового эмира была война с английскими оккупантами, закончившаяся их позорным поражением и вынужденным признанием полной независимости Афганистана (мирный договор в Равал-Пинди 8 августа 1919 г.). Одновременно новый эмир отправляет особую миссию в Москву для установления контакта с советским правительством. В связи с приездом этой миссии в конце 1919 г. в Кабул выезжает уполномоченный советского правительства тов. Суриц.

Естественно, что английские империалисты на могли мириться с таким положением вещей. Группируя вокруг себя наиболее реакционные элементы среди афганцев, они, не брезгая никакими средствами, пытаются свалить нового эмира. В июне 1920 г. в Кабуле был раскрыт заговор против эмира с участием его родственника Насрулла-хана, за спиной которого стояли английские агенты. Это, между прочим, привело к разрыву англо-афганских переговоров в Майсоре.

Но, с другой стороны, были осложняющие элементы и в советско-афганских отношениях. Афганское правительство в это время поддерживало эмира Бухарского, бежавшего в Афганистан во время бухарской революции в августе 1920 г. Впоследствии афганские правящие круги также поддерживали басмаческое движение в Бухаре, руководитель которого Энвер-паша носился с планами создания в Средней Азии крупного мусульманского государства из Туркестана, Хивы, Бухары, Афганистана, Персии, Турции и других мусульманских областей.

Однако, несмотря на трения в связи с поддержкой эмира Бухарского, советско-афганские переговоры были закончены 13 сентября 1920 г. подписанием в первоначальной форме договора в Кабуле.

Англичане предпринимают решительные шаги к срыву этого договора. В январе 1921 г. английский чрезвычайный уполномоченный сэр Генри Доббс предлагает афганскому правительству взамен за отказ от договора с Советской Россией соглашение, которое сулит материальную помощь и расширение дипломатического признания. Но, несмотря на эти интриги, проект договора от 13 сентября 1920 г. в несколько измененном виде, как уже указывалось, был подписан в Москве 28 февраля 1921 года и вскоре ратифицирован. На основании этого договора обе стороны, исходя из взаимного признания независимости, устанавливают обычные дипломатические и консульские отношения; обе стороны признают независимость Бухары и Хивы, независимо от существующей

там формы правления; Советская Россия соглашается на свободный и беспошлинный транзит через свою территорию товаров для Афганистана и соглашается оказать последнему материальную помощь для развития его культуры и промышленности.

Этот договор открыл новую страницу в истории афганского народа, видевшего только попирание его самых элементарных прав империалистами. И, демонстрируя противоположные чувства по отношению к политике Англии и политике Советской России, меджилис при обсуждении проектов договоров с этими странами 11 августа 1921 г. отверг английское предложение и двумя днями позже ратифицировал англо-советский договор.

Почти одновременно с советско-афганским договором в Москве был подписан советско-персидский договор (26 февраля 1921 г.).

Политика советского правительства по отношению к Персии руководствовалась основным принципом всей восточной политики советской власти: окончательный разрыв с империалистическими традициями старой России, признание права угнетенных восточных народов на полную независимость и оказание им помощи в борьбе с западным империализмом [(см. обращение советского правительства к мусульманам России и Востока 7 декабря 1917 г. (гл. I)].

Таковы основы советской политики по отношению к Персии. Что же касается обратного — персидской политики в отношении СССР, — то о ней нельзя говорить, как о вполне самостоятельном факторе, так как Персия все время испытывала давление английского империализма. Последний, не брезгая никакими средствами — подкупом политических деятелей и печати, оказанием помощи реакционерам-феодалам, провоцированием внутренних восстаний, — всячески боролся с национально-освободительным движением в Персии. К тому же наши отношения с Персией одно время осложнились ввиду образования в персидской провинции — Гиляне — революционного правительства Кучук-хана (4 июня 1920 г.). Правительство это возникло в связи с влиянием, оказанным российской революцией на передовые элементы Персии, а в частности в связи с занятием Красным флотом персидской гавани Энзели. Гилянское революционное правительство, однако, просуществовало недолго. В октябре 1920 г. центральный комитет Иранской коммунистической партии вынес резолюцию о том, что в Персии еще не созрели объективные условия для советского строя. Азербайджанские отряды, которые еще остались в Гиляне, были оттуда выведены.

Одновременно между Москвой и Тегераном стали вестись переговоры о разрешении спорных вопросов и урегулировании взаимоотноше-

ний. Обстановка складывается благоприятно, ввиду вызванного победами российской революции подъема персидского национального движения, направленного против англичан, которые до конца 1920 г. были полными господами положения в Персии, фактически оккупированной ими в 1918 г. после ухода русского оккупационного корпуса Баратова в феврале 1921 г. В августе 1919 г. Англии, пытающейся формально закрепить свое господство в Персии, удается склонить правительство Воссуг-эд-Дауле подписать договор, фактически устанавливающий английский протекторат над Персией. Но под давлением общественного мнения меджилис отказывается ратифицировать этот кабальный договор. Националисты, во главе с военным министром Ризаханом, арестовывают членов англофильского правительства Сепахдара и формируют правительство Сеид-Зия-эд-Дин-Теба-Тобан. Новый кабинет немедленно аннулировал кабальный договор с Англией и возвестил широкие внутренние реформы. К этому времени и относится подписание советско-персидского договора в Москве.

Основные пункты этого договора — следующие: Советская Россия отказывается от всех денежных претензий, концессий и имуществ царского правительства на территории Персии, уступает Персии Учетно-ссудный банк, острова Ашур-ады и селение Фирюзе и признает за Персией право иметь собственный флот на Каспийском море. Обе стороны предоставляют друг другу право транзита товаров через их территории в третьи страны. Договор далее предусматривает заключение торгового договора и консульской конвенции и увод советских войск из Персии, как только будут эвакуированы английские войска. Последнее условие было точно выполнено советским правительством, так как его энергичная политика заставила англичан эвакуироваться из Персии... Через короткое время после заключения договора полномочный представитель Советской России тов. Ротштейн, тепло встреченный персидской общественностью, прибывает в Тегеран.

Советско-турецкий договор, подписанный 16 марта 1921 г. в Москве, благополучно завершил длительные переговоры, начало которых относится еще к моменту первого сближения между Ангорой и Москвой. Еще 26 апреля 1920 г. Великое национальное собрание Турции, создавшее в Ангоре национальное правительство на развалинах старой Турции, обратилось к советскому правительству с предложением дружбы и совместной борьбы против империалистических держав, навязавших Турции кабальный Севрский договор. С аналогичным предложением потом обратился глава ангорского правительства Мустафа-Кемаль-паша. В своем ответе народный комиссар по иностранным делам выразил готовность вступить в переговоры с Турцией на

основе признания ее полной независимости в национальных границах, а также права на самоопределение для армян. Армянский вопрос впоследствии вызвал некоторые осложнения, ввиду притязаний турок, которые уже после провозглашения советской власти в Армении в ноябре 1920 г. побудили свергнутое дашнакское правительство подписать кабальный мирный договор (в Александрополе). Советские правительства Армении и РСФСР этого договора не признали. Эти осложнения, однако, не помешали подписанию вышеупомянутого советско-турецкого договора.

Этот договор признает право восточных народов на самоопределение, признает турецкий «национальный обет» от 28 января 1920 г. (восстановление прав Турции, нарушенных навязанным ей Антантой Севрским договором), аннулирует режим так называемый «капитуляции» и все особые привилегии царской России в старой Турции, признает за Турцией Карс, Ардаган и Артвин, устанавливает автономию Батума с беспошлинным транзитом турецких товаров и предусматривает дальнейшее развитие дипломатических и торговых отношений между советскими республиками и Турцией. Что касается вопроса о проливах, то он передается на рассмотрение стран Черноморского побережья.

Нужно отметить, что одновременно с переговорами в Москве ангорское правительство ведет переговоры в Лондоне, где оно делает попытку столковаться с западным империализмом. Но империалисты все еще не хотят отказаться от Севрского договора, и попытка кончается неудачей. Эти колебания весьма характерны для дипломатии турецкой буржуазной революции.

Проведение в жизнь московского договора проходит не без трений. Несмотря на то, что этот договор по существу отменил Александропольский, турецкое правительство все еще настаивало на действительности последнего и долгое время отказывалось выводить свои войска из Александропольского района. Ангорское правительство также отказывалось от заключения договора с объединенной Кавказской федерацией советских республик, настаивая на сепаратных переговорах с каждой из республик. Однако, после дипломатической переписки, ангорское правительство соглашается на созыв конференции, и 13 октября 1921 года, при участии представителя РСФСР тов. Ганецкого, в Карсе подписывается общий договор Турции с кавказскими советскими республиками.

Следует еще особо отметить натянутость отношений, создавшуюся в середине 1921 г. между советским и ангорским правительствами в связи с обменом нот по поводу жестоких репрессий против турецких коммунистов. Эти репрессии, помимо внутренне-политических причин, связанных с ростом турецкой буржуазии, без сомнения, имели и внешне-политическую подкладку. Они были проявлением стремления

части турецких правящих кругов путем гонений против «агентов Москвы" — турецких коммунистов — демонстрировать свою антисоветскую западническую ориентацию. Эти явления все же не могли отклонить основной политической линии турецкого правительства, стремившегося к сближению с РСФСР.

В связи с развитием советско-турецких отношений в описываемый период, уже упоминалось об установлении советской власти в Армении. К этому же времени относится советизация Грузии (март 1921 г.), а также Бухары — в октябре 1920 г. (В Хиве советская власть была установлена раньше — 27 апреля 1920 г., когда первый курултай, т.-е. съезд народных представителей, после свержения с помощью Советского Туркестана реакционной власти хана Абдул-Сеида провозгласил б. Хиву Хорезмской Советской Республикой.)

Отношения РСФСР с меньшевистской Грузией в начале 1921 г. достигли крайнего напряжения. Это объяснялось, в первую очередь, тем, что «самостоятельная» меньшевистская Грузия стала аванпостом английских империалистов на Кавказе в их борьбе с РСФСР. Карьера грузинских меньшевиков в смысле услуживания империализму весьма богата различными ориентациями. Во время мировой войны они были патриотами русского и вообще союзного империализма и требовали доведения ее «до победного конца». К моменту Октябрьской революции они вместе с армянскими националистами — дашнаками и партией татарской буржуазии — муссаватистами — создали «Закавказский комиссариат» для общей борьбы с советской властью. В конце 1918 г. грузинские меньшевики уже меняют свою союзную ориентацию на германскую и приглашают германские и турецкие войска для подавления нарастающего революционного движения. Потом во время союзной интервенции Грузия отклоняет предложения советского правительства о совместной борьбе против Деникина, а потом Врангеля, пытаясь балансировать между российской революцией и контрреволюцией. И хотя у грузинских меньшевиков были и свои националистические счеты с последней, они часто оказывали тайную помощь и Деникину и Врангелю. За доброе поведение меньшевистская Грузия весной 1920 г. получает формальное признание союзников и окончательно попадает в сферу влияния союзного империализма, в связи с чем ее внутренняя политика как в отношении грузинского пролетариата и крестьянства, так и нацменьшинств (армяне, абхазцы, аджарцы) становится все более реакционной. Социальная и национальная борьба выливается в форму гражданской войны. Французский адмирал Дюмениль обещает меньшевикам военную помощь. В начале февраля 1921 г. в Грузии происходит восстание против меньшевистской власти. 10 марта красные части

берут Кутаис, и 26 марта Грузия провозглашается Советской республикой.

1921 г. отмечается также успехами советской дипломатии на Дальнем Востоке, путь к которым был проложен победами красного оружия в Сибири над империалистической интервенцией и российской контрреволюцией.

5 ноября 1921 г. в Москве был подписан советско-монгольский договор о дружбе. Чтобы оценить значение этого договора, напомним вкратце основные факты современной истории Монголии. Еще во время китайской революции 1911 г. царское правительство, эксплоатируя стремление монгольского народа к независимости и отделению от Китая, фактически установило над Монголией свой протекторат. В 1919 г. пекинское правительство, воспользовавшись борьбой в Сибири, вновь подчинило себе Монголию. В конце 1920 г. Монголия делается базой для операций белогвардейца барона Унгерна, который, прикрываясь лозунгом «великой Монголии» и эксплоатируя в своих интересах вражду между монголами и китайцами, на деле проводил план подчинения ее Японии и превращения в опорный пункт борьбы с Советской Россией. 4 февраля 1921 г. монгольская столица Урга была окончательно взята Унгерном. Передовые элементы Монголии вскоре раскусили истинные намерения японского агента Унгерна, и они стали стекаться на территорию Советской России и организовывать там монгольскую народно-революционную армию. 8 июля 1921 г. эта армия вместе с войсками Дальневосточной республики и Советской России разбила Унгерна и заняла Ургу. Было образовано монгольское народно-революционное правительство, которое обратилось к советскому правительству с просьбой не выводить своих войск до устранения внешней опасности и взять на себя посредничество в деле урегулирования отношений между Монголией и Китаем. Советское правительство сообщило о своем согласии удовлетворить эту просьбу.

В результате этого сотрудничества и был заключен упомянутый московский договор, послуживший основой для дальнейшего укрепления политических и экономических отношений между Советской Россией и Монголией, играющей особую роль ввиду своего географического положения (СССР — находящаяся под японским влиянием Манчжурия — Китай.)

В конце 1921 г., в связи с приездом в Пекин т. Пайкеса, которому прогрессивные круги оказали сердечный прием, были также сдвинуты с мертвой точки советско-китайские отношения.

Основные принципы советской политики по отношению к Китаю были возвещены в декларации советского правительства 25 июня 1919 г., в которой оно торжественно заявляет о решительном отказе РСФСР от

грабительской политики царской России по отношению к Китаю и необходимости совместной борьбы народов РСФСР и Китая. В этой декларации, за подписью т. Карахана, опубликованной в момент побед Красной армии над Колчаком, мы читаем:

«Советская Россия и Советская Красная армия, после двухлетней борьбы, после невероятных усилий идут на восток через Урал не для насилия, не для порабощения, не для завоеваний... Мы несем освобождение народам от ига иностранного штыка, от ига иностранного золота, которые душат порабощенные народы Востока и в числе их, в первую очередь, китайский народ».

И, напоминая о том, что Советское правительство отказалось от привилегий царского правительства в Китае, провозгласило и провозглашает готовность немедленно вступить в переговоры об аннулировании всех навязанных Китаю царской Россией насильнических договоров, декларация далее говорит:

«Советское правительство хорошо знает, что союзники и Япония сделают все возможное, чтобы и на этот раз голос русских рабочих и крестьян не дошел до китайского народа, что для возвращения китайскому народу того, что было у него отнято, необходимо будет сначала покончить с сидящими в Манчжурии и Сибири хищниками. Поэтому оно теперь посылает свою весть китайскому народу вместе с своей Красной армией, которая идет через Урал на Восток на помощь сибирским крестьянам и рабочим для освобождения их от бандита Колчака и его союзника — Японии. Если китайский народ хочет стать подобно русскому народу свободным и избежать той участи, которую ему приготовили в Версале с целью обратить его во вторую Корею или вторую Индию, — пусть он поймет, что его единственный союзник и брат в борьбе за свободу есть русский рабочий и крестьянин и их Красная армия. Советское правительство предлагает китайскому народу в лице его правительства ныне же вступить с нами в официальные сношения и выслать своих представителей навстречу нашей армии».

Аналогичное предложение было сделано китайскому правительству 27 октября 1920 г. в связи с прибытием в Москву китайской миссии во главе с Чжан Сы-лином. Но вскоре Чжан Сы-лин, под давлением империалистов отзывается пекинским правительством, и последнее за спиной РСФСР подписывает соглашение насчет эксплоатации К.-В. ж. д. с Русско-азиатским банком, в котором орудуют пользующиеся старыми связями банка с дорогой русские белогвардейцы, связанные с французскими финансовыми кругами.

Рука, протянутая советским правительством китайскому народу, наталкивается на средостение в виде правительства мандаринов, идущих на поводу у империалистов. Но было бы ошибочно думать, что это средостение заглушило в Китае мощные призывы российской революции. Китайская интеллигенция и вообще вся передовая общественность живо реагировала на великие события в России, и если рабочий класс Китая в то время еще не дозрел до того, чтобы выявить свое отноше-

ние к Октябрьской революции в организованных формах, то последующие события неопровержимо показали, что и смутно понятый призыв глубоко запал в душу китайских трудящихся. — «Ваши беспримерные в истории революции подвиги, — гласило заявление Всекитайской федерации студенчества по поводу обращения советского правительства 25 июня 1919 г., — открывают собой новую эру. Мы восхищаемся вами и благодарим вас. Мы сделаем все от нас зависящее, чтобы вызвать в стране горячие симпатии к новой России».

Этот рост симпатии к Советской России вынуждены были признать ее ярые враги из рядов тех, которые на доллары миллиардеров Рокфеллера и Карнеги насаждают в Китае христианскую западную «демократию»: «Поражаешься, — пишет секретарь Христианского совета Г. Ш. Ходжин, — как широко большевистские идеи распространены среди китайской молодежи... Не указан ли Россией тот путь, по которому может следовать Китай? — вот вопрос, который ставился всеми мыслящими людьми в Китае перед моим отъездом в конце 1920 г.» [52] Все это ясно показывает, что еще в описываемый нами период — четвертый год существования РСФСР — семена, брошенные Октябрьской революцией в почву великого Китая, стали давать те всходы, которые потом покрылись таким пышным красным цветом.

Отрыжки интервенции.

Это растущее влияние РСФСР на Дальнем Востоке вселяет тревогу в империалистов, и они, несмотря на разделяющие их противоречия интересов, пытаются найти общую платформу против советского влияния. Такой попыткой была в отношении Советской республики созванная в ноябре 1921 г. Вашингтонская конференция. На эту «миротворческую» конференцию, которая на ряду с вопросом о сокращении вооружений должна была заняться дальневосточной проблемой, Советская Россия, имеющая жизненные интересы на Дальнем Востоке, допущена не была (была допущена, и то только для информации, делегация Дальневосточной Республики). Тактика империалистов вполне понятна, так как на конференции состоялась сделка именно за счет РСФСР. Соед. Штаты добились от Японии отказа от захваченной под шум войны китайской провинции Шаньдун, но зато Япония получила молчаливое согласие Штатов на сохранение захваченной русской территории на Северном Сахалине и в Приморской области. Китаю же была дана куча лицемерных обещаний (таможенная автономия, отмена экстерриториальности и т. д.), имевших целью отвлечь его от РСФСР и удержать в сфере влияния империалистов.

Другая попытка создания единого фронта против СССР намечалась в связи со стихийной катастрофой, — засухой и ее спутником,

страшным голодом — обрушившейся летом 1921 г. на житницу РСФСР — Поволжье.

Мировая буржуазия насторожилась. В воздухе как будто опять запахло интервенцией. В буржуазной печати стали появляться сообщения «собственных корреспондентов» из Риги, Гельсингфорса, Варшавы и др. центров массовой фабрикации ложных слухов о Советской России о голодных бунтах, о походах голодных на Москву, об убийствах представителей советской власти и т. д. В осиных гнездах белогвардейской эмиграции опять зажужжало. К чему-то готовились... Под видом помощи голодающим делались попытки подкопаться под советскую власть. Так, например, во Франции дело правительственной «помощи» голодающим в Советской России было поручено Нулансу, тому самому Нулансу, который, будучи послом в Москве при советской власти (до разрыва с Францией), вместе с русскими белогвардейцами разрабатывал план взрыва мостов на тех железных дорогах, где тогда шло снабжение Москвы хлебом, тому самому Нулансу, который толкал Советскую Россию в пропасть голода. И, действительно, г. Нуланс не замедлил проявить свои филантропические добродетели: в радио от 4 сентября он ставит условием оказания помощи допущение в Советскую Россию довольно многочисленной комиссии экспертов «для изучения и изыскания способов оказания помощи русскому народу», причем в обширный круг вопросов, подлежащих изучению комиссии, входит также «общее состояние сухопутного и водного транспорта... а также портов, открывающих доступ внутрь страны».

Вся постановка вопроса в этом предложении Нуланса так и бьет в глаза своим коварством: не немедленная срочная помощь миллионам голодающих, а провокационная широкая разведка с помощью агентов-инициатора и вдохновителя многих заговоров против советской власти — Нуланса! Советское правительство в ответной ноте от 7 сентября в решительной форме разоблачает провокацию Нуланса, самое имя которого как председателя так называемой «комиссии помощи» «возбудило во всей России среди самых широких слоев населения взрыв негодования». Вместе с тем Наркоминдел все же подчеркивает, что кто действительно хочет помочь голодающим, — как, например, Нансен, — тот всегда получит у советского правительства всю необходимую информацию.

«Гуманная» Лига наций в этот трагический для трудящихся масс Советской Республики момент показала свою настоящую физиономию. Она выслушала «с большим сочувствием» горячий призыв Нансена, но в требуемых им кредитах на дело помощи голодающим отказала. Иную позицию заняла Америка, в общей политике весьма враждебная к Советской России. Американская администрация помощи (АРА)

во главе которой стоял американский министр Гувер, после заключения с советским правительством договора об условиях работы (20 августа в Риге), развернула весьма широкую и плодотворную деятельность и спасла от голодной смерти сотни тысяч жизней. Эта активная помощь со стороны Америки объясняется ее огромными ресурсами, а также стремлением с помощью аппарата АРА пустить корни в почву Советской России. Что именно так смотрели некоторые правительства на дело помощи, свидетельствует тот факт, что французская печать выражала опасения, как бы Англия не воспользовалась организацией продовольственной помощи для усиления своего влияния в России. Показателен также следующий любопытный факт: когда Норвегия пожертвовала в пользу голодающих некоторое количество бочек сельдей, представитель правительства заявил в парламенте, что будут приняты меры для обеспечения хорошего качества селедок, ибо Россия должна убедиться в доброкачественности норвежских товаров...

Скоро случились события, показавшие, что наихудшие опасения советского правительства относительно «филантропии» французского империализма оправдываются. Наркоминдел получил точную информацию, что 3 сентября польскому правительству была вручена французская нота, в которой Польше фактически преподносился совет воспользоваться ослаблением Советской России в связи с голодом и начать новую войну против нее [53]. При этом Франция со своей стороны обещала широкую помощь Польше. Аналогичная нота была послана и Румынии. Этот «намек» из Парижа чуть было не послужил искрой, брошенной в пороховой погреб. Отношения между Польшей и Советской Россией были крайне натянуты. Было ясно, что влиятельные клики в Польше, поддерживающие связи с французскими военными кругами, всячески пытаются сорвать Рижский мир. Польское правительство долго саботировало восстановление дипломатических сношений в полном объеме; польская делегация в смешанной комиссии по проведению границы делала упорные попытки, игнорируя Рижский договор, отодвинуть границу к востоку (в некоторых случаях километров на 30); польское правительство систематически поддерживало и вооружало банды савинковцев и петлюровцев, совершавших из польской территории набеги на Украину. Наркоминдел опубликовал целый ряд неопровержимых тайных документов, бросающий яркий свет на провокационную деятельность польских властей (показания Савинкова впоследствии подтвердили подлинность этих документов и дополнили их многими деталями).

Вместо того, чтобы положить конец вопиющему нарушению 5 статьи Рижского договора о неоказании поддержки организациям и лицам,

занимающимся враждебной деятельностью против одной из договаривающихся сторон, в данном случае РСФСР, польское правительство, чтобы замести следы, выдвигало фантастические ни на чем не основанные контробвинения (вроде того, что советские власти насильно вручают польским беженцам, отправляющимся домой, воззвания против польского правительства и т. п. фантазии). Положение стало угрожающим, когда польский посол в Москве Филиппович 18 сентября предъявил ультиматум, требуя исполнения до 1 октября целого ряда необоснованных требований. Опять грозовые тучи нависли над советской землей. Только в последнюю минуту в Варшаве победили более трезвые политики, и кризис был ликвидирован.

Но не успело советское правительство ликвидировать конфликт с Польшей, как разгорелся не менее острый конфликт с Финляндией. В октябре со стороны Финляндии в Карелию вторгаются хорошо вооруженные банды карельских и финских белогвардейцев, пытающиеся поднять восстание, но неудачно. Франко-польско-финская провокация с целью использовать голод в Советской России — «последняя туча рассеянной бури» интервенции — пронеслась, и горизонт очистился.

Генуэзская конференция.

Позорный крах интервенции, провал авантюры Пилсудского, уничтожение последовавшей интервенции Врангеля, неудача спекуляции на голоде — все это поставило капиталистические страны Европы перед поистине проклятым — с их точки зрения — вопросом: «Как же быть с большевистской Россией?» Силой нельзя ее взять; измором — также невозможно; бойкотировать экономически и дипломатически такую огромную страну до бесконечности также нельзя. Если последнего не понимало, не хотело понять французское правительство, то это поняло, вынуждено было понять английское правительство. Англия страдала от колоссальной безработицы, которая стала принимать хронический характер. Своей безумной версальской и послеверсальской политикой английская дипломатия подрезала тот сук, на котором держится хозяйственная жизнь Англии, «величайшей нации лавочников в мире», как говаривал Ллойд-Джордж, перефразируя насмешливое замечание Наполеона. «Россия, — писал тогда известный английский журналист и в то время рупор Ллойд-Джорджа Гарвин в своем «Обсервер», — является в настоящий момент остовом всего мира. Мы лишь теперь стали ощущать последствия ее исключения из мировой экономической системы... Россия — житница мира — закрыта для нас. Россия — в потенции величайший в мире рынок — закрыта для нас. Открыть ее — дело инициативы Запада. Голод [в России] это лишь заостренный

конец нашей основной проблемы после окончания войны — получения работы и хлеба для нашего народа путем предоставления России средств для восстановления производства».

Еще с бо́льшей энергией этого требовала реформистская Рабочая партия, поддавшаяся настроению масс, требовавших сближения с Советской Россией не только по экономическим, но и по политическим соображениям, из солидарности с пролетариатом СССР.

Вот основная причина, побудившая «умнейшего из европейских дипломатов» взять на себя роль миротворца и целителя ран больной, мятущейся в судорогах экономического и политического кризиса Европы. Отсюда план «великой», по выражению Ллойд-Джорджа, конференции, главной задачей которой должно быть урегулирование русского вопроса. Ллойд-Джорджу удается склонить на свою сторону и французского премьера Бриана (которого черносотенный национальный блок накануне открытия конференции бросает за борт за крамольный либерализм и заменяет ярым врагом Советской России — Пуанкаре).

Под давлением Ллойд-Джорджа сессия Верховного совета 6 января 1922 г. в Каннах принимает резолюцию, которая гласит:

«Союзные державы, собравшиеся на конференции, высказывают единодушное мнение, что в феврале или в первых числах марта должна быть созвана экономическая и финансовая конференция, на которой всем европейским державам, в том числе Германии, России, Австрии, Венгрии и Болгарии, должно быть предложено послать представителей... Совместные усилия наиболее мощных государств необходимы для восстановления жизнеспособности европейской системы, ныне парализованной... Эти усилия должны быть направлены к устранению всех препятствий, затрудняющих торговлю. Они должны также заключаться в предоставлении значительных кредитов наиболее слабым государствам...

Союзные державы считают, что основные условия, необходимые для плодотворной работы, в общих чертах сводятся к следующему: одни нации не могут присваивать себе права диктовать другим нациям принципы, на основе которых те должны организовать строй собственности, свою внутреннюю и экономическую жизнь и свой образ правления; каждая страна в этом отношении имеет право избрать ту систему, которую она предпочитает»...

Этот последний пункт, конечно, имел в виду Советскую Россию. Он обозначал банкротство всей системы интервенции, банкротство, формально закрепленное самими ее виновниками. Но дальше выдвигается ряд условий предоставления кредита. Важнейшие из них — признание долгов, возмещение убытков в результате конфискации (читай: национализации) и воздержание от «пропаганды». В своей заключительной части каннская резолюция говорит:

«Если российское правительство в целях обеспечения необходимых для развития русской торговли условий потребует официального признания, союзные державы могли бы согласиться на это признание лишь в том случае, если бы российское правительство приняло вышеуказанные условия».

Так возник план созыва международной конференции в Генуе. Саботирование конференции со стороны Пуанкаре, однако, продолжалось. В особом меморандуме он выразил свое неудовольствие по поводу того, что советское правительство, соглашаясь на участие в конференции, не связывает себя заранее в официальной форме принятием всех условий каннской резолюции. Вообще, до самой последней минуты Пуанкаре всячески стремился сорвать открытие конференции, но, считаясь с общественным мнением и с фактом согласия его предшественника Бриана, вынужден был уступить. Все же, в отличие от премьеров Англии и Италии, Пуанкаре сам на конференцию не поехал, а послал делегацию во главе с Барту. Что касается советской делегации, то ее состав гарантировал полную авторитетность. Председателем был назначен Ленин (который, однако, не мог поехать), заместителем — Чичерин, членами делегации — Красин, Литвинов, Иоффе, Раковский и др.

Всего на конференции были представлены 34 страны. Соед. Штаты от участия отказались «ввиду исключения из обсуждения на конференции некоторых вопросов, удовлетворительное разрешение которых является необходимым условием для устранения главных причин экономической разрухи», а также ввиду того, что они считают нужным выжидать, пока будут приняты «соответствующие шаги» «виновниками разрухи в России» и «пока в России будут установлены необходимые основы хозяйственной жизни» (нота американского государственного секретаря Юза итальянскому правительству 8 марта 1922 г.). Другими словами, Америка, заинтересованная в подъеме покупательной способности ее клиента Германии и «приведении в чувство» стремившейся к гегемонии в Европе — Франции, была недовольна исключением, под давлением Франции, из порядка дня вопроса о репарациях, а также перспективой соглашения с Советской Россией, по отношению к которой она занимала непримиримо враждебную позицию. Характерно, что при этом Юз, опасаясь, как бы другие государства не извлекли больших выгод от урегулирования отношений с Советской Россией, заявлял:«... не должно быть предпринято ничего, что имело бы целью извлечь из России экономические выгоды в ущерб справедливым правам других; ...должна быть установлена справедливая и равная для всех возможность участия в экономической жизни этой страны». Это поистине была позиция собаки на сене, которая сама не ест и другим не дает.

Этими моментами, однако, не исчерпывается причина отказа Соед. Штатов от участия в конференции. Отказ находился также в известной зависимости от принципа воздержания от активного вмешательства в европейские дела. Этот принцип и в то время уже не соответствовал

интересам усилившегося американского империализма, но в силу традиции он все еще тяготел над внешней политикой Америки. Такое отношение Америки, как мы сейчас убедимся, решающим образом повлияло на исход конференции.

10 апреля в Генуе, во дворце Сан-Джиоржио, в весьма торжественной обстановке, в присутствии представителей 34 народов и многочисленных представителей печати со всех концов мира открылась «великая» конференция. Было сказано много красивых слов. «Настоящая конференция, — сказал председатель, итальянский премьер Факта, открывается в атмосфере возвышенного и чистого идеала... Мы чувствуем глубокое значение принципа единства Европы». И далее он с благоговением напомнил, что сам папа римский благословил конференцию *). Ллойд-Джордж с присущим ему красноречием набросал жуткую картину положения в Европе, которому должен быть положен конец на настоящей конференции.

«С тех пор, как кончилась война, прошло уже больше трех лет. Европа, истощенная яростной борьбой, материальными убытками и потерей крови, и сейчас еще несет колоссальное бремя долгов и возмещений, унаследованных от войны. Пульс всемирного торгового организма слаб и в высшей степени неравномерен... Везде и всюду законная торговля, коммерческая деятельность и промышленность находятся в состоянии упадка и дезорганизации. На западе — безработица, на востоке — голод и чума... Европа нуждается в отдыхе, тишине и спокойствии. Мир представляет собой единую семью... Если наша работа увенчается успехом, то луч надежды и доверия озарит мрак».

В таком эффектном освещении открылся генуэзский спектакль. Но на первом же заседании разыгрался инцидент между Чичериным и Барту, послуживший как бы дурным предзнаменованием. Чичерин огласил декларацию, в которой, между прочим, говорилось:

«Оставаясь на точке зрения коммунизма, российская делегация признает, что в нынешнюю историческую эпоху, делающую возможным параллельное существование старого и нарождающегося нового социального строя, экономическое сотрудничество между государствами, представляющими эти две системы собственности, является повелительно необходимым для всеобщего экономического восстановления... Идя навстречу потребности мирового хозяйства и развития его производительных сил, российское правительство сознательно и добровольно готово открыть свои границы для международных транзитных путей,

*) В письме архиепископу генуэзскому накануне открытия конференции папа писал «В качестве наместника мудрого Бога мира и любви... мы надеемся и верим, что представители держав пожелают не только с ясной душой, но и с готовностью принести некоторые жертвы на алтарь общего блага и обсудить печальное положение и страдания всех народов».

предоставить под обработку миллионы десятин плодороднейшей земли, богатейшие лесные, каменноугольные и рудные концессии. Делая эти предложения, российская делегация принимает к сведению и признает в принципе положения каннской резолюции, сохраняя за собой право внесения как своих дополнительных пунктов, так и поправок к существующим».

Затем Чичерин перешел к тому вопросу, который послужил поводом к первому симптоматичному инциденту на конференции, — к вопросу о действительной предпосылке мира, о котором так много говорилось на открытии конференции:

«Российская делегация намерена в течение дальнейших работ конференции предложить всеобщее сокращение вооружений и поддержать всякие предложения, имеющие целью облегчить бремя милитаризма».

Тут-то Барту не выдержал и, цепляясь за формальный момент в связи с порядком дня, заявил протест против обсуждения вопроса о сокращении вооружений. Между тем, за несколько минут до этого он в своем приветственном слове с пафосом заявил: «Вся, да вся Франция является решительной сторонницей мира».

Этот эпизод уже слегка приоткрыл завесу над внутренним механизмом конференции. Вскоре обнаружились и истинные намерения «миротворцев» не только школы Пуанкаре, но и «пацифиста» Ллойд-Джорджа. 2 мая союзники вручили советской делегации меморандум, суть которого сводится к следующему:

«Советское правительство никоим образом не будет вмешиваться в дела других государств и воздержится от всяких действий, могущих нарушить политическое и территориальное «статус кво» [существующий порядок вещей]... Советское правительство признает все долги» [при чем державы в туманной форме милостиво намекают на возможность сокращения суммы долга в будущем!]. «Союзники лишены возможности признать ответственность, возлагаемую на них русским правительством, за убытки и ущерб, понесенные Россией за время революции после войны».

Иными словами, союзники не хотят возместить Советской России огромные потери от разбойничьей интервенции, но на-ряду с этим они категорически, по-шейлоковски, требуют своего «фунта мяса»:

«Русское правительство признает ... своим обязательством возвратить, восстановить или, в случае невозможности, вознаградить все иностранные интересы за убытки и ущерб понесенные ими вследствие конфискации или реквизиции имущества. Для каждой страны, с целью выработки постановлений относительно размеров компенсации ... учреждаются арбитражные суды».

В состав этих судов входят — один член, назначенный советским правительством, один член, назначенный правительством заинтересованного лица, и председатель, назначенный Верховным судом Соеди-

ненных Штатов или советом Лиги наций, или же постоянным Международным трибуналом.

«Отправление правосудия в России должно быть организовано согласно постановлениям ст. 8 доклада лондонских экспертов [подготовительная конференция экспертов в Лондоне], а условия пребывания иностранцев в России и их торговли в данной стране должны быть установлены согласно указанию ст.ст. 9—17 данного доклада».

Постановления же эти и условия в корне противоречат советскому строю. Взамен за все это союзники создают консорциум с капиталом в 20 миллионов фунт. стерлингов (около 200 миллионов рублей) для торговли с Россией.

На эти шейлоковские требования советская делегация ответила меморандумом от 11 мая, разоблачающим — правда, в корректной форме — наглый цинизм «спасителей Европы».

О пропаганде меморандум говорит:

«Настоящая пропаганда, с целью ниспровержения существующего строя путем организации и отправки вооруженных банд, велась некоторыми странами, соседними с Россией и, между прочим, подписавшими меморандум. Что же касается пункта о «статус кво», то российская делегация считает это условие замаскированной попыткой побудить Россию к признанию договоров, заключенных другими странами; это уже — политический вопрос, который Россия готова обсудить с заинтересованными державами в подходящий момент».

Переходя к вопросу о долгах, советский меморандум, ссылаясь на исторические прецеденты, указывает, что советское правительство не обязано платить царских долгов. Например, французский конвент, наследницей которого является представленная на конференции нынешняя Франция, прокламировал, что «суверенитет народов не связан договорами тиранов», и соответственно этому революционная Франция тоже отказалась платить долги старого режима. Не обязано также революционное правительство возмещать убытки частных лиц, пострадавших от революции, которая рассматривается в международном праве как «форс мажор» (не поддающаяся контролю сила, в корне меняющая всю обстановку). С другой стороны, союзники никак не могут отклонить их обязательство возместить советскому правительству убытки по интервенции, так как союзные правительства были непосредственными инициаторами и участниками гражданской войны.

Такова правовая сторона вопроса. Но, желая добиться соглашения, необходимого в интересах восстановления советского хозяйства, советская делегация, однако, пошла на большие жертвы. Она согласилась признать довоенные долги и отказаться от своих контрпретензий, при условии аннулирования военных долгов и предоставления советскому

правительству кредита, размер которого должен быть установлен особо. Она далее выразила готовность уважать интересы иностранных мелких собственников и признать за бывшими собственниками национализированных предприятий преимущественное право в тех случаях, когда речь идет о предоставлении концессий бывшим собственникам на эксплоатацию принадлежавшего им раньше имущества.

Но этих жертв мало было «восстановителям» Европы. Они надеялись, что Советская Россия не устоит перед дружным напором капиталистического мира и пойдет на капитуляцию, после чего ей можно будет навязать пресловутые решения Лондонской комиссии экспертов (20—28 марта 1922 г.). Согласно же этим решениям, Советская Россия уже в 1927 г. должна была бы внести в счет погашения аннулированного долга — не считая военного в 13 миллиардов рублей — годичный взнос в 1 200 миллионов рублей. Этот взнос составил бы около 80% государственного бюджета Советской России в 1922 г. или же, если взять цифры из бюджета 1927 г., поглотил бы всю сумму, которую Советский Союз расходует на крупное строительство, на социалистическую индустриализацию страны! Трудящиеся массы Советской Республики были бы вынуждены работать в поте лица для утоления хищнических аппетитов гг. иностранных эксплоататоров. Указывая, правда, не в столь резких выражениях, на эти факты, советский ответный меморандум приходит к единственному логичному выводу:

«Утверждая, что русский вопрос рассматривался с точки зрения «справедливости» и необходимости «экономического восстановления» России без «эксплоатации», меморандум (держав) тем не менее предъявляет практические требования, означающие не только эксплоатацию, но и полное закабаление трудового населения России иностранному капиталу, совершенно обходя в то же время наиболее существенный вопрос о средствах восстановления хозяйства России».

Но характерно еще вот что: Франция саботировала даже эти насильнические условия, и на помощь ей пришла Америка, та самая Америка, которая только что устроила враждебную демонстрацию против Франции в связи с исключением из порядка дня конференции вопроса о репарациях, — перед лицом революционной России обе спорящие капиталистические державы установили единый фронт. Если Соед. Штаты формально не были представлены на конференции, то за ее кулисами фактическими представителями американской «образцовой демократии» выступали агенты всемогущего нефтяного треста «Стандарт Ойл», опасавшегося, как бы конкурент — английский трест — «Шелл-Ройял-Детч» —

не вошел в сделку с советским правительством насчет эксплоатации советской нефти. Сам же «Стандарт Ойл», в силу многих причин, в то время еще не соглашался работать в Советской России. И вот агенты «Стандарт Ойл» пускают слух о том, что между советской делегацией и «Ройял-Детч-Шелл» подписан договор о передаче последнему монопольной концессии на эксплоатацию русской нефти. В Генуе и вокруг Генуи поднимается настоящая буря. Американское правительство заявляет протест против якобы заключенного договора; французская делегация возмущена нарушением «прав» французских держателей акций национализированных предприятий; бельгийская делегация боится, как бы советское правительство не сдало в концессию бывшие бельгийские предприятия в России какой-нибудь английской или др. компании. В результате французы согласились с меморандумом держав от 2 мая только с оговорками, а бельгийцы совсем отказались подписать его.

Но если вызвавшая такой переполох история с нефтяной концессией оказалась холостым выстрелом, то на конференции лопнула и настоящая бомба — договор в Раппало.

Совершенно неожиданно для многих делегаций вдруг стало известно, что советская и германская делегации подписали 16 апреля в Раппало — под Генуей — договор о ликвидации старых счетов и немедленном восстановлении дипломатических сношений. Французская, польская, чешская и др. делегации всполошились. Перед ними предстал призрак «германско-большевистской опасности». Они требовали аннулирования договора и наказания немцев. Хитрый Ллойд-Джордж, для которого Раппальский договор вряд ли был неожиданностью, прикидывался возмущенным и в то же время умерял страсти французов. Немцев исключили в наказание за их «проступок» из политической комиссии, занимавшейся русским вопросом, но дальше этого дело не шло, и постепенно все улеглось. Успокоилась и сама германская дипломатия, которая, под влиянием запугиваний со стороны мудрых политиков из рядов социал-демократии, уже было испугалась собственной храбрости. Раппальский договор вскоре был ратифицирован и стал базой для дальнейшего благоприятного для обеих сторон развития советско-германских отношений.

Этот договор был единственным конкретным достижением генуэзской конференции, которая после пятинедельных трудов окончательно уперлась в тупик. Не желая допустить до окончательного разрыва, советская делегация предложила перенести решение «русского вопроса» на другую конференцию. Ллойд-Джордж согласился с этим, и по его инициативе 14 мая союзники решили созвать конференцию экспертов в Гааге. Ллойд-Джорджем при этом руководило желание хоть кое-что

привезти в Англию на память о «великой конференции» и получить козырь против усиленно нападавших на него консерваторов. С этой целью он также склонил участников конференции к подписанию договора о взаимном ненападении, сохраняющего свое действие на время работ конференции и четыре месяца после окончания их. Но это обстоятельство, конечно, не могло затушевать основного факта, что буржуазно-либеральная политика восстановления Европы со включением в европейский экономический круговорот Советской России,—политика, диктовавшаяся послевоенным кризисом мирового хозяйства, глашатаем которой стал Ллойд-Джордж,—потерпела в Генуе крах отчасти из-за своей собственной половинчатости и трусливости, отчасти из-за саботажа сил махровой реакции в Европе и Америке.

Гаагская конференция.

Гаагской конференции, точно так же, как Генуэзской, предшествовал саботаж Франции и Америки. Франция одно время предполагала вовсе отказаться от участия в ней или же ограничиться делегированием наблюдателя; Америка нотой от 15 мая решительно отказалась от участия, мотивируя свой отказ позицией советской делегации на Генуэзской конференции. Компетенции представителей держав на Гаагской конференции формально были ограничены, и это делегаты все время усиленно подчеркивали, — особенно когда было выгодно выступать в скромной роли экспертов. Конференция, в отличие от Генуэзской, сразу была разбита на две комиссии — русскую и нерусскую — с целью подчеркнуть, что капиталистические державы намерены выступать против Советской России единым фронтом. Это сразу создавало атмосферу враждебности и напряженности. К тому же большинство самих «экспертов» были капиталисты, которые сами материально пострадали в результате российской революции.

Вопросы, вокруг которых вращались дебаты на Гаагской конференции, были те же, что и на Генуэзской,— долги, кредиты, собственность иностранных граждан в России и т. д. По вопросу о долгах и кредитах советская делегация к концу конференции пошла даже на бо́льшие жертвы, чем в Генуе. На одном из немногих пленарных заседаний конференции 19 июля тов. Литвинов заявил, что он при известных условиях готов запросить советское правительство, согласится ли оно продолжать переговоры на основе признания в принципе довоенных долгов и возмещения бывших собственников и снятия с обсуждения вопроса о кредитах советскому правительству. Но при этом Литвинов указал, что такое соглашение предполагает признание советского правитель-

ства, что сделает возможным получение кредитов от частных лиц и групп.

Несмотря на заявление английского делегата Ллойд-Гримма, что заявления Литвинова чрезвычайно важны и соответствуют мнению английского правительства, эксперты отказались продолжать переговоры даже на такой базе.

Этот отказ вытекал из всей линии поведения экспертов на конференции. Вместо того, чтобы действительно работать над подысканием формул для соглашения, они почти все время посвятили запрашиванию у советской делегации бесконечной информации о бюджете Советской России, промышленности, транспорте, праве и т. д., причем задавались сотни вопросов о разных деталях всех этих областей. Советская делегация с достойным лучшей участи долготерпением удовлетворяла любопытство гг. экспертов. Она представила им подробно мотивированную записку о размерах просимого кредита (3 244 миллиона рублей) и способа его использования для восстановления промышленности; она также вручила порядочный список предполагаемых к сдаче концессий, в котором фигурировали даже бакинская и грозненская нефть, золотые россыпи, предприятия горнозаводской и металлургической промышленности и т. д. Словом, советская делегация в целях достижения соглашения с западным капиталом, столь необходимого для восстановления хозяйства Советской России, готова была на значительные жертвы. Но эксперты не сдвигали вопроса с мертвой точки; они все требовали «информации». И любопытная вещь: когда Литвинов однажды преподнес для ознакомления экспертам новый декрет об имущественных правах, бельгиец Катье с улыбкой достал его из собственного кармана — эксперты имели свои источники информации. Вся эта игра в информацию не столько объяснялась желанием «прощупать» советских делегатов, как прикрыть саботирование сути дела — отыскания методов соглашения.

Вместе с тем, так же, как в Генуе, давал себя чувствовать нажим американской нефтяной «демократии», которая опасалась, что сближение франко-бельгийской и английской точек зрения, наметившееся накануне Гааги, может повести к общей сделке европейских союзников с Советской Россией насчет эксплоатации советской нефти. Эти опасения, однако, были необоснованы. Конференцию саботировали французы, саботировали бельгийцы, саботировали и англичане. Впрочем, были некоторые основания полагать, что саботаж Ллойд-Гримма объясняется желанием Англии достигнуть в будущем соглашения, но сепаратного, а не общего. Как бы то ни было, в последнюю минуту Ллойд-Гримм согласился с Альфаном, делегатом Франции, и отклонил упомянутое далеко идущее предложение Литвинова, и конференция была

сорвана. После «великой» конференции представителей капиталистического мира и Советской Республики была сорвана и малая конференция — вторая попытка к соглашению.

Приходится отметить тот печальный факт, что в решительный момент борьбы Советской России в Генуе и Гааге она не получила серьезной поддержки от мирового пролетариата. Это объясняется застоем в рабочем движении в тот момент, а также тем, что борьба не носила открытого характера и происходила за ширмой, которую буржуазия расписала яркими узорами пацифизма и мнимого доброжелательства по отношению к Советской России. Пролетариат в массе своей, к сожалению, не понял глубокого смысла дипломатической борьбы Советской России в Генуе и Гааге.

Что же представляют Генуя и Гаага, вместе взятые, в историческом смысле? — Исторический перевал между периодами банкротства интервенции и признанием Советских Республик огромной силой в международном масштабе, способной отстоять свои революционные завоевания. Ибо за зелеными столами в роскошных дворцах и виллах Генуи и Гааги разыгралось продолжение той великой — не на жизнь, а на смерть — борьбы, которую российская революция вела на Неве и Волге, на Днепре и Березине, в снежных равнинах Мурманска и Сибири, в песках Туркестана, в горах Кавказа и Крыма — на бесконечных фронтах против ставленников иностранного капитала — царских генералов Корнилова, Миллера, Юденича, Колчака, Деникина, Врангеля, Дутова, против Петлюры и Пилсудского — против десятков других, рангом помельче — мелких бесов интервенции. И российская революция отстояла свою свободу и независимость за зеленым столом в поединке с утонченно-лицемерными, вежливыми на вид, но хищными по нутру дипломатами «великих цивилизованных держав», точно так же, как отстояла ее на кровавых полях сражения в России против генералов от интервенции — француза Жанена, англичанина Айронсайда, американца Гревса и их русских денщиков в генеральских погонах.

Правда, в Гааге советская делегация изъявила готовность итти на весьма серьезные уступки. Но, во-первых, нельзя судить о размере этих уступок по дипломатическому маневрированию, которое было необходимо как попытка сдвинуть конференцию с мертвой точки, а во-вторых, разве пролетариат СССР не заставил мировую буржуазию пойти на встречные уступки? Разве садилась бы она за один стол с большевиками, если бы не поражение, нанесенное ей российским

пролетариатом в вооруженной борьбе? Ведь сам по себе факт приглашения советского правительства на «великую конференцию» уже был огромной дипломатической победой Советской России. Для того, чтобы правильно оценить эту победу, нужно смотреть на вещи в их исторической перспективе. Приглашение «большевиков» в Геную сразу дало почувствовать всему миру, как мировой буржуазии, так и мировому пролетариату, что большевистская Советская Россия вышла на мировую арену если не как гордая победительница, то во всяком случае не как побежденная. Этот факт имел огромное значение для подготовки последовавших за Генуей и Гаагой побед советской дипломатии.

В этой борьбе с советским государством капиталистические правительства выступали, по крайней мере внешне, единым фронтом, и с точки зрения наиболее непримиримых держав (Франция) эта идея единого фронта как будто одержала победу: Советская Россия не добилась соглашения на приемлемых для нее условиях с «коллективом» империалистических государств. Но для империалистов это была поистине Пиррова победа. Ибо те державы, которые в силу целого ряда причин были более заинтересованы в соглашении с Советской Россией (Англия, Италия и др.), сделали из факта срыва общего соглашения единственно правильный вывод: раз единым фронтом соглашение невозможно, то лучше действовать самостоятельно.

Вот почему именно мнимая победа идеи капиталистического единого фронта против революционной России в Генуе и Гааге дала еще один толчок разложению этого единого фронта. Срыв общего соглашения подготовил почву для более выгодных Советской России сепаратных соглашений и, в частности, для будущих признаний де-юре, составляющих, как никак, определенные завоевания советской дипломатии.

Уже в течение второй половины 1922 г. стало заметно, что Генуя и Гаага дали толчок дальнейшему расширению международных связей Советской России. В конце года советское правительство, — правда, с известными ограничениями, — было приглашено принять участие в работах Лозаннской конференции (см. ниже). На самой конференции в Генуе последовало подписание торговой конвенции с Италией, расширяющей действия торгового договора от 6 декабря 1921 г. (впоследствии Совнарком отказался утвердить договор ввиду того, что он не предусматривал полного политического признания советского правительства по примеру Раппальского договора).

12 октября Пуанкаре извещает Наркоминдел о своем согласии допустить во Францию советскую миссию Красного креста. В то же время

в Москву приезжает вождь левого крыла французской буржуазии и кандидат в премьеры Эдуард Эррио, который по возвращении во Францию начинает вести энергичную кампанию за возобновление дипломатических сношений с Советской Россией. Во французском общественном мнении намечается определенный сдвиг в этом направлении. Даже на официоз Пуанкаре «Тан» в связи с обостряющейся англо-французской борьбой все чаще находят минуты просветления.

9 сентября тов. Красин подписывает с Уркартом, руководителем английского союза б. собственников в России, предварительный договор о сдаче ему в концессию огромных национализированных предприятий на Урале, до революции принадлежавших «Русско-азиатскому обществу», во главе которого стоял тот же Уркарт. Однако, впоследствии, в связи с явно враждебной позицией Англии в вопросе о безопасности Советской России со стороны проливов, Совнарком 6 октября отклоняет предварительный договор, подтверждая свою принципиальную готовность войти в новое соглашение с Уркартом на определенных началах.

Что касается малых европейских государств, то их отношение к Советской России в этот период отличается той же неустойчивостью и зигзагообразностью, что и политика великих держав, под чьим влиянием они находятся. Чехо-Словакия 5 июня 1922 г. подписывает временный договор с Советской Россией, заключающий в себе статью об учреждении полномочных представительств, но дальнейшее развитие чешско-советских отношений осложняется по вине чешского правительства, находящегося под сильным влиянием Франции, а также русских эсеров и др. контрреволюционных эмигрантов. Колеблются и окраинные государства. 29 марта 1922 г., накануне «Генуи», по инициативе советского правительства, в Риге происходит конференция Советской России и окраинных государств, включая Польшу. Подписывается протокол, в силу которого последние обязуются держаться в Генуе линии признания советского правительства и необходимости сокращения вооружений. В конце года (2 декабря) в Москве, также по инициативе советского правительства, открывается другая конференция Советской России и окраинных государств — с целью сокращения вооружений. На этом примере весьма ярко сказывается влияние враждебных Советской России сил в окраинных государствах. В то время, как председатель советской делегации тов. Литвинов вносит конкретное предложение о сокращении армий всех участвующих в конференции стран на 75% в течение 18 месяцев, делегаты окраинных государств ударяются в возвышенные разговоры о «моральном разоружении», упорно обходя вопрос о материальном фактическом разоружении. Конференция таким образом срывается.

В то же время происходят постоянные трения с окраинными государствами на почве несоблюдения ими добрососедских отношений. Польша продолжает поддерживать на своей территории белогвардейские организации, орудующие против Советской России; 3 мая в Ревеле казнен Кингисепп, б. член ВЦИК'а 4-го созыва; эстонское правительство отказывает в просьбе советского правительства о выдаче его тела и протестует против переименования ВЦИК'ом пограничного с Эстонией города Ямбурга в Кингисепп; на аналогичной политической подкладке происходит инцидент с латвийским правительством, предавшим казни подлежавшего обмену коммуниста Пурина.

Но, несмотря на все эти зигзаги в политической линии крупных и малых западных государств в отношении Советской России, можно констатировать, что под давлением обстоятельств они вынуждены во все большей мере учитывать международно-политический вес крепнущей Республики советов.

Тот же процесс в общем замечается и на Ближнем Востоке, несмотря на серьезные осложняющие моменты (о которых речь будет ниже) и на Дальнем Востоке. Здесь конец года приносит Советской России значительный успех. После бесконечных томительных переговоров с японскими дипломатами в Дайрене и Чань-Чуни японские войска очищают последнюю прибрежную зону Приморья. 25 октября войска Дальневосточной республики входят во Владивосток. 14 ноября, сейчас же после 5-й годовщины Октябрьской революции, народное собрание ДВР единогласно принимает постановление о самоликвидации и вступлении в Советскую Федерацию. Буфер, искусственно созданный к целях защиты от интервенции, перестал существовать; последние остатки сил интервенции выметены. РСФСР, в то время преобразованная в СССР, выходит к Тихому океану, куда переносится центр тяжести мировой политики.

Завершая славное пятилетие своей грандиозной борьбы, советская власть охватывает $^1/_6$ часть мира — от Балтийского моря до Тихого океана, «от финских хладных скал до пламенной Колхиды». Но на той же территории, огромные размеры которой воспевал поэт, уже находится не великая единая Россия — великая тюрьма для всех ее народов, крепость мировой реакции, а свободный Союз Советских Социалистических Республик — неприступная крепость мировой революции.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

НАСТУПЛЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

(1922/23 г.)

Приход к власти консерваторов. — Резкое ухудшение англо-советских отношений. — Лозаннская конференция. — Ультиматум Керзона. — Попытка сорвать афгано-советскую дружбу.

Лозаннская конференция.

Генуя была лебединой песней Ллойд-Джорджа и вместе с тем того кратковременного и хилого буржуазного пацифизма, который питался страхом перед революционным подъемом демобилизационного периода и экономическим кризисом. Ллойд-Джордж возлагал большие надежды на экономический эффект включения Советской России в мировое хозяйство. Нэп окрылил его надежды на перерождение большевизма в результате контакта с капиталистическими странами, с Англией в частности. Но для осуществления такого контакта он не имел ни смелости, ни воли, ни власти. И если накануне Генуи часть консервативной буржуазии его еще поддерживала, то это объясняется тем, что она надеялась на капитуляцию Советской России перед единым фронтом буржуазных государств. Этого, однако, не случилось. «Ллойд-Джордж», — писал Гарвин, — должен приехать из Генуи «бóльшим человеком». Приехал же он с пустыми руками — меньшим человеком. Союзники по коалиционному правительству — консерваторы — повернулись к нему спиной. Они оправились после паники демобилизационного периода, взяли в тиски рабочий класс (локауты углекопов в 1921 г. и металлистов в марте 1922 г.) и повернулись спиной к Ллойд-Джорджу с его политикой лечения английского капитализма путем умиротворения европейской экономики и политики и сделок с большевиками, держащими в руках огромнейшую страну-целину, простирающуюся на одну шестую часть мира и нуждающуюся в оплодотворении иностранным капиталом. Вместо этой политики, консерваторы выдвинули лозунг большего сплочения и использования сил империи, которая им предоставлялась чуть ли не как нечто самодовлеющее, способное жить одними своими внутренними силами.

Так постепенно созревали предпосылки для раскола в либерально-консервативной военной коалиции и для перехода власти в руки одних консерваторов. Провал ближне-восточной политики Ллойд-Джорджа, выразившийся в жестоком поражении Греции, брошенной им в войну против Турции, оказался для него роковым. В октябре 1922 г. Ллойд-Джордж уходит и место его занимает консерватор Бонар Лоу. Новое правительство назначает выборы, которые дают консерваторам значительное большинство в парламенте. В англо-советских отношениях происходит перелом к худшему, к постоянному нарастанию враждебности английского империализма.

Этот перелом особенно резко выступил по линии дипломатического ближне-восточного фронта, в одной из наиболее чувствительных областей великобританской политики. Новое английское правительство в отличие от правительства Ллойд-Джорджа здесь пыталось воскресить политику Биконсфильда — пойти на уступки Турции, чтобы восстановить ее против России. Таков был курс, взятый Керзоном на Лозаннской конференции, имевшей целью урегулирование отношений союзников с новой Турцией и, в частности, разрешение вопроса о проливах.

Три силы встретились на Лозаннской конференции: империалистический Запад, Восток и Советский Союз.

Западные капиталистические державы, несмотря на раздиравшие их противоречия, в основном выступали на конференции единым фронтом против Советского Союза. Это первый поучительный урок «Лозанны». Второй важный урок заключается в новых осложняющих моментах в восточной проблеме, что сказалось в позиции Турции. Турция вышла победительницей из тяжелой борьбы с западным империализмом. Но как только долгая изнурительная борьба пришла к концу, Турция стала на путь уступок с целью добиться компромисса с крупными державами и открыть доступ их капиталу для ускорения экономического развития страны.

В результате указанного сдвига в политике Турции советская делегация в Лозанне оказалась изолированной, и ей не удалось помешать подписанию конвенции о проливах, открывающей военным судам западных держав через Черное море доступ к нашему побережью.

Лозаннская конференция открылась (20 ноября 1922 г.) без участия советской делегации. Последняя под председательством тов. Чичерина была допущена к участию в работах этой конференции, задевающей жизненные интересы СССР, только впоследствии — в первых числах декабря, при чем участие было ограничено некоторыми вопросами о проливах. Такое решение со стороны держав объясняется тем, что они

имели все основания опасаться, что, участвуя в полной мере во всех работах конференции, советская делегация будет систематически разоблачать их хищнические планы. Но в то же время они не могли совершенно игнорировать Советский Союз, тем более, что без подписи советской делегации договор о проливах сразу потерял бы в своем международно-политическом значении. Отсюда и средний путь допущения «постольку-поскольку», избранный Керзоном. Что касается Турции, то она требовала нашего участия во всех работах конференции, но пойти из-за этого на конфликт с союзниками она не хотела.

Вопрос о проливах сразу стал во всей его остроте, но в совершенно новой исторической перспективе. Во времена царизма Англия, опасаясь проникновения военно-морского влияния России в Средиземное море (путь в Индию), добивалась закрытия проливов для русского военного флота. Теперь, когда Черноморский флот Советской России оказался чрезвычайно ослабленным, английские империалисты уже добиваются свободного прохода военных судов через проливы и их демилитаризации. Прикрываясь красивым лозунгом «свободы» морей, английские империалисты, чьей действительной целью искони была монополия морей, добиваются для своего флота свободного доступа к Черноморскому побережью, чтобы держать Советский Союз под постоянной угрозой с юга.

На заседании комиссии о проливах от 4 декабря Чичерин огласил декларацию, в которой он противопоставляет мирную позицию советской дипломатии империалистической позиции Англии. Приводим наиболее существенные выдержки из этого исторического документа:

«Постоянная свобода торгового мореплавания и мирных морских сообщений в Босфоре, в Мраморном море и в Дарданеллах должна быть обеспечена абсолютно и без какого-либо ограничения. Сохранение мира на Черном море и безопасность его берегов, равно как и сохранение мира на Ближнем Востоке и безопасность Константинополя должны быть прочно гарантированы, а это означает, что Дарданеллы и Босфор как в мирное время, так и в военное должны быть постоянно закрыты для военных и вооруженных судов, а также для военных летательных аппаратов всех стран.

Принцип свободы плавания в проливах и принцип закрытия их для военного плавания взаимно друг друга дополняют, так как лишь совершенное закрытие проливов для всех военных или вооруженных судов, а также для всех военных летательных аппаратов других наций может действительным образом гарантировать свободу мирного плавания в этих водах. Основываясь на том факте, что Дарданеллы и Босфор принадлежат Турции, Российское правительство и его союзники [украинская, грузинская и др. советские республики], уважая суверенитет каждого народа, настаивают на восстановлении и на сохранении во всей их полноте прав турецкого народа на свою территорию и на свои воды. Российское правительство и его союзники настаивают, главным образом, на том факте что турецкое правительство будет в состоянии защищать действительным образом про-

ливы и Мраморное море от какого бы то ни было нападения лишь в том случае, если за ним определенно будет признано право укреплять и вооружать его берега, иметь военный флот и применять в деле защиты проливов и Мраморного моря все средства современной военной техники...

Закрытие проливов для военных судов соответствует также принципу равенства между всеми государствами, тогда как открытие их для военных судов создаст преимущественное положение для наиболее сильной морской державы...

Советская Россия, аннулируя без какой бы то ни было компенсации все соглашения, касающиеся передачи Константинополя России, давая тем самым возможность Турции победоносно защищать свое существование и освобождая все государства бассейна Средиземного моря от старой угрозы вековых вожделений царизма, никоим образом не имела намерения позволить, чтобы вопросу о проливах было дано разрешение, непосредственно направленное против ее собственной безопасности...

Российское правительство и его союзники считают долгом еще раз настаивать на исключительном значении проливов для экономической жизни Советской Федерации. Достаточно указать, что из всего экспорта хлеба из России, согласно статистических данных 1910 г., более 70% было вывезено через порты Черного и Азовского морей.

Равным образом, с точки зрения обороны, предлагаемое нами разрешение представляет собою единственную возможную гарантию элементарнейших жизненных интересов России и ее союзников... Достаточно напомнить об оккупации союзниками Одессы, Николаева, Херсона, Севастополя, Батума и других приморских городов Черного моря. Единственно лишь благодаря возможности для морских союзнических сил проходить через проливы, державы Антанты оказались в состоянии создать в наших южных пределах армии Деникина и Врангеля и поддерживать их борьбу против правительств России и ее союзников».

Но эта обоснованная и справедливая аргументация, конечно, не смутила Керзона. Ему удалось достигнуть соглашения с председателем турецкой делегации Исметом-пашой, который шел на уступки в вопросах о проливах, чтобы выгадать на других. 7 февраля 1923 г. ввиду наступившего перерыва наша делегация оставила Лозанну, предупредив секретариат, что уведомление о возобновлении работ должно быть адресовано полпреду СССР в Риме тов. Воровскому. Тов. Воровский, однако, такого уведомления не получил. Но все же он выехал в Лозанну, чтобы выяснить положение на месте. На конференцию он не был допущен, и 10 мая, после открытых угроз со стороны местных фашистов, которым потворствовали швейцарские власти и секретариат конференции, он пал на своем посту, сраженный пулей русского белогвардейца Конради.

7 июля генеральный секретарь Лозаннской конференции запросил советское правительство, готово ли оно присоединиться к конвенции о проливах. Несмотря на то, что конвенция, в основу которой легли планы Керзона, идет вразрез с интересами СССР, советское правительство решило с оговоркой ее подписать, чтобы таким путем обеспечить себе возможность участия в конкретном проведении мероприятий, свя-

занных с конвенцией и в ее улучшении. Наши оговорки были формулированы в ноте тов. Чичерина от 21 июля в ясной и решительной форме:

«Советские правительства, — говорилось в ноте, — оговаривают свое право поднять в будущем вопрос о внесении изменений в конвенцию о проливах. Они заранее заявляют, что если практика применения конвенции обнаружит, что ею недостаточно гарантированы интересы торговли и безопасности советских республик и всеобщего мира, они принуждены будут поднять вопрос о прекращении ее действия».

14 августа 1923 г. полпред СССР в Риме тов. Иорданский в силу сложившихся условий подписал таящую в себе опасности для нашего Союза конвенцию, опасности, которые, вытекая из нашей слабости на море, могут быть устранены только путем усиления нашего Красного флота.

Ультиматум Керзона 8 мая 1923 г.

Ультиматум Керзона — один из важнейших эпизодов в истории борьбы Советского Союза на внешних фронтах — тесно связан с наступлением английского империализма против СССР на Лозаннской конференции.

8 мая 1923 г. после целого ряда дипломатических выпадов против СССР со стороны лорда Керзона английский представитель в Москве Ходжсон передал советскому правительству длинный меморандум с целым рядом обвинений, претензий и домогательств. В меморандуме, под страхом разрыва торгового договора в случае неудовлетворительного ответа в десятидневный срок, предъявлялся ряд требований, которые в общих чертах сводились к следующему: 1) отозвать «с мест их зловредной работы» полпредов СССР Шумяцкого (Персия), Раскольникова (Афганистан) и извиниться за их деятельность; 2) компенсация семье расстрелянного в 1920 г. — т.-е. еще до подписания договора с Англией — английского подданного Дэвисона и арестованной в свое время по подозрению в шпионаже журналистке Стэн-Гардинг; 3) допущение рыбной ловли за пределами трехмильной, а не двенадцатимильной прибрежной зоны; компенсация командам траллеров, задержанных за рыбную ловлю в пределах двенадцатимильной зоны; 4) «недвусмысленное взятие обратно» оскорбительных нот тов. Вайнштейна в ответ на ноту Ходжсона от 30 марта по поводу смертного приговора над польским шпионом Буткевичем.

Разберем по порядку эти обвинения:

1) «Зловредная деятельность» тт. Шумяцкого и Раскольникова состояла в том, что они всю свою дипломатическую деятельность строили, исходя из того, что Персия и Афганистан не английские колонии, а независимые государства.

2) Дэвисон был расстрелян, а Гардинг была арестована по заслугам — за шпионаж.

3) Международная практика давно уже отказалась от нормы в три мили для территориальных вод, имевшей свое оправдание в старые времена, когда дальнобойность выстрела была значительно меньше, чем теперь. Сама Англия в 1890 г. установила норму для территориальных вод вокруг острова Цейлона в 6 миль. Как бы то ни было, усмотреть в установлении по отношению к рыбной ловле запретной зоны в 12 миль нарушение жизненных интересов Англии, требующее предъявления ультиматума, может только тот, кому нужен разрыв, а не рыба.

4) История с нотами заведующего подотделом стран Согласия НКИД тов. Вайнштейна такова: в упомянутой ноте Ходжсона от 30 марта английское правительство обращалось к советскому правительству «с серьезным и окончательным призывом» приостановить исполнение над Буткевичем смертного приговора, который «не может не вызвать во всем цивилизованном мире чувства ужаса и негодования». Вместо тов. Чичерина, считавшего ниже своего достоинства, как главы НКИД, отвечать на такое дерзкое вмешательство во внутренние дела СССР с целью взять под свою защиту шпиона, ответил тов. Вайнштейн. Как будто напоминая лорду Керзону английскую пословицу, что «добрые дела следует начинать у себя дома», Вайнштейн указал, что НКИД получена телеграмма от представителя революционной Ирландской республики в Париже о том, что в английских тюрьмах содержатся в самом варварском режиме 14 000 ирландцев. Это маленькое фактическое замечание и вызвало гнев Керзона.

Так обстоит дело по существу затронутых в ультиматуме вопросов. Но уже с первого взгляда на требования Керзона видно, что ставить их в форме 10-дневного ультиматума может только такое правительство, которое явно стремится шантажировать другую страну. Действительно, Керзон пытался путем угрозы разрывом заставить советское правительство отказаться от самостоятельной политики на Востоке и нанести удар международному престижу СССР. На случай же, если советское правительство не пойдет на капитуляцию, Керзон был готов пойти на разрыв, который подготовил бы почву для новой интервенции против СССР. Таков был истинный смысл ультиматума, кстати сказать, подкрепленного подозрительным маневрированием английской флотилии в Белом и Балтийском морях. Именно так восприняли ультиматум трудящиеся массы СССР, на которых с запада опять повеяло духом интервенции. По всей стране про-

шла волна грандиозных демонстраций, в которых выражалась твердая готовность по первому зову снова встать на защиту советской земли. Понял опасность и английский пролетариат. Правда, выступления официальных лидеров рабочего движения не отличались ясной постановкой вопроса и решительностью. Макдональд даже в разгаре кризиса принципиально солидаризировался с Керзоном в вопросе о «пропаганде». Но все же Рабочая партия и профсоюзы открыли кампанию против разрыва, что, без сомнения, сыграло решающую роль в предупреждении опаснейших осложнений. Особо следует отметить деятельность английской компартии, которая, несмотря на свою малочисленность, показала себя способной энергично воздействовать на местные отделы Рабочей партии и профсоюзов и дать сильный толчок движению протеста против провокации консерваторов.

Против разрыва высказывались также либералы и некоторые представители консервативных деловых кругов, стоявших на точке зрения расширения англо-советской торговли. Любопытно, что как раз во время предъявления керзоновского ультиматума представители крупнейшего английского промышленного объединения Бекос собирались в Москву. (Делегация, прибывшая в Москву в августе, по возвращении домой публично высказывалась за сближение с СССР.)

Советское правительство в ноте от 11 мая решительно отвергло обвинения Керзона и со своей стороны напоминало о расстрелянных англичанами во время интервенции в Баку 26 комиссарах, об интригах английских агентов на Кавказе, в Туркестане, Восточной Бухаре, о целом ряде враждебных актов со стороны Англии. По вопросу о «зловредной деятельности» Раскольникова и Шумяцкого нота указывала, что английские обвинения продиктованы нежеланием примириться с фактом существования на-ряду с Англией других независимых и суверенных стран.

«Российское правительство, — читаем мы в советской ноте, — считает, что одной из главных причин постоянно возникающих недоразумений между ним и великобританским правительством является тот факт, что в связи с положением, создавшимся после Версальского мира, известные круги Антанты не согласны иметь дела с другими странами на началах действительного равенства сторон. Не отрицая того, что очень значительное число стран действительно стало в последние годы в зависимое или полузависимое положение к странам бывшей Антанты, российское правительство считает нужным сказать, что положение советских республик не имеет, не может и не будет иметь ничего общего с состоянием зависимости от воли постороннего правительства

(курсив наш. *М. Т.*). Если бы правящие круги Великобритании усвоили себе этот факт, то тем самым была бы устранена важнейшая помеха к установлению нормальных и спокойных отношений, равно выгодных для обеих сторон».

Окончательные предложения советского правительства, формулированные в этой ноте а также тов. Красиным, спешно выехавшим в Лондон, сводились к следующему: обе стороны на началах полной взаимности подтверждают свои вытекающие из торгового договора обязательства о воздержании от всякой враждебной пропаганды на Востоке; советское правительство изъявляет согласие на компенсирование семьи Дэвисона, а также Гардинг (Керзон требовал 13 тысяч фунтов стерлингов), а также на предоставление английским гражданам права рыбной ловли в пределах трехмильной зоны, впредь до созыва международной конференции по этому вопросу; ноты Вайнштейна объявляются «несуществующими».

Советская дипломатия, удачно маневрируя в этот решительный момент, постепенно склоняла на свою сторону симпатии не только рабочего класса, но и вообще всех пацифистски-настроенных элементов в Англии, и в конце концов планы Керзона, надеявшегося заставить нас капитулировать по всей линии нашей восточной политики и сорвать англо-советский договор, потерпели крах. Тот факт, что после всей бури в связи с утьтиматумом Англия все-таки не порвала торгового договора с нами, благоприятно повлиял на отношения других стран к СССР. Советская дипломатия с честью вышла из испытания.

Момент предъявления ультиматума Керзона был в Англии моментом пробы сил противников и сторонников соглашения с СССР. «Твердокаменные» консерваторы потерпели поражение; англо-советский договор остался в силе. Но они не успокоились и опять повели кампанию. На сей раз мишенью для их атак был назначенный представителем в Англию тов. Раковский. После извещений заместителя британского официального агента в Москве Питерса от 10 и 27 июля 1923 г. о согласии английского правительства принять тов. Раковского как официального агента СССР и после получения последним визы, английская консервативная печать повела против тов. Раковского бешеную кампанию. Она писала, что Раковский, якобы, заявил на сессии ВУЦИК'а, что использует свое положение в Англии для революционных целей, что Раковский вообще является ярым врагом Англии и к тому же несет ответственность за массовые убийства белых на Украине. После внесения в парламент запроса в таком же духе Питерс 2 августа известил советское правительство, что великобританское правительство временно отказывается принять тов. Раковского.

В ноте от 9 августа тов. Чичерин протестует против этого недружелюбного акта, категорически опровергает приписываемое тов. Раковскому заявление о революционной пропаганде и разоблачает извращение фактов в связи с другими обвинениями консерваторов. Около месяца английское правительство занималось «изучением» вопроса. В это время консервативная печать изо дня в день изобретала новые обвинения против тов. Раковского. Орган Рабочей партии «Дэйли Геральд» и либеральные газеты, наоборот, защищали тов. Раковского и требовали ликвидации конфликта. И на сей раз победили прогрессивные элементы, и 31 августа английское правительство известило НКИД, что к въезду тов. Раковского препятствий не встречается. Но и после этого саботаж не прекращался. Ссылаясь на то, что Раковский не является дипломатическим представителем признанного де-юре правительства, лорд Керзон упорно отказывал ему в личном приеме.

Эта непримиримая враждебность Керзона в то время усиливалась под влиянием двух весьма важных моментов: 1) экономического роста СССР, который стал очевидным для заграницы в связи с выходом на мировой рынок советского хлеба и советский нефти (в 1923/24 г. было вывезено 170 миллионов пудов хлеба и около 50 миллионов пудов нефтепродуктов) и 2) октябрьских событий в Германии.

Появление нашего хлеба на мировой арене произвело большое впечатление в деловых кругах Англии и др. стран. Раньше, летом 1923 г., когда представители советского правительства заявили, что СССР будет в состоянии уже осенью приступить к вывозу значительного количества хлеба, буржуазная печать объявила это «большевистским блефом». Но наш хлеб «пришел, увидел и победил». Наш хлеб «признали». И уже в конце года печать систематически сообщала из Лондона, Парижа, Рима, Нью-Йорка, Константинополя, Стокгольма, Гельсингфорса и т. д. об огромном впечатлении, произведенном нашим зерном на деловые и общественные круги. Недаром влиятельный английский «Обсервер» в то время писал: «Быть может, советское правительство не увлекается, считая, что разбухшие закрома сделают то, чего не сделали дипломатические переговоры». Вслед за тем получили признание де-факто наш червонец и наша нефть, хотя и «краденая», т.-е. национализированная.

Все это не могло не вызвать усиления враждебности консервативного правительства к СССР. Английская буржуазия, которая еще совсем недавно — во время интервенции — имела перед собой искромсанную истекающую кровью Россию, теперь увидела, что перед ней стоит во весь рост воскресший красный гигант.

Еще более усилилась нервозность буржуазии во время октябрьских событий в Германии, когда со дня на день ожидалось революционное выступление германского пролетариата под руководством коммунистической партии. Трудящиеся массы СССР в порыве огромного энтузиазма не скрывали своего стремления притти на помощь революционной Германии. Особоуполномоченный советского правительства тов. Копп вел переговоры с Польшей о свободном транзите через Польшу для нашего хлеба «независимо от внутренних политических условий в странах назначения экспорта». Напуганное всеми этими событиями английское правительство тогда обратило свои взоры в сторону Америки. 12 октября Керзон обращается к вашингтонскому правительству с нотой, в которой, указывая на кризис в Германии, усиленно приглашает Соед. Штаты взять на себя инициативу разрешения репарационного кризиса. Этим приглашением было положено начало плану Дауэса, который, по мысли английской дипломатии, должен привести к отрыву Германии от СССР.

Тем временем Керзон подготовляет новый удар в спину СССР — со стороны Афганистана. В декабре 1923 года, пользуясь случаем убийства английского офицера в упомянутой пограничной полосе, Керзон предъявил Афганистану целый ряд требований — в том числе, неофициально, разрыва дипломатических отношений с СССР. В случае их невыполнения Керзон угрожал Афганистану войной. Но эта провокация сорвалась: в тот момент участь консервативного правительства уже была решена; ему на смену шло так называемое «рабочее правительство» Макдональда.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«ПАЦИФИСТСКАЯ ЭРА» И ПРИЗНАНИЕ ДЕ-ЮРЕ.

(1924/25 г.)

Уход консерваторов и приход к власти «рабочего правительства» Макдональда. — Корни «демократически-пацифистской эры». — Полоса «признаний» и ее смысл. — Англо-советский договор 8 августа 1924 г. — Успехи на Дальнем Востоке. — Договоры с Китаем и Японией.

Признание СССР де-юре Англией.

7-й год существования СССР отмечается ослаблением той напряженности в отношениях между Союзом и капиталистическим миром, которая создалась в предшествующем году в результате провокационной политики организатора мирового антисоветского движения — консервативного правительства Англии.

Этому способствовал наметившийся в то время сдвиг влево в задающих тон в капиталистической Европе странах — в Англии и во Франции, сдвиг, вошедший в историю под термином «демократически-пацифистская эра» — в кавычках обязательно. Действительно, эта «эра» не имела глубоких корней, и в значительной степени возникновение ее, точнее к а ж у щ е е с я ее возникновение, объяснялось совпадением прихода к власти по различным причинам «рабочего», опять-таки в кавычках, правительства Макдональда в Англии и правительства левого блока с Эррио во главе во Франции. Макдональд пришел к власти не в результате значительного подъема активности масс; Рабочая партия на выборах в конце 1923 г. получила лишь незначительный прирост голосов (4 348 370 против 4 236 733 на выборах в 1922 г.), и только особенности английской парламентской системы дали ей значительное увеличение числа мандатов — 192 против 156. Правда, непримиримая политика консерваторов по отношению к СССР сыграла определенную роль в их поражении, но приходится констатировать тот факт, что главной причиной этого поражения являлось провозглашение ими политики высоких покровительственных пошлин, в чем английские рабочие и мелкие буржуа усмотрели опасность «дешевому завтраку».

Как бы то ни было, впервые в истории Англии к власти пришла Рабочая партия, которая еще со времени интервенции требовала установления нормальных отношений с советским правительством. И хотя, вследствие соглашательской политики вождей, эти требования не защищались достаточно энергично, все же Рабочая партия в общем и целом много сделала в деле помощи Советской России. Во время избирательной кампании конца 1923 г. установление мирных отношений с Советской Россией, кредитование торговли с нею и признание советского правительства стали официальными лозунгами предвыборной кампании Рабочей партии, при чем в мотивировке вождей это не были революционные лозунги, диктуемые стремлением помочь борьбе Советского Союза с капиталистическим миром, в том числе и с капиталистической Англией, а чисто практические лозунги, выдвигаемые в борьбе с безработицей. Но, как бы то ни было, Макдональд пришел к власти с обещанием немедленного признания советского правительства. В первые дни он как будто обнаруживал колебания. Недаром же он заявил, что будет соблюдать «преемственность» внешней политики своего отечества, — следовательно, преемственность политики Керзона. Так как же сделать такой резкий поворот в «русском вопросе»?

Но целый ряд рабочих организаций и лидеров левого крыла независимой Рабочей партии (партии самого Макдональда) стал оказывать давление на премьера. Тогда Макдональд стал решительнее и 2 февраля 1924 г. известил советское правительство о признании его де-юре и о возобновлении дипломатических сношений между Великобританией и СССР. Воздавая, однако, дань «преемственности», Макдональд отложил обмен послами на некоторое время, ограничившись обменом «поверенными в делах».

Таким образом англо-советские политические отношения были сдвинуты с мертвой точки, на которой они стояли после подписания торгового соглашения 16 марта 1921 г.

Признание Италией.

Признание советского правительства де-юре такой великой державой, как Англия, естественно произвело огромное впечатление во всем мире и ускорило процесс признания другими странами.

Муссолини, который еще до прихода к власти Макдональда изъявил готовность признать СССР, но откладывал свое решение, с целью выторговать себе лучшие условия торгового договора, стал торопиться оформить свое решение.

Чтобы уяснить себе причины такой политики со стороны Муссолини, которая, на первый взгляд, идет вразрез с фашизмом, нужно иметь в виду общее направление внешней политики Италии после фашист-

ского переворота. Муссолини сразу взял курс на великодержавную политику. Но под такую политику требуется подвести более прочную экономическую базу: нужны железо, уголь, нефть и др. виды сырья, чего в Италии имеется в самом незначительном количестве. Ввоз же всех этих основных видов сырья из Англии, Франции и Америки до некоторой степени ставит Италию в зависимость от них, что не вяжется с политикой великодержавной самостоятельности. Вот почему Муссолини в то время стал на точку зрения удовлетворения экономических потребностей Италии путем установления нормальных торговых и политических отношений с СССР, с его огромными сырьевыми ресурсами, с его рынком, где могут найти себе сбыт продукты итальянской автомобильной, машиностроительной, химической и других отраслей промышленности. Муссолини также полагал, что СССР может стать центром итальянской иммиграции. На ряду с этими экономическими соображениями, конечно, играли большую роль и политические моменты — учитывание итальянскими правящими кругами все возрастающего политического веса СССР в международных отношениях. Впоследствии Муссолини со свойственной ему резкостью изменил свою позицию, но в описываемый нами период он столь же решительно проводил политику сближения с СССР и даже в период керзоновского ультиматума, май 1923 г., подчеркивал ее. 30 ноября Муссолини выступает в парламенте с заявлением, что он готов признать советское правительство де-юре, если оно согласится на выгодный для Италии торговый договор. После этого заявления в Риме начались переговоры о торговом договоре на основе полного возобновления дипломатических отношений между обеими странами. Но Муссолини, очевидно, предполагал, что обещание признания де-юре послужит для советской делегации такой соблазнительной приманкой, что при разработке торгового договора она пойдет на весьма значительные уступки. В этом его постигло разочарование. Советской делегации тем более не приходилось слишком торопиться, что в то время ожидалось со дня на день признание со стороны Англии. Муссолини, конечно, тоже понимал нашу тактику; он торопил нашу делегацию и обвинял ее в «медлительности» и «педантичности», но в то же время не соглашался делать те уступки, которые ускорили бы переговоры. В результате дело затянулось, и тем временем подоспело английское признание де-юре, что, конечно, поставило советское правительство в более выгодные условия для завершения переговоров. Наконец, было достигнуто соглашение, и 7 февраля через 5 дней после Англии признала нас де-юре и Италия. Характерно, что некоторые итальянские буржуазные газеты обвиняли итальянскую дипломатию в неуклюжести за то, что она упустила более благоприятный момент для признания и дала Англии себя

опередить. Правительственные органы оправдывались тем, что Муссолини запросил Лондон о намерениях английской дипломатии, но не получил ответа. Все это любопытно как проявление соревнования капиталистических держав в смысле сближения с СССР, между тем как «нормально» соревнование идет по линии проявления наиболее непримиримой вражды к СССР.

23 марта 1924 г. вступили в силу торговый договор и таможенная конвенция с Италией. Этот договор на ряду с признанием СССР де-юре содержит безоговорочное признание нашей монополии внешней торговли и регулирует правовое положение торгпредства в Италии, предоставляя ему ряд льгот. Таможенная конвенция предусматривает взаимные пошлинные льготы. Как результат договора, между прочим, в Венеции создается общество для торговли с СССР с капиталом в 100 миллионов лир.

Улучшение франко-советских отношений.

Во Франции сдвиг в сторону сближения с СССР в то время стал особенно заметен в торгово-промышленных кругах, которые в отличие от профессиональных политиков национального блока, терявших общую перспективу под влиянием слепой безрассудной ненависти к большевистской России, смотрели на вещи с трезвой, деловой точки зрения.

В 1923 г. ряд торговых палат и советов департаментов, орган деловых кругов «Энформасион» и пресса радикалов-социалистов высказывались за возобновление сношений с Россией. В июне в Москву прибывает солидная делегация торговых кругов, во главе с государственным представителем при парижской бирже Дюверже и представителем нефтяных интересов Нибо. В августе прибывает виднейший политический деятель левого фланга французской буржуазии — сенатор де-Монзи, который по возвращении на родину открывает кампанию за сближение с СССР, оказывающую большое влияние не только во Франции, но и за ее пределами (как и предшествовавшая ей кампания Эррио в 1922 г.).

В дни пресловутого ультиматума Керзона Пуанкаре обратился к Чичерину с телеграммой, в которой дал свое согласие на приезд миссии тов. Устинова для эвакуации быв. военнопленных, что французское правительство до ультиматума всячески оттягивало. Устинов прибыл в Марсель, где был встречен очень радушно местной общественностью и даже властями. Но, после отправки первого парохода с репатриантами, задача миссии была объявлена французским правительством оконченной, несмотря на то, что во Франции и в колониях осталось несколько тысяч советских граждан, желавших вернуться на родину. Оказалось, что Пуанкаре в пику Керзону вздумал выступить в роли «друга России» как раз в дни острого кризиса англо-советских отношений. После этого Пуанкаре возвращается к своей традиционной непримиримой по-

литике. Под влиянием правительства французский суд по делу фирмы Бунитиан выносит решение, ставящее советское имущество во Франции под угрозу конфискации. В связи с этим Чичерин дает понять, что, если положение не изменится, советское правительство вынуждено будет «рекомендовать нашим хозяйственным органам величайшую осмотрительность и предусмотрительность при рассмотрении предложений французских фирм». Другими словами, наша дипломатия, для того чтобы достигнуть нужного эффекта, нажала на хозяйственный рычаг. НКИД ввел в поле действия НКВТ и эту «жесткую», — как жалуются иностранные капиталисты, — государственную монополию внешней торговли.

Нажим подействовал. 7 марта Пуанкаре произносит речь в палате депутатов, в которой он милостиво заявляет, что «даже» русский народ может избрать себе такое правительство, какое он желает. В то же время правительственный официоз «Тан» чуть ли не изо дня в день повторяет, что «интересы Франции и России не сталкиваются ни в одной точке земного шара». Но вслед за этим идут дела, наглядно показывающие, что́ стоят эти слова. 12 марта французский посол в Пекине передает китайскому правительству ноту о «правах» Франции на Восточно-Китайскую железную дорогу, с целью срыва китайско-советских переговоров. 13 марта Пуанкаре проводит через парламент ратификацию акта о захвате Бессарабии Румынией, что вызывает энергичный протест Чичерина. Это был последний антисоветский акт правительства национального блока.

На выборах 11 мая 1924 г. французский народ провалил национальный блок и вместе с ним Пуанкаре. Крах рурской политики Пуанкаре и углубление финансового кризиса привели к власти левый блок во главе с Эррио. Новый премьер, как подобает буржуазно-радикальному политикану, очутившись у власти, сразу показал себя «благоразумным» государственным мужем. В «русском вопросе» он начал с совещаний с кредиторами, не проявляя особой поспешности в деле признания советского правительства, что фигурировало в его избирательной программе. В своей вступительной декларации он подчеркнул, что, прежде чем возобновить нормальные сношения с СССР, должны быть приняты «известные меры предосторожности» и собраны различные сведения. И хотя признание СССР де-юре со стороны Франции последовало лишь в конце 1924 г. (28 октября), благоприятный сдвиг во франко-советских отношениях на ряду с признанием СССР Англией и Италией в значительной мере способствовал восстановлению дипломатических отношений СССР с целым рядом малых стран, а также с Китаем и Японией. Признания де-юре следуют одно за другим, как бы по календарному плану, при чем даже как будто происходит соревно-

вание между «признающими»: Норвегия — 13 февраля 1924 г. Австрия — 20 февраля, Греция — 8 марта, Швеция — 15 марта, Дания — 18 июня, Албания — 6 июля, Мексика — 1 августа, Геджас — 6 августа, Венгрия — 12 сентября (впоследствии соглашение о признании было сорвано венгерскими реакционными кругами).

Советско-китайский договор.

Восстановление дипломатических отношений между Англией и СССР не могло не повлиять на находящееся в зависимости от дипломатического квартала пекинское правительство. В самом деле, саботирование китайско-советского сближения со стороны представителей западных империалистов крайне затруднялось после того, как их правительства сами уже признали или готовились признать СССР. Значительную роль сыграло также давление общественных кругов на пекинских бюрократов, чрезвычайно усилившееся в связи с подъемом национального движения, имевшее своим центром Кантон. В конце 1923 г., под руководством Сун Ят-сена, происходит реорганизация правящей национально-революционной партии Гоминдан по линии демократизации и вовлечения масс. В то же время Сун Ят-сен бросает смелый вызов поработителям Китая, приступая к установлению контроля над захваченными иностранными империалистами таможнями. В письме на имя Карахана Сун Ят-сен выражает восхищение достижениями российской революции и веру в победу китайского национального революционного движения, предпосылкой которой является мир и дружба с СССР. Эти симпатии прогрессивных элементов китайского народа по отношению к СССР проявляются с особой яркостью под впечатлением кончины Ленина (21 января 1924 г.). В Пекине и в целом ряде других крупных центров происходят внушительные траурные демонстрации; в Кантоне объявляется официальный траур и глава правительства Сун Ят-сен организует грандиозные народные демонстрации, посвященные памяти великого вождя пролетариата и угнетенных народов.

Такие настроения китайской общественности не могли не повлиять на ход китайско-советских отношений, как бы пекинское правительство ни трусило перед крупными капиталистическими державами. В середине марта 1924 г., после длительных переговоров между уполномоченным пекинского правительства Ван Чен-тином и тов. Караханом, достигается соглашение по всем спорным вопросам на основе полного возобновления дипломатических отношений между обеими сторонами. Однако, в последнюю минуту невидимая рука из дипломатического квартала срывает соглашение. Китайское правительство пятится назад, заявляя, будто Ван Чен-тин не имел достаточных полномочий. Бесцеремонное вмешательство империалистов вызывает бурю возмущения во всем Китае. Ра-

бочие организации, студенты, профессура, прогрессивные политические деятели путем многочисленных демонстраций, митингов и обращений к правительству требуют подписания соглашения с СССР, горячо протестуя против трусливости китайской дипломатии и грубого давления иностранных держав.

Проходит немного времени, и то же китайское правительство под давлением общественного мнения уже находит в себе достаточно смелости, чтобы сделать решительный шаг, невзирая на угрозы и шантаж дипломатического квартала. Любопытно, что, как будто не особенно доверяя своей собственной смелости, китайская дипломатия подготовляет этот шаг втихомолку, в строжайшей тайне от своих «опекунов». Министр иностранных дел Веллингтон-ку ведет переговоры с тов. Караханом в самой конспиративной обстановке, даже лично не встречаясь с ним. Техническая подготовка соглашения ведется на частной квартире Веллингтона-ку, и, наконец, 31 мая 1924 г., к великому смущению и сюрпризу дипломатического квартала, в начале сорванное соглашение подписывается в окончательной форме в министерстве иностранных дел в официальной окончательной форме. Взбешенные «опекуны» опять приводят в движение весь сложный аппарат давления на китайское правительство. Но напрасно. Договор о признании и соглашение насчет совместной эксплоатации Китайско-Восточной железной дороги входят в силу. Китайская общественность живо реагирует на акт соглашения. 181 член китайского парламента в поздравительной телеграмме советскому правительству через тов. Карахана пишет:

«Мы, китайцы, добились цели, которая является победой над международным империализмом... Оба правительства (китайское и советское) будут итти рука об руку и заставят международную дипломатию открыть новую эру, считаясь с коренными изменениями, происшедшими во всем мире». Таким же духом были проникнуты многочисленные поздравления представителей общественных организаций, посетивших тов. Карахана.

Внутренний смысл акта 31 мая в общем правильно оценили и более трезвые иностранные круги, хотя они переоценивали чисто формальный момент — признание со стороны Пекина. Прогрессивная американская газета, издающаяся в Пекине, «Норт Чайна Стандарт», писала:

«Горе тому дипломату, как желтому, так и белому, который попытается употребить бесплодные усилия, чтобы остановить ход истории... Желтый гигант, униженный, измученный, истерзанный, принял руку, протянутую ему красным гигантом, более бодрым и отважным, гигантом, вставшим на ноги после страшной борьбы последних лет. День

7 мая 1915 г. соблюдается Китаем, как день его унижения, так как в этот день Япония предъявила 21 требование; день 31 мая — день возрождения, так как в этот день Китай принял протянутую ему руку СССР. Врагам Китая осталась бессильная ярость. Китай вступил в соглашение с его мощным соседом».

Белые и желтые дипломаты все же не остались пассивными. Америка, Франция и Япония, забыв взаимные счеты, заявили коллективный протест против соглашения насчет Китайско-Восточной железной дороги, предъявив свои «права» на нее, дипломатический корпус саботировал передачу тов. Караханом здания старого посольства; русские белогвардейцы, подстрекаемые теми же дипломатами, засели в здании российского консульства в Шанхае. Но эта жалкая политика булавочных уколов, конечно, была бессильна перед фактом огромного усиления влияния принципов восточной политики СССР на широкие массы 400-миллионного китайского народа. Ибо именно в этом заключается значение того факта, что даже кастовое чиновничье пекинское привительство, никогда не осмеливавшееся пойти наперекор дипломатическому кварталу, набралось смелости и подписало договор о восстановлении дипломатических отношений с СССР.

Улучшение советско-японских отношений.

С «пацифистско-демократической эрой» в Европе совершенно случайно совпал либеральный перелом в Японии, повлекшийза собой улучшение отношений с СССР и давший толчок к переговорам, завершившимся советско-японским договором 20 января 1925 г.

В мае 1924 г. в Японии происходят парламентские выборы, которые создают новую обстановку. Оппозиция одерживает крупную победу, получая $^2/_3$ голосов. Премьер Киура, опиравшийся на самую реакционную японскую партию сейюхонто, уходит в отставку, и место его занимает Като, лидер либеральной партии Кен-се-кай, отражающей преимущественно настроения торгово-промышленных кругов. В августе после некоторых колебаний новое правительство поручает своему послу в Пекине Иосизава возобновить переговоры с Караханом. Переговоры вследствие чрезмерных требований Японии подвигаются вперед довольно туго, и только к началу следующего, 1925, года дают положительный результат в форме уже упомянутого японско-советского договора 20 января 1925 г. Согласно этому договору обе стороны возобновляют дипломатические отношения (признание советского правительства де-юре); Япония возвращает СССР оккупированный ею во время интервенции северный Сахалин, при чем советское правительство, со своей стороны, на определенных условиях предоставляет Японии концессию на эксплоатацию 50% площади нефтеносных земель, уже разрабатываемых японцами;

Япония получает также на особых условиях лесные, угольные и рыбные концессии.

Понадобилось целых семь лет побед советского оружия и советской дипломатии, чтобы заставить, наконец, японский империализм примириться с фактом появления на Дальнем Востоке нового огромного значения фактора — Советского Союза. Значительное влияние на примирение Японии с СССР оказал также японско-американский антагонизм. Усилившееся после мировой войны влияние могущественного американского империализма на Дальнем Востоке толкало Японию на путь улучшения отношений с СССР с целью обеспечения себе спокойного тыла на случай столкновения с Соединенными Штатами — еще один пример укрепления СССР за счет противоречий в империалистическом лагере.

Англо-советский договор 8 авг. 1924 г.

Признания де-юре, понятно, не были признаниями в любви со стороны капиталистических стран по адресу Советского Союза. Это были вынужденные признания роста могущества СССР и необходимости договариваться с ним об условиях сожительства. Возобновление англо-советских дипломатических отношений было лишь предпосылкой обсуждения целого ряда сложных вопросов между капиталистической Англией и СССР — вопросов о долгах, о претензиях английских граждан б. собственников в России, наших контр-претензиях в связи с интервенцией, о политических противоречиях и т. д. Разрешением этих вопросов занялась англо-советская конференция в Лондоне, которая должна была достигнуть того, чего не удалось достигнуть в Генуе и Гааге.

Но за два года, истекшие после Генуи, положение изменилось в пользу СССР. Союз за это время значительно окреп и вырос; он приступил к переговорам *после* завоевания признания де-юре, в то время как раньше от него требовали тяжелых экономических обязательств как *предпосылки* признания. Наконец, в Генуе и Гааге перед советской делегацией стояла Англия, как составная часть единого фронта капиталистических держав; в Лондоне же она имела перед собой одну только Англию. Произошла, наконец, благоприятная для СССР смена лиц, выступающих от имени контрагентов. Ибо, какого бы мнения мы ни были о правительстве Макдональда, нельзя отрицать, что с ним нам легче было договориться, чем с Керзоном, что оно в бо́льшей степени, чем Керзон, поддавалось давлению снизу, со стороны рабочих масс.

Из этого, конечно не следует, что Макдональд выступал в переговорах как представитель английского рабочего класса. Наоборот, он сам подчеркивает, что не защищает интересов какого-либо класса, а «всей нации», всей Англии, другими словами, капиталистической Англии. Вот почему правительство Макдональда, как раз накануне открытия

переговоров, опубликовало еще ранее полученный им меморандум банкиров, в котором они пытались диктовать свои условия соглашения с СССР. Банкиры требовали безоговорочного признания всех старых долгов, возмещения б. собственников и ожесточенно нападали на государственную монополию внешней торговли. Эти шейлоковские требования вызвали энергичный отпор не только со стороны главы советской делегации т. Раковского, но и со стороны рабочих, а также либеральных кругов Англии Что же касается самого Макдональда, то он вряд ли солидаризовался по всем пунктам с банкирами, но решил воспользоваться ими как средством давления на советскую делегацию. Дескать, «вот чего требуют наши непримиримые; я же требую меньше; пользуйтесь случаем власти рабочего правительства; идите на уступки, пока не поздно».

Меморандум банкиров был лишь частным эпизодом в широко-задуманной кампании реакционных сил для срыва налаживавшегося англо-советского соглашения. После открытия конференции не проходило почти ни одного заседания палаты лордов или палаты общин, чтобы не был сделан провокационный запрос или вообще враждебный выпад против конференции. Так, например, на заседании палаты лордов от 26 марта 1924 г. Керзон выступил с демагогической речью против соглашения с СССР, рассчитанной на то, чтобы напугать не только буржуазию, но и рабочих. «Российское правительство, — сказал он, — требует долгосрочных кредитов... не для того, чтобы давать заказы британским заводам, а для того, чтобы восстановить свою собственную промышленность и конкурировать с промышленностью нашей страны». (Возгласы лордов: «Внимание! Внимание!») И с типично-керзоновским цинизмом бывший руководитель английской внешней политики, нападая на Макдональда, возмущенно прибавил: «Признанием советского правительства мы отказались от наиболее действительного средства давления» [54].

Подрывная работа велась также в самом аппарате форейн-оффис (министерство иностранных дел), где за исключением министра и товарища-министра почти все чиновники керзоновской школы, в силу пресловутой «преемственности», остались на своих местах и проявляли инициативу в старом духе. Особенно старались агенты министерства на востоке — в Афганистане и в Персии. В мае 1924 г. в Афганистане вспыхнуло восстание фанатических реакционных элементов против эмира Аманулы-хана, сторонника энергичных прогрессивных реформ и сближения с СССР. По сведениям из достоверных афганских источников восстанием руководили английские агенты. В то же время в Персии происходила ожесточенная борьба между прогрессивными элементами, ориентирующимися на СССР, и реакционерами англофилами, в которой тоже чувствовалась английская рука.

Кампания консерваторов наталкивалась на довольно серьезное противодействие со стороны пролетариата, активность которого в связи с приходом к власти правительства Макдональда значительно усилилась. Находящиеся под влиянием соглашательских лидеров рабочие смотрели на правительство Макдональда как на свое правительство, и «чувство власти», хотя и ложное в данном случае, поднимало их дееспособность. В профсоюзах крепло движение «меньшинства», и даже официальные представители тред-юнионов на конгрессе Амстердамского Интернационала в Вене в июне 1924 г. высказывались за соглашение с русскими профсоюзами и вообще за сближение между Англией и СССР. Состоявшийся несколько позже Гулльский конгресс профсоюзов устроил бурную овацию тов. Томскому и подготовил почву для посылки в СССР профсоюзной делегации под председательством Перселя. В условиях борьбы между этими силами — пролетариатом и консервативной буржуазией — с большим трудом, с оттяжками и перебоями кое-как подвигались англо-советские переговоры. Критический момент наступил 5 августа, когда после 20-часового заседания стало ясно, что английская делегация упорно занимает неприемлемую позицию в основном вопросе о формулировке пункта относительно удовлетворения б. собственников национализированных предприятий. Наступил разрыв.

Английские реакционеры, все враги СССР во всем мире торжествовали. Но в этот момент на сцену выступил наш союзник — английский пролетариат. Представители левого крыла Рабочей партии, поддавшиеся тогда настроениям масс, не могли допустить, чтобы Макдональд, на которого они смотрят как на главу р а б о ч е г о правительства, прервал переговоры с СССР только потому, что последнее, соглашаясь в общем итти на уступки, отказывается удовлетворить уж чересчур разгоревшиеся аппетиты кучки капиталистов. Ленсбери, Уоллхед, Персель и другие левые лидеры поняли, что английский пролетариат не простит «своему» правительству такой политики. По их инициативе, в здании парламента было в спешном порядке созвано заседание исполнительного комитета Рабочей партии, на которое были приглашены для доклада тов. Раковский вместе с другими руководителями советской делегации (в истории дипломатии — случай исключительный). Тов. Раковский откровенно разъяснил причину разрыва — вопрос о форме удовлетворения б. собственников — и изложил точку зрения советской делегации. Исполком признал ее правильной. Тогда делегация левого крыла Рабочей партии отправилась к Макдональду и решительно потребовала возобновления прерванных переговоров. Некоторые депутаты даже угрожали правительству сложить свои полномочия и повести избирательную кампанию против политики правительства — за соглашение с СССР. Все

это не могло не повлиять на Макдональда. На следующий же день конференция возобновила свои занятия, и 8 августа, к величайшему смущению всех врагов Советского Союза, был подписан «генеральный (общий) договор между Великобританией и СССР». Этот договор впоследствии был расторгнут победившими на последовавших вскоре после этого парламентских выборах консерваторами. Однако, ввиду его исключительного историко-политического интереса, считаем необходимым дать вкратце его содержание:

Статья 1 определяет договор следующим образом:

«Настоящий договор составляет формальный общий договор, предусмотренный во вступлении к торговому соглашению между правительством его британского величества и правительством РСФСР, подписанному в Лондоне 16 марта 1921 г., и заменяет между Великобританией, включая и Северную Ирландию, и Союзом это соглашение».

Таким образом, договор сам по себе, как формальный общий договор с чисто-юридической стороны, предназначался служить дальнейшим этапом в процессе расширения дипломатических отношений между СССР и Англией.

Важнейшая часть договора — это глава III о претензиях и займе. Приводим ее наиболее существенные части:

«В соответствии с декларацией, приложенной к торговому соглашению от 16 марта 1921 г., правительство СССР заявляет, что в порядке изъятия из декрета от 28 января 1918 г. (об аннулировании долгов бывших императорского и Временного правительств) оно удовлетворит на условиях, указанных в настоящем договоре претензии британских держателей займов, выпущенных или принятых на себя или гарантированных бывшим императорским российским правительством или городскими самоуправлениями городов территории, ныне включенной в Союз, подлежащих оплате в иностранной (нерусской) валюте.

Правительство его британского величества признает, что финансовое и экономическое положение Союза делает неосуществимым полное удовлетворение претензий, упоминаемых в предыдущем абзаце этой статьи».

Таким образом, мы видим, что вопрос о довоенных долгах разрешался компромиссом на основе взаимных уступок. Советское правительство на известных условиях (в первую очередь, как мы увидим ниже, при условии предоставления ему Англией займа) соглашалось частично удовлетворить британских держателей довоенных займов. А, с другой стороны, английское правительство признало, что такой шаг со стороны СССР не может быть истолкован как отказ от декрета насчет аннулирования займов, а только как изъятие из декрета, сохраняющего свою полную юридическую силу. Это признание нашего революционного законодательства чрезвычайно важно с точки зрения международно-правовой. Далее, английское правительство признает, что полное удовлетворение претензий держателей займов неосуществимо. Закрепление этого факта в договоре тоже имеет серьезное значение.

Вопрос о военных займах Англии царскому и Временному правительствам, исчисляемых английским правительством (вместе с процентами) в $7^1/_2$ миллиардов рублей, связывается в договоре с вопросом о наших контр-претензиях за интервенцию. Оба эти вопроса «оставляются для обсуждения в позднейший срок», т.-е. снимаются с порядка дня на неопределенное время, не препятствуя достижению соглашения по другим пунктам.

Далее идет наиболее сложный вопрос — вопрос о национализированной частной собственности британских граждан, из-за которого произошел первоначальный разрыв переговоров. Этот вопрос также поставлен в договоре в зависимость от займа. Соответствующая статья договора гласит:

«Желая восстановить экономическое сотрудничество между обеими странами, правительства его британского величества и СССР соглашаются о следующем: «Правительство Союза, в порядке изъятия из декретов, национализировавших промышленные предприятия и землю, вступит в переговоры с британскими подданными (включая юридические лица) в отношении промышленных предприятий или концессий, которые были национализированы или аннулированы им, дабы урегулировать вопрос о справедливой компенсации по таким претензиям». Для рассмотрения действительности таких претензий будет избрана комиссия из трех представителей от СССР и трех от Англии». Таким образом ничто не может быть решено без предварительного согласия советских представителей в комиссии, и вышеприведенная статья не связывет заранее СССР общим обязательством удовлетворить б. собственников, а только обязует вступить в переговоры. А что касается характера этих предполагавшихся переговоров, то тов. Раковский в своей речи на пленуме Моссовета 20 августа, по возвращении из Лондона после подписания договора, заявил: «Мы будем иметь в виду только таких собственников, которые представляют для нас важность с точки зрения утилитарной (практической) или по соображениям социальной справедливости — таким собственникам мы пойдем навстречу».

Все эти переговоры с бывшими собственниками и держателями русских бумаг в случае их положительного исхода должны найти свое завершение во втором договоре, предусматриваемом ст. 11 договора 8 августа. Но все упомянутые обязательства СССР, как уже указывалось, поставлены в зависимость от займа.

Тем же духом был проникнут торговый договор, заключенный одновременно с общим договором и дополняющий его. Торговый договор (подписан также 8 августа) признавал нашу государственную монополию

внешней торговли, неприкосновенность торгового представительства и распространял на торговлю с СССР действие английского закона о правительственном поощрении внешней торговли путем кредита для экспортеров.

Так была создана база для урегулирования англо-советских отношений. В договоре не было ничего неприемлемого с точки зрения интересов буржуазного государства (иначе Макдональд не стал бы его подписывать); договор носил компромиссный деловой характер и был продиктован в духе взаимных уступок. Несмотря на это, подписание его вызвало ожесточенную кампанию со стороны врагов СССР в Англии, направленную к срыву ратификации договора парламентом. Особенные нападки вызвало согласие правительства Макдональда на гарантирование советского займа. Реакционная английская печать изо дня в день вопила о «капитуляции Англии перед большевизмом» и требовала разрыва договора. Многие либеральные политики и их печатные органы, до сих пор относившиеся к СССР более или менее корректно, также присоединились к этой кампании. Особенно отличился в этом наш старый «друг», великий либерал и миротворец — Ллойд-Джордж. Бешенство в буржуазном лагере еще более усилилось ввиду того, что, подписывая договор, правительство Макдональда поддалось непосредственному давлению «улицы», т.-е. рабочих масс.

Кампания врагов СССР вызвала энергичный отпор со стороны пролетариата. Кроме коммунистической партии, различные другие рабочие организации — профсоюзы, организации Рабочей партии, англо-русский парламентский комитет (или, как это общество раньше называлось, «Руки прочь от России!»), а также многие видные рабочие деятели стали разоблачать интриги противников договора и мобилизовать политические силы для благополучного завершения дела урегулирования англо-советских отношений.

«Письмо Зиновьева».

В момент этой напряженнейшей борьбы правительство Макдональда проявило свою полнейшую беспринципность и жалкую беспомощность. 9 октября после запроса консерваторов в парламенте по поводу прекращения процесса редактора центрального органа английской коммунистической партии «Уоркерс Уикли», когда буржуазные союзники «рабочего» правительства — либералы — нанесли Макдональду удар в спину, премьер распустил парламент. Новые выборы были назначены на 29 октября. Наступила ожесточенная избирательная кампания, центральной осью которой стал «русский вопрос» и, в частности, англо-советский договор. Вся буржуазия объединилась вокруг лозунга — «против большевистской опасности». В целом ряде округов консерваторы объединились с либералами для совместной борьбы против

кандидатов Рабочей партии, среди которых выступало и 8 коммунистов, поддержанных, вопреки давлению Макдональда, местными отделами Рабочей партии. Консерваторы пустили в ход всю свою машину воздействия на общественное мнение — печать, партийные и другие реакционные организации, церковь. Кампания лжи и клеветы приняла такие чудовищные размеры, что вновь всплыла пресловутая легенда о «национализации женщин» в Советской России. Соглашательская Рабочая партия, наоборот, в кампании придерживалась оборонительной тактики, отвергая обвинение в большевизме и доказывая, что, соглашаясь на англо-советский договор, она лишь руководствовалась интересами английской промышленности и борьбы с безработицей. Рабочие массы же были настроены революционно и совсем не по-конституционному — сплошь и рядом срывали митинги буржуазных кандидатов.

В этой напряженной избирательной борьбе неожиданно грянул гром — историческая нота по поводу так называемого «письма Зиновьева». 24 октября, еще при «рабочем» правительстве Макдональда, тов. Раковскому была вручена за подписью чиновника английского министерства иностранных дел Грегори нота с приложением копии якобы посланного Зиновьевым английской компартии письма, в котором английским коммунистам, на-ряду с агитацией в пользу советского договора, рекомендуется также проникнуть в армию, чтобы готовить вооруженное восстание. В этом «письме», между прочим, имеются такие «коммунистические» перлы: «Упорядочение отношений между обеими странами (Англией и СССР) будет содействовать революционизированию международного и британского пролетариата не меньше, чем успешное восстание в каком-либо из пролетарских округов Англии... В Ирландии и колониях... имеется национальный вопрос, и это является слишком большим фактором успеха для нас, чтобы тратить время на длительную подготовку рабочего класса» (курсив наш. *М. Т.*).

Коминтерн, следовательно, строит свою тактику на восстаниях в отдельных округах Англии, при чем объявляет длительную подготовку рабочего класса совершенно нестоящим делом, если только налицо есть национальный вопрос — грубый невежественный подлог прямо бьет в глаза! И вот, основываясь на этом «документе» и ссылаясь на англо-советское соглашение от 4 июня 1923 г., содержащее обязательство советского правительства воздержаться от пропаганды, английская нота угрожающе заявляет: «Советское правительство либо имеет, либо не имеет полномочия на заключение таких соглашений. Если оно имеет полномочия, то его обязанностью является выполнять их и следить за тем, чтобы другая договаривающаяся с ним сторона не была введена

в заблуждение. Если же оно не имеет таких полномочий, и если ответственность, которая в других странах принадлежит государству, находится в России в обладании безответственных организаций, то советское правительство не должно было бы заключать соглашения, которое оно заведомо для него не может выполнять. Я буду вам обязан, если вы будете так добры безотлагательно сообщить мне соображения вашего правительства по данному вопросу». Тов. Раковский немедленно заявляет протест против этого шантажа. Тов. Зиновьев, в телеграмме на имя Генерального совета английских тред-юнионов заявляя, что «фабрикация («письма») так груба, что всякий даже не очень образованный чиновник министерства иностранных дел не мог не видеть подделки», предлагает Генсовету немедленно прислать комиссию для расследования вопроса и заранее принимает ее решение как окончательное. Тов. Литвинов в телеграмме на имя тов. Раковского от 26 октября поручает ему заявить протест против основывающейся на «бессовестной подделке» английской ноты и сообщить английскому правительству нижеследующее:

«Ввиду использования этой подделки в официальном документе советское правительство будет настаивать на принесении ему соответствующего извинения и привлечении к ответственности как частных, так и официальных лиц, прикосновенных к означенной подделке. Для устранения всяких сомнений в подложном характере упомянутого документа и имея также в виду серьезные последствия, которые подделка могла бы иметь для обеих стран, советское правительство настойчиво и категорически предлагает передать установление того факта, что так называемое письмо Коминтерна от 15 сентября является подделкой, беспристрастному третейскому суду».

Эти элементарные требования английским правительством не принимаются. В то же время консервативная печать бьет тревогу по поводу «страшного большевистского заговора», угрожающего самому существованию Англии, и призывает избирателей на предстоящих через несколько дней выборах отдать свои голоса консерваторам.

«Ныне, — пишет в провокационном демагогическом тоне желтая «Дейли Мейль», — вся история выборов становится ясной. В этом письме имеется ключ к ней. Позади англо-советского договора и позади дела Кэмпбелла идут приготовления к осуществлению вооруженного восстания (!), которое должно повторить в Англии все ужасы, перенесенные Россией. Организованное насилие во время выборов является частью плана большевиков. Британский народ, если он не хочет, чтобы ему перерезали горло наемники Зиновьева, должен проснуться. Англичане должны следить за тем, чтобы эти презренные большевики и их достойные английские товарищи были поставлены на свое место или выкинуты из страны. Ради спасения страны каждые мужчина и женщина должны голосовать в среду за консервативное правительство, которое сумеет разделаться с этим правительством».

Бульварной «Дейли Мейль» вторят сотни других газет, находящихся в руках всех этих лордов — Ротермиров, Бивербруков и К°. Бешабашная истерическая агитация консерваторов, поддерживаемая либералами, доходит до своего апогея.

Что же делает в это время «рабочее» правительство? Макдональд выступает с речью в Кардиффе (27 октября), в которой заявляет, что он хоть и просматривал проект ноты Раковскому, но, желая еще удостовериться в подлинности письма, предложил обождать с ее отправкой. Министерство иностранных дел, однако, в его отсутствие несколько поспешило. Тут же «рабочий» премьер, доказывая буржуазии, как хорошо его министерство борется против угрозы «большевистской пропаганды», трусливо и бессвязно лепечет:

«Я ни на кого не жалуюсь. Министерство иностранных дел, равно как и все мои коллеги в правительстве, знали, что я не потерплю такой пропаганды, и на том основании, что они знали мое твердое решение стоять на почве англо-советского договора, подписанного мною, они предположили, что будут действовать соответственно моим желаниям, если немедленно предадут гласности все это дело. Они добросовестно верили, что данный документ [«письмо Зиновьева»] является подлинным, и они действовали на основании этой уверенности (?.. *М. Т.*) Быстрота и решительность наших действий являются прекрасным образчиком нового метода ведения иностранных дел».

Но подлинность «письма Зиновьева», на основании которого от имени правительства, возглавляемого им, Макдональдом, уже послана угрожающая нота правительству великого пролетарского государства, Макдональд все же берет под сугубое сомнение! Он напоминает о том, что еще раньше консерваторы распространяли слухи, что во время выборов «взорвется мина». Доказывая далее, что «письмо» было раздобыто руководящими органами консервативной партии, Макдональд в философском тоне заключает:

«Если письмо Зиновьева — подделка, то это свидетельствует о том, какой мерзостью мы окружены. Каково происхождение этого письма? Москва, Париж или Лондон? Происхождение его могло быть где угодно. И таким образом мы не можем уйти от подозрения, что все это является политическим заговором».

И все это — п о с л е отправки советскому правительству на основании этого «документа» ноты, полной угроз! Поистине трудно себе представить нечто более жалкое и бесхарактерное, чем этот представитель «рабочего» правительства (он же идейный вождь II Интернационала) в собственном правительстве среди своих «подчиненных», всех оставленных в силу «преемственности» верных соратников и союзников Керзона. В «оправдание» Макдональда можно сказать только одно: сам он лично, быть может, не отправил бы ноты, но его шантажировали все эти агенты Керзона — Грегори и К°.

Как бы то ни было, мастера фальшивок, консерваторы, свое дело сделали. Запуганный «большевистской опасностью» обыватель отвернулся от показавшейся ему недостаточно надежной опорой либеральной партии и отдал свои голоса твердокаменной антибольшевистской партии «порядка» — консерваторам. И хотя Рабочая партия увеличила число своих голосов больше чем на один миллион (5 487 000 против 4 348 400 на предыдущих выборах), поддельное письмо Зиновьева и решило исход этой исторической избирательной кампании. Консерваторы, получившие за счет либералов, а также путем привлечения к урнам обычно воздерживавшихся от голосования самых отсталых избирателей и избирательниц, прирост голосов почти в два миллиона, — 7 385 000 против 5 349 000 — выиграли целых 145 мест и со своими 402 депутатами получили подавляющее большинство в новом парламенте. (Рабочая партия, несмотря на значительный прирост голосов, в силу особенностей английской избирательной системы получила лишь 151 мандат против 191 на предыдущих выборах.)

«Рабочее» правительство Макдональда пришло к власти милостью либеральной буржуазии. Когда же эта буржуазия испугалась аппетита пролетариата к власти, хотя и возбужденного в силу иллюзорной веры в свое «рабочее» правительство, она переложила милость на гнев — и Макдональд ушел, не хлопнув даже дверью — придавленно и тихо вышел из дома № 10 по Даунинг-Стрит. Премьерское место снова занял представитель «классической» партии английской буржуазии — Болдуин, а кресло министра иностранных дел его величества — представитель той же партии Чемберлен. Сильный реакционный ветер перевернул в истории англо-советских отношений страницу отцветшей, не успевшей расцвести «демократическо-пацифистской эры», и в тяжелой напряженной атмосфере открылась новая глава.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В БОРЬБЕ С НОВЫМ НАСТУПЛЕНИЕМ АНГЛИЙСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

(1925—1927 гг.)

Приход к власти консерваторов — сигнал к усилению мировой реакции. — Рост СССР и усиление национально-освободительного движения на Востоке. — Английский империализм переходит в наступление. — Срыв англо-советского генерального договора. — За кулисами Локарно. — Забастовка углекопов и англо-советские отношения. — Китайская революция, СССР и Англия. — Налет на торгпредство в Лондоне. — Англо-советский разрыв.

Срыв англо-советского генерального договора.

Приход к власти консерваторов в Англии является началом нового этапа во взаимоотношениях между СССР и не только Англией, но и всем капиталистическим миром. Победа же консерваторов стала возможной, главным образом, потому, что перед лицом растущей мощи СССР, нашедшей свое яркое выражение в ряде вынужденных «признаний», задающая тон в капиталистическом мире английская буржуазия сплотилась и объединилась под руководством самой агрессивной партии — партии консерваторов.

Международное значение победы консерваторов усугубляется и тем, что она совпала с периодом сближения между английским империализмом и американским, выразившегося в плане Дауэса. Одновременная победа американских консерваторов республиканцев на президентских выборах 4 ноября 1924 г. с типичным представителем американского крупного капитала Кулиджем во главе еще более способствовала стушевыванию англо-американских противоречий в тот момент. Английская либеральная газета «Дейли Ньюс» довольно правильно оценивала значение победы консерваторов, когда писала:

«Избиратели поймут, что́ произошло, когда Болдуин осуществит протекционный тариф, когда Эмери истратит крупные суммы на постройку четырех новых крейсеров и морской базы в Сингапуре, вызывая тем самым усиленное вооружение наших противни-

ков и возбуждая недоверие в международных отношениях, когда будет восстановлено право вето палаты лордов, когда Черчилль устремит свои глаза авантюриста на мир для того, чтобы добиться кровопролития и осуществления сотни демонстраций величия Британской империи». (курсив наш. *М. Т.*).

В таком же духе оценивало положение агентство французской крупной буржуазии «Капиталь», которое в победе консерваторов в Англии и республиканцев в Америке усматривало «возобновление борьбы двух великих англо-саксонских наций против большевизма». Во всех странах реакционная печать торжествовала, всюду наиболее агрессивные буржуазные группировки подняли головы.

Еще несколько откликов из различных стран, как нельзя лучше характеризующих политические настроения того времени:

«Нью-Йорк, 31 октября (Роста). Вслед за получением сведений о результатах английских выборов исполнительный комитет нью-йоркского центрального совета профсоюзов — [профбюрократия] отказался вчера от обещанной им первоначально поддержки прогрессивного кандидата Лафолетта.

Вена, 31 октября (Роста). Неожиданный крупный успех английских консерваторов на выборах произвел глубокое впечатление в государствах юго-востока Европы. Буржуазная печать выражает удовлетворение по поводу успеха борьбы «против марксизма и большевизма». В Юго-Славии первые известия об успехе консерваторов уже усилили позицию реакционного блока Пашича-Прибычевича. «Нейе Фрейе Прессе» заканчивает передовую о результатах английских выборов характерным заявлением, что «борьба между буржуазными партиями в настоящее время кончилась и что начинается классовая борьба».

Варшава, 1 ноября (Роста). Вся печать посвящает статьи английским выборам, не скрывая своей радости по поводу падения Макдональда. Даже либеральный «Курьер Польский» пишет, что Польша с удовлетворением следит за выяснением ситуации в Англии. Правая пресса торжествует, всячески подчеркивая свою радость по поводу поражения Рабочей партии.

Стокгольм, 31 октября (Роста), Шведская печать называет результаты английских выборов «землетрясением». Ликование правой печати беспредельно. Эти органы называют победу консерваторов смертельным ударом большевизму и уверяют, что «вся Европа может теперь вздохнуть с облегчением». Консервативный союз избирателей Швеции отправил Болдуину телеграмму, поздравляющую его с блестящей победой».

Так велико было торжество реакции во всех странах. И только националистические соображения в странах находящихся в натянутых отношениях, с Англией как, например, во Франции, омрачали эту классовую солидарность буржуазии.

Результаты перемены власти в Англии не замедлили сказаться. В ноте Раковскому от 21 ноября 1924 г. новый министр иностранных дел Чемберлен, высокомерно заявляя, что нет необходимости вдаваться в дальнейшую дискуссию по поводу «письма Зиновьева», еще раз ставит вопрос о «пропаганде»:

«Деятельность, на которую жалуется правительство, не ограничивается одним письмом, но, напротив, распространяется на целый комплекс революционной пропаганды, типичным образчиком которой является это письмо... Заявления Зиновьева, которые были распространены по радио по всему миру, сами по себе являются достаточным доказательством пропаганды, которую III Интернационал постоянно позволяет себе с ведома и согласия советского правительства. Именно эта система является, с точки зрения правительства, несовместимой с торжественными обязательствами, данными вашим правительством».

Любопытно, однако, что Чемберлен, ссылаясь в этой ноте на жалобы своего предшественника по поводу «пропаганды», забывает упомянуть о том, что назначенная Макдональдом перед самым своим уходом правительственная комиссия для расследования истории с «письмом Зиновьева» сама бросила тень на этот «документ». В официальном сообщении комиссии указывалось, что она не могла прийти к окончательному решению, так как подлинника «письма» никто не видал (все это — после скандальной ноты советскому правительству).

Одновременно с нотой Чемберлена, последовал отказ английского правительства от англо-советского договора 8 августа. Одним росчерком пера был уничтожен документ, воплотивший в себе огромные труды по урегулированию наиболее острых вопросов, препятствовавших англо-советскому сближению. На эту провокацию тов. Раковский от имени советского правительства отвечает нотой, в которой заявляет следующее:

«Советское правительство выражает сожаление по поводу отклонения этих договоров, заключение которых являлось серьезным шагом к обеспечению всеобщего мира и, в частности, к укреплению дружественных отношений между народами Великобритании и Советских республик. Мое правительство поручило мне заявить, что оно, с своей стороны, проявило максимум доброй воли и уступчивости для выработки основ соглашения по вопросам, особенно интересовавшим великобританское правительство, трудящиеся классы, а также другие слои населения Великобритании, и поэтому слагает с себя ответственность за то чувство недовольства, которое решение великобританского правительства вызовет в обеих странах».

В другой ноте тов. Раковский по поводу обвинений в «пропаганде» заявляет:

«Правительство поручило мне еще раз повторить сделанные им неоднократно заявления о совершенной политической и организационной независимости Коминтерна от правительства СССР. Мое правительство никогда не принимало и не может принять на себя обязательство об отказе в праве убежища Коминтерну или другим рабочим организациям, а тем более об оказании на них давления».

В то же время тов. Раковский, указывая, между прочим, что делегация английских тред-юнионов в Москве под председательством Перселя на основании личного обследования убедилась в подложности «письма Зиновьева», подчеркивает, что отказ английского правительства передать дело третейскому суду только подтверждает этот факт.

Но английское правительство, упорно отклоняя это предложение, в дальнейшем продолжает эксплоатировать в своих интересах подлог, с помощью которого оно пришло к власти, и доводит англо-советские отношения почти до такого же напряжения, как в момент исторического ультиматума Керзона.

Естественным дополнением этой политики является переход консерваторов в наступление по всему колониальному фронту: в связи с убийством английского главнокомандующего в Египте Ли-Стека, консервативное правительство предъявляет Египту ряд требований с целью уничтожить последние остатки египетской автономии, прибирает к рукам административную власть в Судане, до того формально подчиненном египетскому правительству; усиливает репрессии в Индии, пользуясь так называемым законом против пропаганды; поддерживает в своих целях восстание шейха Хейзала и различных племен в Персии, проявляет инициативу в деле предъявления коллективной ноты действовавшему тогда в контакте с южными националистами правительству Дуан-Ци-джуя (24 декабря 1924 г.) с целым рядом требований и т. д. Все это имело целью нанесение удара национально-освободительному движению угнетенных народов и ослабление влияния СССР на Ближнем и Дальнем Востоке.

К этому времени относится и зарождение грандиозного плана создания антисоветского блока на Западе, к конкретному оформлению которого британская дипломатия вскоре приступила на конференции европейских держав 5-16 октября 1924 г. в Локарно (см. стр. 149—153).

Кризис в связи с шанхайскими событиями 1925 г.

Мощный подъем национально-освободительного движения в Китае в связи с расстрелом 30 мая 1925 г. в Шанхае руководимой англичанами полицией иностранного сетлемента рабочей демонстрации вызвал панику в рядах английской буржуазии и усилил ее ненависть к СССР, как к силовому центру движения угнетенных народов. Английская консервативная печать, еще не прекратившая анти-советской кампании в связи со взрывом в Софии 16 апреля 1925 г., стала винить в великих событиях в Китае поднявших на борьбу с иностранным империализмом 400-миллионный народ зловредных «большевистских агентов». Сама английская печать признавала, что английское правительство предпринимает шаги с целью побудить и другие державы к совместному выступлению против СССР, которое в первоначальной форме должно выразиться в коллективной ноте протеста против «пропаганды в Китае» и др. странах. В то же время английское правительство провоцировало Чжан Цзо-лина на антисоветские выступления, в связи с чем участились выпады чжан-цзо-линовских властей против советских работников на Ки-

тайско-Восточной железной дороге. Было также затеяно провокационное дело против представителя Нефтесиндиката в Гонконге т. Доссера, арестованного английскими властями 29 июня в Шанхае. Доссеру инкриминировали «большевистскую пропаганду», но процесс был состряпан настолько неуклюже, что даже смешанный суд, в котором тон задают англичане, вынужден был освободить его.

На западе усилившаяся агрессивность английской дипломатии находит свое выражение в форсированной подготовке той широко-задуманной анти-советской комбинации, которая впоследствии вошла в историю как локарнская система (см. ниже). Так как в воинственных планах английских консерваторов особую роль должны были играть окраинные государства, то деятельность английской дипломатии там особенно усилилась. Печать даже сообщала о том, что английское правительство обратилось к латвийскому министру иностранных дел Мееровицу с предложением принять участие в интервенции против СССР. Эта интригантская деятельность была тесно связана с предстоящей в августе месяце конференцией балтийских государств, визитом английского флота в балтийские воды и поездкой английского генерала Берта в Латвии.

Впрочем английские государственные деятели даже не считали нужным скрывать свою непримиримую враждебность к СССР. Так, например, министр по делам Индии Биркенхед в своей речи в Лофборо 27 июня, касаясь китайских событий, которые, по его словам, раздуваются агентами другого государства, заявил: «Несомненно наступит момент, когда мы должны будем спросить себя: неужели мы беспомощны, когда находимся лицом к лицу с государством, которое имеет дипломатическое представительство у нас и тем не менее старается во всем мире путем неустанной подпольной работы разрушить Британскую империю?». С этой речью впоследствии открыто солидаризировался в парламенте Чемберлен, официоз которого «Дейли Телеграф» сообщал, что английское правительство готовится к разрыву отношений с СССР.

Провокация английских реакционеров, однако, не удалась. Они вынуждены были считаться с настроениями рабочего класса, которые хотя и в слабой форме были выражены в письме генерального совета трэд-юнионов премьеру Болдуину, содержавшем протест против подготовлявшегося разрыва. Следует иметь в виду, что описываемый нами период проходит под знаком значительного роста симпатий английского рабочего класса к СССР, вызванных, с одной стороны, заметными рельефными успехами социалистического строительства СССР, а с другой стороны, — общим подъемом активности английского пролетариата, начавшимся с приходом к власти правительства Макдональда (мы уже указы-

вали выше, что даже иллюзорное сознание власти, порожденное этим «рабочим» правительством, «раскачало» рабочие массы Англии). Особенно ярко проявились эти симпатии на съезде трэд-юнионов в Гулле осенью 1924 г., где т. Томскому, как представителю профсоюзов СССР, была устроена грандиозная овация. Генсовет трэд-юнионов, избранный этим съездом, послал в СССР делегацию во главе с Перселем, которая в Москве и др. городах публично подчеркивала свою солидарность с борьбой и строительством трудящихся СССР и по возвращении на родину опубликовала подробный отчет о своей поездке, составленный в весьма сочувственном тоне по отношению к СССР. Это дало толчок образованию англо-русского профсоюзного комитета для координации действий пролетариата обеих стран в борьбе с капиталом (апрель 1925 г.).

И хотя не потребовалось много времени, чтобы перекрасившиеся в красный цвет английские реформисты показали свои настоящие физиономии, нельзя отрицать, что во время описываемого нами кризиса англо-советских отношений английские профсоюзы, подчиняясь давлению рабочих масс, сыграли немалую роль в борьбе с провокацией твердолобых консерваторов, добивавшихся разрыва с СССР. Английское правительство вынуждено было учесть это давление пролетариата, а также сделать соответствующий вывод из того факта, что другие европейские правительства, у которых оно зондировало почву, не обнаруживали склонности последовать его примеру. Кризис поэтому разрешился относительно благополучно, но положение все же оставалось крайне напряженным, и английская дипломатия еще более усилила свою деятельность по осуществлению нового коварного плана — окружению СССР под флагом «миротворчества».

«Дух Локарно». Борьба с СССР была важнейшей целью всей локарнской политики Англии. Но редко лицемерная, прожженная английская дипломатия с таким тонким искусством скрывала от общественного мнения своей страны и других стран свои тайные замыслы, как в период Локарно. Чемберлен и другие члены английского правительства неоднократно уверяли в парламенте, что идее гарантийных договоров между западными державами совершенно чужды какие бы то ни было анти-советские цели. Чтобы еще в бóльшей степени усыпить общественное внимание, была затеяна демагогическая кампания зазывания СССР в Лигу наций. Цель этой кампании для всякого, кое-что смыслящего в политике, была ясна: заранее зная принципиально-отрицательное отношение советского правительства к Лиге наций как к исполнительному органу империалистических держав, английская дипломатия, спекулируя на иллюзиях, питаемых «широкой публикой» к этому «миротворческому» институту, психологически подготовляла почву для

дискредитации СССР как того злокозненного «нарушителя мира», о борьбе с которым трактует пресловутый § 16 устава Лиги.

Нет, однако, того тайного, которое не стало бы явным. Во время подготовительных гарантийных переговоров немецкими националистами, игравшими тогда роль противников Локарно, был предан огласке исключительно важный документ, бросающий яркий свет на закулисные махинации английских миролюбцев. Речь идет о меморандуме от 2 марта 1925 г., переданном Чемберленом в то время французскому премьеру Эррио. Вот что говорится в этом меморандуме, опубликованном в германском националистическом еженедельнике «Дейтшен Шпигель» от 30 июля 1926 г., о целях системы гарантийных договоров в связи с СССР:

«Хотя политика советского правительства, идущая по линии самого широкого коммунистического милитаризма (терминология и стиль чего стоят! *М. Т.*), в настоящий момент, в первую очередь, направлена в сторону восточных и азиатских народов и агрессивное движение против Восточной Европы — преимущественно в результате поражения коммунистической идеи в Германии — приостановлено, несмотря на все это, не подлежит никакому сомнению, что побежденные народы Центральной Европы психологически подготовлены к идее военного союза с огромным резервуаром сил, каковым является Россия, и что, со стабилизацией внутреннего положения в России и восстановлением русской силы и самосознания в чисто-националистическом духе (! *М. Т.*), возможность военного союза между Германией и Россией становится все более вероятной... Отход от коммунизма и интернационализма раньше или позже произойдет (!*М. Т.*), и тогда будет налицо опасность русско-германского союза, союза, опасность которого весьма реально расценивается и во Франции, союза, являющегося и по сей день мечтой германских и русских шовинистов... Если же Германия будет связана договором о ненападении с другими договорными странами, то она не сможет быть военным союзником или сотрудником нынешнего Советского Союза, ни другой, будущей России. Без надежды на помощь со стороны Германии современная и будущая русская агрессивность не может быть больше направлена против Европы».

Далее в меморандуме указывается, что участие Германии в гарантийном договоре — «лучший способ вовлечения Германии в Лигу наций».

Если отбросить философию об «отходе от коммунизма и интернационализма» и «коммунистическом милитаризме», то смысл меморандума станет вполне ясным — путем гарантийного договора и обязательств, налагаемых уставом Лиги наций, привлечь Германию к антисоветскому блоку под эгидой Англии.

Еще более выявлены тайные замыслы английской дипломатии в продолжении этого меморандума, напечатанном 10 мая в нью-йоркской газете «Уорлд»:

«Русская проблема является в настоящее время скорее азиатской проблемой, чем европейской проблемой; завтра Россия, быть может, появится опять в балансе европейских сил, но пока она висит, как грозовая туча, над восточным горизонтом Европы... Россия»

стало быть, не является в определенном смысле фактором стабильности; на самом деле она является самым угрожающим элементом из всех наших неведомых элементов, и политика безопасности должна быть намечена, несмотря на Россию, быть может, именно по поводу России».

Расшифровать эту заключительную фразу, конечно, нетрудно — ввиду «большевистской опасности» следует создать антисоветский блок, куда, в первую очередь, ввиду ее географического и международного положения, должна быть привлечена Германия. Это также впоследствии признал английский полуофициоз «Дейли Телеграф» (14 марта 1927 г.). Обсуждая результаты состоявшегося в то время в Женеве четверного совещания (Чемберлен, Бриан, Муссолини и Штреземан), газета писала, что накануне Локарно в английском кабинете были некоторые разногласия по поводу так называемой «безопасности на Рейне». Некоторые считали, что должен быть заключен англо-французский договор против возможной угрозы на Рейне со стороны Германии. Другие же с Черчиллем во главе высказывались за общий англо-франко-германский гарантийный договор, который не ставил бы Германию в положение врага. И вот любопытно, как «Дейли Телеграф» излагает победившую впоследствии точку зрения Черчилля и его сторонников:

«В их представлении,— пишет газета — локальный (т.-е. рейнский) характер договора должен быть подчинен более широкой перспективе — европейской солидарности и сотрудничеству перед лицом новой угрозы со стороны большевистской России (курсив наш. *М. Т.*), которая, отчаявшись в обращении Европы в коммунизм, пытается мобилизовать азиатский национализм против западных держав, в частности против Великобритании. Чтобы свести на-нет эту угрозу, нужно вернуть Германию в общество цивилизованных народов и не толкать ее безумным остракизмом в ряды врагов Европы (читай: СССР. *М. Т.*) Только теперь,— прибавляет от себя «Дейли Телеграф»,— можно по достоинству оценить эту локарнскую концепцию английской дипломатии».

Только тем, что через полтора года после Локарно близкая к министерству иностранных дел газета больше уже не считала нужным играть в прятки, можно объяснить ту откровенность, с которой она характеризует сокровенную цель всей локарнской комбинации — европейский сговор, установление «солидарности и сотрудничества» западных держав, и Германии в том числе, против СССР.

Мы имеем, наконец, довольно откровенное заявление члена английского правительства товарища министра колоний Ормсби Гор. Выступая в конце октября 1925 г. в Манчестере, Ормсби Гор, забыв, очевидно, что его коллега по кабинету Чемберлен за несколько дней назад заявил журналистам, что «Европа не отталкивает СССР — СССР сам держится в стороне от Европы», сболтнул: «В Локарно западные державы соедини-

лись для защиты западной цивилизации против самой мрачной силы, которую когда-либо знала европейская история... Конференция в Локарно должна была решить вопрос, будет ли считать Германия свою судьбу связанной с судьбой великих держав, или же она будет работать вместе с Россией над разрушением западной цивилизации».

Как же реагировала т о г д а германская националистическая буржуазия на эти планы?

Опубликовавший цитируемый меморандум националистический орган «Дейтшен Шпигель» совершено правильно комментировал его как выявление намерения Англии «сделать невозможной самостоятельную политику Германии по отношению к России» и «по мере возможности вытеснить германского конкурента из мирового рынка». А другой орган «Дейтше Альгемейне Цейтунг», орган тяжелой индустрии, по поводу того же меморандума (в № от 5 августа 1925 г.) писал:

«Послевоенная политика Англии, экономические противоречия конкурирующих на мировом рынке народов Германии и Англии, с одной стороны, а с другой стороны, географическое положение Германии и России, и то обстоятельство, что они взаимно друг друга весьма удачно дополняют в области техники и экономики — все это говорит за то, что, при будущем столкновении интересов (Auseinandersetzung) Англии и России, Германия из соображений чувства и разума станет на сторону русского народа».

И, хотя газета при этом оговаривается, что Германия не может думать об оказании военной помощи СССР против Англии, она, возражая против плана меморандума, сводящегося к «созданию искусственных барьеров между Германией и СССР», подчеркивает:

«Германское правительство не может допустить мысли о том, чтобы из-за преходящих политических соображений, в связи с западной границей, оставить ту основную политическую линию, которая ведет через Россию в Азию, о том, чтобы купить сносное настоящее ценой безнадежного будущего».

Так писал накануне Локарно орган германской тяжелой индустрии, ставя в общем довольно правильный диагноз английской политики.

Но скоро обнаружилось, что эта аргументация буржуазной печати в значительной степени была продиктована стремлением запросить у Англии как можно более высокую цену за участие в чемберленовской комбинации: после продолжительных торгов 16 октября 1925 г. в Локарно была парафирована (подписана инициалами) серия гарантийных договоров между европейскими державами. 1 декабря в Лондоне в здании английского министерства и иностранных дел при помпезной обстановке эти договоры были подписаны Чемберленом, Брианом, Штреземаном, Шалойя (Италия), королевским министром и лидером II Интернационала Вандервельде, Скшинским (Польша) и Бенешем (Чехо-Словакия). После оглашения Чемберленом, который в тот же день получил

титул сэра и рыцаря «наиболее благородного ордена подвязки», послания короля о совершенном «великом деле умиротворения и успокоения», Болдуин произнес речь, в которой торжественно заверял, что локарнские договоры «заложат основу мира», к которому мир так долго стремился и в котором он так сильно нуждается. Бриан, как описывали газеты, растроганным голосом рассказывал о письме «неизвестной матери из народа», которая выражает надежду, что после Локарно она сможет смотреть на своих детей без тревоги за будущее, и выразил твердую уверенность в «возрождении Европы» на основе союза европейских народов. Буржуазная и социал-демократическая печать в самых патетических тонах воспевала «победу идеи мира».

«Мирное обновление Европы — Приход новой эры».

«Семь миротворцев подписывают локарнские договоры».

«Видение Бриана.—Соединенные Штаты Европы при жизни его».

Эти цветистые заголовки, взятые нами из английской либеральной газеты «Дейли Ньюс» (2 декабря 1925 г.), являются лейтмотивом всех комментариев печати, посвященных завершавшему локарнское действо лондонскому акту. И миллионы, десятки миллионов читателей во всех странах — не только обыватели и мелкие буржуа, но и воспитываемые на буржуазной и социал-демократической печати рабочие — действительно склонны были поверить, что в истории мира начинается светлая страница новой эры мира и международной справедливости...

Так под руководством и наблюдением английской дипломатии была искусно приготовлена к постановке и сыграна на мировой сцене величайшая по своему утонченному лицемерию и ханжеству локарнская комедия.

Немного времени потребовалось, чтобы склоки и скандалы среди участников комедии показали тем, которые не закрывают глаза на действительность, истинный характер существующих между ними отношений. Сессия Лиги наций в марте 1926 г. в Женеве закончилась позорным провалом: ввиду острых противоречий между принятой в лоно привилегированных стран Германией и бывшими победителями, а также распрями в лагере самих победителей — допущение Германии в Лигу наций пришлось отсрочить. Одновременно между различными государствами стали вестись закулисные переговоры о сепаратных договорах, идущих вразрез с теми целями, которые якобы преследовало Локарно. Но ярче всего вскрыла подоплеку локарнского пакта последующая политика его творца Чемберлена по отношению к СССР.

Забастовка горняков и новый кризис.

Великая забастовка английских горняков (май — сентябрь 1926 г.), вызвавшая небывалое обострение классовой борьбы в Англии и величайшую тревогу буржуазии, повлекла за собой бешеную атаку консерваторов на фронте англо-советских отношений.

Особенно возмущала буржуазию великодушная помощь, оказанная профсоюзами СССР их бастующим собратьям по классу в Англии. Буржуазия, конечно, ясно отдавала себе отчет в том, что эта помощь придает бодрость бастующим и дает пример рабочим других стран в деле проявления действенной солидарности с борющимся авангардом английского рабочего класса. Она также ясно понимала, что эта помощь не может [не оказывать революционизирующего влияния на английский пролетариат. Консервативная печать открыла неистовую кампанию против «красного золота» и стала требовать расторжения англо-советского договора; представители правительства и, в частности, Биркенхед и Черчилль точно так же, как во время кризиса англо-советских отношений в связи с шанхайскими событиями, стали выступать с провокационными речами против советского правительства и угрожать разрывом англо-советских отношений.

Появились и очередные «уличающие документы» в виде материалов, захваченных еще осенью 1925 г. при обыске помещения ЦК английской компартии. Наконец, после соответствующей артиллерийской подготовки английский поверенный в делах в Москве 12 июля вручил Наркоминделу ноту протеста, в которой указывается, что «правительство его величества сожалеет, что не может обойти молчанием акцию советских властей, заключавшуюся в специальном разрешении перевода в Великобританию фондов, предназначенных для поддержки генеральной [стачки». «Такой шаг — указывается далее в ноте, — не способствует дружественному улажению вопросов, стоящих между обеими странами, о стремлении к которому заявляет советское правительство».

Консервативная печать, не останавливаясь перед угрозой интервенции, взяла еще тоном выше. «Скандал с красным золотом — писала «Дейли Экспресс» — следует прекратить... В противном случая круги, видящие в этом опасность, решат оказать России должный отпор. Мы имеем основание предполагать, что эти круги предложат Черчиллю начать войну против торговли СССР с заграницей вместе с Деникиным и Врангелем в противовес Куку и Смиту» (лидерам горняков). Другая консервативная газета, архи-реакционная буржуазная «Дейли Мейль», изо дня в день печатала ряд «писем в редакцию» под заголовком «Вон московскую банду!» требуя в редакционных статьях немедленного разрыва с СССР.

Ответ советского правительства на английскую ноту, а также заявление ВЦСПС дали повод для нового усиления атак врагов СССР в Англии. В своем ответе (15 июня) НКИД указывает, что деньги в пользу бастующих горняков переводятся не советским правительством, а ВЦСПС. «Советское правительство — говорится далее в ноте, — выражающее волю рабочих и крестьян Союза Советских, Социалистических Республик, не могло воспретить профессиональным союзам, в которых организованы миллионы рабочих СССР, переводить денежные суммы за границу для оказания поддержки профессиональным союзам другой страны».

В заявлении НКИД, опубликованном в советской печати 27 июня, также усиленно подчеркивается то, что «права рабочих профессиональных организаций, признанные хотя и в урезанном виде, по крайней мере, де-юре во всех западно-европейских странах... обеспечиваются в СССР, как де-юре, так и де-факто и самым строем его государства и содержанием его политической власти; заявление НКИД также протестует против выступлений Черчилля, бывшего «главнейшего инспиратора английской интервенции в 1918—1919 гг. против советской республики», направленных к срыву англо-советской торговли, в которой заинтересованы обе стороны. Далее в заявлении решительным тоном подчеркивается, что «советское правительство в величайшей мере ценит свои отношения с Англией и всячески желает поддержания этих отношений и в частности максимально широкого развития торговли между СССР и Англией; оно, в то же время, достаточно сознает мировую роль Советского Союза в политической и экономической области, его силу и его могущество, чтобы не поддаваться впечатлению враждебных, легкомысленных, тенденциозных и грубо неприличных выходок отдельных членов какого-либо другого правительства, ставящих себе цели, идущие в разрез с интересами как обоих государств, так и мирного развития международных отношений».

Еще решительнее звучало обращение президиума ВЦСПС к рабочим всех стран. «ВЦСПС,— гласит это обращение — выражает решительный протест против вмешательства английского правительства в дела СССР и заявляет, что организованные рабочие нашей трудовой республики не позволят предписывать им линию поведения. Требовать от советского правительства, чтобы оно воспретило помогать своим классовым братьям, это значит совершенно не понимать духа и существа советской власти. Профсоюзы СССР заявляют, что они помогали, помогают и будут помогать бастующим рабочим Англии, ибо дело английских

горняков — это наше дело, что бы об этом ни думало правительство, защищающее шахтовладельцев».

Эти документы, отражавшие собой величайший энтузиазм и жертвенную готовность пролетариата СССР, порожденные классовой солидарностью с борьбой английского пролетариата, вызвали новый приступ бешенства английской реакции. Чуть ли не каждый день приносил новые выпады против СССР не только со стороны безответственных твердолобых, но и членов английского правительства, при чем особенно отличались министр внутренних дел Джойнсон Хикс, Черчилль и Биркенхед. Так, например, Черчилль в своей речи в Лондоне 19 июня пугал английских промышленников, заявляя, что, торгуя с СССР, они подвергаются риску, за который правительство не берет на себя ответственности. Переходя затем к вопросу о помощи горнякам, Черчилль нагло заявил: «Суммы, посланные горнякам по указанию русского правительства, пустяшны по сравению с тем, что русские у нас украли. Лично я надеюсь, что доживу до того дня, когда в России будет цивилизованное правительство, или же мы прекратим притворяться, что находимся в дружественных отношениях с людьми, стремящимися нас свергнуть». Угрожал разрывом также и Биркенхед, который в своей речи в Лондоне 22 июня с особой грубостью обрушивался на советское правительство, называя его «дискредитированной джунтой» (клика).

Несмотря, однако, на эту неистовую кампанию, дело до разрыва и на сей раз не дошло. Этому помешал ряд причин и раньше всего противодействие пролетариата. Генеральный совет профсоюзов, несмотря на свой трусливый отказ в приеме денег от советских профсоюзов, отражая настроения масс, все же категорически протестовал против разрыва. Высказывалась также против такого шага либеральная партия, хотя и она внесла свою лепту в травлю СССР. Наконец, немалая часть консерваторов также была против такого чреватого серьезными осложнениями шага в тот момент, когда английская буржуазия была связана по рукам и ногам ожесточенной борьбой со своим собственным пролетариатом.

Вот чем объясняется заявление Чемберлена в Палате Общин 25 июня, в котором он вынужден был умерить пыл твердолобых. Чемберлен заявил: «Если бы вопрос касался возобновления дипломатических сношений, я ответил бы на него отрицательно». Но вопрос стоит иначе: следует ли порвать сношения, существующие в течение некоторого времени, и отказаться от соглашения, которое действует уже давно? Утвердительный ответ на поставленный в такой форме вопрос не принес бы нам никакой пользы, не дал бы нам оружия для борьбы против нелойяль-

ности и революции внутри наших границ, создал бы раскол [внутри Англии, повидимому] вместо единения, к которому мы стремимся, и усилил бы неопределенность, тревожность и непрочность положения в Европе».

Английская дипломатия в последнюю минуту точно так же, как и в 1925 г., испугалась последствий своих собственных провокаций и отступила. Но и после ослабления кризиса англо-советские отношения продолжали висеть на волоске.

Если английской буржуазии удалось взять измором горняков и нанести таким образом серьезный удар революционному движению у себя на родине, то на внешних фронтах и в частности на фронте китайского национально-освободительного движения она продолжала терпеть поражения. Это обстоятельство подливало масло в огонь ее ненависти к СССР. Победоносный северный китайский поход национальной армии, начавшийся осенью 1926 года, сильно встревожил английских империалистов, увидевших перед собой призрак «красно-желтой опасности» — союза СССР и революционного Китая. В консервативной, а также в либеральной английской печати снова пошла свистопляска вокруг «большевистских агентов», вызвавших злой дух китайской революции. Тов. Бородин, приглашенный еще Сун-Ят-сеном в качестве советника кантонского правительства, стал тем жупелом, которым печать изо дня в день пугала обывателя. «Китайскую трагедию, — неистовствовал пострадавший от российской революции пресловутый английский делец Лесли Уркарт, — навлекла на Англию Советская Россия». «В Китае возможна конфискация иностранного имущества по советскому образцу», — вторил ему другой «заинтересованный в России» делец, председатель общества британских кредиторов России, Твид. Китай и СССР неразрывно связаны во всей политике английских консерваторов, которые изо всех сил стараются нанести удар советскому влиянию в Китае. Они пробуют всевозможные орудия борьбы — прямую интервенцию, заигрывания с Америкой с целью использовать ее в борьбе с СССР и Китаем, утонченную демагогию (речь Чемберлена в Бирмингаме 29/I/1927 г., в которой он заигрывал с китайским национально-освободительным движением), ставку на правый гоминдан и т. д.

Та же система — на Западе. На сессии Лиги наций в декабре 1926 г. в Женеве Чемберлен добивается «расширения Локарно», т.-е. осуществления нового сговора крупных европейских государств, направленного против СССР. Черчилль предпринимает поездку в Рим (начало 1927 года) с тем, чтобы, — по сообщению «Нью-Йорк Ивнинг Пост», — заручиться участием Италии в антисоветском блоке взамен

поддержки английским империализмом ее домогательств в отношении турецкой провинции Адалии. Черчилль также делает визит в Афины, чтобы привлечь Грецию к участию в этой комбинации. Английский посол в Прибалтике Воон оказывает давление в Ревеле, Риге и Ковно, добиваясь присоединения окраинных стран к английской антисоветской комбинации. Кампания «Таймса», Дейли Мейль», и др. большевико-едских органов печати становится все яростнее. Все это служит прелюдией к новому дипломатическому выпаду против СССР.

Подготовка срыва англосоветских отношений.

23 февраля 1927 г. поверенному в делах СССР в Лондоне была вручена нота Чемберлена по поводу т. наз. «пропаганды», носившая столь же провокационный, сколь лживый и лицемерный характер. После целого ряда актов, направленных к изолированию и окружению СССР и подготовке антисоветской интервенции, Чемберлен пытается уверить, что предъявление Англии обвинений по этим пунктам не обосновано, при чем это «опровержение» делается в грубой форме, задевающей личность народного комиссара по иностранным делам тов. Чичерина:

«Правительству его величества, конечно, хорошо известно то заблуждение, которому подвержены Чичерин и многие его коллеги, а именно что Великобритания непрестанно занимается организацией заговоров против Союза Советских Социалистических Республик и с этой целью никогда не прекращала направлять политику таких стран, как Польша балтийские государства и Персия, в сторону ориентации, направленной против Советской России. Никакому беспристрастному изучению политики этих стран, никакому беспристрастному исследованию фактов и никаким заверениям со стороны правительства его величества не удалось рассеять этой навязчивой идеи, которая настолько же нелогична насколько необоснована».

Это «искаженное представление» об английской политике, утверждает далее в вызывающем тоне английская нота, «засело в нервном уме (nervous mind) Чичерина». Все это, мол, составляет поклеп на честную и миролюбивую английскую дипломатию. После этого Чемберлен переходит в наступление. Цитируя заявления и статьи Бухарина Рыкова, Ворошилова, а также ссылаясь на «лживую карикатуру» «Известий» (изображавшую Чемберлена аплодирующим казни литовских коммунистов), нота, кажется впервые в истории англо-советской переписки, пускается в рассуждения насчет сугубо внутреннего дела СССР — взаимоотношений советского правительства и Политбюро ВКП (б):

«До тех пор, пока теперешние правители Союза Советских Социалистических Республик — будь они формально членами правительства или членами Политбюро, являющегося фактически доминирующей властью в Союзе, или послами последнего за границей — будут

продолжать делать публичные заявления, поносящие Великобританию или призывающие к мировой революции, до тех пор никакое улучшение [советско-английских отношений] невозможно».

Далее следуют угрозы разрывом:

«Вместе с тем правительство его величества считает необходимым в самых серьезных выражениях предупредить Союз Советских Социалистических Республик, что есть границы, за пределы которых опасно толкать общественное мнение Англии, и что продолжение таких действий, как те, по поводу которых здесь заявлена претензия, должно раньше или позже сделать неизбежным аннулирование торгового соглашения, условия которого так явно нарушались, и даже — разрыв обычных дипломатических отношений» ..

Действительно, стремление к разрыву — вот единственный смысл этой провокационной ноты. Разрыв же, как писала тогда консервативная «Морнинг Пост», должен дать толчок «сплочению Европы перед лицом опасности», иными словами, созданию антисоветского блока, чего так усиленно добивается нагло отрицающий этот очевидный факт — Чемберлен. Яркий свет на эти цели английской дипломатии и на истинный смысл чемберленовской ноты бросает ответ советского правительства (26 февраля) за подписью тов. Литвинова:

«Великобританское правительство до сих пор предпочитало делать советскому правительству общие, огульные упреки, никогда не детализируя их, за исключением одного лишь случая, когда во время общих выборов в Великобритании в 1924 году была сделана неудачная попытка подкрепить обвинение ссылкой на известное, имеющее уже историческое значение, так называемое «письмо Зиновьева», тогдашнего председателя Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. Но советское правительство, заявив тогда же, что оно не может принимать на себя ответственность за действия международной организации, руководимой и контролируемой делегатами коммунистических партий разных стран, согласилось, однако, ввиду особой политической роли, которую письмо могло сыграть, на любую экспертизу письма и на признание им решения любой третейской инстанции. Отклонение предложения советского правительства великобританским правительством не могло быть понято иначе, как взятие обратно обвинения, и с тех пор подложность письма не вызывала больше ни у кого никаких сомнений, в том числе и в кругах Рабочей партии, находившейся в Англии у власти в момент предъявления означенного обвинения. Таким образом единственное конкретное обвинение было основано на подложном документе, так называемом «письме Зиновьева».

Что же касается выступлений партийных деятелей и статей советской печати, на которые жалуется Чемберлен, то тов. Литвинов указывает, что

... «между СССР и Великобританией не существует никаких соглашений, которые ограничивали бы свободу слова и печати внутри пределов обеих стран. Как великобританское правительство не брало на себя обязательства за своих граждан хвалить или не критиковать социально-политический строй Советского государства, так и советское правительство не обязывалось требовать от своих граждан, чтобы они хвалили или не критиковали социально-политический строй Великобритании и вообще капиталистических стран. В торговом соглашении 1921 года, в нарушении которого советское правительство также

неоднократно голословно обвинялось, статья о пропаганде обязывает обе стороны лишь «воздерживаться от враждебных действий или мероприятий против другой стороны, равно как и от ведения вне собственных ее пределов какой-либо официальной прямой или косвенной пропаганды против учреждений Британской империи или Российской Советской Республики». Подведение под действие соглашения 1923 г. или договора 1921 г. печатных или устных выступлений в пределах СССР является произвольным расширением рамок этих соглашений».

Затем тов. Литвинов приводит целый ряд заявлений членов британского кабинета Биркенхеда, Черчилля, Ивенса и др., в которых советское правительство квалифицируется как «банда убийц и разбойников» (Биркенхед), «темных заговорщиков московского Кремля» (Черчилль) и т. д. в подобных возмутительных выражениях.

При свете этих фактов обвинения Чемберлена приобретают поистине смехотворный характер. Нота так же едко высмеивает теорию о «советских агентах» как виновниках всех мировых социальных потрясений.

«Особое неудовольствие великобританского правительства вызывают, повидимому, высказываемые советскими деятелями мнения об антисоветском направлении британской политики в третьих странах. Но ведь с неменьшим правом и основанием можно было бы характеризовать как навязчивые идеи постоянные указания политических деятелей и членов правительства Великобритании на мнимую вездесущность и всемогущество так называемых «советских агентов», изображаемых виновниками всех и всяких затруднений Британской империи чуть ли не во всех уголках земного шара...

Советское правительство весьма сожалеет по поводу отмеченного в ноте великобританского правительства неудовлетворительного состояния англо-советских отношений. Оно полагает, однако, что объяснять это печальное явление взаимными обвинениями и недружелюбным тоном прессы обеих стран — значило бы выдавать причину за следствие, и наоборот. Советское правительство считало бы также некорректным и недостойным искать объяснений этого явления в физиологических или психологических особенностях тех или иных великобританских государственных деятелей.

Дело... в том, что в своем обращении с Советским Союзом великобританское правительство сознательно отступает от общепринятых международных норм и обычаев и даже элементарных приличий, что оно периодически бросает в лицо советскому правительству общие и голословные обвинения, отказываясь даже от их обсуждения, что оно уклоняется от урегулирования взаимных претензий и жалоб как дипломатическим путем, так и при посредстве специальных конференций, комиссий или делегаций, что оно, отклоняя обычные дипломатические пути регулирования конфликтов, позволяет себе говорить с советским правительством тоном угроз и ультиматумов, что оно, наконец, игнорируя конституцию СССР, упорно пытается в своих нотах подставлять вместо формального правительства Союза партийные или даже международные учреждения.

Эта же ненормальность отношений сказалась и в том, что великобританское правительство в своей ноте позволило себе неслыханный и беспрецедентный тон в отношении народного комиссара иностранных дел СССР тов. Чичерина. Установленный великобританским правительством режим в отношении советского государства питает и поощряет ту враждебную кампанию, которая находит свое выражение в грубо-оскорбительных для СССР выступлениях в английском парламенте как со стороны членов парламента, так

и даже членов правительства и в английской прессе. Эта кампания находит себе оценку в общественном мнении СССР и в тех речах и статьях советских деятелей, перечисление которых составляет главное содержание британской ноты.

К этому надо добавить, что постоянные попытки британского правительства умалить или даже уничтожить значение факта восстановления дипломатических отношений, на ряду с имеющимися у советского правительства и недавно опубликованными вполне достоверными сведениями о продолжающихся сношениях и попытках сговора отдельных членов британского кабинета с бывшими царскими дипломатами и представителями контрреволюции, работающими в пользу повторной интервенции, — не позволяют общественному мнению СССР забыть о той роли, которую Великобритания играла в первой интервенции».

В заключение нота спокойным, твердым тоном заявляет, что

«угрозы в отношении СССР не могут запугать кого бы то ни было в Советском Союзе. Если нынешнее великобританское правительство полагает, что прекращение англо-советских торговых и всяких других отношений вызывается потребностями английского народа и послужит на пользу Британской империи и делу всеобщего мира, то, оно, конечно, поступит соответственным образом, приняв на себя полную ответственность а вытекающие отсюда последствия».

Английская консервативная печать, как и следовало ожидать, обрушилась на советскую ноту в свойственных ей выражениях. «Дерзкая нота», «наглая нота», «бесстыдная нота» — так вопили джентльмены, которые только что рукоплескали ноте своего правительства, содержавшей поистине неслыханный в истории дипломатических взаимоотношений хамский выпад против личности руководителя внешней политики великой страны; джентльмены, которые,— как, например, пресловутый Локер-Лэмпсон,— имеют наглость заявить, что «с Россией можно разговаривать только палкой»; джентльмены, которые из шкуры лезут вон, чтобы добиться зловещего и чреватого всякими осложнениями англо-советского разрыва.

Но в то же время в либеральной буржуазной печати раздавались более благоразумные нотки. Влиятельная «Манчестер Гардиен» считала ноту Чемберлена бесцельной, так как он сам вряд ли способен указать на серьезную «меру воздействия» на СССР. «Мы пробовали принудить их [большевиков] войной и дипломатическим путем, — меланхолично заявляла газета, — но одинаково безуспешно». Редактор органа финансовых кругов «Файнаншиель Пьюс» Хилтон Юнг предостерегал против разрыва. «Европейский мир, — писал он, — деликатный механизм; такой жестокий удар, как прекращение всяких сношений между нами и Советской Республикой, сильно потрясет этот механизм... В настоящий момент я не вижу, что бы мы могли выиграть от такого шага».

Таково было в тот момент настроение более осторожной части английской буржуазии.

А английский пролетариат? Помощь, которую мы могли бы получить от него в этот критический момент, саботировалась вождями.

Выступления Макдональда, Клайнса и К° «против» разрыва англо-советских отношений часто принимали характер медвежьей услуги; таковы, например, их заявления, что разрыв способен, мол, усугубить вредные действия «московской пропаганды». И недаром Чемберлен в своей ноте так часто ссылался на действия и заявления своего предшественника, того же Макдональда. Но в общем и целом консервативному правительству приходилось, конечно, учитывать тот факт, что в отличие от вождей массы готовы оказать противодействие его антисоветским замыслам, и поэтому оно в отличие от «твердолобых», добивавшихся немедленного разрыва, на сей раз «ограничилось» нотой.

За нотой Чемберлена последовали новые атаки английского империализма, которые по мере развития побед китайской революции принимали все более бешеный характер. День 4 марта был «русским днем» в палате общин и в палате лордов. В палате выступал Чемберлен, который, отрицая приписываемое злыми языками «миролюбивой» Англии намерение окружить СССР, резко нападал на советское правительство и угрожал разрывом. В таком же духе выступал в палате лордов представитель правительства лорд Сельсбери.

Все это служило прелюдией к генеральному выступлению в Женеве за кулисами Лиги наций. Вся иностранная печать в один голос утверждала, что Чемберлен в Женеве прилагал все усилия к тому, чтобы составить европейскую коалицию против СССР, при чем, так сказать, программой-минимумом английской дипломатии являлись отправка крупными европейскими государствами советскому правительству коллективной ноты протеста против «пропаганды» и организация финансового бойкота СССР.

В подготовке финансовой блокады особую роль играет министр финансов Черчилль, который вел переговоры с американскими банкирами о прекращении учета советских векселей и пытался всюду противодействовать финансированию экспорта в СССР, а также проникновению советской нефти, конкурирующей с нефтью известной английской фирмы «Ройял Детш Шелл».

Соответствующее давление было оказано в Женеве на германскую делегацию, но последняя, повидимому, оказалась достаточно благоразумной, чтобы не пускаться на авантюры. (Позиция германской делегации в значительной степени объясняется тем, что английская дипломатия в целях привлечения Франции к антисоветскому фронту стала на сторону последней в вопросе об эвакуации Рейнской области.) Другие бреши в этом фронте были пробиты заключенными нами в тот момент торговым договором с Турцией (11 марта в Ангоре) и гарантийным договором с Латвией (9 марта в Риге). Хотя последний договор, будучи

только парафирован, еще не имел законной силы, он вызвал неудовольствие Англии и произвел большое впечатление на другие прибалтийские страны, где усилилось течение против подчинения лондонской указке.

Английская буржуазия, однако, не унимается. На ряду с наступлением против собственного пролетариата (закон о профсоюзах) она совершает вылазки против СССР на всех дипломатических фронтах — в Вашингтоне, Париже, Риме, Берлине, окраинных государствах и на Дальнем Востоке. В Америке английская дипломатия через австралийского премьера Брюса ведет усиленную пропаганду в пользу англо-американского блока против СССР и Китая; в Италии добивается и добилась — ратификации Муссолини пресловутого парижского протокола санкционирующего грабительский захват Бессарабии Румынией; во всех европейских столицах английские дипломаты неустанно работают над созданием антисоветского блока.

Но особенно усердно ткется паутина интриг в Китае. В апреле полиция Чжан Цзо-лина в Пекине совершает налет на помещение в так называемом «военном городке», прилегающем к полпредству, производит там обыск и арестовывает ряд советских сотрудников. Разрешение на это дикое нашествие, являющееся вопиющим нарушением принципа и практики международных отношений, было выдано старшиной дипломатического корпуса голландцем Удендейком, за спиной которого стоял английский посол. Одновременно консульство СССР в Шанхае было подвергнуто форменной осаде, в которой на-ряду с полицией международного квартала, в командовании которой доминирующую роль играют англичане, участвовали также русские белогвардейцы. Английская дипломатия также пытается использовать предательство б. главнокомандующего кантонской армии Чан Кай-ши для того, чтобы сколотить союз между ним и Чжан Цзо-лином, направленный против революционного Китая и СССР.

Та же английская режиссура чувствуется на происходившей в мае месяце в Женеве при участии советской делегации международной экономической конференции при Лиге наций. Несмотря на лицемерные заявления английского представителя Бальфура о желательности экономического сотрудничества с СССР, английская делегация пускает в ход все свое влияние — безуспешно, однако, — чтобы не допустить принципиального признания конференцией равноправия советской системы в мировой экономике и препятствовать переговорам экономического характера между советской делегацией и другими делегациями.

Так шаг за шагом, день за днем дипломатия британского империализма злонамеренно обостряла свои отношения с СССР, пока она, наконец, не решилась на грандиозную провокацию.

Англо-советский разрыв.

12 мая 1927 г. отряд в 200 полицейских, по приказу министра внутренних дел Джойнсона Хикса, занял весь дом, в котором помещается торгпредство и советское общество для торговли с Англией «Аркос»; все помещение и находившиеся в нем сотрудники были подвергнуты обыску, при чем обращение полиции и агентов Скотланд-Ярд (охранка) с персоналом было самое грубое; сотрудник торгпредства, отказавшийся выдать полиции ключ от сейфа, в котором хранились личные бумаги официального торгового агента тов. Хинчука, чья личная дипломатическая неприкосновенность и право пользования шифром вытекают из § 5 торгового соглашения, был избит полицией; сейфы — были вскрыты особыми сверлильными машинами; дипломатическая почта на имя торгпреда — вскрыта.

Несмотря на неоднократные протесты поверенного в делах т. Розенгольца, заявленные в устной и письменной форме Чемберлену, обыск, принявший форму разгрома помещения торгпредства и Аркоса, не прекращался и затянулся на целых три дня. В это время в буржуазной печати шла форменная вакханалия самой фантастической лжи и клеветы о таинственных находках в таинственных подземных камерах Аркоса, о захваченном оружии, шпионах, шпионских документах и т. д. в шерлок-холмском стиле. Особенно усердно муссировалась история о каком-то исключительно секретном документе, исчезнувшем из военного ведомства и очутившемся якобы в Аркосе. Об этом же документе говорили в палате общин Болдуин, Чемберлен и Хикс, которые, однако, вынуждены были признать, что в Аркосе он найден не был. Зато они очень много распространялись о бесчисленном множестве других изобличительных «документов», якобы найденных там, а также о «материалах», найденных при налете чжанцзолиновской полиции на полпредство в Пекине.

На основании всей этой, как выразился Чемберлен в палате, «первоклассной» информации, он утверждал, что Совет-Хауз (здание полпредства) был центром не только торговой деятельности, но и, «главным образом, политической пропаганды и антианглийской работы». Что же касается правительства его величества, то оно, как это показали трупы его в Лиге наций и в Локарно и «долготерпение» в отношении СССР, заботится лишь об одном — о мире; мешает же этому только СССР...

«В Локарно, — говорил с пафосом Чемберлен, — мы собрались вместе для общей работы с державами. Мы пришли туда, чтобы ликвидировать вражду вчерашнего дня и перевернуть страницу истории, чтобы попытаться заложить основу примирения между теми, кто еще недавно до того были вооруженными врагами и даже вплоть до того момента были еще врагами, хотя уже и без оружия в руках. Во всех этих начинаниях

во всех наших стремлениях добиться мира во всех областях, в нашем сотрудничестве с Лигой и в нашем участии в Локарно, — во всем этом только одна держава отказывалась участвовать. Было только одно правительство, которое не только оставалось в стороне от этой работы по умиротворению и примирению, но еще и препятствовало ей, правительство, столь же враждебное Лиге наций и всему ее добру, как оно враждебно и другой великой лиге мира — Британской империи.

Все же мы продолжали наши усилия, мы сохраняли в силе отношения, которые стали пустыми и призрачными, пока, наконец, мы не почувствовали, что необходимо не ограничиваться больше словесными предупреждениями..., на которые до сих пор советское правительство не обращало никакого внимания. Оно показало, что оно неисправимо. Мы были сдержанны до тех пор, пока сдержанность не истощилась. Мы даже и теперь не добивались совместного выступления с другими державами и не пытались обременять их нашими собственными проблемами и затруднениями, но правительство его величества не может больше брать на себя ответственность за сохранение дипломатических отношений, которые не являются орудием мира, а лишь постоянным и всегда новым источником раздражения и опасностей».

После этой тирады, явившейся заключительным аккордом пространнейшей речи Чемберлена, он просил у палаты одобрения решения правительства о разрыве торговых и дипломатических отношений с СССР. На заседании парламента от 26 мая консервативное большинство палаты, большинство милостью подложного «письма Зиновьева», 357 голосами против 111, одобрило, как и следовало ожидать, решение своего правительства.

27 мая нота о разрыве с предложением не позже чем через 10 дней оставить Англию была вручена советскому поверенному в делах тов. Розенгольцу.

«Недавний обыск, произведенный полицией в помещениях общества «Аркос Лимитед» и русской торговой делегации, — читаем мы в этой ноте, — окончательно доказал, что из дома № 49 по улице Мургат направлялись и осуществлялись как военный шпионаж, так и разрушительная деятельность на всей территории Британской империи.

Враждебность советского правительства наряду с проводившейся связанными с ним организациями — Российской Коммунистической Партией и III Интернационалом — разрушительной пропагандой как в самом Соединенном королевстве, так и в британских территориях за морем, беспрепятственно продолжалась и достигла кульминационного пункта в акте злоупотребления дипломатическими привилегиями, проявившемся в вашей попытке вмешательства во внутренние дела Англии...

Наконец, правительство его величества решило, что оно не может больше поддерживать дипломатических отношений с правительством, допускающим и поощряющим такое положение вещей, которое было обнаружено. Существующие отношения между двумя правительствами настоящим приостанавливаются, и я должен просить вас о том, чтобы вы сами и ваш персонал удалились из Англии в течение ближайших 10 дней».

Так наступил чреватый зловещими осложнениями исторический разрыв между величайшей в мире империалистической державой и единственным в мире великим пролетарским государством. Так их

взаимоотношения были отброшены назад к временам, плотно примыкающим к грандиозной ожесточенной схватке между ними — временам блокады и интервенции. Так над миром снова нависли мрачные свинцовые тучи угрозы войны, войны Капитала против государства Труда. Как же это случилось? Кто и для чего стал бродить с зажженным факелом в руках в пороховых погребах Европы?..

Мы выше лишь излагали сухие факты, не вдаваясь в их оценку, и в таком же порядке привели цитату из речи Чемберлена. Нет нужды, однако, слишком внимательно вчитываться в нее, чтобы увидеть перед собой поистине классический документ утонченнейшего лицемерия и ханжества дипломатии старейшего капиталистического государства, построенного на эксплоатации своего пролетариата, сотен миллионов колониальных рабов и грабеже других сотен миллионов в полуколониальных «сферах влияния». Англия добивалась в Локарно, чтобы на земле царил мир, а в человецех — благоволение. А секретный меморандум? А признание члена правительства Ормсби Гор? А натравливание Германии против СССР, давление против предоставления кредитов советскому правительству и поддерживания с ним дружественных отношений? А подзуживание Польши и окраинных государств к войне против СССР? А военная и дипломатическая поддержка, оказываемая Чжан Цзо-лину и поощрение его налета на полпредство с целью спровоцировать войну на Дальнем Востоке? А каждодневные призывы печати правящей партии английской буржуазии к крестовому походу против СССР? А никем не опровергнутые документы, изобличающие тесную связь между членами английского правительства и подготовляющими заговоры против СССР царскими экс-дипломатами с Саблиным во главе? А вся история с лондонским налетом? — Ясно ведь, что все фантастические истории Чемберлена и Джойнсона Хикса по поводу «пропавшей грамоты», какого-то пропавшего величайшей государственной важности таинственного документа, который, мол, по слухам, находился в Аркосе, — все это сказка для детей и обывателей, впавших в детство под влиянием страха перед большевизмом. Сами же авторы этой выдумки преследовали определенную цель — скрыть от общественного мнения истинные цели всей этой широко-задуманной провокации.

Допустим даже на одну секунду мысль, что действительно существовал какой-то документ, который пропал и который, по предположениям охранки, мог находиться у кого-нибудь из сотрудников Аркоса (повторяем — все это, конечно, абсурд; но нам это предположение нужно лишь для иллюстрации). Допустим на одну секунду, что это так. Но слыхано ли это в истории международных отношений, чтобы путем полицей-

ских налетов на пользующиеся дипломатической неприкосновенностью учреждения других государств разыскивали какие-либо материалы?

Английский либеральный еженедельник «Нейшен» (28 мая), солидаризируясь с Чемберленом в вопросе о «пропаганде», все же иронизировал по поводу «приходящихся по вкусу мелодраматически настроенной части публики» историй насчет фотостата (аппарат для снимания копий) в таинственной подземной камере Аркоса. «Нейшен» утверждал, что разоблачения Хикса никакого шпионажа не доказали. Но если даже стать на точку зрения Хикса, говорит либеральный орган, «то где основания для разрыва? Разве не известно, что все правительства применяют шпионаж одно против другого? Ведь, недавно — продолжает «Нейшен», — сэр Вильямс Джойнсон Хикс хвастал, что британская контр-разведка стоит на такой же высоте, как любая в мире, и документы, которые мистер Болдуин был в состоянии цитировать во вторник [24 мая на заседании Палаты, обсуждавшем вопрос об обыске в Аркосе], подтверждали это заявление. Нет, испытание по части шпионажа свелось бы к закрытию всех посольств во всех европейских столицах».

Нам остается только пояснить заявления «Нейшен» конкретными примерами. Во время войны Франции с риффами французское правительство великолепно знало, что «союзная» Англия тайком доставляет оружие риффам. Оно так же, как раз незадолго до налета на лондонское полпредство, накрыло в Париже английскую шпионскую агентуру под видом торговой фирмы. Что, однако, сказали бы буржуазные правоведы, если бы французская полиция с целью розыска изобличающих Англию документов совершила налет, скажем, на помещение английской военной миссии в Париже? Другой пример: в руки наших следственных органов, как заявил тов. Рыков на заседании пленума Моссовета 1 июня 1927 г., попалось немалое число пойманных с поличным английских шпионов. За 11 из них заступился сам английский поверенный в делах Ходжсон. Что сказали бы гг. Чемберлен и Хикс, если бы ОГПУ совершило налет на помещение английской миссии, чтобы найти документы по поводу этого шпионажа? Ведь если бы в международной практике установились такие нравы, то государства никогда не выходили бы из состояния войны.

Это лицемерие Чемберлена разоблачил также в парламенте не кто иной, как Артур Понсонби, занимавший при Макдональде пост товарища министра в ведомстве, которым руководит Чемберлен. Утверждая, что он сам видал в министерстве секретный документ, принадлежащий иностранному государству (и изъятый, конечно, шпионскими методами), Понсонби заявил: «Нужно смотреть фактам прямо в глаза, если мы уж

садимся на своего конька высокой морали: подлоги, воровство, ложь, подкупы и взяточничество существовали во всех министерствах иностранных дел во всем мире».

Наконец, ведь обвинения в шпионаже, предъявляемые Болдуином советскому посольству, как отмечается в заявлении тов. Розенгольца от 25 мая, базируются на якобы перехваченных шифрованных телеграммах, т.-е. на шпионаже же! При этом нужно отметить, что советское правительство категорически опровергло приписываемые ему обвинения. В ноте английскому правительству от 17 мая тов. Литвинов писал:

«Что торговая делегация своей деятельностью не давала никакого повода к такому налету, может быть доказано уже тем, что со стороны великобританского правительства ни разу не было заявлено ни одной претензии или жалобы по поводу этой деятельности. Сами полицейские власти, предпринявшие налет, не рассчитывали, повидимому, найти в помещении торговой делегации каких-либо документов, которые набрасывали бы малейшую тень на ее деятельность или могли бы служить основанием к обвинению ее в незаконных действиях, ибо, в противном случае, они позаботились бы о производстве обыска при таких условиях, которые гарантировали бы от возможных в таких случаях злоупотреблений и обеспечили бы доверие к результатам обыска. Отказав представителям торговой делегации в праве присутствовать при обыске и удостоверить подлинность уносимых документов составлением надлежащей описи и протокола, полицейские власти лишили обыск всякого формального значения. Великобританскому правительству небезызвестно, конечно, содержание ноты советского правительства по поводу полицейского налета, совершенного недавно такими же методами и в аналогичной обстановке в Китае. Обставление обыска хотя бы элементарнейшими законными гарантиями было в данном случае тем более обязательно **ввиду той зловещей роли, которую уже сыграл раз в отношениях между Советским Союзом и Великобританией один подложный документ»** (Намек на письмо Зиновьева; курсив здесь и в других цитатах из советских нот — наш. *М. Т.*).

Еще резче ставит тов. Литвинов вопрос в ответе на ноту Чемберлена тов. Розенгольцу с уведомлением о разрыве:

«Советское правительство еще раз решительно отвергает все обвинения в нарушении им когда бы то ни было торгового соглашения 1921 года как совершенно бездоказательные и ни на чем не основанные. Единственным источником этих обвинений, как это неоднократно было установлено с полной неопровержимостью, является недобросовестная информация, почерпнутая из подозрительных бело-эмигрантских источников, и **подложные документы, которыми британское правительство охотно оперировало на всем протяжении существования отношений между ним и советским правительством».**

«Безрезультатность обыска в торговой делегации, — пишет тов. Литвинов в «прощальной» ноте Чемберлену 28 мая, — производившегося с максимальной тщательностью в течение нескольких суток, является наиубедительнейшим доказательством лойяльности и корректности официальных агентов СССР. Советское правительство с презрением проходит мимо инсинуаций британских министров о шпионаже торговой делегации и считает ниже своего достоинства отвечать на них».

И тут же тов. Литвинов ставит точку на «i» — подчеркивает истинный смысл провокации английского правительства:

«Для всего мира совершенно ясно, что основной причиной разрыва являются поражение политики консервативного правительства в Китае и попытка прикрыть это поражение диверсией в сторону Советского Союза.

Народы Советского Союза и их правительство не питают никакой вражды к народам Британской империи, с которыми они хотели поддерживать нормальные и дружественные отношения. Таково же, несомненно, желание народов Британской империи. Но этих нормальных отношений не хотело и не хочет нынешнее британское правительство, стремившееся с первого же дня своего существования к поддержанию отношений с СССР в состоянии постоянной напряженности и к их дальнейшему обострению. Британское правительство системе нормальных отношений предпочитает систему насилия и вражды. Оно решилось на разрыв дипломатических отношений, за который оно должно принять на себя всю ответственность, отдавая себе полный отчет в том потрясении, которое этот разрыв неизбежно внесет в существующие политические и экономические международные отношения. Оно не могло не сознавать, что разрыв увеличит экономический хаос, неизжитый еще Европой после мировой войны, и что он нанесет крупный удар делу мира. Оно решилось, однако, на этот акт, жертвуя интересами широких масс Британской империи и даже британской промышленности».

Интересно отметить, что в утверждении расчет роли подлогов в политике Англии по отношению к СССР тов. Литвинов находит поддержку даже со стороны одного из наиболее правых лидеров английского рабочего движения — Клайнса. На высокомерный вопрос Джойнсон Хикса, неужели он, Клайнс, в одном из своих предыдущих выступлений действительно заявил, что правительство его величества усовершенствовалось в деле подлогов, со стороны последнего последовал весьма вразумительный ответ. Клайнс заявил, что думал именно то, что сказал; он особенно утвердился в своем мнении после признания Чемберлена, что оригинала «письма Зиновьева» никто не видал; «письмо» было подлогом и на нем партия консерваторов нажила предвыборный капитал.

После всего вышесказанного ясно, что вся история с таинственными документами, шпионами, «интригами Москвы» и т. д. — лишь расшитая фантастическими прихотливыми узорами ширма, за которой скрывались истинные цели консервативного правительства. Что касается этих целей, то тут надо различить программу-максимум и программу-минимум консерваторов. Программа-максимум состоит в подготовке войны против Советского Союза. Это ясно, как день, в эту точку бьют все бесчисленные сложные английские комбинации, тайные хитросплетения и открытые провокации, начиная с Локарно и кончая налетом и разрывом. Питать какие-

либо иллюзии на этот счет было бы опаснейшей ошибкой. Этой правде нужно смотреть открыто в лицо. Нужно в любую минуту быть готовым к отпору. Английский империализм боится предоставить естественному ходу истории решение великого спора между советской социалистической системой и империалистической и капиталистической системой. Английские империалисты не доверяют истории — они видят, как подымается революционная буря в Китае, как настороженно-сочувственно прислушиваются к призыву китайской революции Индия, Египет, Аравия — все завоеванные мечом и фунтом стерлингов колонии, на которых зиждется вся мощь Англии, без которых она ничто; английские империалисты видят, как растет и крепнет красный гигант СССР, огромная революционная и революционизирующая сила, как развиваются центробежные силы в Британских доминионах, как революционизируется английский пролетариат, который до сих пор как будто не поддавался «дурным влияниям». И перед лицом таких исторических перспектив английские империалисты пытаются насильственным вмешательством изменить ход истории, уйти от своего рока путем превентивной (предвосхищающей) войны против СССР — такова их программа-максимум.

Но для выполнения ее требуется подготовка, требуется время — и вот для этого подготовительного периода выдвигается программа-минимум — создать «моральный» единый фронт капиталистических государств против СССР, более конкретно — добиться посылки советскому правительству коллективной ноты протеста держав против «пропаганды», дезорганизовать установленные с таким большим трудом международные дипломатические связи советского правительства, воздвигнуть против СССР стену кредитной блокады — подвергнуть его экономически-политическому бойкоту.

Вот какова программа-минимум правящей партии английской буржуазии. И если Чемберлен утверждает, что «мы даже и теперь не добивались совместного выступления с другими державами и не пытались обременять их нашими собственными проблемами и затруднениями», то это не больше, как трафаретная чемберленовщина, т.-е. лицемерная ложь. Ибо как раз во время англо-советского кризиса Чемберлен — как утверждала в один голос вся печать и английская в том числе — вел переговоры с прибывшими в Лондон французским президентом Думергом и французским министром иностранных дел Брианом насчет «омоложения» старой Антанты посредством антибольшевистской прививки, т.-е. создания единого фронта против СССР. В то же время хорошо осведомленный Георг Бернгардт в «Фоссише Цейтунг» писал о «появившихся в лондонских дипломатических кру-

гах изумительных слухах о том, что английское правительство на основании джентльменского соглашения с германским министерством иностранных дел высказало определенную надежду на то, что не позже чем через полгода Германия также порвет сношения с СССР». Бернгардт квалифицирует эти слухи как «дерзкий блефф». Как бы ни относиться к этому сообщению — ясно, что в основе его лежит факт давления английского правительства на Германию в антисоветском духе. О таком же давлении на Италию свидетельствует выраженная английским официозом «Дейли Телеграф» «надежда» на то, что Италия в скором времени также последует английскому примеру. Еще более ясно выдает тайные замыслы английского правительства статья того же официоза в момент разрыва:

«Этим шагом (разрывом), — писала «Дейли Телеграф»,— Англия нанесет убийственный удар престижу СССР на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке. В Китае, Персии, Афганистане и Турции последствия этого шага скажутся очень скоро. С другой стороны, окраинные государства, начиная с Финляндии и кончая Румынией, будут ободрены решительностью, проявленной Лондоном. В таких столицах, как Белград и Прага, уже не слышно будет более о намерениях признать советское правительство. Те государства, в которых имеются советские торговые представительства и которые, однако, не состоят в нормальных дипломатических отношениях с СССР, учтут уроки английских разоблачений и установят более бдительное, нежели до сих пор, наблюдение за этими представительствами и их так называемыми неофициальными придатками, а также введут более строгие ограничения для персонала представительств».

Затем газета, комментируя посещение Бриана Чичериным, выражает «надежду», что и Франция вскоре порвет свои отношения с СССР, а Германия будет лишена возможности расширить свою торговлю с СССР ввиду отказа английских банков в кредитах германским предприятиям на подобные цели. Указывая далее на происходившую одновременно с англо-советским разрывом международную экономическую конференцию при Лиге наций в Женеве, газета выражает недовольство по поводу приглашения туда советской делегации и выражает «надежду» (опять эти определенного специфического свойства «надежды»...), что «англо-советский разрыв сообщит значительно более здоровый тон мероприятиям Лиги наций и в ней не будет криков о сотрудничестве с большевиками».

Нужно ли более категорическое опровержение лицемерных заверений Чемберлена, чем эти рассуждения и чаяния его собственного официоза? Ведь это «взбадривание» окраинных государств, попытка нанесения «убийственного удара престижу СССР на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке», подзуживание Франции, угрозы по адресу Германии — это ведь целая дипломатическая программа, то, что мы обозначаем как

программу-минимум — объявление СССР экономико-политического бойкота в международном масштабе.

Такова общая политика правящей консервативной партии в целом. Мы говорим «в целом», так как и в рядах консерваторов имеются элементы, недовольные этой политикой катастроф и авантюр. Они представляют преимущественно те деловые круги, которые имеют торговые связи с СССР; к ним же можно причислить заинтересованный в финансировании этих связей «Мидлэнд Бенк», который как раз накануне налета согласился учесть советские векселя на 10 миллионов фунт. стерл., и такую крупную фигуру в английском деловом мире, как Эллен Смит, председатель Федерации британской индустрии. Ярким показателем настроений этой группы явилась резолюция исполнительного комитета русско-английской торговой палаты, в которой участвуют 180 крупных английских фирм. Резолюция немногословна — она лишь подчеркивает желательность — «возможно более широкого распространения» следующих цифр: с июля 1920 г. по декабрь 1926 г. общий оборот англо-советской торговли превысил 168 миллионов фунтов стерлингов (около 1 680 миллионов рублей); эта сумма составляется из 86 млн. ф. ст., падающих на советский ввоз, и 82 млн. ф. ст. — на английский вывоз. Хотя эти суммы не особенно велики по сравнению с общими размерами английской внешней торговли, в которой англо-советская торговля составляет не больше 2%, — они при нынешнем экономическом кризисе и безработице все же производят впечатление на общественное мнение. Поэтому Чемберлен неоднократно подчеркивал, что разрыв не означает серьезного удара по торговле с СССР. Когда же наркомторг тов. Микоян опроверг это утверждение и заявил, что советское правительство переносит свои заказы из Англии в другие страны, то консервативная печать успокаивала своих читателей заверениями, что советское правительство по экономическим соображениям на это не пойдет.

Вообще экономический момент не сходил с порядка дня во время борьбы вокруг разрыва. На него наряду с некоторыми группами консерваторов указывали и либералы, и Рабочая партия. Но он все же не мог играть решающей роли, так как в представлении руководящих кругов английской буржуазии политика в англо-советских отношениях должна итти впереди экономики, другими словами, они считают, что «большевистская опасность» ставит под угрозу всю систему британского империализма, а потому следует итти на разрыв, если даже это будет сопряжено с экономическими жертвами. Следует к тому же иметь в виду, что период, когда английское правительство сознательно обостряло англо-советские отношения, чтобы довести их, наконец, до разрыва, совпадает с довольно серьезным улучшением конъюнктуры в связи с

необходимостью увеличить запасы угля после семимесячной забастовки горняков и другими факторами. На 15 мая 1927 г. число безработных составляло 1 007 тысяч чел.— на 606 тыс. меньше, чем год назад. Это смягчение хозяйственного кризиса, без сомнения, усилило позицию сторонников разрыва. Подобную же роль сыграло экономическое соперничество между Англией и СССР в области нефти: английские нефтяники в дни конфликта развили бешеную пропаганду в пользу бойкота в Англии советской нефти, препятствующей английским монополистам по своему усмотрению взвинчивать цены. «Идейное» руководство кампанией взяла на себя черносотенная «Дейли Мейль», которая вела ее под «патриотическими» лозунгами.

Мы видим, таким образом, что экономический фактор, заставивший входивших в правительство Ллойд-Джорджа консерваторов подписать в 1921 году торговое соглашение с СССР, не воспрепятствовал им в 1927 г. порвать это соглашение. Экономический кризис Англии был тогда глубже, а большевистский СССР не представлялся английской буржуазии в такой степени, как теперь, угрозой самому бытию британского империализма. Поэтому она шла на сделку с советским правительством. Теперь экономическое положение Англии несколько улучшилось — необходимость в русском рынке менее остра; между тем, быстрый рост СССР и национально-революционного движения в колониях и полуколониях настолько пугает воображение консерваторов, что они думают не о мире с ним, а о превентивной войне.

Проблема единого анти-советского фронта внутри Англии.

Такова внешне-политическая линия консерваторов. Но, чтобы лучше уяснить себе политику английского империализма по отношению к СССР и ее возможные ближайшие перспективы, нужно еще ознакомиться с тактикой либералов и Рабочей партии во время англо-советского конфликта. Это даст нам ценный материал для уяснения вопроса о факторах, способствующих и препятствующих созданию единого антисоветского фронта внутри Англии как базы для такого же фронта в международном масштабе.

Что касается либералов, то следует констатировать, что в их позиции по отношению к СССР с 1921 г. произошла крупная перемена — она стала значительно враждебнее. Тогда либералы дружно требовали установления нормальных отношений с СССР; тогда в либеральной печати можно было находить немало статей, написанных в тоне сочувствия российской революции; тогда Ллойд-Джордж верил в то, что общение с высокоцивилизованной английской демократией (и ее дипломатами) может оказать на большевиков благотворное влияние и толкнуть их на путь раскаяния... Теперь — не то. Теперь либеральная печать

тоже принимает участие в травле СССР; Ллойд-Джордж мало верит в отмирание большевизма; теперь ему чудится угроза Британской империи со стороны СССР, и он не знает как быть с «русским вопросом»: с одной стороны, он, солидаризируясь с Чемберленом и Джойнсон Хиксом, заявляет, что «правительство не может отступать перед имеющимися в его руках доказательствами» и что он сам, быть может, потребовал бы от советского правительства отозвания Хинчука, но с другой — он предостерегает правительство.

«То, что теперь у нас сделано, я считаю делом исключительной серьезности; это почти ввязывает нас в войну с державой, у которой сто миллионов (по обыкновению плохая информация о СССР — не 100, а около 150 миллионов. *М. Т.*) населения, которая занимает громадную территорию в Европе и Азии и соприкасается с нами в столь многих пунктах. Это одно из самых рискованных и азартных решений, которые когда-либо принимались правительством... Английское правительство порвало отношения с Россией. Подумало ли оно о том, как ему придется эти отношения возобновлять? Английское правительство сможет возобновить эти отношения лишь по приглашению русского правительства. Чего же английское правительство ждет? Ждет оно Романовых?»

И, впадая в ораторский раж, Ллойд-Джордж, потрясая кулаками, бросает в лицо членам правительства: «у вас большинство — да, и только, — ума вы совершенно лишились!».

Когда же дело доходит до голосования, часть либералов голосует за разрыв их же лидером налаженных англо-советских отношений, другая часть демонстрирует свою полную беспомощность воздержанием от голосования, а сам Ллойд-Джордж уклоняется от участия в решительном заседании.

Что означает эта сдача либералами своих позиций в «русском вопросе»? Что английская мелкая буржуазия в страхе перед банкротством империи и социальной революцией, очагом которой является СССР, бросается в объятия «твердокаменной» партии буржуазии, консервативной партии.

То же относится, в общем, и к руководящей верхушке профсоюзов и Рабочей партии, позиция которой не многим разнится от позиций либеральной мелкой буржуазии. И правые Томасы, Гендерсоны и Макдональды, и «левые» Хиксы, Персели, Бен-Тернеры дрожат над судьбой «их» империи. И им, так же как и Болдуину и Ллойд-Джорджу, грозит «большевистская опасность» в виде молодой энергичной английской компартии, и они жалуются на вмешательство Коминтерна во «внут-

ренние дела Англии». И если в 1919—1921 гг. они как будто энергично выступали за полный мир с СССР, то это объясняется давлением со стороны «низов», проявлявших тогда усиленную революционную активность. Теперь, во время кризиса англо-советских отношений, вожди Рабочей партии упорно саботировали такое, казалось бы, элементарное предложение компартии, как увязывание кампании против разрыва с законом против профсоюзов и интервенцией в Китае, предложение — констатировать бесспорный, ясный как день, факт органической увязанности атак буржуазии на этих трех участках общего контрреволюционного фронта. Нет, они даже на это не пошли. А их речи в парламенте? За исключением представителя левого крыла Независимой рабочей партии Мекстона, открыто солидаризировавшегося с СССР, никто из них ни одним словом не обмолвился о сочувствии рабочему государству, подвергающемуся нападению со стороны британского империализма. Наоборот, оправдываясь перед консерваторами, они всячески афишировали свою ненависть к коммунизму и весь вопрос — вопрос провозглашения британским империализмом крестового похода против пролетарского государства — ставили так: выгоден или невыгоден разрыв британской торговле и, вообще, британской империи, правильна или неправильна процедура «суда» правительства его величества над советским правительством (прав налетчиков на роли судей «рабочие вожди» не оспаривают!). Весьма типичным в этом смысле является выступление Клайнса. Его речь поистине заслуживает того, чтобы быть внесенной в летописи истории как яркий образчик предательства и мещанской пошлости, проявленной соглашательскими лидерами Рабочей партии в поворотный момент борьбы мировой контрреволюции и мировой революции:

«Насколько я понимаю, — заявил Клайнс на заседании палаты 26 мая, — позиция правительства в этих вопросах такова: Россия на скамье подсудимых. (Аплодисменты на скамьях консерваторов). Мы принимаем эту позицию, но мы требуем, чтобы в этом вопросе ее не осуждали без суда. Мы не хотим признать ни виновность, ни невиновность России. (Смех на скамьях консерваторов.) Рабочая партия требует, чтобы в этом случае не был вынесен приговор о виновности раньше, чем не будет произведено беспристрастное и достаточно полное обследование обвинений, выдвинутых против советского правительства. Нет сомнений, что коммунистическая пропаганда имеет место не только в нашей стране, но и в других частях мира. Партия, которая более всего пострадала от этой пропаганды, это — именно Рабочая партия. (Аплодисменты на скамьях Рабочей партии.) Всеми средствами, находящимися в ее распоряжении, Рабочая партия боролась против целей коммунистов, против коммунистической политики и коммунистических методов. Рабочая партия порицала и разоблачала всякое доказанное нарушение русским правительством любого договора или соглашения между обеими странами. Рабочая партия не прощала неправильных действий и требовала от обоих правительств честного и неукоснительного соблюдения взятых на себя обязательств».

Неудивительно, право, что во время этого выступления консерваторов разобрал веселый смех: «Мы не хотим признать ни виновности, ни невиновности России» — это поистине гнусненькая, жалкая, смехотворная позиция, точно так же, как заявление о признании компетенции суда консервативного правительства, которое, по заявлению самого Клайнса, «усовершенствовалось в деле подлогов», над советским правительством. Если же представитель «рабочей» фракции находит слова осуждения для консерваторов, то только потому, что они «подражают коммунистическим методам» и наносят ущерб английской торговле:

«Методы, применяемые правительством, — продолжает Клайнс, — по существу своему являются по возможности близким подражанием коммунистическим методам. Правительство делает прекраснейшую в мире рекламу коммунистам. Таким путем нельзя победить пропаганду. Если принимаются такие политические и дипломатические меры, то невозможно, чтобы торговля продолжалась так, как если бы ничего не произошло. Вы не можете обращаться с нацией, как с отверженной, и объявлять ее нечестной с партийных трибун и в то же время предполагать, что торговля между обеими странами будет развиваться. Положение нашей промышленности не таково, чтобы мы могли легкомысленно позволить себе оттолкнуть от себя возможного покупателя или вести такую политику, которая отталкивала бы еще больше от нас этот огромный рынок — страну 140-миллионного народа (Аплодисменты на скамьях Рабочей партии). Рабочая партия, внося свою резолюцию, руководится столь великой заботой о благосостоянии страны, какую не могла бы проявить никакая другая партия в палате».

В таком же духе выступал Гендерсон, которого консерваторы обвиняли в «страшном преступлении» — разговоре с тов. Розенгольцем, явившимся в парламент к лидеру рабочей оппозиции в момент налета, после того, как он не мог добиться свидания с Чемберленом.

Единственное, что Гендерсон мог сказать в свое оправдание за «преступный» разговор с советским представителем в момент, когда англо-советские отношения уже висели на волоске, было следующее заявление. «Разве мое поведение является неконституционным? Я всегда думал, что долг политического деятеля, точно так же как долг джентльмена, обращаться, как с джентльменом, со всяким, кто хочет сделать вам заявление». Что же касается разрыва, то Гендерсон высказывается против него только потому, что в результате его «большевистская пропаганда станет еще более сильной и опасной».

Венцом этой предательской тактики парламентской фракции Рабочей партии была резолюция, не содержавшая даже выражения недоверия правительству. В резолюции только указывается, что разрыв «будет иметь серьезные международные последствия и преградит подававший надежды путь к восстановлению торговли и промышленности». Поэтому, умозаключают «рабочие трибуны» в парламенте его величества, в такую политику «страна не должна была бы

вовлекаться до тех пор, пока палате общин не будет представлен полный отчет избранной ею комиссии, основанный на изучении всех относящихся к делу документов». Но так как большинство в такой комиссии составляли бы хозяева положения в парламенте — благодаря подложному «письму Зиновьева» — консерваторы, имеющие в руках и всю правительственную машину, то она вероятнее всего оправдала бы разрыв — вот к чему свелось бы действие резолюции «рабочей фракции», если бы она была принята!

Немногим лучше было отношение Генерального совета тред-юнионов и Независимой рабочей партии. Правда, секретарь Генсовета Ситрин отправил Болдуину письмо, в котором протестовал против «обращения столь упрощенного характера» (другой характеристики провокационного налета в лексиконе «левых» не имеется) с представителем СССР и требовал сохранения в силе торгового соглашения и дипломатических отношений с советским правительством, необходимых в интересах мира и являющихся «средством существенно облегчить тяжелое положение, вызванное очень большой безработицей». Но никакой попытки мобилизовать рабочие массы в защиту СССР против нападения английского империализма Генсовет не предпринял.

Следует, однако, отметить, что у председателя Генсовета Джорджа Хикса, у которого хватило «смелости» присутствовать на завтраке в честь уезжавших членов полпредства и торгпредства, устроенном англо-русским парламентским комитетом, к величайшему негодованию твердолобых, в стенах парламента, освященного вековыми традициями великобританского империализма. Хикс заверил советских представителей, что будет разъяснять английским рабочим истинный смысл разрыва, и подчеркнул, что говорит уезжающим не «прощайте!», а «до свидания!». Председатель Генсовета, а также секретарь Ситрин, Бен-Тиллет, Роберт Вильямс, Уоллхед, Ленсбери и даже Артур Гендерсон вместе — о, ужас! — с коммунистами Гарри Поллитом и Саклатвала присутствовали также на проводах на вокзале, где поезд с высланными «советскими шпионами» тронулся в путь под звуки «Интернационала» и «Красного флага».

Как бы ни относиться к генсоветчикам, нельзя отрицать того факта, что такая политическая демонстрация имеет некоторое политическое значение. Она отчасти портит игру консерваторов, которые пытаются инсценировать «всенародное» возмущение «большевистскими интригами», она демонстрирует перед всем миром тот факт, что сочувствие английского рабочего класса к СССР насколько глубоко, что даже самые правые рабочие лидеры, отдавая дань настроениям масс, выражают сочувствие дипломатическим представителям той страны, которой

правительство их буржуазного «отечества» объявляет дипломатическую войну, — прелюдию к настоящей войне.

Для полноты картины следует еще отметить позицию наиболее левых (не считая коммунистов) деятелей английского профдвижения, в частности представителей столь близкого пролетариату СССР — союза горняков. Секретарь союза, Кук, в беседе с представителем «Юманите» в весьма определенных выражениях выявил свое отношение к политике «твердолобых». «Чемберлен не добьется того, на что он надеется, — заявил Кук, — английские рабочие помнят несравненную помощь, оказанную им советским пролетариатом во время 8-месячной забастовки. Рабочие Англии и СССР — друзья. Английские рабочие понимают, что джингоистский кабинет выступает против их друзей».

Двигаясь дальше влево, мы подходим к отношению английской компартии к разрыву. Не имея возможности подробнее остановиться на этом вопросе, укажем только, что английская секция Коминтерна в этот критический момент целиком исполнила свой пролетарский долг. Она объявила беспощадную борьбу не только «твердолобым», но и, если можно так выразиться, «безлобым» безмозглым лидерам английского рабочего движения, неспособным уяснить себе движущие силы антисоветской политики консерваторов. «Макдональд, Гендерсон, Клайнс, Томас, Хикс и К°, — говорится в воззвании компартии, — которые сегодня удерживают рабочих от борьбы против приготовлений Болдуина к войне, завтра превратятся в сержантов-вербовщиков Болдуина». Воззвание далее указывает, что борьба против войны требует, в свою очередь, усиления и поддержки боевых элементов рабочего класса, компартии, движения меньшинства и комсомола. Воззвание выдвигает лозунги: «Советы действия для предотвращения войны против СССР, Китая и английского рабочего движения», «Долой реформистский саботаж всеобщей забастовки!» «Подготовляйте превращение войны против социалистической России в войну против английского капитализма».

Это воззвание, как говорят немцы, бьет прямо по шапке гвоздя. Но дело, конечно, не только в правильной классово-революционной формулировке. Английская компартия, несмотря на свою молодость и малочисленность, отнюдь не является замкнутой революционной сектой: она зубами, руками и ногами вцепилась в рабочее движение, от которого Гендерсоны, Макдональды и Персели всеми силами хотят ее оторвать: упорной повседневной борьбой за повседневные интересы рабочего класса она завоевала себе права гражданства в массовых организациях рабочего класса, Рабочей партии, профсоюзах, движении меньшинства и т. д. Она уже оказывает немалое влияние и идеологическое воздействие на рабочие массы. Во время кризиса она развила широкую

агитационную кампанию в массах, подталкивала левых и правых, служила дрожжами во всем движении протеста против разрыва. И можно надеяться, что когда английские твердолобые поджигатели решатся начать войну против СССР, компартия сможет в значительной степени препятствовать их преступной работе.

Но помимо видимых результатов противодействия английского рабочего класса провокационной политике консерваторов по отношению к СССР, следует иметь в виду и его невидимую скрытую помощь, которая выражается в глухом отпоре правительству, в постоянном нажиме, дающем понять Чемберлену, что чересчур будоражить рабочую Англию антисоветскими провокациями далеко не безопасно...

Правда, противодействие пролетариата недостаточно для того, чтобы свалить консерваторов. Более того, если бы даже на ближайших выборах к власти пришла Рабочая партия (сама или в коалиции с либералами), то она не смогла бы удержаться у власти и снова уступила бы место консерваторам, при чем камнем преткновения для нее был бы, опять-таки «русский вопрос». Почему? Потому, что основой идеологии Рабочей партии является защита интересов британского империализма; защита же его грабительских эксплоататорских рабовладельческих интересов предполагает агрессивную борьбу против силового центра всемирного революционного движения пролетариата, колониальных и полуколониальных стран — против СССР. Гг. Макдональды и Томасы, конечно, не прочь приложить руку к такой борьбе — это доказал кратковременный опыт рабочего правительства, — но они в то же время учитывают, что такие действия окончательно разоблачат их роль в глазах пролетариата. Вот почему они не смогут долго оставаться у власти. Это — одна сторона вопроса; другая — состоит в том, что буржуазия (опять-таки по примеру ее отношения к рабочему правительству Макдональда) в момент кризиса английского империализма ни за что не согласится на долгое время оставить у власти представителей Рабочей партии, которые, будучи подвержены давлению со стороны пролетариата, не смогут вести достаточно решительную, «выдержанную» и «последовательную» с точки зрения буржуазии политику по отношению к СССР. Буржуазия поэтому сплотила бы все свои силы как консервативного, так и либерального лагеря и снова свалила бы рабочее правительство, которое, опасаясь стать на путь революционной борьбы, вынуждено было бы капитулировать.

Но это уже вопрос будущих перспектив. Что же касается положения в настоящее время и в самом ближайшем будущем, то трезвый учет — на основании всех вышеизложенных фактов — способов реагирования на разрыв со стороны различных секторов рабочего движения, дает нам

право утверждать, что английской буржуазии не так легко будет решиться на военную авантюру против СССР. Когда же она, в конце концов, под давлением «твердолобых» на это пойдет, то будет иметь величайшие затруднения со стороны пролетариата. Ведь английский пролетариат теперь не тот, что 13 лет тому назад — в 1914 г. — и отношение его к СССР отнюдь нельзя сравнивать с отношением к империалистической Германии. И мы имеем все основания надеяться, что, в случае новой войны или интервенции английского империализма против нас, мы помощь от английского пролетариата, если не прямую, то косвенную, получим, и эта помощь сыграет огромную роль в ходе борьбы.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

АНГЛИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ОКРУЖЕНИЯ И ДРУГИЕ СТРАНЫ

Германско-советские отношения после Локарно.—Франция и СССР.—Англо-итальянский блок.—Польша, СССР и Англия.—Борьба влияний в Прибалтике. На Ближнем востоке.—Китайская революция и СССР.—Япония и СССР Соединенные Штаты и «план окружения».

ГЕРМАНИЯ

Наши взаимоотношения с Германией — один из основных факторов, определяющих наше международное положение в целом. А потому выяснение вопроса о развитии этих отношений в после-локарнский период представляет особый интерес.

Упомянутый Ормсби Гор заявил, что фактом подписания Локарнских договоров Германия отошла от СССР. Верно ли это утверждение, а если да, то в какой мере? Раньше всего нужно подчеркнуть следующее элементарное положение: нельзя, конечно, ставить вопрос так, что как только Лютер и Штреземан 1 декабря 1925 г. в $11\,^1/_2$ часов утра, в здании английского министерства иностранных дел приложили свои подписи к Локарнским договорам, Германия в тот самый момент отделилась от СССР и перешла на сторону Англии. Такой магической силой локарнские бумажки, понятно, не обладают. Не следует ведь забывать, что 12 октября 1925 г. в Москве за 4 дня до парафирования (подписания инициалами) Локарнских договоров Германия заключила с нами широкий экономический договор, регулирующий ряд важнейших хозяйственных и юридических вопросов и признающий, между прочим, экстерриториальность всего нашего торгпредства; одновременно германский госбанк «Дейтше Банк» подписал соглашение с торгпредством в Берлине о предоставлении последнему краткосрочных кредитов; затем в апреле 1926 г. было достигнуто соглашение о гарантировании германским правительством долгосрочных кредитов на сумму в 300 миллионов марок, предоставляемых СССР германскими частными фирмами. На этой, так сказать, экономической базе одно-

временно воздвигается политическая надстройка в форме советско-германского гарантийного договора (24 апреля 1926 г.).

Договор этот, подтверждая политику взаимной дружбы, заложенной в 1922 г. в Раппало (см. стр. 109), обязывает Германию на началах взаимности соблюдать нейтралитет в случае нападения на СССР и не принимать участия в экономическом бойкоте СССР. Правда, этот пункт сопровождается следующим пояснением: «На эту основную линию политики Германии по отношению к СССР не может влиять в обратном направлении лояльное соблюдение обязательств, которые будут вытекать для Германии, как следствие вступления в Лигу наций». Смысл этого пояснения состоит в том, что фактом подписания договора Германия не отказывается от соблюдения пресловутого § 16 Лиги наций насчет санкций против «нарушителей мира», но она сама будет определять, кто является таковым «нарушителем». К тому же Германия сможет ссылаться на внесенную по ее инициативе оговорку к локарнским договорам, согласно которой каждое государство — член Лиги наций — должно принимать участие в санкциях «в мере диктуемой его военным и географическим положением».

Не станем входить в юридические тонкости вопроса о взаимоотношениях между германско-советским договором и локарнскими обязательствами Германии. Это весьма запутанный вопрос. Когда в марте 1927 г. одна французская газета приписала германскому статс-секретарю Шуберту заявление о том, что Германия в Локарно обязалась беспрепятственно пропускать через свою территорию французские войска для оказания помощи Польше и Чехо-Словакии против СССР, германское правительство опровергло сообщение газеты. Последовавшие затем заверения Берлина, судя по выступлению тов. Рыкова на IV съезде советов, удовлетворили или почти удовлетворили советское правительство. Этот вопрос будет окончательно разрешен не юридической казуистикой, а общим внешним и внутренним положением Германии в тот критический момент, когда ей придется дать на него решительный ответ. Как бы то ни было, нельзя ставить вопрос о перемене германской ориентации в вышеприведенной вульгарно-упрощенной форме. Правильная формулировка Локарно с точки зрения германско-советских отношений может быть выражена так: Локарно — это один из серьезных сдвигов во внешней политике Германии в антисоветском направлении, но сдвиг, вряд ли означающий начало систематического неуклонного отрыва от СССР и перехода на сторону антисоветского блока, возглавляемого Англией.

За последнее время в нашей печати очень часто указывается на возрождение германского империализма, его погоню за колониями и т. д. как на фактор, толкающий Германию в «концерт великих держав» и отрывающий ее от СССР. Это по существу — вполне правильно. Но это только часть истины; вторая же ее часть заключается в том, что этот хваленый концерт — ужаснейшая какофония, что музыканты там в драке за титул «первой скрипки» частенько бьют друг друга своими инструментами по башкам и что при такой перетасовке немцам вряд ли поздоровится, и они могут оказаться вынужденными оставить «концерт».

В самом деле, ведь возрождение германского империализма возрождает одновременно старый антагонизм между Германией и державами, объединившимися против нее в Антанте, обостряет конкуренцию, борьбу за рынки, борьбу за «место под солнцем». И чем больше крепнет Германия — а она быстро крепнет, — тем быстрее она приближается к тому пределу, когда английский империализм скажет ей «stop». Мы уже теперь в английской печати сплошь и рядом наталкиваемся на статьи и информационные сообщения, с тревогой указывающие на быстрый рост германской промышленности и торговли, мирным путем захватывающих свои довоенные позиции.

В этом отношении весьма характерен опубликованный в январе 1927 г. отчет одного из крупнейших банков — «Мидлэнд Бенк»; во главе которого стоит б. канцлер казначейства Мак-Кенна. В отчете подчеркивается, что быстрое хозяйственное восстановление Германии является почти «необъяснимым чудом», но что этот прогресс составляет угрозу для английского хозяйства. «Возможно — говорится в отчете, — что Германия справится с исполнением репарационных обязательств, но результаты этого (в связи с увеличением вывоза) английским фабрикантам не обещают ничего хорошего. Наступает время острого соперничества».

Показательна также та тревога, которую вызывают в Англии поразительные германские успехи в области добычи угля и многообещающих экспериментов по превращению угля в жидкое топливо, а также в железоделательной и химической промышленности; со всем этим тесно связаны огромные возможности военной мощи, которые не поддаются никакому контролю.

Все это лишний раз подтверждает неоспоримые элементарные факты из области возобновившейся англо-германской конкуренции в мировом масштабе, которая будет препятствовать переходу Германии в антисоветскую

группировку под эгидой английского империализма и толкать ее в сторону СССР с его огромным рынком и внешне-политическими возможностями для германской дипломатии.

Указывая на эту перспективу, мы ни в коем случае не забываем, что нынешние англо-германские отношения отличаются от довоенных тем, что на месте капиталистической России вырос Союз Советских Социалистических Республик, строй которого германской буржуазии доставляет не больше радости, чем английской. Но мы здесь не рисуем перспективы германско-советского союза против Англии, а только намечаем без сомнения существующие моменты отталкивания между Англией и Германией и притяжения между Германией и СССР. Под влиянием указанных противоречивых тенденций германская внешняя политика будет, по всей вероятности, качаться между Лондоном и Москвой.

Это подтверждается позицией Германии в моменты перехода английского империализма в атаку на СССР. Так, например, после английской ноты советскому правительству от 23 февраля 1927 г. рейхсканцлер Маркс в речи, произнесенной в Берлине 2 марта на собрании представителей германской печати, заявил: «Наша позиция совершенно ясна и предрешена всем международным положением. Линия германской политики определяется на основе Локарнского договора и Берлинского договора с СССР». Но на ряду с этим в печати также высказывались опасения насчет «пропаганды», а министр иностранных дел Штреземан, отрицая в беседе с женевскими журналистами приписываемые германскому правительству антисоветские устремления, почему-то счел нужным выступить также в роли защитника Чемберлена и «опровергнуть», как он выразился, «дикие советские сообщения» об антисоветских планах английской дипломатии, «опровергнуть» элементарные факты.

Отношение германского общественного мнения к англо-советскому разрыву и последовавшему за ним антисоветскому интриганству Чемберлена за кулисами женевского политического публичного дома еще ярче выявляет эту внутреннюю противоречивость положения буржуазной Германии по отношению к СССР.

Нейтралитет — вот что было вначале лейт-мотивом комментариев печати. «Воля к безусловному нейтралитету и крайней осторожности является в Германии всеобщей; редко замечалось в различных кругах такое инстинктивное единодушие» — констатирует видный политический деятель националистов депутат, проф. Гетш в («Нейе Цюрхер Цейтунг», 12/VI). Но на ряду с этим в некоторых правых газетах, «Дейтше Цейтунг», например, пробивалась тенденция использовать разрыв для того,

чтобы побудить английский империализм, нуждающийся в союзниках против СССР, оказать давление на Францию и склонить ее к уступчивости в вопросах о Рейнской области, снесении крепостей на польской границе, смягчении военного контроля и т. д. Тенденция, имеющая своей конечной целью как можно дороже продать английскому империализму нейтралитет по отношению к СССР, в особенно циничной форме проявилась в воззвании организации «Стального шлема». Эта довольно многочисленная (300—400 тысяч) белая гвардия германской буржуазии, тесно связанная с правым крылом германского правительства, в своей внешней политической ориентации за последнее время все более отклоняется к Западу, приближаясь к другой менее сильной фашистской организации, младогерманскому ордену «Юнгдо», связанному с резко антибольшевистскими «западническими» капиталистическими группами. (О позиции «Юнгдо» свидетельствует недавно принятая им резолюция, которая гласит: «Мы сугубо протестуем против нечуждого и военным кругам взгляда, что большевистская Россия может быть военным союзником Германии; мы требуем, чтобы все национальное движение Германии заняло позицию резко-враждебную системе, которая была и есть заклятый враг западной культуры».)

Для настроений правых кругов показательно также, правда, встретившее противодействие в рядах собственной партии, выступление в Бременгавене одного из лидеров национальной партии Вестарпа, который выразил опасения, как бы Германия не «скомпрометировала» себя на Западе тем, что она после англо-советского разрыва взяла на себя защиту интересов советских граждан в Англии и дала визы на въезд высланным сотрудникам Аркоса. Взгляды националистов и фашистов—большевикоедов, в общем, разделяли и «социалисты» из «Форвертс», хотя они формально выставляли лозунг нейтралитета Германии, который как и во время разрыва все же является там в настоящее время доминирующим.

Несколько позже, во время сессии Лиги наций 6 июня 1927 г. пароль нейтралитета все чаще стал комбинироваться с «посредничеством» или, как писала «Франкфуртер Цейтунг», «действительно честным маклерством». Под этим термином подразумевается «посредничество» Штреземана между Лондоном и Москвой. Штреземан должен, мол, с одной стороны, смягчить гнев Чемберлена против большевиков, а с другой стороны, апеллировать к благоразумию Чичерина и доказать ему, что пора, наконец, бросить «пропаганду». Что говорил Чемберлену наш «честный маклер» на тайном направленном против СССР совещании в Женеве в июне, мы не знаем, но что германская печать повела энергичную кампанию против «пропаганды» и исполнившись мягкосер-

дечностью вместе с английской консервативной печатью стала протестовать против расстрела белогвардейских лазутчиков и убийц в Москве — это факт. И поэтому прав по-своему женевский корреспондент внесшей свою ленту в эту кампанию либеральнейшей и обычно благожелательно настроенной по отношению к СССР «Франкфуртер Цейтунг», что в Женеве Штреземан также примкнул к «моральному единому фронту против идущего в разрез с цивилизацией поведения большевиков». Действительно, самый факт участия германского министра иностранных дел в тайной анти-советской конференции, независимо от его позиции там, ни в коем случае не является дружественным актом по отношению к СССР. То же самое относится к подчеркиванию им в своей речи 23 июня в рейхстаге солидарности с другими государствами в вопросе о «решительном сопротивлении пропаганде мировой революции со стороны III Интернационала». В этой «душевной» солидарности никто никогда не сомневался, и Штреземан до сих пор не считал уместным афишировать ее в связи с германско-советскими отношениями. Если же такое заявление делается в рейхстаге в момент, когда английский империализм переходит в решительное наступление против СССР под флагом борьбы с пропагандой III Интернационала, то это имеет определенный внешне-политический смысл.

Вместе с тем, имеются все основания полагать, что Германия не взяла на себя в Женеве конкретных, направленных против СССР, обязательств. И если Штреземан, дипломатически выражаясь, несколько пренебрежительно отнесся к фактам, когда он утверждал в рейхстаге, что в Женеве никто ничего не предпринимал против кого-либо, то он все же говорил правду, отрицая участие Германии в анти-советской коалиции, как уже оформленной комбинации. Этого не случилось, ибо такой коалиции в настоящий момент не существует. Международное положение Германии чересчур сложно и противоречиво, чтобы германская буржуазия в настоящее время решилась принять такое фатальное решение.

Сопоставляя положительные и отрицательные, с точки зрения интересов СССР, влияния в Германии, мы приходим к выводу, что в деле вовлечения Германии в антисоветскую игру английского империализма Чемберленом достигнут лишь частичный успех. Закреплению и расширению этого успеха препятствует тот факт, что на страже интересов пролетариата СССР стоит в Германии мощная коммунистическая партия, которая без сомнения является значительной силой в борьбе с антисоветскими устремлениями германской буржуазии.

Можно полагать, что колебания Германии, попытки ее найти некую «золотую середину» между Москвой и Лондоном, окажутся более или

менее длительными. Во всяком случае, не приходится опасаться, что Германия в ближайшем будущем вступит как активная агрессивная сила в сколачиваемый английским империализмом антисоветский блок. Если же Англии удастся бросить Польшу в войну с СССР, то Германия, по всей вероятности, займет позицию официального нейтралитета, поддаваясь, однако, давлению империалистических держав.

Такая брешь в агрессивном антисоветском блоке значительно затрудняет дело лондонских герострáтов, и это они сами вынуждены признать. «Мы говорим открыто, — пишет в консервативном журнале» «Фортнайтли Ревью» уже успевший завоевать «популярность» у советского читателя Авгур (май 1927 г.), — что нынешняя позиция германского правительства является препятствием на пути к соглашению об общей позиции держав по отношению к Москве». И в стремлении устранить это препятствие Авгур расточает немцам комплименты, выдавая им свидетельство в том, что они «настоящие представители белой расы» (еще совсем недавно гг. Авгуры называли немцев гуннами), и туманно обещая им всевозможные блага. Однако, когда дело доходит до назначения определенной цены за услуги в борьбе с СССР, у обычно столь велеречивого г. Авгура уже нехватает слов, и он начинает сильно заикаться. Почему? Потому, что дать Германии то, что она хочет — Данцигский коридор, свободу вооружения и т. д. — значит, оттолкнуть Польшу, которой растерявшийся Авгур тут же на-лету бросает ни к чему не обязывающий комплимент в том, что она «становится великой державой». Но и Польше он боится обещать определенную поддержку, ибо это равносильно тому, что оттолкнуть Германию. Получается, таким образом, заколдованный круг, из которого Чемберлену пока вырваться не удалось.

Правда, Германия может получить взятку по другой линии — уменьшения бремени плана Дауэса, согласно которому взнос в 1927/28 году повысится до внушительной цифры в 1 750 миллионов марок, а в 1928/29 г. — до 2 500 млн. марок — колоссальная сумма даже для окрепшего германского капитализма. Действительно, уже в настоящий момент германские правящие круги режиссируют весьма осторожную, искусную пропаганду в пользу пересмотра плана Дауэса и, судя по намекам иностранной печати, зондируют почву на этот счет в Париже, Лондоне и Вашингтоне. Если бы такая сделка — а это вполне возможно — состоялась, она, без сомнения, оказала бы влияние на дальнейшее отклонение генеральной линии германской политики в сторону Запада.

Повторяем, однако, что непосредственное участие Германии в военных действиях против СССР следует считать весьма маловероятным.

Враждебность буржуазии может принять различные другие дипломатические и экономические формы, и дело германского революционного пролетариата — вопреки социал-демократическим предателям и ультралевым ренегатам — этому помешать.

ФРАНЦИЯ

Момент англо-советского разрыва как раз совпадает с приездом в Лондон французского президента Думерга и министра иностранных дел Бриана. Близкая к Чемберлену «Дейли Телеграф» по поводу предстоящих переговоров писала, что в них «может быть затронут вопрос о большевистской угрозе и — параллельно с этим — вопрос о мерах борьбы с разрушительной коммунистической пропагандой». Расшифровать это замечание нетрудно: Англия намеревалась договориться с Францией о создании единого фронта против СССР.

Не приходится закрывать глаза на тот факт, что нынешние политические настроения французской буржуазии благоприятствуют такому сговору. События в Китае усилили в ее рядах тревогу за Индо-Китай и другие колонии. Паника обуяла одинаково как партии правого национального блока, так и левого блока. Министр внутренних дел, радикал Сарро, выдвинувший лозунг — «коммунизм — вот враг», возглавляет поход против компартии; группа депутатов-коммунистов предается суду; производятся аресты среди видных деятелей компартии в поисках виновников какого-то таинственного «заговора». Сарро, как раз в момент англо-советского разрыва, выступает в камере депутатов с речью, в которой обрушивается на «козни Москвы». Официоз «Тан» приветствует лондонский налет как «доведение до логического конца разумной защиты от интриг Москвы» и высказывается за «солидарность «демократических» (читай — буржуазных) стран в борьбе с «большевистской опасностью». На ряду с этим идут разговоры об «омоложении» и «обновлении» англо-французского согласия.

Но и во Франции мы на ряду с враждебными СССР течениями видим и стремления к сближению. Судя по сообщениям печати, визит президента Думерга и Бриана в Лондон, несмотря на все толки об «омоложении» англо-французской Антанты, «серебряной свадьбы Антанты» и проч., и проч., не дал значительных результатов. Бриан, повидимому, дал Чемберлену лишь общего характера заверения насчет согласования действий по борьбе с «большевистской опасностью», но не взял на себя никаких определенных обязательств в вопросе об участии в антисоветском блоке. Такой же половинчатый характер носит французское официозное сообщение по поводу посеще-

ния Чичериным Пуанкаре и Бриана вскоре после англо-советского разрыва.

«Французскому правительству, — гласит это сообщение, — не приходилось до сего времени ставить перед собой вопроса об изменении отношений, существующих между Францией и Россией, и оно не возьмет на себя инициативы в этом направлении, если только не будет вынуждено к этому новыми обстоятельствами». Это «если» не носит, конечно, особо дружественного характера, но факт налицо; со стороны Франции английское правительство пока ожидаемой прямой поддержки не получило. Любопытно также, что Бриан счел нужным смягчить выпад Сарро, заявив, что в представленной на предварительное рассмотрение кабинета речи министра внутренних дел атака была направлена не против «Москвы» вообще (т.-е. советского правительства), а против Коминтерна. При этом, однако, Бриан добавил, что если бы вмешательство советского правительства во внутренние дела Франции было доказано, то он не преминул бы принять соответствующие меры.

Эти благоприятные для СССР тенденции обусловлены следующими причинами: 1) французский империализм заинтересован в ослаблении английской гегемонии; 2) Англия не может дать Франции требуемой ею цены за присоединение к антисоветскому блоку, т.-е. отойти от Италии и прекратить оказывание частичной поддержки Германии в вопросе об эвакуации Рейнской области и снятии контроля с германских вооружений; 3) переговоры с советским правительством показали возможность регулирования вопроса о долгах, играющего первостепенную роль в франко-советских отношениях (если верить французским данным, в аннулированных царских бумагах заинтересовано около трех миллионов французских граждан); 4) быстрая послевоенная индустриализация Франции толкает ее в сторону рынка СССР; 5) левый блок, оказывающий постоянное давление на правительство Пуанкаре, настроен против политики авантюр по отношению к СССР.

(Что пролетариат, находящийся под сильным влиянием компартии, не дает распоясаться воинствующим антисоветским элементам — это и без объяснений понятно).

Против всех этих благоприятных факторов действует огромная сила — сила ненависти крупной и большей части мелкой буржуазии к оплоту большевизма и боязнь его влияния на судьбы французской республики-«империи», владеющей колониальным населением в 60 миллионов человек при населении собственно-Франции лишь в 40 миллионов. Недооценивать значения этого фактора было бы грубейшей ошибкой. Он нейтрализует моменты, благоприятствующие сближению с СССР, и при определенном стечении обстоятельств может склонить

чашу весов в сторону враждебной политики. Следует к тому же иметь в виду специфические отношения, существующие между Францией и Польшей. Несмотря на отклонение линии польской внешней политики в сторону Лондона, Париж все еще смотрит на Польшу как на оплот своего влияния на Востоке, — в частности, как на союзника против Германии. Вот почему, если бы английскому империализму удалось бросить Польшу против СССР и поставить перед лицом совершившегося факта Францию, то последняя активно помогала бы Польше.

ИТАЛИЯ

Накануне англо-советского разрыва фашистская печать в связи с китайскими событиями заняла вызывающую позицию по отношению к СССР. Она открыто предлагала свои услуги Англии, выдвинув план поддержки английской интервенции в Китае и идею активного участия в антисоветском блоке. А во время налета орган Муссолини «Теверо» многозначительно писал:

«Англо-советский разрыв заново поставит на очередь проблему взаимоотношений Советского Союза с другими западными державами. Следует окончательно выяснить, окажется ли необходимым создание единого антисоветского фронта, к которому стремятся некоторые круги — иначе говоря, близится ли борьба различных политических и экономических принципов в общеевропейском масштабе, или дело сведется лишь к продолжению в новых условиях исторической англо-русской борьбы. Окажемся ли мы в роли наблюдателей или действующих лиц, во всяком случае, мы не можем относиться в англо-советскому столкновению безразлично».

Хотя это написано как будто в «порядке постановки вопроса», истинный смысл статьи органа Муссолини разгадать нетрудно: она во всяком случае не говорит о дружественной политике по отношению к СССР.

После разрыва мы, однако, видим факты противоположного порядка: итальянский посол в Москве Черутти, как будто открыто пренебрегая тем, что скажут в Лондоне, посещает наркомторга тов. Микояна и ведет с ним переговоры относительно получения для итальянской промышленности тех заказов, которые до разрыва предполагалось поместить в Англии. Орган деловых кругов «Мессаджеро» подчеркивает желательность использования итальянским капиталом англо-советского разрыва в целях усиления итальянско-советской торговли. А Арнольдо Муссолини — брат и соратник фашистского диктатора — помещает в официозе «Пополо д'Италиа» статью, в которой выражает свой скептицизм по отношению к осуществимости плана антисоветского блока и как будто рекомендует Италии осторожную наблюдательную политику.

«Фашистская Италия,— пишет А. Муссолини,— преодолевшая большевистскую опасность, может занять позицию наблюдателя антибольшевистского похода, в котором, впрочем, отсутствует конкретный план политического действия... Каждое государство должно произвести у себя антибольшевистскую чистку, но было бы несправедливо и опасно преследовать большевизм в его собственной стране».

И это пишется в тот момент, когда английская правительственная печать, с удовольствием и как будто основываясь на чем-то, уверяет, что Италия в скором времени последует примеру Англии. Что сие означает? Всякий, присматривающийся к политике Муссолини, в этих зигзагах итальянской дипломатии не усмотрит чего-либо странного или противоречивого. Вся эта игра означает, что Бенито Муссолини торгуется с Чемберленом. Статью Арнольдо Муссолини ни в коем случае не следует расценивать как принципиальный отказ фашистского империализма от участия в антисоветском блоке. Она лишь сводится к шантажированию Англии, к запрашиванию у нее высокой цены за участие в блоке. Но даст ли Англия требуемую цену? На это ответить нелегко, ибо тут мы уже попадаем в порочный круг противоречий политики окружения. Та дипломатическая поддержка, которой требует Муссолини, должна ударить по Франции, против которой направлена фашистская экспансия, и оттолкнуть ее от Англии и ее антисоветских комбинаций.

ПОЛЬША

Приходится констатировать, что в Польше локарнская политика английского империализма, политика окружения СССР, сделала значительные успехи. Хотя сама локарнская система, поскольку она составляет лазейку для постановки Германией вопроса о пересмотре ее восточных границ, имеет антипольское острие, последующее развитие событий, в частности, ослабление французского влияния в Европе, в результате финансового кризиса и Локарно, усилило в Польше английскую ориентацию.

Накануне Локарно в связи с приездом тов. Чичерина в Варшаву (сентябрь 1925 г.) польские правящие круги заверяли о своем желании урегулировать взаимоотношения с СССР. Скоро, однако, обнаружилось, что подчеркнуто-дружественный прием, оказанный Чичерину, лишь преследовал цель показать западным державам, что Польша при желании могла бы договориться с СССР, и, таким образом, повысить на локарнских торгах дипломатическую компенсацию за принятие английской комбинации. (Заигрывание польского правительства с СССР

в тот момент диктовалось также усилившимся под влиянием экономического кризиса давлением деловых кругов.)

Но тот же кризис способствовал приходу к власти Пилсудского (май 1926 г.), который совершил свой фашистский переворот под лозунгом «оздоровления» Польши.

С появлением на сцене Пилсудского в порядке дня польской политики снова стали шовинистические, «романтические», проще говоря, бредовые лозунги: «границы 1772 г.» и федерализм *), опасный характер которых усугубляется новой внешне политической ориентацией — на Англию. И неудивительно, что с этого момента атмосфера на наших границах сгущается.

Пилсудский начинает с явных приготовлений к повторению желиговщины — инсценировке «восстания» в Литве, которое послужило бы поводом к нападению на нее. Но эта затея, направленная не только против Литвы, но и против СССР, срывается — возможно потому, что она во-время была разоблачена. Но антисоветская деятельность польской дипломатии не прекращается. Присутствовавший на совещании мининдел прибалтийских стран в Ревеле 14 июля 1926 г. неофициальный представитель Польши добивается отказа их от отдельных переговоров с СССР о гарантийных договорах, выдвигая старую идею прибалтийского блока, в котором доминирующая роль принадлежала бы Польше. Маклерами в этом деле выступают птенцы гнезда Пилсудскова — пепеэсовцы (поездка Голувко в Ригу).

В то же время польское правительство упорно саботировало наше предложение о заключении гарантийного договора. Когда же Литва при правительстве Сляжевичуса на такой шаг решилась и заключила с СССР (28 сентября 1926 г. в Москве) договор о дружбе и нейтралитете, польское правительство заявило протест против приложения к договору, в котором советское правительство повторило свою точку зрения по вопросу о правах Литвы на Вильну без всякого, однако, обязательства оказать ей помощь в разрешении этого спора с Польшей. Особенно показательным для курса польской политики в отношении СССР является возобновление в сентябре 1926 года союза

*) До первого раздела Польши в 1772 г. в ее состав входили обширные ненаселенные поляками территории, простиравшиеся на востоке за линию Псков, Смоленск, Чернигов, Екатеринослав. Придерживаясь программы «границы 1772 г.», Пилсудский во время польско-советских мирных переговоров в 1920 г. требовал присоединения к Польше восточных окраин, среди 30-миллионного населения которых поляки составляли не больше 30%.

Красивым термином «федерализм» в Польше прикрывается план захвата Белорусской и Украинской советских республик и присоединения их на федеративных началах к Польше.

с Румынией с обязательством защищать принадлежность к ней Бессарабии.

Фашистский переворот в Литве (17 декабря 1926 г.) настолько приходился на-руку всем этим политическим махинациям Польши, что, естественно, возникал вопрос о характере взаимоотношений между его «постановщиками» из рядов ксендзовской христианско-демократической партии и некоторыми польскими кругами. Правда, декларация нового литовского премьера и министра иностранных дел националиста Вольдемараса носила как будто антипольский характер, но неизвестно, в какой мере она отражала настроения разделявших власть с националистами христианских демократов. Известно во всяком случае из газет, что вскоре после этой декларации между Радзивиллом, со стороны Польши, и министром по делам Мемеля, со стороны Литвы, велись какие-то тайные переговоры. Что за всеми этими махинациями скрывалась Англия, свидетельствуют визиты английского посла в Прибалтике Воона президенту Сметоне, перед которым он настаивал на необходимости «умиротворения» Восточной Европы. А в каком смысле шеф Воона, Чемберлен, понимает это «умиротворение», — это уже достаточно хорошо известно. Прибытие английских дипломатов в Вильну в конце января 1927 г. и новые посреднические попытки в мае 1927 г., в момент англо-советского кризиса, говорят за то, что английская дипломатия прилагает бешеные усилия к тому, чтобы окончательно впрячь Польшу в колесницу британского империализма.

Что Англия постепенно превращает Польшу в плацдарм для борьбы с СССР, особенно ясно стало при свете огня от зловещего выстрела русского белогвардейца Бориса Коверды, сразившего 7 июня на центральном вокзале в Варшаве полномочного представителя СССР тов. Войкова.

Мы не знаем и вряд ли узнаем тайные детали подготовки этого неслыханного преступления и связи его с провокациями Лондона, но мы не можем отделаться от само собой напрашивающейся аналогии. Злодейская пуля, сразившая тов. Войкова, была пущена убийцей, русским белогвардейцем, как раз в этот момент, когда над СССР нависли тяжелые тучи английской провокации. Повторилось то, что произошло четыре года тому назад — тогда наш полпред тов. Воровский был убит тоже в момент английской угрозы советскому правительству, через несколько дней после «знаменитого» ультиматума Керзона. Инстинктивно чувствуется, что тут есть какая-то внутренняя связь, какая-то злая логика... Действительно, преступнейшие английские провокации последнего времени, бешеная, ненавистническая кампания английской консервативной печати против СССР, произведенный с бла-

гословения английского посольства разбойничий налет в Пекине и терроризирование — опять-таки по наущению английских дипломатических агентов — нашего консульства в Шанхае, бандитский налет на торгпредство в Лондоне и, наконец, англо-советский разрыв — все это развязало контрреволюционную стихию зарубежной белогвардейщины, дало ей почувствовать, что в ее услугах нуждаются. Только в такой обстановке могло совершиться варшавское злодеяние.

Но если политическая ответственность за это кровавое дело падает на Лондон, то и Варшава не может освободить себя от тяжести вины. Ибо польское правительство вскармливает у себя в стране все эти русские белогвардейские банды и тайно участвует в мобилизации их сил, которые должны служить резервами на определенный, заранее предусматриваемый случай... И только сознание полной безнаказанности сделало возможным преступление Коверды, который, совершив свое кровавое дело, спокойно отдался в руки властей (точно так же, как убийца тов. Воровского — Конради).

Польское правительство выразило сожаление по поводу убийства; польский посол в СССР г. Патек заверил, что «следствие будет вестись с величайшей энергией и что виновные понесут наказание по всем строгостям закона»; министр иностранных дел Залесский заявил, что согласен допустить представителя полпредства в Варшаве к участию в предварительном следствии; польское правительство устроило пышные проводы убитого советского посла. Но все это — только жесты и слова. Требуются конкретные действия, д е л-а, которые показали бы, что Польша действительно намерена жить в мире с СССР. Это с полной ясностью и решительностью было подчеркнуто в ноте тов. Литвинова от 11 июня. Тов. Литвинов категорически возражает против утверждения польского посла г. Патека в ноте от 9 июня, что «польское правительство не может считать себя ответственным за поступок безумца, который, как это, кажется, выясняется из первоначальных результатов следствия, является индивидуальным актом».

«Союзное правительство, — говорится в советской ноте, — не может согласиться с оценкой, даваемой польским правительством событию 7 июня в вашей последней ноте, и вынуждено рассматривать убийство своего представителя в Варшаве не как индивидуальный поступок безумца, а как одно из проявлений систематической и планомерной борьбы против Советского Союза со стороны тайных сил мировой реакции и противников мира. События, перечисленные в моей ноте от 7 июня, и в особенности планомерно подготовленный разрыв дипломатических отношений с Союзом Советских Социалистических Республик со стороны нынешнего правительства Великобритании, развязали эти темные силы, в особенности контрреволюционные и террористические организации русских эмигрантов, которые, спекулируя на напряженности международной обстановки, делают

величайшие усилия, чтобы помочь воинствующему империализму спровоцировать осложнения между Союзом Советских Социалистических Республик и другими государствами и ввергнуть их народы в кровавую бойню, в ложной надежде этим путем восстановить царистско-империалистский режим и вернуть себе привилегии, утерянные в результате революции.

Союзное правительство не может согласиться с вашим заявлением, господин министр, что польское правительство всегда противодействовало и не допускало на польской территории какой-либо планомерной деятельности, направленной против Советского Союза. В распоряжении союзного правительства имеется обильный материал, иллюстрирующий терпимость, а в отдельных случаях и прямую поддержку, оказываемую польскими властями организациям и лицам, ведущим — планомерно или непланомерно — активную борьбу с союзным правительством путем организации террора или бандитских налетов на территорию Союза Советских Социалистических Республик.

И, приводя ряд конкретных фактов об активной поддержке, оказываемой польским правительством Булак-Балаховичу и др. белогвардейским главарям, нота выдвигает следующие требования:

«Союзное правительство ожидает,

1) что польское правительство примет все необходимые меры для всестороннего расследования дела, выяснения всех виновников и раскрытия всех нитей преступления, а также для быстрого и сурового наказания виновных, в особенности непосредственного физического убийцы;

2) что польское правительство в соответствии с предварительными переговорами временного поверенного в делах Союза Советских Социалистических Республик в Варшаве г. Ульянова с представителями польского министерства иностранных дел допустит г. Ульянова или другого уполномоченного союзного правительства к участию в следственных действиях по данному процессу, и

3) что польское правительство, наконец, примет на деле немедленные и энергичные меры к ликвидации на польской территории деятельности террористических и бандитских организаций и лиц, направленной против Советского Союза и его представителей, и вышлет из пределов Польской республики лиц, занимающихся такой деятельностью, причем союзное правительство ожидает от польского правительства соответствующих незамедлительных сообщений».

Когда пишутся эти строки, ответ польского правительства на эти требования еще неизвестен, но характер суда над Ковердой не располагает к оптимизму. После речи государственного обвинителя, мало чем отличавшейся от речи защитника и замазывания судом вопроса о соучастниках преступления, убийца был приговорен к пожизненному тюремному заключению, причем суд постановил ходатайствовать перед президентом о смягчении наказания. Настолько милостив был к убийце советского посла польский суд, беспощадно приговаривавший к расстрелу комсомольцев Энгеля, Ботвина, Рутковского, Киевского и др., покушавшихся на провокаторов и полицейских. Вообще вся судебная инсценировка была явной провокацией по отношению к СССР и открытой поддержкой для всех белогвардейцев-террористов.

Нет, впрочем, особой нужды долго останавливаться на уроках процесса и поведения назначенных польским правительством судей. Политические физиономии тех, которые стоят за этими судьями, нам достаточно хорошо известна. Особенно хорошо нам знакома центральная фигура — г. Юзеф Пилсудский.

Пилсудский — это война. Это — общеизвестный факт. За это говорит кровавый 1920 г. Его мания, idée fixe — это война за границы 1772 г. Вся его бредовая истерично-шовинистическая «романтика» пропитана смрадным духом войны. Его генеральная политическая линия ведет в военное министерство на Темзе.

Но могут возразить — а польский пролетариат, блестящая победа польской компартии на муниципальных выборах в Варшаве и других городах, а полные великого смысла траурные демонстрации польских рабочих по поводу убийства Войкова?

Да, все это — факт огромнейшего значения, факт, свидетельствующий, что польский пролетариат уже в значительной степени изжил националистический угар, свойственный пролетариату всякой нации, долго пребывавшей в состоянии угнетения, что он в значительной своей части раскусил истинный смысл «независимости» в рамках помещичье-буржуазного государства, по существу находящегося в вассальной зависимости, от крупных империалистических держав, в данном случае, — от Великобритании. Этот факт, без сомнения, окажет огромное влияние на ход борьбы, которую нам собирается навязать Пилсудский, но он, к несчастью, пока, неспособен предупредить войну.

Более того, весьма возможно обратное. Весьма вероятно, что этот факт косвенно может ускорить войну, так как Пилсудский подобно другим буржуазным властителям, может попытаться мечом войны пресечь это быстрое развитие революционного движения пролетариата, а также национально-освободительного движения среди украинцев, белоруссов, евреев.

Можно выдвинуть и другой довод: крупная польская буржуазия — «эндеция» (партия «народной демократии») — настроена более реалистически — она не хочет войны с СССР и находится в оппозиции к Пилсудскому. Но было бы крайне легкомысленно и опасно переоценивать эту оппозицию со стороны народовцев против воинственных, федералистских планов Пилсудского. Не приходится сомневаться в том, что если Пилсудский поставит эндеков перед совершившимся фактом, то они как «добропорядочные» патриоты забудут личные счеты и будут верой и правдой служить Пилсудскому.

Когда именно Пилсудский бросится за призраком границ 1772 г., к борьбе за которые недавно открыто призывал официальный орган военного министерства «Польска Збройна», конечно, предугадать невозможно. Наша мирная политика затрудняет работу тех, которые хотят запугать польский народ призраком «нашествия москалей». Но мы не должны увлекаться иллюзиями и ясно отдавать себе отчет в том, что силы внутренние и внешние, действующие в Польше против нас, за войну с нами, чрезвычайно велики, что они ни на секунду не прекращают своей преступной работы. И если мы себе поставим вопрос — есть ли у нас гарантия, что Польша Пилсудского не объявит нам войны сегодня, завтра, через недели или месяцы, то мы должны ответить — никакой такой гарантии не существует. Мы должны строить свои расчеты, исходя из того, что английскому империализму в любую минуту может удаться бросить против нас легионы жаждущего «военной славы» Пилсудского.

ПРИБАЛТИКА

Литва. Наши взаимоотношения с маленькой Литвой заслуживают особого внимания, поскольку на последнюю, как мы видели, оказывает сильное давление Польша, за спиной которой стоит Англия.

Весьма показательно то обстоятельство, что, несмотря на это давление, Литва при демократическом правительстве Сляжевичуса нашла в себе достаточно смелости, чтобы заключить с СССР гарантийный договор (28 сентября 1926 г. в Москве).

Условия этого договора служат лучшим доказательством того, что при наличии доброго желания все окраинные государства могли бы урегулировать свои отношения с их великим соседом. Советско-литовский договор в отличие от договоров между буржуазными государствами ни против кого не направлен. Это — действительно договор мира; он обязывает обе стороны воздержаться от каких бы то ни было агрессивных действий друг против друга или от участия в направленных против одной из сторон враждебных мероприятий третьих государств, как, например, экономический бойкот; конфликты передаются на рассмотрение согласительных комиссий.

Договор этот, как мы видим, аналогичен советско-германскому, причем Литва, точно так же, как и Германия, констатирует, что он не идет вразрез с обязательствами, вытекающими из принадлежности к Лиге наций. Несмотря, однако, на особую щепетильность, проявлен-

ную Литвой по отношению к Лиге, английская печать подняла бешеную кампанию против Литвы за нарушение ею священных принципов этой самой Лиги. Истинный смысл этой кампании разгадать, конечно, нетрудно: маленькая Литва имела смелость заявить, что она не хочет быть ландскнехтом английского империализма в его борьбе против СССР. Вслед за Англией запротестовала, как уже указывалось, и Польша.

Эта кампания, следует полагать, стоит в определенной связи с последовавшими за нею внутриполитическими событиями в Литве. 17 декабря в Ковне произошел фашистский переворот, приведший к власти коалицию из националистов и христианских демократов и повлекший за собой неблагоприятный для СССР поворот во внешней политике Литвы (см. выше — «Польша»).

Во время англо-советского разрыва английская дипломатия берет на себя роль «честного маклера» для посредничества между Польшей и Литвой и пытается склонить последнюю к негласным переговорам. Но Пилсудский стремится к «унии» между обеими странами, что при неравенстве сил означает не что иное, как польский протекторат над Литвой. Пойдет ли, однако, последняя на капитуляцию — это сомнительно. По крайней мере речь президента Сметоны при вручении ему тов. Аросевым верительных грамот (10 июня 1927 г.), будучи дружественной по отношению к СССР, была определенно заострена против Польши. Президент говорил о договорах 1920 и 1926 гг. как об основах литовско-советской дружбы, подчеркнул оговариваемые в них права Литвы на Вильну и выразил надежду, что в близком будущем будут благополучно завершены переговоры о советско-литовском торговом договоре.

Следует учесть, что эта речь была произнесена через короткое время после англо-советского разрыва и после встречи литовского премьера Вольдемараса с латвийским мининдел Целенсом в Кибартах (Литва), на котором они обсуждали проекты нейтрализации обеих стран по примеру Швейцарии. Все это дает основания для вывода, что план Чемберлена и Пилсудского о балтийском блоке против СССР под главенством Польши еще далек от осуществления.

Латвия. Наши взаимоотношения с Латвией в первый период после Локарно развивались неособенно благоприятно. Мирные заверения, данные латвийскими государственными деятелями Чичерину во время его пребывания в Риге в конце 1925 г., не нашли своего подтверждения в последующих действиях латвийского правительства. Переговоры о гарантийном договоре по вине последнего и в результате чужих влияний долгое время стояли на мертвой точке, Латвия,

саботируя непосредственные переговоры, выдвигала идею коллективных переговоров всех прибалтийских государств с СССР. Это означало не что иное, как стремление создать прибалтийский блок против СССР. В то же время латвийское правительство, ссылаясь на свои «обязательства» перед Лигой наций, отказывало нам в такой естественной предпосылке к добрососедским отношениям, как обязательство о незаключении направленных против нас договоров.

Эта враждебность латвийского правительства по отношению к СССР особенно ярко сказалась в связи с вооруженным нападением на советскую дипломатическую почту (5 февраля 1926 г.), причем был убит дипкурьер тов. Нетте. Латвийское правительство не обнаруживало желания вести следствие с достаточной решительностью и, вопреки обещанию, продолжало оказывать приют различным конспирирующим против СССР белогвардейским организациям.

Улучшение латвийско-советских отношений происходит в связи с приходом к власти в конце 1926 г. левого кабинета Скуеенека, в котором преобладают социал-демократы, вынужденные учитывать настроения рабочих масс. 9 марта 1927 г. в Риге происходит парафирование латвийско-советского гарантийного договора — факт, получающий особое значение ввиду антисоветского влияния и давления, оказанного на Латвию английской дипломатией. Затем следует подписание торгового договора (2 июня 1927 г. в Москве), создающего базу для расширения торговли между обеими странами и для улучшения политических взаимоотношений между ними. Нетрудно, однако, понять, что договор этот для маленькой Латвии играет значительно бóльшую роль, чем для великана СССР, тем более что довоенная промышленность территории, составляющей нынешнюю Латвию, была связана с русским рынком и что вопрос транзита занимает исключительное место в латвийской экономике.

Этот благоприятный сдвиг в латвийско-советских отношениях, однако, не имеет под собой достаточно прочной базы ввиду неустойчивости внутренне-политического положения Латвии. Правые партии, ориентирующиеся на Англию, и в особенности фашисты ведут бешеную кампанию против кабинета Скуеенека и его мининдел, социал-демократа Целенса. Так, например, по поводу подписания торгового договора лидер фашистов Арвид Берг писал в «Латвис», что «при наличии англо-советского конфликта это обстоятельство может только повредить Латвии». Иными словами, если Англия ссорится с СССР, то Латвия должна подражать ее примеру. Фашисты не ограничиваются словесной критикой. Весной 1927 г. они сделали попытку произвести переворот, которая, однако, не удалось. Но неудача не смутила фаши-

стов, поддерживаемых английской миссией и поощряемых нерешительностью левого правительства, которое перед лицом фашистской опасности обрушивается с жестокими репрессиями не против фашистов, а против единственной силы, способной дать отпор воинствующей контрреволюции — революционных рабочих.

Вот почему дальнейшее развитие латвийско-советских отношений трудно предсказать. При нынешних же условиях выступление Латвии на стороне Польши в случае нападения последней на СССР весьма сомнительно. Если же в Латвии победит реакция — а это весьма вероятно, — то в латвийско-советских отношениях наступит перелом к худшему и вовлечение Латвии в военную авантюру против СССР станет весьма вероятным. Но даже и в таком случае возможность нейтралитета Латвии, для которой участие в такой авантюре чересчур опасно, не исключена.

Эстония. Развитие внешней политики Эстонии нельзя считать благоприятным с точки зрения наших интересов. Эстонская буржуазия еще не пришла в себя от паники, охватившей ее по поводу вооруженного выступления коммунистов 1 декабря 1924 г. К тому же она, переживая экономический кризис, не ориентируется на экономическое и политическое сближение с СССР, а прилагает все усилия к получению займов в Англии или при содействии последней через Лигу наций. А это, конечно, связано с дальнейшим отклонением внешне-политической линии в сторону Лондона.

Только этими чужими влияниями, которые из нацисналистических побуждений были разоблачены б. эстонским посланником в Москве Бирком, можно объяснить саботирование Эстонией нашего предложения о заключении гарантийного договора. Эстонское правительство точно так же, как в свое время Латвия, выдвинуло неприемлемый для СССР принцип переговоров со всеми балтийскими государствами en bloc (как коллективом), и только в конце 1926 г. как будто стало обнаруживать склонность к самостоятельным переговорам. Но последние все время тормозятся под влиянием внешних факторов, — проще говоря, английских интриг. В какой мере эстонская буржуазия или, по крайней мере часть ее ориентируется на империалистический запад, свидетельствует статья, появившаяся 18 мая 1927 г. в официозноси органе «Пьявелехт»: «Нас больше всего интересует, — писала газета, — не приступит ли Лига наций к тому, чтобы облегчить нам наш военный бюджет». На это Эстония, по мнению «Пьявелехт», имеет право, так как ее вооруженные силы защищают, дескать, не только Эстонию, но и всю Европу. Это означает не что иное, как предложение эстонской буржуазией своих услуг задающему тон в Лиге наций английскому

империализму для борьбы против СССР. Если вспомнить газетные сообщения о попытке эстонского правительства сдать Англии острова Эзель и Даго с тем, чтобы она могла построить там военно-морские базы, то этим рассуждениям удивляться не придется.

По тем же причинам приходится брать под сомнение искренность сделанных эстонским правительством заверений относительно нейтралитета в связи с англо-советским разрывом. Позиция Эстонии в случае попытки новой интервенции со стороны английского империализма не может не внушать нам серьезных опасений.

Финляндия. Влияние английской дипломатии в Финляндии весьма сильно. Англия, как главный покупатель продуктов важнейшей финской индустрии, — лесной и бумажной, — может оказывать чувствительное давление на финскую экономику. Англия также принимает близкое участие в строительстве финских морских сил и смотрит на Финляндию как на важный в географическом и стратегическом отношениях опорный пункт в борьбе против СССР.

Этим враждебным влиянием в значительной степени и объясняется саботирование Финляндией наших предложений о заключении гарантийного договора, сделанных весной 1926 г. Финляндия цеплялась за вытекающий из ее принадлежности к Лиге наций «долг» выступать против «нарушителя мира». Представитель Финляндии в Лиге наций даже отказался признать законной германскую оговорку к локарнским договорам относительно пресловутого § 16 устава Лиги наций, трактующего о репрессиях против «нарушителей мира», и требовал усиления помощи Лиги «стороне, подвергающейся нападению». Финляндия также добивается места в совете Лиги наций, для чего всячески заискивает перед английской дипломатией.

Так как «миротворцы» Лиги в случае войны против СССР без сомнения признают «нападающей стороной» страну Советов, то смысл предложений финского делегата вполне ясен... В такой обстановке переговоры о гарантийном договоре, конечно, не могли дать положительных результатов.

В конце 1926 г. правительство аграриев выходит в отставку. Приход к власти социал-демократического правительства Таннера ощутительного улучшения положения не принес.

На само собой напрашивающийся вопрос о позиции Финляндии в случае англо-польской войны против СССР можно ответить, что это будет зависеть преимущественно от соотношения сил внутри самой Финляндии в решительный момент. Крайние финские шовинисты, открыто стремящиеся к захвату Карелии, без сомнения сделают все возможное для того, чтобы бросить страну в кровавую авантюру. Восста-

навливающий свои силы после разгрома финский рабочий класс будет оказывать противодействие поджигателям; крестьянство и городская мелкая буржуазия будут колебаться. Произойдет борьба, которая и решит вопрос о войне. Во всяком случае, дело будет не так просто, что Англия прикажет, а Финляндии пойдет. Не следует, ведь, забывать, что в годы интервенции ген. Маннергейму не удалось бросить Финляндию против Советской России.

Общее положение на нашей западной границе.

После этого обзора наших взаимоотношений с Польшей и прибалтийскими странами, народы которых рассматриваются английским империализмом как пушечное мясо в борьбе с СССР, мы можем притти к некоторым заключениям насчет степени реальности широких воинственных планов Англии.

Насчет Польши у нас не должно быть никаких иллюзий. С этой стороны — как мы уже указывали выше — нам угрожает серьезнейшая опасность, опасность не вообще говоря — в перспективе, а постоянная реальная конкретная опасность. Этой угрозе мы должны смотреть прямо в глаза, спокойно и хладнокровно подвергая анализу вопрос о возможных союзниках Польши и о размерах этой помощи. Это тем более необходимо, что под впечатлением действительно существующей военной опасности многие, незаметно для себя поддаваясь необоснованным страхам, представляют дело так, что война Польши против нас обязательно должна повлечь за собой всеобщий крестовый поход, всеобщую войну всех буржуазных государств против нас. На деле же, если разобраться конкретнее в международной обстановке, картина получится несколько иная.

Что касается Англии, то, толкнув Польшу против нас, она, без сомнения, будет ее решительно поддерживать, причем эта поддержка со стороны английской буржуазии — на это не следует закрывать глаза — будет несравненно более решительной, чем в 1920 г., когда Советская Россия была слаба и не представлялась английскому империализму такой серьезной опасностью, как теперь. Английский империализм, не останавливаясь перед противодействием пролетариата, много поставит на карту в этой игре. Будет помогать поставленная перед совершившимся фактом и Франция. Италия, возможно, тогда будет занята другой авантюрой в Малой Азии.

Но помощь империалистических держав, даже помощь Англии, можно полагать, вряд ли выльется в форму непосредственной войны с СССР. Английская буржуазия может втянуть свою страну в интервенцию в форме поддержки Польши военным снаряжением и деньгами, сможет, в худшем для нас случае, послать свой флот в Балтийское и Черное

моря, но послать в СССР большую армию, т. е. массы рабочих в солдатских шинелях, — это уже совсем другое дело. При все развертывающемся процессе левения масс и росте их симпатии к СССР — это исключительно трудно. То же самое относится к Франции и Италии.

Особое значение имеет позиция Америки в случае нападения Польши на нас. Наиболее ярые большевикоедские элементы в Соединенных Штатах, без сомнения, будут добиваться вмешательства американского имериализма в пользу Польши. И ввиду крайней отсталости американского рабочего движения, не приходится надеяться на серьезное противодействие с его стороны такой кампании. Так что возможность американской поддержки (поставками оружия и деньгами) отнюдь не исключена.

Что же касается мелких государств — Румынии, Эстонии, Латвии и Финляндии, то их непосредственное участие на стороне Польши весьма вероятно, но отнюдь не неизбежно. Во всяком случае, Эстонии и Латвии не легко будет решиться на такой шаг, так как их правящие круги хорошо понимают, что вмешательство в польско-советскую войну, при миниатюрных размерах территорий их стран и малочисленности населения, может в кратчайший срок привести к прекращению их существования как буржуазных государств. В худшем случае, если даже все окраинные государства станут на сторону Польши, то мы не будем иметь против себя прочный сплоченный боевой блок с единой программой действий, так как у каждого из них будут свои побочные планы и цели.

Таким образом мы приходим к выводу, что когда мы обычно говорим о будущей интервенции, как о войне мировой буржуазии против нас, то термин «мировая» вовсе не следует понимать в буквальном смысле слова. В ближайшие годы война буржуазии всех крупных капиталистических государств против нас невероятна. А нападение на нас со стороны того или иного блока окраинных государств, пользующихся поддержкой крупных держав, — при нашей колоссально возросшей экономической, военной и международно-политической мощи, опирающейся на растущее сочувствие пролетариата всех стран и пробуждающихся колониальных народов, а также на таких надежных союзников, как наша геофизика — минеральные богатства — и география — колоссальные расстояния, — при таких условиях нападение на нас несравненно более опасно для наших врагов, чем для нас.

Это становится тем более очевидным, если вспомнить, что ядро этого блока — Польша — далеко не здоровое. Польский пролетариат в значительной степени изжил свои националистические иллюзии, связанные с возрождением польской государственности; маломощное

крестьянство не удовлетворено аграрной реформой; нацменьшинства, за исключением тонкого верхушечного слоя, все больше втягиваются в борьбу с властью польской буржуазии и ее военно-полицейской клики; компартия, как показали варшавские муниципальные выборы в мае 1927 г., и ее кампания в связи с убийством тов. Войкова, несмотря на режим белого террора, все глубже внедряется в массы.

Вот почему мы, отнюдь не убаюкивая себя, отнюдь не отмахиваясь рукой от опасностей, а, наоборот, совершенно спокойно и хладнокровно взвешивая их и даже рассчитывая на худшее, можем уверенно смотреть в лицо чреватому крупными потрясениями будущему. Все это, понятно, при условии, что мы будем упорно и систематически укреплять во всех отношениях нашу Красную армию, Красный морской и воздушный флот.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Турция. Внутренние противоречия локарнской политики окружения СССР особенно ярко сказались на наших отношениях с Турцией. Хотя английская дипломатия прилагала упорные систематические усилия к тому, чтобы вовлечь также и Турцию в орбиту своей антисоветской политики, они оказались бесплодными — и по той простой причине, что Локарно, в силу значительной общности судеб СССР и восточных народов, было направлено и против интересов турецкого народа. К тому же локарнские переговоры совпали с крайним обострением англо-турецких отношений из-за Моссула и встречей Чемберлена и Муссолини в Раппало (29 декабря 1925 г.), положившей начало англо-итальянскому сближению, направленному против Турции. В связи с тем же моссульским конфликтом вскоре состоялось так называемое «ближневосточное Локарно» — соглашение между прибывшим в Лондон бывшим французским верховным комиссаром в Сирии Анри де-Жувенель и представителями английского министерства колоний насчет взаимных услуг на случай англо-турецкой войны.

Все это не могло не дискредитировать в Турции англофилов и, наоборот, не усилить позиции сторонников сближения с СССР. Результатом всех этих событий явился ряд дипломатических актов, подводящих широкую базу под советско-турецкую дружбу.

17 декабря 1925 г. тов. Чичерин и турецкий министр-иностранных дел Рушди-бей подписали в Париже советско-турецкий гарантийный договор о ненападении и нейтралитете, который расширяет и дополняет договор 16 марта 1925 г. Это произошло как раз в момент завершения локарнских пе-

реговоров, и недаром договор, вызвавший большое недовольство в английских кругах, был обозначен ими как «анти-Локарно». Вслед за этим, в апреле 1926 г. при благожелательном отношении советской дипломатии был подписан турецко-персидский договор, который путем устранения различных спорных вопросов между обеими странами усиливал восточный фронт против западного империализма. Дальнейшим актом в этом направлении является встреча тов. Чичерина и Рушди-бея в Одессе (12—14 ноября 1926 г.), вызвавшая много толков в европейской печати и давшая повод к слухам о том, что предметом переговоров явился вопрос о создании союза азиатских народов под руководством СССР.

Дальнейшим и чрезвычайно важным этапом в развитии советско-турецких отношений является подписание 11 марта 1927 г. в Ангоре советско-турецкого торгового договора.

Переговоры по этому вопросу велись несколько лет. Они наталкивались на серьезное препятствие в виде резкого различия между экономическими системами обеих стран. Для турецкой буржуазии, еще не имеющей крупных торговых и промышленных объединений, приспособление к нашей монополии внешней торговли оказалось еще труднее, чем для западной буржуазии. К тому же турецкое правительство, которое хорошо помнит все прелести режима «капитуляций» (привилегий для иностранных предприятий), болезненно воспринимало выдвигавшиеся нами в общем порядке требования особого положения для наших торговых органов, являющихся не частно-коммерческими предприятиями, а государственными учреждениями. Это требование, неизбежно вытекающее из огосударствления нашей внешней торговли и удовлетворенное уже западными буржуазными государствами, в Турции, вследствие означенной причины, оказалось труднее провести. Но в результате взаимных уступок соглашение все же было достигнуто. Под турецко-советскую политическую дружбу теперь подведена прочная материальная база.

Наши уступки состояли в некотором смягчении режима монополии и в гарантировании возможности ввоза турецких товаров на определенную сумму; турецкие уступки — в принципиальном признании монополии и экстерриториальности руководящих лиц торгпредства.

Договор этот без сомнения является вполне удобной правовой формой, в которую наша государственная промышленность и наши внешнеторговые органы должны суметь влить соответствующее содержание. До сих пор наша торговля с Турцией (как и в довоенное время) была весьма незначительной, и задача теперь сводится к использованию географической близости для укрепления наших экономи-

ческих и, следовательно, политических связей с дружественным нам южным соседом.

Это тем более необходимо, что процесс внедрения иностранного капитала в Турцию идет ускоренным темпом, и это создает предпосылку для смычки турецкой и западной буржуазии и усиления враждебных нам влияний. Ростки таких влияний имеются в пантюркской идеологии реакционных кругов, связанных с эмигрантами-муссаватистами и питающих вожделения по отношению к Кавказу. История наших взаимоотношений с Турцией показывает, однако, что, несмотря на колебания, свойственные внешней политике турецкой мелкой и нарождающейся крупной буржуазии, турецкие правящие круги, под влиянием неизбежных ударов со стороны агрессивных западных империалистов, приходят к выводу, что без дружбы с СССР свободное развитие новой Турции невозможно.

Вот почему в момент англо-советского разрыва турецкая печать открыто высказала свое сочувствие СССР и определенно дала понять британскому империализму, что тайные надежды его привлечь Турцию к участию в политике окружения СССР не имеют под собой прочного основания.

Персия. Вся история английской экспансии в Персии свидетельствует, какое исключительное значение английский империализм придает этому участку своего мирового фронта. Эксплоатация природных богатств (нефть), экономическое завоевание страны, вытеснение экономического влияния СССР, использование Персии против СССР и превращение ее в звено в непрерывной цепи английских владений и протекторатов — Египет-Палестина-Трансиордания-Ирак-Персия-Индия — вот каковы замыслы английского империализма.

Временные неудачи, как, например, советско-персидский договор 26 февраля 1921 г. (см. стр. 93), значительно укрепивший положение Персии по отношению к английскому империализму, не остановили наступления последнего. Имея в руках такие позиции, как пользующийся правом эмиссии Шахиншахский банки крупную нефтяную концессию на юге Персии, находясь в связях со многими крупными феодалами, английский империализм оказывает систематическое давление на персидское правительство в антисоветском духе. В средствах английские империалисты не особенно разборчивы: провоцирование восстаний, угрозы военного и экономического характера, подкуп, — все пускается в ход для вытеснения влияния СССР. Так, например, в конце 1924 г. англичане спровоцировали против премьера Реза-Хана восстание феодала шейха Хейзалла, во владениях которого расположена концессия Англо-персидской (английской) нефтяной компании. Что целью восстания было

не только добиться от персидского правительства санкции на полученные компанией у Хейзалла новых концессий, но повлиять на всю его внешне-политическую ориентацию, свидетельствует следующий факт: когда Реза-Хан дал понять англичанам, что Хейзалл без их поддержки никогда не решился бы на вооруженное выступление, а потому они и должны ликвидировать восстание, английские дипломаты, взяв на себя роль «честных маклеров», среди прочих условий ликвидации мятежа выдвинули пункт о «более нейтральной» (читай — враждебной) политике правительства по отношению к СССР. Когда же Реза-Хану все же удалось покончить с Хейзаллом, английская миссия путем финансового давления заставила первого изменить состав кабинета, включив туда двух отъявленных агентов Англии — принца Фирюза и Ковам-эд-Доуле. После этого она стала добиваться возвращения в Персию шаха. Честолюбивый Реза-Хан вместо того, чтобы, опираясь на народные массы, вести борьбу против реставрационных попыток английских агентов, объявил династию Каждаров свергнутой и сам провозгласил себя шахом (конец 1925 г.).

Надеясь на то, что ей в будущем удастся склонить на свою сторону нового шаха, Англия немедленно признала новую династию Реза-Хан-Пехлеви. Последний в свою очередь, оторвавшись от выдвинувших его к власти низов, стал более сговорчивым по отношению к англичанам. Так создались предпосылки для нового наступления английского империализма в Персии.

Каковы же те конкретные цели, которые он себе при этом ставит в настоящее время? Раньше всего — закрепить за собой захваченные во время и после войны экономические позиции. (До войны доля России в торговле Персии составляла 60 %, а доля Англии — 21 %; в 1923/24 г. роли переменились: Англия — 57 %, СССР — 17 %.) С этой целью Англия всячески старается с помощью постройки дорог и удешевления фрахтов даже ниже себестоимости отвлечь торговлю граничащих с СССР северных провинций на юго-восток — в сторону Индии и на юго-запад — в сторону Ирака. Чтобы достигнуть этого, английские агенты не останавливаются перед тем, чтобы вместе с группой персидских купцов-монополистов, недовольных нашей государственной монополией внешней торговли, инсценировать «движение» в пользу бойкота бакинской ярмарки и отказа от заключения торгового договора с СССР (начало 1927 г.)

Одновременно Англо-персидская К° добивается новых нефтяных концессий в западной Персии, прилегающей к английской мандатной территории — Ираку, и, чтобы облегчить объединение в одно целое моссульской и западно-персидской нефти, пытается склонить персид-

ское правительство к подписанию «союзного договора» с Ираком. Ясно, что такой союз с английской колонией таил бы в себе опасности распространения власти Англии за пределы Ирака — на территорию вожделенной концессии, откуда, согласно широким планам Англо-персидской К°, по системе нефтепроводов нефть направлялась бы на запад к Средиземному морю и на юго-восток к Персидскому заливу. Если еще прибавить к этому долголетние — но тщетные — попытки англичан получить концессию на постройку трансперсидской железной дороги как часть великого железнодорожного пути Египет — Индия, то картина обволакивания Персии английским империализмом будет ясна.

Но чтобы скрыть истинные намерения английского империализма в Персии, английская печать ведет систематическую кампанию против «угрозы Северной Персии со стороны Советов», «красного империализма», большевистской пропаганды» и т. д. Вот маленький образчик, иллюстрирующий эту кампанию: близко стоящий к министерству колоний еженедельник «Нир Ист энд Индиа» («Ближний Восток и Индия») от 3 марта 1927 г. по поводу персидско-советских переговоров писал:

«В настоящее время, — большевизм концентрирует свое внимание на Британской империи... Можно ли предполагать, что властная сила большевизма, которая толкает Россию к тому, чтобы посвятить свои силы и свою казну попытке минировать Британскую империю, позволит другой социальной системе процветать бесконечно рядом с русской границей». И на-ряду с размалевыванием призрака насильственного насаждения Советским Союзом большевизма в Персии — неприкрытые угрозы по ее адресу: «Если Персия предпочитает русскую ориентацию, ей нечего ждать британской помощи; если же она оказывает предпочтение британским методам, она должна перестать кокетничать с советскими доктринами».

Так как шах Реза-Хан-Пехлеви от «советских доктрин» очень далек, то не трудно понять, что эта угроза распространяется на его слабые попытки установить дружественные отношения с той страной, которая на деле, путем отказа от договорных прав и привилегий царского правительства, доказала свое уважение к независимости персидского народа. Смысл ее сводится к следующему: откажитесь от дружбы с Советским Союзом, в противном случае мы вас подвергнем экономической блокаде. Английская дипломатия также пыталась эксплоатировать недовольство, вызванное в некоторых персидских торговых кругах временным закрытием границы для персидского ввоза. Эта мера вытекала из нашей общей торговой политики в тот момент — сокращения ввоза с целью устранить последствия нашего «просчета» — общего пассивного торгового баланса. Но английская печать, а также некото-

рые персидские газеты английской ориентации пытались представить этот шаг — как враждебный Персии акт. В связи с этим было инсценировано упомянутое уже «движение» бойкота Бакинской ярмарки в начале 1927 г., когда граница была снова открыта. Инсценировка эта, однако, успеха не имела. Советско-персидский торговый оборот на ярмарке составил свыше 22 миллионов рублей — в два раза больше, нежели в 1926 г. Параллельно с укреплением советско-персидских торговых отношений, советское правительство предпринимало меры к ускорению не по его вине весьма затянувшихся переговоров о торговом договоре. В марте 1927 г. в Москву прибыл для переговоров министр иностранных дел и чрезвычайный полномочный посол Персии Али-Голи-Хан Ансари (Мошавероль-Мемалек). Но это время совпало с кризисом кабинета Мустафи-оль-Мемалека, и переговоры пока положительных результатов не дали. Новый кабинет Мухбир-эс-Салтане продолжает ту же политику балансирования между Англией и СССР.

Новый коалиционный и беспринципный кабинет, также как и предшествовавший ему, отражает неустойчивое равновесие сил в борьбе прогрессивных и дружественных по отношению к СССР общественных слоев — крестьянства, ремесленников, интеллигенции и мелких купцов — с силами реакции — всеми этими сардарами, ханами и шейхами, а также крупными капиталистами, держащими курс на смычку с английским капиталом.

Этот сложный переплет борьбы влияний в Персии не будет полно обрисован, если не упомянуть об американском капитале. Проводником влияния последнего является финансовый советник персидского правительства Мильспо, пользующийся весьма широкими полномочиями, которые в июне 1927 г. были продлены еще на три года *). Что Мильспо выполняет при Реза-Хане не только консультативную роль, видно из того, что, благодаря его стараниям, концессия на трансперсидскую железную дорогу, которой так настойчиво добивалась Англия, перешла в руки американцев. Дорога эта по маршруту Кур-Муза-Харуммбад-Тегеран-Бендергаз, соединяя Персидский залив с Каспийским морем, будет играть не только экономическую, но и политическую роль. Стоимость постройки ее определяется, примерно, в 150 миллионов рублей, и так как Персия таких сумм ассигновать не может, то она вынуждена будет обратиться за займом к Америке, которая дает также своих инженеров для строительства.

Не трудно догадаться, что по рельсам этой дороги все глубже будет продвигаться и политическое влияние Соединенных Штатов, которое,

*) В августе месяце шах проводит ряд мероприятий с целью сузить полномочия американских финансовых советников.

с одной стороны, будет направлено против СССР, а, с другой, против Англии, причем весьма вероятны сделки между английским и американским империализмом за счет Персии и СССР.

Персия таким образом являет собой пример столкновения влияний СССР и капиталистических стран не только в области политической, но и в области экономической. И если капиталистические страны здесь имеют огромные преимущества в отношении материальных ресурсов, то их хищнические методы внедрения в страну во все бóльшей степени вызывают противодействия растущего национально-освободительного движения, которое не может не быть проникнуто глубокой симпатией к СССР — единственному государству, поставившему крест над империалистическими методами «сфер влияния», экстерриториальности и всех вообще «капитуляций» и строящему свои отношения с Персией на принципе уважения неограниченной суверенности персидского народа. А ведь борьба против этих методов, в связи с общим пробуждением колониальных и полуколониальных народов и, в частности, в связи с китайскими событиями, вступает в настоящее время в решительную стадию.

Отдавая дань духу времени, английский империализм пытается играть в либерализм и, как будто, выражает готовность пойти навстречу некоторым требованиям персидского национализма. При этом он, правда с «маленьким» опозданием, даже ссылается на пример СССР.

«Слава, — читаем мы в «Нир Ист» от 5 мая 1927 г., — которую большевистская Россия приобрела за то, что она, якобы (? *М. Т.*) отказалась (alleged renonciation) от некоторых договоров с мусульманскими государствами, уже служит достаточным доказательством того, что Великобритания не проиграет, если займет место в авангарде европейских государств, которые честно и не только на словах будут желать, чтобы независимость Персии, Египта, Геджаса эвентуально (eventually) были бы более действительной, чем теперь. Требования об отмене режима капитуляций замечаются в Персии, Египте и Геджасе. Теперь мало смысла давать этим странам старый ответ, что условия там для этого не созрели. Этот ответ мог быть весьма правильным в прошлом, но не может быть правильным всегда».

В этой словесной эквилибристике органа английского империализма важно то, что он пытается приспособиться к изменившейся обстановке и нащупать некий «новый курс» в Персии. Удастся ли это ему, — это зависит от будущего хода развития национально-революционного движения в Персии.

Афганистан. В английском плане окружения СССР, как известно, уделяется особое внимание Афганистану. Английская дипломатия под флагом «защиты Индии от большевизма», всячески пытается натравливать Афганистан против средне-азиатских республик Советского Союза и использовать его как плацдарм против СССР.

Анализ характера развития наших отношений с Афганистаном в после-локарнский период дает ответ на вопрос о том, удались или не удались эти английские попытки.

В конце 1925 г., как раз во время локарнских переговоров, в афганско-советских отношениях произошел инцидент, который окрылил надежды английских империалистов: в связи с изменением течения пограничной реки Аму-Дарьи возник конфликт между местными таджикскими советскими властями и афганцами о принадлежности небольшого острова Урта-Тугай. Афганское правительство очень болезненно реагировало на этот инцидент, который усиленно раздувался английской дипломатией. Вследствие отдаленности Таджикской советской республики от центра инцидент несколько затянулся. Но когда в Таджикистан прибыла особая комиссия Наркоминдела для урегулирования вопроса, ей скоро удалось достигнуть соглашения. Инцидент был благополучно улажен, и обе стороны опубликовали официальное сообщение, в котором подчеркивается дружба, связывающая СССР с Афганистаном.

Дружба эта вскоре получила новое оформление в виде особой важности дипломатического акта — советско-афганского гарантийного договора, подписанного 31 августа 1926 г. в Пагмане, летней резиденции эмира. Договор этот, дополняющий договор о дружбе 1921 г. (см. стр. 91), а по линии нашей общей ближне-восточной политики — советско-турецкий договор от 17 декабря 1925 г., аналогичен последнему и по содержанию: предусматривается взаимное ненападение и мирное урегулирование конфликтов, недопущение на своей территории враждебных действий против другой стороны; особо оговаривается недопущение провоза войск, направленного против другой стороны, и в особом протоколе обе стороны обязуются не заключать других соглашений, направленных против настоящего договора.

Не вдаваясь в подробный разбор этих условий, можно сразу констатировать, что заключение подобного договора отнюдь не благоприятствует упомянутым замыслам английских империалистов. Неудивительно поэтому, что английская буржуазная печать не замедлила повести кампанию против договора, пытаясь доказать афганскому правительству что «коварные большевики» ввели его в заблуждение. Так, например, «Таймс» от 4 сентября 1926 г. в статье, посвященной договору, запу-

тивает эмира тем, что статья о нейтралитете таит в себе опасности для его власти в Афганистане. «В случае войны между Великобританией и Советами, «аргументирует» «Таймс», либо в Европе, либо в Азии — какова должна быть позиция Афганистана согласно договору? На бумаге ответ ясен — король Аманулла должен быть нейтрален. Но для того, кто понимает большевистскую психологию, ясно, что Москва приведет в движение небо и землю, чтобы добиться поддержки Афганистана». «Если же эмир на это не пойдет,— продолжает философствовать «Таймс»,— тогда большевики свергнут его и объявят Афганистан советской республикой».

Все это чревовещательство говорит лишь о том, что антисоветские воинственные планы английских консерваторов, рассчитанные на использование Афганистана против СССР, в связи с Пагманским договором понесли тяжелый удар и что именно это обстоятельство приводит «Таймс» в ярость. «Советско-афганский договор, — заявляет газета, — замечательный триумф советской дипломатии, и будущее его чревато дурными последствиями для Лондона, Дели (резиденция английского вице-короля в Индии. *М. Т.*) и Кабула».

Отождествление интересов Кабула и Лондона — прием чересчур примитивный. Важно признание «Таймсом» крупного значения Пагманского договора, который — как бы ни изворачивался этот орган английских империалистов — является крупной победой политики СССР по отношению к азиатским народам, политики, построенной на уважении их прав на самостоятельное национальное развитие.

На-ряду с укреплением советско-афганских политических отношений идет экономическое сближение. В 1925/26 г. торговый оборот с Афганистаном достиг около 6 миллионов рублей против 2 миллионов рублей в 1924/25 г. Следует также отметить участие наших инженеров и техников в деле хозяйственного строительства Афганистана.

Мы видим, таким образом, что вопреки английским махинациям наши взаимоотношения с Афганистаном в общем и целом развиваются благоприятно. И если даже среди нарождающейся в связи с индустриализацией страны афганской буржуазии и в правящих кругах иногда замечаются тенденции к компромиссам с английским империализмом, то сама захватническая «природа» последнего, особенно проявляющаяся в насаждении военной промышленности в Индии и в военных приготовлениях на индо-афганской границе, не дает этим компромиссам зайти слишком далеко. И в конечном счете не кто иной, как сам английский империализм, пробивает бреши в своей политике окружения СССР со стороны Ближнего Востока, в частности, со стороны Афганистана.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Китай. Охваченный великим революционным движением 400-миллионный Китай находится в настоящий момент на историческом перепутьи. Куда пойдет китайская революция — направо или налево? Пойдет ли она по пути буржуазной революции, по пути кемалистской Турции, или же через определенный не очень длинный этап — по некапиталистическому пути, пути советской революции, по пути Советского Союза? Вот центральный решающий вопрос, исторический ответ на который на десятилетия вперед наметит все мировое развитие. В первом случае мы по линии китайско-советских отношений имели бы продолжение изоляции СССР, лавирование национально-буржуазного Китая между СССР и империалистическим миром, а в общем и целом замедление темпа мировой революции. Во втором случае, мы бы имели советско-китайский блок, охватывающий около $^1/_4$ всего мира и $^1/_3$ человечества, блок, который имел бы огромную магнетическую силу для трудящихся всех стран, для 300-миллионной Индии, для Индонезии, Персии, Афганистана, Египта — угнетенных колониальных и полуколониальных народов всех стран; мы бы имели мощное расшатывание основ мирового империализма, огромную зияющую брешь в политике изолирования СССР, значительно ускоренное развитие мировой революции. Вот что стоит теперь на карте Китая. Вот вокруг чего идет великая борьба.

Некапиталистический советский и в перспективе социалистический путь развития китайской революции возможен. Это показали блестящие успехи китайской революции, бурный рост рабочего движения, взятие восставшими рабочими Шанхая, а потом их геройская борьба с режимом белого террора, установленным изменником Чан Кай-ши. Это показал быстрый рост влияния молодой китайской компартии и степень революционной наэлектризованности широких масс и их энтузиазма по отношению к СССР. Но победа советского социалистического курса китайской революции возможна лишь в том случае, если молодой китайской компартии удастся путем решительной классовой борьбы и искусного лавирования в неслыханно-тяжелой обстановке (1 рабочий на 100 человек населения, империалистическая интервенция, внутренняя контрреволюция) стать руководящей силой в революционном движении.

Пока что компартия только начала борьбу за эти цели, а Китай разбит на три лагеря: полуфеодальная контрреволюция (Чжан Цзолин), межеумочная мелкобуржуазная псевдореволюция, обнаруживающая склонность к миру с чжанцзолиновским режимом (Нанкин) и, наконец, узкая территориальная база, на которой оперирует револю-

ционная армия Ие-Тина. А так как объединенного Китая в настоящий момент не существует, то термин советско-китайские отношения теперь представляет собой нечто весьма неопределенное. Взаимоотношения с Пекином за последнее время носили преимущественно характер острых конфликтов, спровоцированных Чжан Цзо-лином, как агентом стоящих за его спиной империалистических держав. Чжан Цзо-лин никогда не обнаруживал желания соблюдать им же подтвержденную 20 сентября 1924 г. часть китайско-советского договора от 31 мая 1924 г. (см. стр. 131) о Китайско-Восточной железной дороге. По мере развития революционного движения в Китае и усиления иностранной интервенции подстрекательская работа империалистических держав в Манчжурии принимала все более провокационный характер. Действуя, без сомнения, по наущению извне, Чжан Цзо-лин решил путем систематических наскоков и мер шантажа выжить СССР с дороги, которая по договору должна управляться обеими сторонами на равноправных началах.

В январе 1926 г. возник конфликт по поводу нежелания Чжан Цзо-лина оплачивать перевозку его войск по дороге. После отказа управления дороги перевозить бесплатных пассажиров Чжан Цзо-лин арестовал управляющего дорогой тов. Иванова и обрушился репрессиями на советских железнодорожников. Решительная нота советского правительства от 22 января с ультимативным требованием в трехдневный срок освободить тов. Иванова возымела свое действие. 24 января в Мукдене было подписано соглашение между генеральным консулом СССР тов. Краковецким и представителями Чжан Цзо-лина об освобождении Иванова и восстановлении порядка на дороге.

Но и это соглашение не положило конец захватническим намерениям Чжан Цзо-лина. В сентябре 1926 г. его власти самочинно захватили принадлежащие К.-В. ж. д. суда на реке Сунгари и ликвидировали учебный отдел на дороге. На-ряду с этим подвергались и подвергаются жестоким репрессиям профессиональные и культурные организации советских железнодорожников, советские органы печати и даже пионерские организации.

Эта агрессивно-провокационная политика нашла свое завершение в неслыханном акте в международных отношениях — дикомналете на территорию полпредства в Пекине (6 апреля 1927 г.), причем было разгромлено и обыскано помещение военного атташе и арестован ряд советских сотрудников, а также находившихся там китайских коммунистов. Обыск умышленно производился без свидетелей, чтобы предоставить чжан-цзо-линовским властям и работающим у них русских белогвардейским «экспертам» широкое поле для «самодеятель-

ности». Действительно, пекинское правительство скоро стало публиковать целые альбомы фальшивок, выдавая их за захваченные в полпредстве «документы». Оно также устроило торжественное шествие дипломатического корпуса в помещение полиции, где эти «документы» демонстрировались. Если вспомнить, что разрешение на обыск было дано дипломатическим корпусом, в котором английский посол пользуется особым влиянием, и что члены английского правительства немилосердным образом эксплоатировали чжан-цзо-линовские «материалы», то роль Англии в пекинском налете, служившем прелюдией к лондонскому налету, станет вполне ясной. Английские империалисты надеялись толкнуть СССР на вооруженное выступление против Чжан Цзо-лина, чтобы получить повод для широкой интервенции в Китае. Но это им не удалось. В ответ на бандитский налет советское правительство отозвало своего представителя из Пекина. Обстановка в Манчжурии создалась чрезвычайно тяжелая. В любую минуту на К.-В. ж. д. можно ожидать новой провокации. Только победа китайской революции может разрядить напряженную атмосферу, создавшуюся в Пекине и в Харбине.

Япония. Развитие наших взаимотношений с Японией в последнее время определялось преимущественно ситуацией в Китае, который японский империализм рассматривает как поле для своей экономической экспансии. При этом особую роль играет Манчжурия, как «сфера влияния» Японии (о других моментах, определяющих японско-советские отношения, см. стр. 133).

Английская дипломатия пыталась использовать эту заинтересованность Японии в Китае, чтобы толкнуть ее на широкую военную интервенцию против революционного Китая, которая одновременно была бы направлена против СССР. И если японский империализм вначале на это не пошел, то это объясняется, конечно, не теплыми чувствами его по отношению к китайской и российской революции. Японские империалисты крепко держатся за Манчжурию. Эта большая территория в значительной степени удовлетворяет их аппетиты как центр приложения капитала, иммиграции и как стратегическая командная высота. Приносить жертвы для распространения влияния их ставленника Чжан-Цзо-лина за пределами Манчжурии им не особенно выгодно. Во-первых, потому, что интервенцией Япония настроит против себя весь китайский народ, с которым она хочет торговать; во-вторых, потому, что чрезмерное усиление Чжан Цзо-лина грозило бы его высвобождением из-под японского влияния; в третьих, потому, что это настроило бы против нее, с одной стороны, СССР, а с другой ее — конкурента — Соединенные Штаты.

Вот почему японский империализм до сих пор «ограничивался» подзуживанием исподтишка Чжан Цзо-лина против СССР, стараясь в то же время поддерживать удовлетворительные отношения с Москвой а также с Кантоном, бывшей столицей революционного Китая. В отношении СССР японский капитал весьма ценил широкие экономические возможности, в частности нефтяные концессии в Сахалине, лесные — в Приморье и т. д. Концессии эти действительно были им получены; в отношении же Кантона Япония пыталась играть роль друга китайского народа, что совпадает с ее паназиатскими устремлениями.

Вот почему Япония до последнего времени отказывалась солидаризироваться с политикой английского империализма в Китае и играла в либерализм.

Но, по мере углубления китайской революции, в Японии начинает усиливаться, играющая специфическую роль в жизни страны, милитаристская каста, которая требует от правительства «решительной борьбы с большевизмом в Китае». Приход к власти в Японии в апреле 1927 г. кабинета генерала Танака означает победу этих элементов. Имя Танака тесно связано с интервенцией в Сибири, в которой нынешний премьер, в то время военный министр, играл особую роль. Танака является лидером партии сейюкай, занимающей еще более правую позицию, чем ушедшая от власти партия кенсекай. Наконец, говорит сама за себя декларация нового премьера:

«В вопросе о коммунистической деятельности в Китае,— заявил Танака,— Япония едва ли может остаться равнодушной, так как Япония жизненно заинтересована в сохранении мира, на Востоке вообще, и, кроме того, географическое положение Японии делает ее непосредственно и наиболее глубоко уязвимой по отношению к проявлениям этой деятельности. Япония будет неизменно сотрудничать в этом вопросе с державами. После обсуждения особого характера связанных с этим вопросом проблем в надлежащее время будут приняты предложенные меры».

За этим заявлением о «сотрудничестве» с другими державами по вопросу о коммунистической деятельности в Китае, которое в переводе с дипломатического языка на простой человеческий язык означает не что иное, как участие в интервенции против китайской революции, однако, следует оговорка: «Я уверен, что позиция, которую мы теперь занимаем, не будет дурно истолкована нашим дружественным соседом — Россией».

Трудно сказать, как можно «хорошо» истолковать такое заявление. Дурные ф а к т ы сами говорят за себя. Последовавшие за декларацией

события — усиление японских экспедиционных войск в Шанхае, Ханькоу и Тяньцзине, высадка десанта в Шаньдуне и усиление японской агрессивности в Манчжурии заставляют опасаться, что мы имеем дело с переломом в сторону ухудшения японско-советских отношений.

СОЕД. ШТАТЫ

Исключительную роль с точки зрения успеха или неуспеха дипломатической атаки Чемберлена на СССР представляет собой позиция Соед. Штатов. Английские консерваторы в этом отдают себе ясный отчет. Вот почему их печать в связи с англо-советским разрывом усердно стала зазывать Соед. Штаты в антисоветский блок. Редактируемый известным журналистом Гарвином «Обсервер» из номера в номер стал помещать статьи, в которых доказывал американской буржуазии, что спасение человечества лежит в объединении великих, говорящих по-английски, стран (english-speaking nations) — Англии и Соед. Штатов. Только такое объединение, — говорит он, — способно разрешить величайшую проблему международной политики — советско-китайскую, иными словами — способно задушить революцию в СССР и Китае.

Гарвин, конечно, немножко преувеличивает. Поставить на колени таких гигантов, как СССР и Китай, даже для англо-американского блока — задача весьма и весьма сложная. Но приходится все же признать, что если бы такой сплоченный блок был создан, он представлял бы весьма серьезную опасность для революционного движения на Западе, для СССР и восточных народов. Поэтому в настоящий момент вопрос об англо-американских отношениях представляет исключительный интерес.

Англию и Соед. Штаты объединяют их ненависть к СССР, как к крупнейшему революционному и революционизирующему фактору, и их политика по отношению к восстающим колониальным и полуколониальным народам. Разъединяет их жестокое и упорное соперничество в борьбе за мировую гегомонию.

Сессия Лиги наций в Женеве в марте 1927 г., где Чемберлен пытался сколотить антисоветский единый фронт, прошла под знаком не улучшения, а ухудшения англо-американских отношений. Англия хотя и дала как будто положительный ответ на предложение Кулиджа о созыве очередной конференции по «разоружению», но обусловила его такими оговорками, которые явно обнаружили стремление сорвать план Кулиджа. В то же время Англия отклонила оговорки Соед. Штатов о присоединении их к международному трибуналу при Лиге наций — поли-

тический инцидент, подоплекой которого является борьба за гегемонию в Европе *).

С другой стороны, захватническая политика Соед. Штатов в Мексике и Никарагуа — во всей Латинской Америке, и их форсированное экономическое внедрение в Канаду также, конечно, не содействует укреплению англо-американской «дружбы». Если же взять Китай, то и там отношения между этими империалистскими хищниками не отличаются особой сердечностью. Соед. Штаты пытаются вытеснить Англию из ее «сфер влияния» и экономически подчинить себе весь Китай в целом. Правда, Соед. Штаты в начале текущего (1927) года также послали свои войска в Шанхай, и это, конечно, в достаточной степени характеризует лживость заверений Кулиджа в чувствах дружбы к китайскому народу. Но нельзя все же забывать тот факт, что американский адмирал Вильямс постоянно подчеркивал нежелание выступать солидарно с английским экспедиционным корпусом и держал своих солдат на судах. Показательна также принятая к тому времени в американском конгрессе резолюция Портера в пользу ведения переговоров с Китаем об устаревших договорах отдельно от других держав, — резолюция, направленная преимущественно против Англии.

Но по мере углубления китайской революции американский империализм, напуганный перспективой советско-китайского революционного блока, начинает вести все более агрессивную политику и склоняться к частичному сотрудничеству с Англией. Участие и даже инициатива американских судов в бомбардировке Нанкина (24 марта 1927 г.) и последующее усиление американского экспедиционного корпуса в Китае в этом отношении весьма показательны. Мы имеем и прямые выпады представителей американского правительства против СССР, вызываемые боязнью влияния российской революции на китайскую революцию, а также на национально-освободительное движение в Латинской Америке.

Отношение американской буржуазной печати к англо-советскому разрыву ясно выявило эту общую враждебность американского империализма к СССР. Отдельные голоса прогрессистов и тех деловых кругов, которые хотели бы использовать разрыв для расширения торговли с СССР, заглушаются в общем хоре враждебных комментариев. Любопытно отметить, что даже такая антианглийская газета, как «Чикаго Трибюн» (19/V), выступила в защиту поруганного большевиками «британского престижа» и высказывала сожаление по поводу нерешитель-

*) Подробнее о значении борьбы вокруг Трибунала при Лиге наций а также об упоминаемой ниже проблеме «золотого ожирения» Соед. Штатов — см. нашу работу «Америка на мировой арене» (Госиздат, 1927). Из этой же работы взяты небольшие отрывки о характере американско-советских отношений.

ности умеренных консерваторов, «не соответствующей высокому уровню британской дипломатии в прошлом». Приэтом реакционная газета, естественно, одобряет политику непризнавания советского правительства Соединенными Штатами. Даже «Ворлд», орган оппозиционной демократической партии, одно время относившийся к СССР менее враждебно, нежели печать республиканской партии, также выступила в роли защитника британской империи против «разжигающего бунты» СССР (передовая от 26/V).

Одновременно американская печать сообщала, будто американский посол в Лондоне Хоутон собирается в Вашингтон для доклада правительству о необходимости принять решительные меры борьбы с «антиамериканской большевистской пропагандой», наличие которой якобы доказано «документами», обнаруженными при налете на «Аркос». С моментом англо-советского разрыва совпали также официальные выступления американских государственных деятелей против «разрушительной» деятельности Коминтерна. Потом последовал выпад президента Кулиджа. В своей речи на кладбище в Арлингтоне 29 мая, посвященной памяти павших в мировой войне воинов, Кулидж заявил: «Если мы хотим завоевать влияние в деле сохранения порядка, закона, спокойствия и мира, мы должны быть готовы принести те жертвы, которые требуются для того, чтобы жить согласно этим правилам в собственном доме. Если бы наша страна превратилась в арену дезорганизаторской деятельности людей, совершающих преступления и насилия против нашей трудолюбивой страны и существующего в ней строя, то мы в интересах самосохранения и с целью ограничения злоупотребления свободой должны были бы изменить основу нашего государства — конституцию».

Эту речь, не нуждающуюся в комментариях, американская печать открыто ставила в связь с налетом на «Аркос» и англо-советским разрывом. Еще более резкий характер носило выступление американского посла в Париже, Геррика, использовавшего тот же день памяти жертв войны для провокационных, возмутительных выпадов непосредственно по адресу советского правительства.

«Россия, — заявил в тоне печальника посол Уолл-стрит, — являет самый печальный пример морального крушения (!).. Когда люди нового режима заявляют, что они говорят от имени великого народа, то они никого не обманут... Когда по улицам города, в котором существует полиция охраны порядка, бегает сумасшедший, следует раньше всего позаботиться о том, чтобы поместить его в надежное место и попытаться вылечить его. Что он сам говорит о своей болезни, это совершенно неважно, пока он свободно бегает и имеет возможность кусаться».

Геррик по старому трафарету пытается отделить советское правительство от «самой по себе доброй расы», но, не выдерживая стиля, тут же обрушивается на «неразумную нацию, которая может быть хуже Нерона», и заявляет, что Америка «не позволит беспрепятственно действовать банде людей, которые с дьявольской изощренностью хотят впустить нашим (американским) гражданам смертельный яд». И хотя Геррик оговаривается, что Соединенные Штаты «не помышляют о том, чтобы нападать на советский строй в самой России, которая должна сама отвечать за то, что делает на своей территории», все же эта речь очень сильно отдает душком интервенции.

Этот приступ большевикоедства американского капитала объясняется его раздражением по поводу противодействия, оказываемого всей Латинской Америкой его походу на Никарагуа и Мексику. Чтобы ввести в заблуждение общественное мнение относительно истинных причин усилившегося в Латинской Америке движения против империализма янки, в ход пускается излюбленное патентованное средство — «большевистские интриги», причем дело доходит до открытых угроз войной Советскому Союзу. Так, например, реакционная «Вашингтон Пост», инсинуируя, будто советское правительство провоцирует войну с Западной Европой и «восстание на Дальнем Востоке», пишет: «Мы предупреждаем, что если коммунистическая деятельность распространится в Латинской Америке (этот континент северо-американский империализм, очевидно, уже рассматривает как свою колонию. *М. Т.*) и в Соединенных Штатах, то мы не останемся нейтральными». Напомним еще о диких, основываемых на «документах», захваченных при налете на полпредство в Пекине, измышлениях американского адмирала Кителя о том, что советские агенты предложили профсоюзам в Манилле (на Филиппинах) взорвать амуниционные склады (!).

Все это, без сомнения, показывает, что под влиянием роста национально-освободительного движения в колониях и полуколониях американского империализма значительно усилилась враждебность последнего по отношению к СССР и создались предпосылки для известного согласования действий американских и английских империалистов, несмотря на раздирающие их противоречия.

Попытаемся вкратце суммировать основные причины этой враждебности американского империализма по отношению к СССР, не затушевывая моментов, чреватых для нас опасностями.

1) Нечего скрывать от себя той основной исторической перспективы, которую видит перед собой американский капитал: Америка и СССР

противостоят друг другу, как два на-смерть враждебных мира. Америка — это как бы сконцентрированный «здоровый» мировой капитализм. СССР — сконцентрированный «разрушительный» мировой большевизм. Америка стремится к мировой гегемонии. Этапами к этой цели должны служить дауэсизация Европы, как западная половина и нажим на Китай, как восточная половина тех тисков, в которые Соед. Штаты собираются зажать европейско-азиатской материк для водворения в нем «порядка». Но между «дауэсизируемой» западной Европой и постоянно терроризуемым Китаем лежит в плоскости обхвата этих тисков как стальной клин великан СССР, как огромная самостоятельная сила противодействия сама по себе и организатор противодействия сотен миллионов угнетенных в Китае и других полуколониальных и колониальных странах. И пока живет этот революционный гигант, мировой гегемонии американского капитала не бывать.

Вот основа враждебности американского капитала по отношению к нам, враждебность, которую нам трудно прошибить нашей миролюбивой политикой и вполне обоснованными ссылками на возможность экономического сотрудничества и нормальных дипломатических отношений в переходный период. В страхе перед «большевистской опасностью» самоуверенный предприимчивый американский капитал теряет «бизнесменскую» инициативу и аппетит к наживе — видит не экономическую карту СССР, а страшное сплошное красное пятно на земном шаре, от которого он бросается в сторону.

2) Вопрос об американских претензиях (долг правительства Керенского в 187 млн. долл. и претензии частных американских граждан в связи с национализацией и вообще убытками в результате революции). Этот вопрос сам по себе, ввиду неоднократных заявлений советского правительства о готовности обсудить его в целях добиться соглашения, не служил бы серьезным препятствием к урегулированию советско-американских отношений, если бы не «принципиальный» подход к нему со стороны американского правительства. Последнее ставит вопрос так, будто его интересует не конкретное содержание спора, а кощунственное нарушение советским правительством священного принципа священной частной собственности. И когда тов. Чичерин 16 декабря 1923 г., в связи с посланием Кулиджа конгрессу, отправил американскому правительству телеграмму, в которой сообщал о «полной готовности обсудить совместно с вашим правительством все вопросы, задетые

в послании» (американские претензии), Юз решительно отклонил это миролюбивое предложение. Он поставил вопрос в плоскость «принципиальную», — чего, например, не делает французское правительство, — и потребовал не больше, не меньше, как капитуляцию советского правительства без всяких переговоров: «Если советское правительство,— высокомерно заявил он в своей речи в сенате 18 декабря, — изъявляет готовность вернуть американским гражданам конфискованное имущество или дать соответствующую компенсацию за него, то пусть оно это совершит. Если советское правительство готово отменить декреты о непризнании русских долгов, то пусть оно это сделает. Для этого не нужны ни конференции, не переговоры».

Это упрямое доктринерство со стороны «делового» Вашингтонского правительства, конечно, не является случайным. Оно вытекает из общей оценки отношений обеих антагонистических мировых сил — архикапиталистической Америки и большевистского СССР, о которых мы только что говорили.

3) Отрицательную роль играет и тот факт, что высокая конъюнктура в промышленности, продолжающаяся с 1922 г., лишает особой актуальности вопрос о советском рынке, тем более что американская внешняя торговля не занимает такого места в экономике страны, как, напр., английская или германская, и что до войны торговые связи с Россией были ничтожны. К тому же помимо СССР американский капитал имеет рынки большой емкости — Латинскую Америку, Китай, капиталистическую Европу.

4) В то же время аграрный кризис в Соед. Штатах также не способствовал улучшению американско-советских отношений ввиду конкуренции советского хлеба на мировом рынке.

5) Другим чрезвычайно неблагоприятным фактом для нас является исключительная политическая отсталость американского рабочего класса.

В то время как в европейских странах реформисты при всей их ненависти к большевизму в большинстве случаев, пусть с полуоткрытым ртом, высказываются за признание советского правительства, в Америке мы видим нечто совершенно дикое и чудовищное — Американская Федерация Труда ведет систематическую борьбу против прогрессивных элементов и наиболее дальновидных деловых групп, требующих установления нормальных отношений с СССР! Последний съезд АФТ в Детройте в октябре 1926 г. по примеру прошлых съездов при жизни Гомперса принял резолюцию против признания советского правительства. А в момент англо-советского разрыва один из лидеров Федерации, Мэтью Уолл, солидаризируясь с Чемберленом и Джойнсоном Хиксом, требует высылки советских торговых органов из Америки.

В Америке, следовательно, имеются налицо исключительные условия, и если бы американская долларократия вздумала вмешаться в интервенцию против СССР, то она при этом встретила бы еще меньшее сопротивление, чем во время войны. А ведь над тем, как американская буржуазия бросила свой народ в мировую бойню, следует серьезно призадуматься: самого понятного для масс — предлога «защиты родины» — не было: враг был за океаном и нападать на Америку не собирался. Была, конечно, торговая конкуренция в Латинской Америке и других странах, была борьба за острова на Тихом океане и т. д. Но ведь этого народу нельзя было рассказать; за это он не пошел бы воевать, тем более что в Соединенных Штатах живут миллионы немцев, ирландцев, иммигрантов всех национальностей, бежавших из тюрьмы народов — царской России, которые имели свои счеты со странами Антанты. И все же буржуазия с помощью своих коллосальных партийных аппаратов (республиканская и демократическая партия), с помощью тысяч трижды продажных растленных органов печати, целой армии проституированных «мужей науки» и служителей церкви бросила народ в бойню, бросила под лживым лозунгом «обеспечения демократии в мире» («to make the world safe for democracy»), в который народ действительно поверил.

И — увы! — впутать американский народ, находящийся в полной моральной кабале у буржуазии, в интервенцию против СССР не было бы труднее. Причин же для этого с точки зрения наиболее воинствующих элементов американской буржуазии, как мы видели, достаточно.

Таковы основные отрицательные факторы, действующие против американско-советского сближения. Но, с другой стороны, в качестве основного положительного фактора влияет общая тенденция к расширению американской внешней торговли, недогрузка расширенного производственного аппарата и наличие ищущих выгодного применения свободных капиталов. Получение концессии Гарриманом, попытка получить концессию со стороны Синклера, готовность Форда, отказывающегося в данном случае от своих обычных торговых правил, давать широкий кредит СССР, готовность некоторых американских банков (Чез Нешионел и др.) финансировать американско-советскую торговлю — все это, конечно, важные факторы.

Опасность со стороны американского империализма также уменьшается ввиду того, что, инвестировав в Европе около трех миллиардов долларов, он не заинтересован в европейских потрясениях, которе явились бы результатам интервенции против СССР. Но если бы английскому империализму удалось поставить Соединенные Штаты перед со-

вершившимся фактом интервенции, то агрессивные антисоветские круги американской буржуазии взяли бы верх.

«С.-А. С. Ш., — гласит резолюция объединенного пленума ЦК и ЦКК по докладу тов. Бухарина 9 августа 1927 г., — не заинтересованы в европейской катастрофе, сопряженной с риском для огромных американских капитальных вложений. Но и они, несмотря на англо-американский антагонизм, выявившийся и на последнем конфликте с Великобританией из-за морских вооружений и т. д., разумеется, будут помогать английскому империализму в случае конфликта» (с СССР).

Так стоит вопрос в смысле опасности интервенции. Что же касается самых ближайших перспектив американско-советских отношений, то они за последнее время несколько улучшились под влиянием серьезного обострения англо-американских отношений (провал тройственной конференции по морскому разоружению в июле с. г. в Женеве и конфликт между американскими и английскими нефтяниками в борьбе за советскую нефть). Наша миролюбивая политика и готовность на уступки по отношению к Соединенным Штатам могут усилить эти тенденции.

Но каковы широкие исторические перспективы развития того антагонизма, который заложен в противоположности принципов, на которых зиждятся, с одной стороны, империалистическая Америка, а с другой — Советский Союз, антагонизма, выдвигающего вопрос: кто кого?

Ответ истории зависит от развития событий по двум направлениям — внутреннему, внутри нашего Союза, и внешнему — за его рубежами (между тем и другим существует, конечно, тесная связь). Имея за собой великий опыт войны и мира в течение целого десятилетия, мы вправе сделать на его основании некоторые выводы относительно будущих перспектив нашего строительства: за весьма краткий шестилетний срок мирного строительства мы довели нашу промышленность и сельское хозяйство, вконец разрушенные империалистической и гражданской войнами, интервенцией и блокадой, до довоенного уровня.

Это — величайшее историческое достижение для нового социального строя. Это — верный залог будущих достижений на экономическом фронте. Правда, после окончания восстановительного периода, перед нами предстоят трудности в связи с созданием социалистического основного «капитала». Но достигнутые успехи, выучка, производственный навык, создание кадров коммунистов — «капитанов индустрий», общий экономический и культурный подъем, — все это говорит за то, что мы и в будущем справимся со своей задачей. Возможно даже, что мы и в новой хозяйственной стадии пойдем быстрее, чем мы теперь ожидаем. (Мы иногда бываем чересчур скупы и осторожны в наших расчетах на будущее.)

Но если даже в ближайшие 10—20 лет, а может быть и больше, развитие социалистического хозяйства у нас не пойдет таким ускоренным темпом, а в это время в Америке будет продолжаться подъем, то вовсе не следует посредством чисто-абстрактных «законченных» формулировок заострять действительность и считать, что в таком случае капиталистическая Америка обязательно побьет нас, победит нас. Вот мы уже прожили десятилетие на экономическом уровне, значительно отстающем от уровня не только Америки, но и других менее развитых капиталистических стран, и нас все-таки не победили, — и нет никаких оснований предполагать, что в дальнейшем нас победят. Мы видим и другие примеры — существование рядом в течение многих десятилетий экономически-сильных и экономически-отсталых капиталистических государств, без того, чтобы первые проглотили вторые. А какова бы ни была пасть и жадность американского империализма, проглотить такой «кусочек», как СССР, штука не особенно простая! Можно задохнуться.

А теперь перейдем к внешним факторам. Американский империализм не может беспрепятственно разрастаться, потому что он натыкается на объективные препятствия: «золотое ожирение», противоречие интересов промышленного и банковского капитала и т. д. Это — важнейший момент при оценке перспектив проблемы — Америка — СССР. Вовсе не следует представлять себе американский империализм как не знающую удержу стихийную лавину, разрушающую на своем пути все и вся. Дело обстоит сложнее — к невыгоде этого империализма и к выгоде СССР.

Но помимо экономического фактора приходится учитывать и другой — военный. Как обстоит дело в этом отношении? Трудно себе вообразить, чтобы Америка непосредственно пошла войной против нас. Но военная интервенция со стороны американского империализма путем использования против нас наших ближайших соседей, как уже указывалось, в перспективе вполне возможна. Принимая во внимание наше общеэкономическое и военное усиление, а также опыт старой интервенции, мы имеем все основания надеяться выйти победителями из такой борьбы, если она нам будет навязана, тем более, что в странах наших возможных врагов накопилось много социального пороха, который в случае вооруженного столкновения с нами может дать опасный для них внутренний взрыв. Таким образом и с этой стороны американский капитал, при всем своем могуществе и ненависти к нам, имеет довольно ограниченные возможности.

К тому же нужно учитывать следующее обстоятельство: рост американского империализма происходит за счет других империалистиче-

ских держав. Так, например, его усиление тесно связано с ослаблением английского империализма, что в значительной мере улучшает наше международное положение. А это ослабление, в свою очередь, ведет к обострению социальной борьбы, к развязыванию революционных сил в европейских странах. В Англии этот процесс уже зашел довольно далеко; во Франции кризис империалистической политики (эвакуация Рура, вынужденное ослабление нажима на Германию, ослабление позиций в колониях и т. д.) способствует изживанию социал-патриотизма в рабочих массах и обострению классовой борьбы. Вообще нажим Соед. Штатов на европейскую буржуазию ведет к тому, что она все больше начинает терять почву под ногами. В то же время усиление эксплоатации европейского пролетариата, на плечи которого буржуазия взваливает бремя выплаты дани заокеанскому ростовщику, еще более ускоряет революционную развязку.

Параллельно с этим ослабляются позиции европейских империалистов в колониях и полуколониях и создаются дальнейшие предпосылки для благоприятного развития уже окрепшего национально-освободительного движения сотен миллионов в странах угнетенного Востока, исторического стихийного движения, которое несет в себе гибель и молодому, но наиболее могущественному империализму — американскому.

Наконец, когда мы рассматриваем события в широкой исторической перспективе, мы должны учитывать то, что часто забываем, видя перед собой лишь действительность сегодняшнего дня в Соед. Штатах, а именно: чем быстрее идет рост американского империализма с его исключительной концентрацией капитала, хроническим сельскохозяйственным кризисом и циклами промышленных кризисов, тем быстрее назревает внутренний неразрешимый конфликт, заложенный в самой природе империализма, — конфликт между производительными силами и формами присвоения,— тем скорее американский империализм приближается к пределу, предначертанному ему самой историей, тем скорее он уступит дорогу своему наследнику, носителю идеи мировой революции — Союзу Советских Социалистических Республик.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Уроки прошлого и угроза новой интервенции

Десять лет позади... И какие это были годы! Годы мучительнейшей напряженнейшей героической борьбы, годы, когда величайшая из революций находилась на грани жизни и смерти, годы великих побед и поражений, годы бурных порывов и упорного методичного строительства.

Открылась эта десятилетняя глава нашей истории интервенцией — крестовым походом капиталистического мира против первого рабочего государства, и закрывается она под знаком угрозы новой интервенции. Вот почему, подытоживая наше прошлое и заглядывая в будущее, перед нами естественно возникает вопрос — почему мы победили и какое действие могут иметь факторы, обеспечившие нам победу в случае нового великого испытания кровью и железом. Было бы, конечно, недопустимой ошибкой механически переносить опыт прошлого на будущее — все течет, все меняется, создалась новая историческая обстановка. Но все же анализ причин крушения интервенции 1917—1920 гг. значительно облегчает уяснение вероятных исторических перспектив.

Каковы же эти причины?

1) Внутренняя сила самой революции. Российский пролетариат, несмотря на свою молодость, вступив в великую Октябрьскую революцию, уже имел за собой богатейший опыт борьбы с царизмом и был вооружен политической партией, впитавшей и с помощью марксистского метода переварившей весь этот опыт и создавшей в течение десятилетий упорной героической борьбы с царизмом такие ценные в качественном отношении кадры, которые, несмотря на свою количественную слабость, оказались способными занять командные высоты в аппарате еще невиданного типа государства — Республики Советов — и выделить из своей среды гениальнейшего вождя — Ленина. Партия боль-

шевиков, как верховный орган пролетарской диктатуры, вела борьбу с империалистической интервенцией с самоотверженностью, сплоченностью и революционной беспощадностью, сделавшими «чудеса».

2) Бешеный натиск пролетариата преодолел шатания крестьянства, которое, испытав иногда десятки раз смену режимов (Украина), в конечном счете все же пошло за пролетариатом. Значительная часть мелкобуржуазной интеллигенции, представляющей собой благодаря своей культурности немалую социальную силу, убедившись на опыте в невозможности в период величайших политических потрясений некоей «демократической» золотой середины между революцией и контрреволюцией и познавшей истинный смысл «помощи» иностранных «союзников» — интервентов, также перешла на сторону советской власти.

3) Крупную роль сыграл также национальный вопрос. В процессе гражданской войны и интервенции промежуточные группировки в лагере контрреволюции были отброшены в сторону, и руководство там перешло к великорусским капиталистам и помещикам с их лозунгом: «Великая единая неделимая Россия». Это, как мы видели, породило в этом лагере целый ряд национальных антагонизмов (украинская директория, национальности Кавказа, национальные группировки Средней Азии и т. д. против Колчака и Деникина). Происходила также национальная грызня между правящими буржуазными и мелкобуржуазными группировками тех национальностей, которым угрожала реставрация великодержавной России, напр. территориальные споры между грузинскими меньшевиками, дашнаками, муссаватистами и т. д. С этими проблемами органически связана борьба между Колчаком и Деникиным, Юденичем с одной стороны и государственными образованиями, выделившимися из состава б. Российской империи — Польшей, Финляндией, Эстонией и т. д. (Мы видели, какие причудливые формы приняла эта борьба. «Гость» Юденич на территории приютившей его буржуазной Эстонии строит планы против ее самостоятельности; колчаковский министр отказывается принять помощь финляндского диктатора Маннергейма, не желая признать самостоятельности Финляндии.) В противовес этому наша революционная национальная политика привлекала на сторону советской власти широкие массы угнетенных национальностей б. Российской империи и оказала огромное влияние на народы Востока, поднявшиеся на борьбу с поработителями (изгнание англичан из Афганистана в 1919 г., антибританский переворот в Персии в феврале 1921 г., сорвавший договор о фактическом протекторате Англии, подъем национального движения в Индии в 1919—1921 гг., оживление в национально-революционном лагере в Китае под влиянием декларации советского правительства от 25 июля 1919 г. об отказе

от привилегий царского правительства и другие события на Востоке, относящиеся к первому периоду борьбы Республики Советов).

4) Победа была бы невозможна, если бы на помощь российскому пролетариату не пришел пролетариат Запада. Это следует особенно подчеркнуть, так как многие недооценивают этого фактора ввиду того, что западный пролетариат не справился со своей буржуазией.

Но, несмотря на то, что развитие социальной революции в странах капитализма шло не так, как того ждал и надеялся российский пролетариат, не подлежит сомнению, что российская революция не смогла бы победить без той помощи — пусть и не полной, — которую ей оказал пролетариат других стран.

Германская революция, пусть и не законченная, содействовала аннулированию кабального Брестского договора; английские рабочие заставили английских империалистов эвакуировать свои войска из Архангельска и отказаться от вооруженной интервенции и блокады; восстание французских матросов под Одессой принудило к этому же и французскую буржуазию; революционная встряска на Западе в связи с польско-советской войной в 1920 г. помешала буржуазии бывших союзников воспользоваться нашим отступлением после похода на Варшаву и броситься на Советскую Россию; давление английского пролетариата во время английского ультиматума от 9 мая 1923 г. помешало Керзону спровоцировать разрыв, а быть может, и войну с СССР.

Таких конкретных примеров можно привести очень много. Но дело не только в этих конкретных выступлениях пролетариата. Уже одна боязнь возмущения пролетариата парализовала и парализует постоянную готовность мировой буржуазии при первом удобном случае броситься на ненавистный Советский Союз.

В интересах исторической точности следует отметить, что недовольство широких масс интервенцией питалось не только чувством революционной солидарности с Республикой Советов, а самой элементарной усталостью после столь мучительной долголетней бойни, естественным желанием поскорее покончить с ней и вернуться к мирной жизни.

5) Огромнейшую роль в деле победы российского пролетариата сыграла внутренняя борьба в лагере мировой буржуазии — вначале война между Германией и Антантой, а потом распад Антанты в силу внутренних противоречий. Влияние этого фактора мы пытались выявить при изложении истории интервенции, в частности в Сибири, где особенно сильно давали себя знать американско-японский и англо-французский антагонизм.

Не малую роль сыграло, как это у нас неоднократно подчеркивалось, историческое продолжение старой вражды между Великобританией и Российской империей, которое выражалось в боязни возрождения последней со стороны английских интервентов. Это в значительной степени парализовало боеспособность английской буржуазии и нашло отражение в натянутых и фальшивых отношениях между носителями идеи реставрации Российской империи — русскими белогвардейцами и их английскими покровителями.

6) В последний период интервенции стал оказывать значительное действие экономический фактор — надежда деловых кругов в союзных странах на восстановление разрушенного войной хозяйства с помощью включения Советской России и ее огромных природных богатств в орбиту мирового экономического обмена, причем предполагалось — теория Ллойд-Джорджа, — что это в конечном счете приведет к „перерождению" большевизма.

Вообще наши природные богатства (на-ряду с огромными размерами нашей территории) — это такие плюсы в нашей борьбе с врагами, о которых много распространяться не приходится.

Вот каковы причины нашей победы. Рассмотрим в том же порядке, какова их роль в новой изменившейся обстановке и какие новые факторы, положительные и отрицательные с точки зрения наших интересов, оказались выдвинутыми историей:

I. Революционный закал пролетариата СССР оказался помноженным на богатейший опыт в деле социалистического хозяйствования и культурного строительства. Пролетариат СССР гигантски вырос в политическом и культурном отношениях.

II. В отношении крестьянской проблемы появился тот крупнейший минус, что крестьянство, получив землю, уже не чувствует столь остро нужду в союзнике-пролетариате. Но можно с полной уверенностью утверждать, что в случае новой интервенции против СССР крестьянство под руководством пролетариата снова станет на защиту своей советской родины от иностранных захватчиков и их русских, украинских и т. д. наймитов из рядов б. дворянства и буржуазии.

III. Национальности Советского Союза, получившие в результате правильной ленинской национальной политики широчайшую возможность самостоятельного развития, еще дружнее чем в 1917—1920 г., когда их свобода была только возвещена, будут в случае новой интервенции защищать свои реальные национально-революционные завоевания и советские государства, которые в полном смысле слова для них являются своими родными.

В области национально-революционного движения за рубежом произошли крупные изменения — произошло расслоение. В Китае, Турции, Персии замечается сращивание некоторых кругов туземной буржуазии с западным капиталом, но нет никаких оснований опасаться, что в случае войны западного империализма против СССР этим кругам удастся втянуть их страны в антисоветскую авантюру. Наоборот, наши новые договоры с Турцией и Афганистаном и намечающееся заключение торгового договора с Персией говорят о желании этих стран жить с нами в мире и дружбе (см. гл. IX «Ближний Восток»). В отношении Китая в настоящий момент, когда там быстро идут вверх и вниз чаши весов революции и контрреволюции, трудно сделать выводы. Можно только сказать, что даже в худшем для революции случае западный империализм будет иметь с Китаем немало затруднений, которые будут толкать последний в сторону СССР.

IV. Что касается помощи пролетариата, то хотя его революционная энергия во многих странах теперь скована реакцией, можно полагать, что в случае новой интервенции она будет еще более существенной, чем в 1917—1920 гг. Достаточно взять примеры событий самого последнего времени — июльское выступление венского пролетариата и мощное международное движение протеста против казни Сакко и Ванцетти, чтобы убедиться, что под спудом придавленной активности пролетариата накопилась огромная революционная энергия, которая в момент новой интервенции, без сомнения, вырвется наружу. Не следует также забывать того факта, что в 1917—1920 гг. Коминтерн и Профинтерн только стали складываться, а теперь они уже являются могучими организациями, ведущими за собой многие миллионы рабочих во всех странах.

V-VI. Внутренняя борьба в лагере мировой буржуазии еще более обострилась. Но новым фактором, толкающим ее к сплочению против СССР, является наша быстрорастущая экономическая и военная мощь. Влияние этого фактора настолько сильно, что нейтрализует экономическую заинтересованность в наших огромных рынках (это относится, в частности, к Англии). Вот где корень опасности новой интервенции.

Вот почему в тысячах демонстраций в СССР в честь 10-й годовщины великого Октября миллионы крепких рук красноармейцев, моряков, взрослых рабочих и комсомольцев города и деревни будут крепко прижимать винтовки, над штыками которых будут развеваться красные знамена социализма.

Опасность есть. Но, изучая положение в важнейших странах (см. гл. IX «Английская политика окружения и другие страны»), мы видели, с какими огромными внутренними и внешними трудностями придется толкнуться нашим врагам, как велики наши материальные и международ-

но-политические возможности по линии отпора и защиты нашей революции. И, оглядывая путь, пройденный нами за это великое десятилетие, мы, вступая в новую главу нашей истории, можем — отнюдь не отмахиваясь рукой от опасностей, а наоборот, совершенно спокойно и хладнокровно взвешивая их — сказать:

Время работало и работает на нас. Под знаменем мировой революции мы победили и с этим побывавшим в великих боях, видавшим великие победы знаменем — мы победим!

ХРОНИКА СОБЫТИЙ.

1917 г.

Ноябрь 7. **Октябрьская революция** (захват власти Военно-революционным комитетом РСДРП (большевиков) в Петрограде).

„ *8.* *Обращение советского правительства ко всем народам и правительствам с предложением о немедленном мире без аннексий и контрибуций.*

„ *21.* Наркоминдел т. Троцкий обращается к послам союзных держав с предложением о перемирии и мире на основе самоопределения народов.

„ *23.* Атташе союзных держав в коллективном обращении через голову советского правительства к главнокомандующему генералу Духонину протестуют против предложения совправительства о мире.

„ *23.* Тов. Троцкий предлагает послам нейтральных стран взять на себя посредничество в деле мира.

„ *27.* Согласие командования немецких армий востфронта и австрийского министра иностранных дел Чернина на ведение мирных переговоров. Новое обращение СНК к б. союзникам с предложением приступить 14 декабря к мирным переговорам.

Декабрь 5. Подписание в Брест-Литовске соглашения о приостановке военных действий с 7 до 17 декабря. Перерыв переговоров до 12 декабря.

„ *15.* *Заключение перемирия между РСФСР и державами Четверного союза.*

„ *22.* *Открытие мирных переговоров в Брест-Литовске.* Декларация российской делегации об основах общего мира.

„ *31.* Постановление СНК о признании государственной независимости Финляндии.

1918 г.

Январь 7. Прибытие советской мирной делегации в Брест-Литовск в составе тт. Троцкого, Иоффе, Каменева, Покровского, Биценко, Карелина и Карахана.

Январь 9. Возобновление работ мирной конференции в Брест-Литовске.

„ *14.* Неудачное покушение на тов. Ленина.

„ *17—20.* Всеобщая стачка рабочих в Вене.

„ *18.* Открытие Учредительного собрания.

„ *18.* Занятие Полтавы красными отрядами под командой Муравьева.

„ *19.* *Роспуск Учредительного собрания.*

„ *25.* Объявление универсалом Центральной Рады государственной независимости Украины.

„ *28.* Декрет СНК об организации добровольческой рабоче-крестьянской Красной армии.

„ *28.* Декрет об аннулировании государственных займов, заключенных царским и временным правительствами.

„ *29.* Образование в Финляндии Временного революционного правительства и начало гражданской войны с ген. Маннергеймом.

Февраль 8. Взятие Киева войсками Муравьева.

„ *9.* Подписание Украинской Радой сепаратного мира с Четверным союзом.

„ *10.* Отказ советской мирной делегации в Бресте подписать захватнический мир и объявление о прекращении войны и демобилизации армии.

„ *18.* Начало германского наступления. Занятие немцами Двинска.

„ *19.* Радио советского правительства о согласии принять германские условия мира.

„ *24.* Принятие ВЦИКом решения заключить мир и послать мирную делегацию в Брест-Литовск.

Март 3. **Подписание мирного договора в Брест-Литовске.**

„ *4.* Грандиозные манифестации в Австрии и Германии по поводу заключения мира.

„ *6—8.* *Седьмой съезд РКП (б).*

„ *10.* Высадка в Або немецкого десанта, вызванного свергнутым буржуазным правительством Свинхуда.

„ *14.* Занятие австрийскими войсками Одессы.

„ *16.* Занятие Киева немцами.

Апрель 3. Высадка немецкой десантной бригады фон-дер Гольца в Ганге для подавления восстания в Финляндии.

„ *5.* *Японский десант во Владивостоке.*

„ *7.* Занятие немцами Харькова.

„ *13.* Занятие немцами Гельсингфорса.

„ *13.* Занятие немцами Одессы.

„ *20.* Начало немецкой оккупации Крыма.

„ *22.* Провозглашение тифлисским сеймом самостоятельной Закавказской республики.

„ *28.* Разгон Центральной Рады немцами.

Апрель 29. Занятие Выборга белогвардейцами после трехдневного боя. Конец гражданской войны в Финляндии и начало белого террора.

Резолюция Бессарабского сейма за присоединение Бессарабии к Румынии, принятая под давлением Германии.

Провозглашение Скоропадского всеукраинским гетманом.

Май 3. Занятие немцами Таганрога.

„ *23.* Начало мирных переговоров с Украиной в Киеве.

„ *25.* *Первые столкновения с чехословаками и занятие ими Новониколаевска, Омска и Челябинска.*

„ *29.* Открытие белогвардейского заговора в Москве; арест штаба контррев. савинковской организации «Союза защиты родины и свободы».

„ *30.* Занятие чехословаками Пензы и Сызрани.

„ *30.* Наступление атамана Дутова за Волгой.

Июнь 8. Занятие чехословаками Самары.

„ *14.* Заключение перемирия между Советской Россией и Украиной.

„ *17.* Контрреволюционное восстание в Тамбове (ликвидировано 19 июня).

„ *18.* *Восстание на Украине против немцев и Скоропадского.*

„ *20.* Убийство тов. Володарского в Петрограде.

„ *21.* Всеобщая стачка в Венгрии.

„ *29.* Захват Владивостока чехословаками, белогвардейцами и японцами.

Июль 1. *Высадка англо-французского десанта в Мурманске.*

„ *5.* Занятие чехословаками Уфы.

„ *6.* Убийство Блюмкиным немецкого посла графа Мирбаха.

Вооруженное восстание левых эсеров в Москве.

Белогвардейское выступление в Ярославле.

„ *7.* Занятие чехословаками Верхнеуральска.

„ *8.* Захват англо-французскими отрядами Кеми и северной части Мурманской жел. дор.

Белогвардейские восстания в Муроме, Ростове (Ярославском), Рыбинске и Арзамасе.

„ *16.* Расстрел Николая Романова в Екатеринбурге.

„ *17.* **Разгром германских войск союзниками на западном фронте.**

„ *18.* Начало грандиозной железнодорожной забастовки на Украине.

„ *22.* Занятие чехословаками Симбирска.

„ *24.* Переезд послов бывших союзных держав из Вологды в Архангельск.

„ *25.* Занятие чехословаками Екатеринбурга.

„ *29.* Смертельно ранен главнокомандующий немецкой армией на Украине ген. Эйхгорн.

„ *31.* Занятие англичанами Онеги.

Август 2. 2-й десант англо-французов в Архангельске. Восстание белогвардейцев в городе. Образование эсеровского северного правительства «Верховного управления северной области».

Август 6. Взятие Казани чехословаками.

„ *9.* Повстанческое движение крестьян и забастовки рабочих на Украине.

Август 13. Кровопролитное сражение 30 000 повстанцев с германскими войсками в Сквирском уезде Киевской губернии.

„ *15.* Захват турками Баку.
Взятие красными частями Красной Горки, Николаевска и Новоспасской.

„ *24.* Раскрытие белогвардейского заговора в Москве.

„ *27.* Заключение дополнительных соглашений с Германией, обусловленных в Брестском мирном договоре (опубликованы 3 и 4 сентября).

„ *30.* Убийство тов. Урицкого в Петрограде.

„ *30.* Покушение эсерки Каплан на тов. Ленина.

Сентябрь 2. Ликвидация заговора против советской власти, организованного английскими и французскими дипломатами Локкартом, Гренаром и др.

„ *2.* Постановление ВЦИК об объявлении страны военным лагерем.

„ *5.* Постановление СНК о введении красного террора.

„ *8.* Арест тов. Литвинова в Лондоне.

„ *10.* Взятие Казани советскими войсками. Начало благоприятного перелома на чехословацком фронте.

„ *20.* Расстрел англичанами и эсерами 26 бакинских комиссаров.

Октябрь 3. Постановление ВЦИК о создании трехмиллионной Красной армии и об организации продовольственного фонда для помощи надвигающейся германской революции.

„ *31.* **Революция в Австрии.**

Ноябрь 9. **Революция в Германии. Отречение Вильгельма II от престола. Провозглашение Германской республики.**

„ *11.* **Заключение перемирия между Германией и Антантой.**

„ *12.* Высылка советского представителя Берзина из Швейцарии.

„ *13.* *Постановление ВЦИК об аннулировании Брест-Литовского договора.*

„ *18.* Колчаковский переворот в Омске. Колчаком арестована Директория. Колчак объявлен верховным правителем.

Декабрь 14. Отречение гетмана Скоропадского от власти. Взятие Киева петлюровцами.

„ *17.* Провозглашение советской власти в Латвии.

„ *23.* Постановление ВЦИК о признании независимости советских республик Эстонии, Латвии и Литвы.

1919 г.

Январь 2. Провозглашение советской власти в Белоруссии.

„ *3.* Взятие Харькова и Риги советскими войсками.

„ *6—13.* Спартаковское восстание в Берлине.

Январь 15. *Убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург.*

„ *18.* Эвакуация Нарвы эстонской Красной армией.

„ *23.* *Обращение Антанты к правительствам России с приглашением на мирную конференцию на Принцевых островах.*

Январь 26. Воззвание восьми коммунистических и лево-социалистических партий об основании Коммунистического Интернационала.

Февраль 6. Взятие Киева частями Красной армии.

„ *11.* Начало военных действий поляков против Советской России. Занятие Брест-Литовска польскими частями.

„ *20.* Волнения среди французских войск в Одессе.

Март 2—6. *Первый конгрес Коминтерна.*

„ *18.* Уход латышской Красной армии из Митавы.

„ *18—22.* *Восьмой съезд РКП (б).*

„ *21.* **Образование Венгерской Советской республики.**

Апрель 6. Занятие Одессы советскими войсками.

„ *7.* *Образование Баварской Советской республики.*

„ *22—25.* Упорные бои на восточном фронте и разгром колчаковцев в районе Бузулук-Бугуруслан.

Май 4. Переход Деникина в наступление на южном фронте. — Взятие Луганска деникинскими частями.

„ *5.* Падение советской власти в Баварии.

„ *21.* *Войска Юденича подошли на 20 верст к Гатчине.*

„ *22.* Эвакуация Латышской Красной армии из Риги.

„ *27.* *Наступление (первое) Юденича на Петроград остановлено.*

Июнь 9. Взятие Уфы советскими войсками.

„ *16.* Подавление восстания на Красной Горке.

„ *28.* *Германия подписала Версальский договор.*

Июль 14. Взятие Екатеринбурга советскими войсками.

„ *22.* Обращение СНК к китайскому народу и правительству с предложением начать переговоры на основе отказа РСФСР от всех привилегий и неравноправных договоров царского правительства.

„ *24.* Взятие Челябинска советскими войсками.

Август 1. *Падение Венгерской Советской республики.*

„ *8.* Наступление поляков — взятие ими Минска.

„ *10.* Прорыв Южного фронта конницей генерала Мамонтова.

„ *27.* *Уход английских войск из Архангельска.*

Сентябрь 10. *Подписание Сен-Жерменского договора Австрией.*

„ *21.* Взятие Курска деникинцами.

„ *22.* Ликвидация заговора контрреволюционной организации „Национальный центр“ в Москве (проф. Щепкин и др.).

Октябрь 11. *Начало второго наступления Юденича на Петроград. — Взятие войсками Юденича Ямбурга.*

„ *13.* Взятие Орла деникинскими войсками.

„ *16.* Вторжение Юденича в Красное Село.

Октябрь 17. *Взятие Новосиля, Тульской губернии, деникинскими войсками (пункт наибольшего продвижения Деникина к Москве).*

„ *19.* **Перелом в пользу Красной армии на Южном фронте.** — *Разгром конницы генерала Мамонтова под Воронежем конницей Буденного.*

Ноябрь 14. **Ликвидация Юденического фронта.** — *Взятие красными Ямбурга.*

„ *14.* *Взятие Омска советскими войсками.*

Ноябрь 23. *Приезд тов. Литвинова в Копенгаген для переговоров с английским представителем О'Греди об обмене военнопленными.*

„ *27.* Подписание Болгарией мирного договора в Нейи.

Декабрь 11. Взятие Харькова советскими войсками.

„ *16.* Красная армия берет Киев.

„ *27.* Арест Колчака восставшими отрядами его войск в Нижне-Удинске.

„ *31.* Подписание в Юрьеве перемирия между Советской республикой и Эстонией.

1920 г.

Январь 8. *Ликвидация восточного фронта. — Взятие Красноярска и захват в плен 60 тысяч колчаковцев.*

„ *16.* **Постановление Верховного Совета о снятии блокады с Советской России и о возобновлении торговых сношений с русскими кооперативными организациями.**

Февраль 1. Революционный переворот в Хиве.

„ *2.* *Подписание советско-эстонского мирного договора.*

„ *12.* Договор Литвинова с английским представителем О'Греди об обмене военнопленными.

„ *19.* Захват Архангельска восставшими рабочими.

Март 6. *Возобновление поляками военных действий.* —Взятие Мозыря и Овруча польскими войсками.

Март 13—19. *Монархический мятеж Каппа в Германии.*

„ *14.* Американский сенат отклоняет Версальский договор.

„ *27.* *Взятие Красной армией Новороссийска — последней* опоры Деникина. — Бегство Деникина за границу.

„ *29.* Девятый съезд РКП(б); закрытие — 4 апреля.

Апрель 11. Первая нота Керзона Советской России с предложением заключить перемирие с Врангелем.

„ *20.* Объявление независимости Монголии.

„ *25.* **Начало польского наступления на Украину.**

„ *28.* Провозглашение Советской республики в Азербайджане.

Май 6. Взятие Киева польскими войсками.

„ *12.* Приезд первой делегации английских тред-юнионов в Советскую Россию.

„ *18.* Высадка десантного отряда Каспийского флота под командой т. Раскольникова и Энзели и эвакуация Энзели англичанами.

Май 27. Приезд торговой делегации во главе с тов. Красиным в Лондон.

Июнь 8. Прорыв конницей Буденного польского фронта на Украине.

„ *12.* Взятие Киева советскими войсками.

Июль 4. *Переход Красной армии в общее наступление на польском фронте.*

Ультиматум английского правительства Советской России с предложением посредничества Англии в вопросе о мире между Польшей, Врангелем и Советской республикой.

„ *12.* *Подписание советско-литовского мирного договора.*

Июль 17. Ответ Наркоминдела английскому правительству с отказом от посредничества Англии.

Июль 19—6 авг. Второй конгресс Коминтерна.

„ *28.* Наступление Врангеля.

Август 4. Заявление Ллойд-Джорджа тов. Каменеву, что английский флот нападет на Советскую Россию, если Красная армия не остановит своего движения на Варшаву.

„ *10.* Заявление Франции о признании ею правительства Врангеля.

„ *14.* Экстренная конференция рабочих организаций в Лондоне принимает резолюцию с требованием признания Советской республики и недопущения помощи Польше и Врангелю со стороны Антанты.

„ *14—17. Упорные бои на польском фронте и начало отступления Красной армии.*

„ *29—20 сен.* Революционные волнения в Италии. — Захват рабочими фабрик и заводов.

Сентябрь 2. Революционный переворот в Бухаре.

„ *2—7.* Съезд народов Востока в Баку.

„ *6.* Ликвидация врангелевского десанта на кавказском побережьи.

„ *11.* По требованию английского правительства тов. Каменев покидает Англию.

„ *13.* Подписание предварительного мирного договора с Афганистаном в Кабуле.

„ *21.* Возобновление советско-польских мирных переговоров в Риге.

Октябрь 9. Захват Вильно польским генералом Желиговским.

„ *12.* **Подписание перемирия и прелиминарного мира с Польшей.**

„ *14.* Разгром врангелевских войск у Каховки и Никополя.

„ *14. Подписание мирного договора с Финляндией.*

„ *21.* Разгром Семенова. — Взятие Читы красными повстанцами.

„ *26.* Переход Красной армии в решительное наступление против Врангеля.

Ноябрь 9. Гардинг избирается президентом Соед. Штатов.

„ *7.* Наступление Петлюровских войск на Украине.

„ *2.* Красная армия овладела укрепленной перекопской позицией Конец врангелевской авантюры.

Декабрь 2. Занятие революционными повстанцами Эривани и провозглашение советской власти в Армении.

„ *17.* Высылка советского представителя тов. Мартенса из Америки.

1921 г.

Февраль 24. Подписание советско-персидского договора.

„ *26.* Взятие Тифлиса революционными повстанцами. — Провозглашение советской власти в Грузии.

„ *28. Подписание советско-афганского мирного договора.*

Март 2. Восстание в Кронштадте.

Март 8. Оккупация союзными войсками Дуисбурга и Дюссельдорфа в виде репрессии за уклонение Германии от взноса репарационных платежей.

„ *8—16.* **X съезд РКП(б). Принята резолюция о замене продразверстки продналогом (нэп).**

„ *16.* **Подписание в Лондоне торгового соглашения между Англией и РСФСР.**

„ *17.* Подавление Кронштадтского мятежа.

„ *18.* **Подписание в Риге мирного договора между Польшей, с одной стороны, и РСФСР и УССР, с другой.**

„ *20.* Плебисцит в Верхней Силезии (60% голосов в пользу Германии).

Апрель 29. 3-я лондонская конференция о репарациях. Ультиматум германскому правительству (5 мая). Отставка кабинета Фернбаха-Симона в результате ультиматума.

Май 8. *Подписание германско-советского договора об урегулировании дипломатических и экономических отношений.*

„ *10—11.* Сформирование „кабинета выполнения" (требований союзников) во главе с Виртом. — Принятие Германией ультиматума союзников от 5 мая.

Июнь 21—5 авг. Британская имперская конференция. — Продление англо-японского союза на год.

„ *22—12 июля. III Конгресс Коминтерна.*

Август 5 Подписание чешско-югославского союзного договора.

„ *26.* Подписание мирных договоров между Соед. Штатами и Германией, а также Австрией.

„ *27.* Убийство реакционером германского министра Эрцбергера в Грисгейне. — Грандиозные рабочие демонстрации протеста против наступления реакции.

Сентябрь 7. Вступление венгерских войск в Бургенланд (Австрия). — Ультиматум союзников Венгрии. 3 октября венгерские войска эвакуируются.

Октябрь 6. Подписание в Висбадене франко-германского соглашения (Лушер-Ратенау) о германских поставках натурой.

Октябрь 20. Разрешение Верхне-Силезского вопроса на основании решения Лиги наций.

Ноябрь 5. Советско-монгольский договор на основе признания независимости Монголии.

„ *12.* **Конференция держав в Вашингтоне по вопросу о сокращении вооружений и урегулировании проблем Тихого океана.** (Закрытие — 6 января 1922 г.)

„ *26.* Персидский парламент сдает американской Стандарт Ойл Ко нефтяную концессию на 50 лет.

Декабрь 7. Соглашение между Англией и ирландскими синн-фейнерами на основе признания за Ирландией автономии в пределах Британской империи.

„ *19—22.* Переговоры между Ллойд-Джорджем и Брианом в Лондоне по вопросам о взаимоотношениях с СССР и Германией (подготовка конференции в Каннах).

1922 г.

Январь 6—13. *Конференция в Каннах. Выносится решение о созыве международной конференции* (генуэзской).

„ *12.* Отставка Бриана под давлением правых.

„ *13.* Сформирование кабинета Пуанкарэ.

Февраль 5. Японско-китайский договор об эвакуации Шандуна (в результате Вашингтонской конференции).

„ *25.* Встреча Ллойд-Джорджа и Пуанкарэ в Булони. Решено созвать международную конференцию в Генуе.

Март 13—17. Конференция прибалтийских государств в Варшаве (Финляндия, Латвия, Эстония, Польша).

„ *16.* Провозглашение „независимости" Египта.

„ *22—26.* Конференция держав по восточному вопросу в Париже.

„ *23.* Ультимативная нота репарационной комиссии германскому правительству. Союзники требуют уплаты Германией в 1922 г. 720 млн. марок золотом и 1 450 млн. марок поставками натурой, а также замаскированного контроля над германскими финансами.

„ *27.* *Одиннадцатый съезд РКП. Закрытие — 4 апреля.*

„ *29—30.* Конференция с участием СССР, Польши, Эстонии и Латвии относительно вопросов, связанных с предстоящей Генуэзской конференцией. Окраинные государства обязуются требовать признания советского правительства.

Апрель 10. **Конференция в Генуе.** (Закрытие — 19 мая.)

„ *16.* *Подписание в Рапалло советско-германского договора.*

Май 15. Подписание германско-польского договора относительно Верхней Силезии.

„ *23—10 июня.* Конференция финансовых экспертов с участием Моргана по вопросу о репарациях. Морган отказывается участвовать в предоставлении займа Германии.

„ *29.* Германская нота, принимающая в основе требования союзников от 23 марта при условии предоставлении Германии займа.

Май 31. Репарационная комиссия признает германскую ноту в общем удовлетворительной и соглашается на отсрочку репарационных платежей до конца 1922 г.

„ *31.* Соединенные Штаты отказываются от участия в Гаагской конференции (с участием СССР).

Июнь 5. Вашингтонское правительство отказывает в дальнейшем признании представителю Керенского.

„ *10.* Опубликование сообщения о военной конвенции между Чехо-Словакией, Югославией и Румынией.

„ *15.* *Открытие конференции в Гааге.* (Закрытие—19 июля.)

„ *16.* Опубликование сообщения о франко-румынском военном союзе.

Август 2. Французское правительство отклоняет просьбу Германии об отсрочке репарационных платежей и угрожает репрессивными мерами.

„ *2.* Нота Бальфура о долгах (Англия будет требовать от союзников столько, сколько она будет платить Соединенным Штатам).

Август 31. Подписание чешско-югославского союзного договора.

Сентябрь 5. *После окончательного поражения в войне с Турцией Греция приступает к эвакуации Малой Азии.*

„ *15.* Англия принимает военные меры к недопущению турецких войск в зону проливов.

„ *20.* Совещание Керзона, Пуанкаре и Сфорца по вопросам Ближнего Востока. Решено созвать конференцию (состоялась впоследствии в Лозанне).

Октябрь 3. Протест советского правительства против блокады Дарданелл союзниками.

„ *11.* Заключение перемирия между турками и греками при участии союзных держав в Мудании.

„ *12.* Договор между Англией и королем Фейсалом, фактически устанавливающий английский протекторат над Ираком.

„ *14.* Конференция с участием Финляндии, Латвии, Эстонии и Польши. Решено принять участие в конференции по разоружению в Москве.

„ *19.* *Отказ консерваторов от коалиции. Отставка Ллойд-Джорджа. Кабинет Бонар-Лоу.*

„ *25.* Занятие Владивостока народно-революционной армией Дальне-Восточной Республики.

„ *30.* **Захват власти в Риме фашистами, Муссолини — министр-президент.**

„ *30.* Приглашение СССР к участию в работах Лозаннской конференции.

„ *31.* В связи с решениями Вашингтонской конференции Япония эвакуирует Циндао.

Ноябрь 5—12 декабря. *IV Конгресс Коминтерна.*

„ *15.* *Парламентские выборы в Англии* (консерваторы — 346, либералы — 57, рабочая партия — 142).

„ *20.* Открытие Лозаннской конференции (закрытие — 24 июля 1924 г.)

„ *20.* Сформирование кабинета Куно в Германии.

Декабрь 2—13. Конференция СССР и прибалтийских государств по вопросу о сокращении вооружений, в Москве.

„ *16.* Убийство польского президента Нарутовича.

1923 г.

Январь 11. **Оккупация французскими и бельгийскими войсками Рурской области.**

Март 15. Протест украинского советского правительства против решения вопроса о Восточной Галиции без его участия.

„ *30.* Анулирование американско-японского соглашения Лансинг-Ишии от (1917) г.

Апрель 3. Протест советского правительства против вмешательства Англии и Польши в дело о польском шпионе прелате Буткевиче.

„ *17—24.* *Двенадцатый съезд РКП (б).*

„ *18.* Наступление контрреволюционных войск на Кантон отбито войсками правительства Сун Ят-сена.

Апрель 30. Подписание договора о концессиях между турецким правительством и американской группой Честера.

Май 7. Продление чешско-румынского союза на 3 года.

„ *9.* **Ультиматум Керзона советскому правительству.**

„ *11.* *В Лозанне белогвардейцем Конради убит тов. Воровский.*

„ *16.* Начало забастовочного движения в Рурской области.

„ *22.* *Сформирование кабинета Болдуина.*

Июнь 9. *Реакционный переворот в Болгарии. Свержение правительства Стамболийского. Диктатура Цанкова. Белый террор.*

„ *19.* Нота советского правительства английскому правительству, в которой дипломатическая переписка по поводу ультиматума Керзона объявляется законченной.

Июль 6. Утверждение конституции СССР.

„ *24.* *Подписание Лозаннского мирного договора (Турция, Англия, Франция, Италия, Румыния; СССР присоединяется 14 августа.)*

„ *27.* Конференция Малой Антанты в Синайе. Обсуждается вопрос об отношении к СССР.

Август 31. Бомбардировка и занятие Корфу итальянскими войсками в результате конфликта с Грецией по поводу убийства итальянцев членов пограничной комиссии.

Сентябрь 1. *Землетрясение в Японии.*

„ *12.* Массовые аресты коммунистов в Болгарии. Начало рабочего крестьянского восстания против диктатуры Нанкова.

„ *15.* Фашистский переворот Примо-де-Риверо в Испании.

„ *26.* Отказ германского правительства от политики пассивного сопротивления в Рурской области.

Октябрь 2. Открытие британско-имперской конференции (закрытие 8 ноября).

„ *10.* Временное соглашение Англии, Франции и Испании по вопросу о Танжере.

„ *23.* *Коммунистическое восстание в Гамбурге. Восстание подавлено. Спад революционной волны в Германии.*

„ *25.* Предложение Англии о созыве конференции экспертов для рассмотрения вопроса о репарации (возникновение „плана Дауэса“).

Декабрь 19—29. Англо-афганский конфликт по поводу причастности английских агентов к повстанческим выступлениям в Афганистане.

1924 г.

Январь 21. **Умер Ленин.**

„ *24.* В Париже подписан франко-чешский союзный договор.

Февраль 1. **Признание СССР де-юре Англией.**

„ *6.* *Признание СССР де-юре Италией.* Подписание итало-советского договора.

„ *15.* *Признание СССР де-юре Норвегией.*

„ *16—18.* Конференция прибалтийских государств в Варшаве.

Февраль 25. *Признание СССР де-юре Австрией.*

„ *26.* Закрытие конференции по разоружению в Риме. Конференция не дала никаких положительных результатов.

Март 8. Признание СССР де-юре Грецией.

„ *10.* Ноты протеста т. Чичерина против решения мемельского вопроса без участия СССР.

„ *12.* Франция ратифицирует договор от 29 октября 1920 г. об аннексии Бессарабии Румынией.

„ *14.* Подписание в Пекине советско-китайского договора о возобновлении дипломатических отношений. Под давлением империалистических держав китайское правительство отказывается от договора.

„ *14.* *Признание СССР де-юре Швецией.*

„ *17.* Нота протеста советского правительства французскому правительству против ратификации бессарабского протокола.

„ *26.* Открытие советско-румынской конференции в Вене.

Апрель 2. Срыв советско-румынской конференции в Вене.

„ *14.* Открытие англо-советской конференции в Лондоне по вопросам о долгах, взаимных претензиях и т. д.

Май 3. *Налет полиции на торгпредство в Берлине.*

„ *19.* Открытие в Константинополе англо-турецкой конференции по вопросу о Моссуле.

„ *23—31.* *Тринадцатый съезд РКП (б).*

„ *31.* *Признание СССР де-юре Китаем. Советско-китайский договор.*

Июнь 17—8 июля. *V Конгресс Коминтерна.*

„ *18.* *Признание СССР де-юре Данией.*

„ *29.* Бои между риффами и франко-испанской армией в Марокко.

Июль 1. Урегулирование советско-финляндского конфликта об убийстве членов советской пограничной комиссии.

„ *16.* **Открытие лондонской конференции по вопросу о плане Дауэса.** Присутствует американский министр Келлог. Неофициальное участие Юза и Мелона. План Дауэса принят. Закрытие конференции—16 августа.

„ *29.* Урегулирование конфликта по поводу налета полиции на полпредство в Берлине 3 мая.

„ *31.* Признание СССР де-юре Мексикой.

Август 8. Подписание англо-советского генерального договора (впоследствии аннулированного консервативным правительством).

„ *11.* Столкновение между английскими и туземными войсками в Судане.

„ *28.* Контр-революционное выступление грузинских меньшевиков.

Сентябрь 1. Открытие Конгресса тред-юнионов в Гулле. Съезд устраивает бурную овацию т. Томскому.

„ *29.* Германский меморандум о согласии вступить в Лигу Наций.

Октябрь 2. *Принятие Лигой Наций „женевского протокола“ об обязательном арбитраже и объявлении „наступательной войны“ „международным преступлением“.*

„ *25.* *Нота протеста английского правительства советскому правительству по поводу так называемого „письма Зиновьева“.*

Октябрь 28. **Признание СССР де-юре Францией.**

Ноябрь 4. *Отставка Макдональда. Болдуин формирует кабинет.*

„ *19.* Убийство в Каире английского главнокомандующего в Египте Ли-Стэка. Следует (21 ноября) английский ультиматум Египту с целым рядом требований.

„ *21.* **Английская нота советскому правительству об аннулировании генерального договора от 8 августа 1924 г.** Нота настаивает на подлинности „письма Зиновьева".

Декабрь 1. Коммунистическое восстание в Ревеле.

1925 г.

Январь 11. Отставка американского министра Юза. Преемник — Келлог.

„ *21.* **Признание СССР де-юре Японией. Японско-советский договор.**

Март 9. Открытие 33 сессии Лиги Наций в Женеве, на которой Англия отклоняет Женевский протокол.

„ *26.* Переговоры представителей генштабов Латвии, Эстонии и Польши в Риге. Неофициально присутствуют представители Финляндии и Румынии. Совещание носит антисоветский характер.

Апрель 6—8. Совещание представителей английских и советских профсоюзов в Лондоне. Создание англо-русского комитета.

„ *10.* Отставка кабинета Эррио во Франции.

„ *16.* Взрыв в соборе в Софии. Большое количество жертв среди собравшихся представителей правящих кругов.

Май 30. *Расстрел иностранной полицией рабочей демонстрации в Шанхае. Взрыв возмущения во всем Китае выливается в форму широких массовых выступлений.*

Июль 4. Приезд в СССР 1-й германской рабочей делегации.

Август 25. Эвакуация с французскими войсками Дюссельдорфа и Дуйсбурга — завершение эвакуации Рура.

„ *27.* Временное англо-французское соглашение о рассрочке французского долга на 62 года.

Сентябрь 7—12. 57-й конгресс английских тред-юнионов в Скарборо. Левый курс.

„ *28.* Переговоры т. Чичерина с представителями польского правительства в Варшаве (в связи с конференцией предстоящей в Локарно).

„ *29.* Открытие конференции рабочей партии в Ливерпуле. Антикоммунистические резолюции.

„ *30.* Тов. Чичерин в Берлине.

Октябрь 1. Падение Аждира, главной ставки Абд-Эль-Керима.

„ *5—16.* **Конференция держав в Локарно.** 16 октября парафирование локарнских договоров (подписание 1 декабря в Лондоне).

„ *12.* *Подписание в Москве германско-советского торгового договора.*

„ *22.* Подавление французскими войсками восстания в Дамаске.

Ноябрь 2. Свержение династии Каджаров в Персии. Реза-хан — глава государства.

„ *27.* *Войска Фын-Юн-Сяна под Пекином.*

Декабрь 1. *Подписание в Лондоне локарнских договоров.*

„ „ Эвакуация Кельна союзниками.

„ *15.* Решение совета Лиги Наций по вопросу о Моссуле. Решение направлено против Турции.

„ *17.* *Подписание в Париже т. Чичериным и Ругиди-беем советско-турецкого гарантийного договора.*

„ *18—31.* *Четырнадцатый съезд ВКП (б).*

„ *29.* Встреча Муссолини и Чемберлена в Рапалло. Тайное англо-итальянское соглашение по целому ряду международных политических вопросов.

1926 г.

Январь 20. *Арест Чжан-Цзо-Лином управляющего КВЖД тов. Иванова и других советских работников.*

„ *25.* Соглашение между Чжан-Цзо-Лином и генеральным консулом СССР в Мукдене.

„ *27.* Американский сенат после долголетней политической борьбы принимает резолюцию за присоединение к международному трибуналу при Лиге Наций (активизация политики С. Ш. в Европе).

Февраль 5. В поезде под Ригой убит советский дипкурьер т. Нетте.

„ *10.* Германия подает заявление о вступлении в Лигу Наций.

„ *25.* Открытие работ франко-советской конференции по вопросу о долгах и взаимных претензиях в Париже.

Март 8. Открытие сессии Лиги Наций. Сессия Лиги Наций откладывает прием Германии в Лигу (16 марта).

„ *10.* Нота протеста империалистических держав по поводу обстрела войсками Фын-Юн-Сяна Пей-Хо.

„ *27.* Возобновление антисоветского румынско-польского военного договора.

Апрель 17 Вступление войск Чжан-Цзо-Лина в Пекин.

„ *19.* Вашингтонское правительство отклоняет предложение Лиги Наций о созыве конференции для рассмотрения американских оговорок о присоединении к трибуналу при Лиге (фактический отказ от вступления в трибунал).

„ *22* Подписание в Тегеране персидско-турецкого гаранитийного договора.

„ *24.* *Подписание в Берлине советско-германского договора о нейтралитете.*

„ *29.* Временное франко-американское соглашение о долгах.

Май 1. **В Англии началась стачка углекопов. Забастовало около миллиона человек.**

„ *4.* **По постановлению Генсовета началась всеобщая забастовка.**

„ *6.* Уклончивый ответ Финляндии, Латвии и Эстонии на предложение СССР о заключении гарантийного договора.

„ *8—10.* На выборах в литовский сейм победила левая оппозиция.

„ *12.* Генсовет трэд-юнионов постановил прекратить всеобщую забастовку.

Май 12. *Переворот Пилсудского в Варшаве.*

„ „ Опубликование в Тегеране персидско-афганского гарантийного договора.

Июнь 6. Между Англией и Турцией подписано соглашение о Моссуле.

„ *12.* *Английское правительство препроводило советскому правительству ноту протеста против денежной помощи из СССР в пользу бастующих горняков.*

„ *26.* Подписано соглашение между советским правительством и консорциумом советских банков об условиях кредитования советских заказов в Германии.

„ *30.* Голосование в Германии по вопроссу о возмещении б. владетельных домов. 14.889.000 против возмещения. За — 542.000 тыс. Ввиду недостаточности голосов против возмещения референдум благоприятен б. владетельным домам.

Июль 3. В Пекине прерваны на неопределенное время работы таможенной конференции.

„ *14.* В Лиге закончилось неофициальное совещание министров иностранных дел Латвии, Эстонии и Финляндии, посвященное вопросу о заключении гарантийного договора между Прибалтийскими государствами и СССР.

„ *21.* Кабинет Эррио подал в отставку.

„ *23.* *Сформирован кабинет Пуанкаре (министр — Бриан).*

Август 4. Осуждение в Будапеште тт. Ракоши, Вейнберга и др.

„ *19.* Войска Чжан-Цзо-Лина и У-Пей-Фу заняли Калган, оставленный отступающей народной армией.

„ *20.* Правительство Финляндии, Латвии и Эстонии каждое в отдельных меморандумах тождественного содержания заявляют о согласии приступить к переговорам с СССР о заключении гарантийного договора при условии поддержания контакта с другими заинтересованными государствами.

„ *21.* Правительство Уругвая признало СССР де-юре.

„ *24.* Советское правительство передало польскому правительству проект договора о ненападении.

„ *25.* В ноте, обращенной к правительствам Англии, Франции и Италии, испанское правительство требует включения Танжера в испанскую зону в Марокко.

„ *31.* *В Пагмане, летней резиденции эмира, между СССР и Афганистаном подписан договор о нейтралитете и взаимном ненападении.*

„ *31.* Советское правительство заявило протест пекинскому правительству против распоряжения Чжан-Цзо-Лина о конфискации торгового флота К. В. ж. д.

Сентябрь 2. Советское правительство в связи с требованиями Испании созвать новую конференцию для пересмотра генерального акта алжезирасской конференции препроводило державам ноты, в которых заявляет о праве советского правительства на участие в названной конференции.

„ *2.* Между Италией и Йеменом подписан торговый договор (проникновение итальянского влияния в Аравию).

Сентябрь 4. В Кантоне высажен английский морской десант.

„ 5. Английские канонерки бомбардировали город Вансян на реке Янцзы. Убито и ранено несколько сот человек.

„ 7. *Кантонская армия заняла Учан и Ханькоу.*

„ 6. Конгресс английских тред-юнионов в Барнемуте, т. Томский не допущен в Англию на конгресс.

„ 11. Испания официально заявила о своем выходе из состава Лиги Наций.

„ 16. В Бухаресте подписан итало-румынский договор о дружбе.

„ 17. *В Туари состоялось свидание Штреземана с Брианом* (попытка франко-германского сближения).

„ 18. В Женеве подписан договор о дружбе и сотрудничестве между Польшей и Югославией.

„ 28. *Между СССР и Литвой подписан договор о взаимном ненападении и нейтралитете.*

„ 29. В ноте державам Литва обращает внимание на военные приготовления Польши на литовской границе.

„ 30. В Ливорно состоялось свидание Муссолини с Чемберленом, посвященное обсуждению текущих вопросов международной политики (дальнейшее развитие англо-итальянского блока).

Октябрь 5. Советские полномочные представители в Париже и Риме представили правительствам, при которых они аккредитованы, ноты по поводу Бессарабии в связи с заключением франко-румынского и итало-румынского договоров.

„ 11. Конференция английской рабочей партии в Маргенте. Антикоммунистические резолюции.

„ 19. Открылась британская имперская конференция. (Закрытие — 23/XI.)

„ 23. Нота протеста польского правительства по поводу пункта о Вильно в советско-литовском договоре от 28 сентября 1926 г.

Ноябрь 12. *В Одессе состоялось свидание тов. Чичерина с турецким министром иностранных дел Тевфик-Рушди беем.*

„ 12. *На острове Яве началось широкое восстание туземцев против голландских властей.*

„ 19. *Делегатская конференция горняков приняла резолюцию, рекомендующую углекопам немедленно приступить к переговорам с шахтовладельцами на основе порайонных соглашений (конец забастовки).*

„ 23. Опубликована дипломатическая переписка между Соединенными Штатами и Мексикой по вопросу о национализации земных недр в Мексике. Соединенные Штаты протестуют против закона мексиканского правительства.

Декабрь 13. В Финляндии сформирован с.-д. кабинет Таннера.

„ 17. В Латвии сформирован с.-д. кабинет Скуенека.

„ 17. В Литве произошел фашистский переворот. Правительство Сляжевичуса вышло в отставку. Сформировано правительство Вольдемараса.

1927 г.

Январь 2. На Суматре (Голландская Индия) началось восстание туземцев.

„ *4—7.* В результате массовых выступлений китайских рабочих в Ханькоу английские войска вынуждены очистить территорию концессии. Кантонские власти 7 января вступают в управление концессией.

„ *6.* В Манагуа (Никарагуа) вступил отрядой морск. пехоты Соед. Штатов. Начало американской интервенции.

„ *12.* *Министр иностранных дел Соединенных Штатов Келлог выступает в комиссии по иностранным делам Сената с речью, в которой взваливает вину на осложнения между Соединенными Штатами с Мексикой и волнения в Никарагуа на „происки большевиков“.*

„ *17.* Тов. Литвинов в своем ответе на запрос американских журналистов подвергает резкой критике выступление Келлога.

„ *14.* В Вильне арестованы белорусские депутаты Сейма — Тарашкевич, Волошин и Рак-Михайловский. По всей Польше производятся массовые аресты членов белорусской громады.

„ *15.* Английский министр финансов Черчилль имел в Риме свидание с Муссолини. Свидание, по сообщениям печати, преследовало анти-советские цели.

„ *21.* Попытка фашистского переворота в Латвии.

„ *28.* Английский посланник в Пекине Лэмпсон вручил пекинскому правительству меморандум, содержащий обещания уступок Китаю в вопросах экстерриториальности.

Февраль 1. Между конференцией послов и германским правительством достигнуто компромиссное соглашение по вопросу о снесении крепостей на восточной границе Германии.

„ *2.* Итальянское правительство заявляет о своей готовности оказать поддержку Англии в Китае.

„ *7.* Посланники 6 договорных держав в Пекине заявили протест против взимания дополнительных таможенных пошлин и увольнения генерального инспектора морских таможен Эглена.

„ *9.* В Париже открылась франко-испанская конференция по вопросу о статуте Танжера.

„ *10.* Обращение президента Кул джа к державам с предложением об ограничении вооружений.

„ *10.* В Брюсселе открылся антиимпериалистический конгресс, организованный Лигой борьбы с угнетением колониальных народов.

„ *18.* В Москве подписано дополнительное соглашение между правительством СССР и японским акционерным обществом „Северная сахалинская нефть“ о сдаче последнему в концессию нефтеносной площади в 1 000 кв. верст на восточном побережьи Северного Сахалина.

Февраль 19. В Шанхае началась всеобщая забастовка протеста против высадки английских войск.

„ *21.* Палата представителей Соединенных Штатов приняла резолюцию в пользу самостоятельных переговоров с Китаем о пересмотре неравноправных договоров.

„ *23.* *Английское правительство препроводило советскому правительству ноту, содержащую обвинение в антибританской пропаганде.*

Март 9. *В Риге парафирован гарантийный договор между СССР и Латвией.*

„ *10.* Итальянская палата депутатов ратифицировала Бессарабский протокол.

„ *11.* *В Ангоре подписан советско-турецкий торговый договор.*

„ *16.* Австрийский национальный совет принял законопроект о гарантийном кредитовании торговых сделок австрийских предприятий с СССР.

„ *17.* Полпред СССР в Италии т. Каменев заявил протест итальянскому правительству против ратификации последним парижского протокола о Бессарабии.

„ *21.* *В Шанхае восставшие рабочие прогнали шандунские войска. В город вступили отряды национальной армии.*

„ *24.* В связи с вступлением национальной армии в Нанкин английские и американские военные суда под предлогом защиты иностранцев от нападения солдат национальной армии бомбардировали город.

Апрель 2. Между совправительством и японским лесопромышленным синдикатом (Рорио Рингио Куминай) подписан договор на сдачу в концессию последнему лесной площ. в 1,1 млн. гектаров на побережьи Татарского пролива.

„ *4.* В Риме состоялось свидание венгерского премьера Бетлена с Муссолини.

„ *6.* *Налет чжан-цзо-линовских властей на помещение военного атташе при полпредстве. Арест советских сотрудников и китайских коммунистов.*

„ *6.* Блокада советского консульства в Шанхае иностранной полицией и русскими белогвардейцами.

„ *7.* Китайская полиция в Тзянцзыне произвела обыск в помещении Дальбанка, расположенном на территории французской концессии.

„ *9.* Тов. Литвинов в ноте пекинскому правительству требует освобождения арестованных при налете 6 апреля советских сотрудников.— *Впредь до удовлетворения требований советское посольство отзывается из Пекина.*

„ *9.* В Кенигсберге фашистом произведено нападение на консула СССР т. Кантора.

„ *11.* Представители держав вручили Евгению Чену в Ханькоу ноту, требующую возмещения в связи с нанкинскими событиями 24 марта.

Апрель 11. В Шанхае войсками Бай-Цзун-Ши разоружены рабочие дружины и арестован ряд профсоюзных деятелей.

„ *14.* Между полпредом СССР в Берлине т. Крестинским и швейцарским посланником Рюфенахтом подписан протокол об урегулировании советско-швейцарского конфликта в связи с убийством т. Воровского.

„ *15.* Генерал Ли-Ти-Син в Кантоне закрыл профсоюзы, арестовал и расстрелял многих коммунистов.

„ *18.* В Нанкине провозглашено новое правительство правых гоминдановцев.

„ *20.* В Японии сформирован кабинет ген. Танака.

„ *26.* Подписание в Тиранне итало-албанского договора, почти равносильного установлению албанского протектората.

„ *28.* В Пекине казнены посредством удавления Ли-Да-Джао и 19 других китайских коммунистов, арестованных при налете на советское полпредство в апреле.

Май 4—23. Международная экономическая конференция в Женеве с участием СССР.

„ *10.* Персидское правительство официально уведомило иностранные миссии об отмене режима капитуляций.

„ *12.* *Лондонская полиция произвела налет на помещение торгпредства и Аркоса.*

„ *16.* В Лондон прибыл президент французской республики Думерг. Печать комментирует приезд как возобновление англо-французского согласия.

„ *20.* В Ханькоу открылась конференция профсоюзов Тихоокеанских стран с участием СССР.

„ *21.* В Чанша подавлено рабоче-крестьянское восстание.

„ *26.* Войска Уханского правительства перешли в общее наступление и нанесли тяжелое поражение мукденской армии.

„ *26.* **Разрыв англо-советских отношений.** (Нота о разрыве, датированная 26 мая, вручена в Лондоне поверенному в делах СССР т. Розенгольцу 27 мая.)

„ *30.* Нота протеста английского правительства египетскому правительству против упразднения должности английского главнокомандующего египетской армии. В подкрепление своих требований Англией послана в Египет военная эскадра.

Июнь 1. В связи с общим усилением японской агрессивности в Китае, связанным с приходом к власти кабинета Танака в Циндао (провинция Шандун), высадился отряд японских войск.

„ *2.* *Подписан советско-латвийский торговый договор.*

„ *7.* **В Варшаве белогвардейцем Кавердой убит полпред СССР в Польше т. Войков.**

„ *13.* В Женеве открылась 45-я сессия Совета Лиги Наций. По сообщениям печати, в связи с сессией состоялось совещание представителей крупных держав, под руководством Чемберлена, о борьбе с „большевистской пропагандой".

„ *17.* Эстония заключила в Лондоне заем на сумму 1 500 000 фунтов стерлингов (усиление английского влияния в Эстонии).

Июнь 18. Финляндское правительство обратилось к советскому правительству с нотой по поводу расстрела шпиона Эльвенгрена, который в ноте назван финлядским гражданином.

„ *20.* Открытие тройственной конференции по сокращению вооружений на море в Женеве (Соед. Штаты, Англия и Япония). 4 августа конференция, не приведя ни к каким результатам, закрывается.

Июнь 25. Фын-Юн-Сян и Чан-Кай-ши опубликовали декларацию о совместных действиях.

„ *27.* Тов. Рыков в ответ на телеграмму Лэнсбери, Мекстона и Броквея разъясняет причины, послужившие основанием для расстрела по постановлению ОГПУ 20 контрреволюционеров.

Июль 15. *Революционное выступление рабочих в Вене в связи с оправдательным приговором по делу фашистов.*

Август 4. Печать сообщает о письме председателя английского треста Ройял-Детч Шелл Рокфеллеровскому „стандарт Ойлоф-Нью-Йорк" против покупки советской нефти.

12. Чан-Кай-Ши уходит в отставку.

„ *23.* Казнь Сакко и Ванцетти в Бостоне (Соед. Штаты). Широкое движение протеста рабочих во всем мире.

Сентябрь 1. Открытие сессии Лиги Наций. Провал попытки воскрешения женевского протокола и франко-польского проекта о „Восточном Локарно".

„ *2.* Попытка покушения белогвардейца Трайковича на сотрудников полпредства в Варшаве. Трайкович убит курьером охраны Гусевым.

„ *3.* Официозное сообщение французского правительства о переписке с советским правительством по поводу подписания Раковским антимилитаристского заявления оппозиции ВКП (б).

„ *5—9* Конгресс английских тред-юнионов в Эдинбурге. Срыв англо-русского комитета. „Мир промышленности".

„ *19.* День встречи Американского Легиона в Париже. Грандиозная коммунистическая контр-демонстрация в Клиши (предместье Парижа).

„ *23.* Взятие китайской революционной армией Сватоу. 1-го октября город оставлен.

„ *24.* Сообщение Гаваса о предложениях совправительства по вопросу о долгах. (Годичные взносы по 60 млн. фр. золотом в течение 61 года при условии предоставления Францией кредитов.)

Октябрь 1. *Подписание в Москве торгового гарантийного и др. договоров между СССР и Персией.*

„ *1.* Гавас сообщает, что французский совет министров решил потребовать отзыва т. Раковского.

„ *3.* Открытие съезда английской рабочей партии в Блэкпуле. Правый курс.

УКАЗАТЕЛЬ ЦИТАТ.

1. О. Чернин. В дни мировой войны. Пер. с нем. Госиздат. 1923.
2. Генерал Гофман. Война упущенных возможностей. Пер. с нем. Госиздат. 1925 г.
3. Воспоминания Гинденбурга. Пер. с нем. Изд. «Мысль». Петроград. 1922 г.
4. Л. Троцкий. Соч. Т. XVII, ч. 1.
5. Л. Троцкий. О Ленине. Госиздат. Стр. 78.
6. Л. Троцкий. О Ленине. „ „ 83.
7. Л. Троцкий. Соч. Т. XVII, ч. 1, стр. 51.
8. Н. Ленин. Собр. соч. XV, 628—631.
9. Заявление Милюкова от 11/VII 1918 г. Деникин. Очерки по истории русской смуты. Т. III.
10. Ленин. Собр. соч. Т. XV, стр. 386.
11. Из воспоминаний Ф. Гельфериха. Пер. с нем. Изд. «Мысль». 1922 г.
12. П. В. Оль. Иностранные капиталы в России. Изд. НКФ. Петроград. 1922. г.
13. Cumming and W. Pettit. Russian American Relations» (из «Известий» 27/XI 1917 г.).
Изд. Harcourt New York 1920.
14. Дж. Бьюкенен. Мемуары дипломата. Пер. с англ. Госиздат. 1925.
15. См. 13.
16. М. Левидов. К истории союзной интервенции в России. Прибой. Ленинград 1925 г.
17. Russian American Relations, p. 68—72.
18. См. 16.
19. Дело Бориса Савинкова. Госиздат. 1924 г.
20. «Правда» 4/XI 1918 г.
21. Л. Троцкий. Соч. Т. XVII, стр. 531.
22. Ленин. Собр. соч. Т. XV, стр. 420—422.
23. Ленин. Собр. соч. Т. XV, стр. 536—544.
24. Ф. Шейдеман. Крушение Германской империи. Госиздат. 1923 г.
25. Эмиль Барт. В мастерской германской революции. Пер. с нем. Госиздат. 1923 г.
26. Н. Ленин (В. Ульянов). Собр. соч. Т. XV. Госиздат. 1923 г., стр. 555. В тексте напечатано «слишком малы» — явная опечатка; вообще вся фраза, повидимому плохо передана записавшим речь хроникером и, к сожалению, не проредактирована.
27. Э. Лагард. Признание советского правительства. Пер. с франц. М. Сухотина. Под редак. Е. Б. Пашуканиса. Изд. Литизд. НКИД Москва. 1925.
28. И. В. Гессен. Архив русской революции, стр. 308—309. Берлин. 1922.
29. «Летопись революции» № 16, 1924 г., стр. 34.
30. Вінніченко. Відродження нації, частина III, Київ Відень; цит. по Ф. Анулову. Черная книга. Госиздат Украины. 1925 г., стр, 136.

31. Я. Слащов. Лозунги русского патриотизма на службе Франции. «Кто должник?» стр. 574.
32. Деникин. Очерки русской смуты. Т. III, стр. 105—109.
33. Джон Уорд. Союзная интервенция. Пер. с англ. Госиздат. 1923 г.
34. М. Павлович. Советская Россия и капиталистическая Америка. Госиздат. 1922 г., стр. 60.
35. Russian American Relations, p. 279.
36. Последние дни колчаковщины. (Центрархив.) Госизд. 1926, стр. 103.
37. Лорд Берти. За кулисами Антанты. Пер. с англ. Госизд. 1927 г.
38. «Кто должник?», стр. 528.
39. В. Вильсон. Мировая война и Версальский мир. Пер. с англ. Госиздат. 1923 г., стр. 186.
40. Russian American Relations, p. 285—288.
41. Речь на заседании мирной конференции 21/I 1919 г.
42. Н. Ленин. Собр. соч. Т. XVI, стр. 96—98.
43. Борис Савинков. Перед военной коллегией Верх. суда СССР. Изд. НКИД. 1924 г.
44. Гражданская война в Сибири и в Северной области. Сост. С. А. Алексеев. Госиздат. 1927 г.
45. Барон А. Будберг. Дневник. Цит. по сборнику: „Гражданская война в Сибири и Северной области». Сост. С. А. Алексеев. Госиздат. 1927 г.
46. См. 45.
47. Б. Соколов. Падение Северной области. Цит. см. 45.
48. «Архив русской революции». Т. I, стр. 297.
49. А. И. Родзянко. Воспоминания о Сев.-зап. армии, стр. 162—165.
50. Сб. «Кто должник?».
51. Ю. Пилсудский. 1920. Пер. с польск. Изд. «Военный Вестник». 1926 г.
52. Цит. по книге А. Ивин. «Китай и СССР». Госиздат. 1924 г.
53. «La Russie des Soviets et la Pologne». Изд. НКИД. 1921 г.
54. «Times» 27/III 1924 г.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ [1]).

Стр.

А

Авгур 187
Авксентьев 36
Австрия:
  признание СССР де-юре 20/II 24 г 131
Айронсайд 70
Албания:
  восстановление дипл. отнош. с СССР 6/VII—24 г 131
Аннулирование иностранных займов 28/I—18 г 5
Англия,
  договоры:
    генеральный договор с СССР 8/VIII—24 г.; аннулирован консерваторами 21/XI—24 г; 134—139, 146
    признание СССР де-факто 16/III—21 г 89
    признание СССР де-юре 1/II—24 г 127
    забастовка горняков I/V—12/XI—1926 г . . . 154—156
    интервенция (общая политика) 5, 23—25, 56—60
    нота против „пропаганды“ 23/II—27 г. 158
    ответ т. Литвинова . 159—160
    пролетариат и СССР 62, 85, 103, 112, 127, 136, 139, 149, 162, 174—178
    разрыв англо-советских отношений 27/V—27 г. . 165
    торговля с СССР 172
    шпионаж в СССР 167
Англо-франц. антогонизм в Сибири . . . . . 56—60
Англо-русский комитет (создан 8 апреля 1925 г.) 149
Арко (налет 12/V—27 г.) . 164—168
Армения 95
Архангельск:
  оккупация 2/VIII—18 г. . . . 33
  эвакуация 26/IX—19 г. 71
Афганистан:
  восстание в мае 1924 г. . . 135
  договор с Англией в Равал-Пинди 8/VIII—19 г. 92
  договор с СССР 28/II—21 г. . 91
  гарантийный договор в Пагмане 31/VIII—26 г. 211
  домогательства Керзона в декабре 1923 г. 125
  отношение с СССР в послелокарнский период . . 211, 212

Б

Баку 45, 95
Бермонт-Авалов 72
Берти 57

[1]) В случаях, когда требуется справка об обоюдных дипломатических актах с участием СССР, следует искать под буквой, относящейся ко второй договаривающейся стороне. Например советско-германские договоры помещены под буквой Г — Германия. Для удобства читателя в указателе отмечены и даты важнейших событий.

Стр.

Бессарабия 49, 130, 163, 192
Биркенхед 148, 156, 160
Блюмкин 19
Блокада (снятие) 16/I—20 г. . . . 76
Бонар Лоу 117
Бриан 153, 189
Брест-литовские мирные переговоры 22/XII—17 г.—3/III—18 г. . . . . 6—17
дополнительное соглашение 27/VIII—18 г. 19
условия мира 14, 17
аннулирование 13/XI—18 г. . . 39
Буденный 70
Буллит 66, 67
Бухара 66
Бухарин 12, 41, 158, 224
Бьюкенен Дж. 5, 14

В

Вашингтонская конференция . . . 99
Вайнштейн . . . . . 121—122
Венгрия:
соглашение с СССР 12/IX—24 г. 131
Вильсон:
большевизм 62, 63
обращение к съезду Советов 26, 27
Винниченко 49
Володарский убит 20/VI—18 г. . 32
Воон 123
Воровский убит 10/V—23 г. . . . 119
Войков убит в Варшаве 7/VI—27 г. 193
Врангель 78, 81, 88

Г

Гаагская конференция откр. 15/VI—22 г. . . . . 110—112
Гаазе 40
Геджас (восстановл. дипл. отнош. с СССР 6/VII—24 г.) . . . 131
Генуэзская конференция (откр. 10/IV—19/V—22 г. . . . . 102—112
Гельферих 20
Генсовет 177

Стр.

Германия:
Брестский мир 3/III—18 г. . 6—17
гарантийный договор с СССР 24/IV—26 г. 182
кредиты СССР апрель 1926 г. . 181
Рапалльский договор 16/IV—22 г. 109
торговое соглашение с СССР 6/V—21 г. 91
торговый договор 12/IX—25 г. . 181
октябрьские события 1923 г. . 125
отношения с СССР после Локарно . . . . . 181—188
Германская революция . . . . 37—41
Гинденбург о пропаганде 7
Голод в Поволжье . . . . . 100—101
Голубович 10
Гоф 72
Гофман о пропаганде 7
Греция:
признание СССР де-юре 8/III—24 г. 131
Грузия 96

Д

Д'Ансельм 49
Дания:
признание СССР де-юре 18/VI—24 г. 131
Дауэс 125
Двадцать шесть бакинских комиссаров (убиты в Красноводске) 20/IX—18 г. 45
Де Жувенель 204
Декларация принципов восточной политики совласти 4
Де Монзи 129
Деникин 48, 70
„Дейли Телеграф" о Локарно . . 151
„ о целях разрыва 171
Джонсон-Хикс 167
Директория украинская 48

Ж

Жанен 58

З

Западная граница СССР (общее полит. положение) . . . . 202—4

Стр.

И

Интервенция:
расхождение политич. линий союзников . . . . . 21—28
север . . . . . 30, 50—51
северо-запад . . . . . 70—73
Сибирь . . . . . 51—60
юг . . . . . 45—50
Иоффе 40, 76

Италия:
признание СССР де-юре 7/II—24 г. 127
принятие советского уполномоченного 91
отношение с СССР в послелокарнский период . . 190—191
сближение с Англией 201

К

Казань:
взятие чехо-словаками 6/VIII—18 г. 33
взятие красными у чехо-словаков 10/IX—18 г. 34
Каменев Б. 6, 85
Каннская конференция 6/I—22 г. 103
Карахан 131
КВЖД 54, 130

Керзон:
защита Врангеля 80
против признания СССР . . 135
ультиматум 8/V—23 г. . . 120,125
Кингисепп 151

Китай:
арест т. Иванова 20/I—26 г. . 214
декларация совправительства 25/VI—19 г. 97
договор с СССР 31/V—24 г. 131—133
налет Чжан-Цзо-Лина 6/IV—27 г. 163, 214
северный поход, Англия и СССР 157
Клайнс . . . . . 169, 175—6
Клемансо 44, 64
Колчак 68
Компартия английская. . . . 122, 178

Стр.

Копенгагенские переговоры Литвинов — О'Греди 25/XI—19 г. . 75
Копп 125
Красин 75, 77
Краснов 47
Кук 178
Кулидж 219
Кучук-Хан 93

Л

Латвия:
мирный договор с СССР в Риге 11/VIII—20 г. . . . 76
парафирование гарантийного договора с СССР 9/III—27 г. в Риге 162, 199
торговый договор с СССР 2/VI—27 г. 199
отношения с СССР после Локарно . . . . . 198—200

Ленин:
герм. требования в связи с убийством Мирбаха . . . 20
германский ультиматум . . 15, 16
мир (тезисы) 12
оказание помощи германской революции 37
покушение (на Ленина) 30/VIII—18 г. 33
положение РСФСР после разгрома Германии 42
Принцевы острова 64
французская помощь 16
Ленсбери 136
Либералы и СССР . . . 122, 139, 173

Литва:
гарантийный договор СССР 28/IX—26 г. в Москве . . 197
мирный договор с СССР в Москве 12/VII—20 г. . . . 76
отношения с СССР после Локарно . . . . . 197—8
фашистский переворот 17/XII—26 г. 193
Литвинов 25, 44, 75, 77, 159, 168, 169,194

Стр.

Лозаннская конференция:
Лоз. договор подписан СССР 14/VIII—23 г. . . . . 116—120
Локарнские договоры подписаны 1/XII—25 г. . . . . 149—153
Локарт 24, 33
Ллойд-Джордж:
Генуэзская конференция (речь) 105
кампания — против генерального договора с СССР . . 139
отставка 19/X—22 г. 117
парижская конференция . . 61, 62
польско-сов. война 85
торговля с Россией 81
разрыв с СССР 174

М

Макдональд 126, 134, 142
Мамонтов 70
Маннергейм 18, 68
Марти 74
Массарик 30, 32
Маркс, рейхсканцлер 184
Марш 71
Мексика:
восстановление дипломатических отношен. с СССР 1/VIII—24 г. 131
Милюков 19
Мирбах убит 6/VII—18 г. 19
Московская конференция по разоружению с участием СССР и окраинных государств 2/XII—22 г. 114
Муссолини — свид. с Чемберленом в Рапалло 29/XII—25 г. . 204
Монголия:
договор с РСФСР 5/XI—21 г. 97
семеновщина 53

Н

Наступление Германии после мира 18
Наступление Юденича 73
Нетте (убит 5/II—26 г.) 199
Нефть советская . . 108, 124, 173, 224
„Ни мир, ни война“ 14
Нокс 58

Стр.

Норвегия:
признание СССР де-юре 13/II—24 г. 131
Нуланс 30, 46

О

Обращение советского правительства к мусульманам Востока 4
Ормби-Гор 151

П

Параграф 16 устава Лиги Наций 182, 201
„Пацифистская эра“ . . . . . 126—143
Петроград 73
Персель 149
Персия:
договор с СССР 26/II—21 г. . 93
отношения с СССР после Локарно . . . . . 206—210
Пилсудский 82, 84
Захват власти 12/V—1926 г. 192, 196
„Письмо Зиновьева“ (англ. нота 24/X—24 г.) . . 139—143
Польша:
война с СССР в 1920 г. . . 81—88
военная опасность 196, 202
кризис польско-советских отношений — осень 1921 г. . 101
мирный договор с СССР 18/III—21 г.; в Риге прелиминарный договор 12/X—20 г.
отношения с СССР после Локарно . . . . . 191—7
Понсонби 167
Принцевы острова . . . . . 60—65
„Пропаганда“ . . 5, 8, 90, 145, 158, 165
Пуанкарэ 129
Пуль 51

Р

Радек 41
Раковский 49, 123, 136
Раскольников 90, 120
Рапалло (герм.-сов. договор 16/V—22 г.) 109

Стр.

Реза-Хан—вступление на престол 2/XI—25 г. 207
Робинс 28
Ротштейн 94
Рыков 167
Рушди-бей — свидание с Чичериным в Одессе 12—14/XI—26 г. 205

С

Савинков 30, 65
„Санитарный кордон“ 44
Семенов 53
Скоропадский 18
Скуенек 199
Соедин. Штаты:
Генуэзская конференция . 104, 108
интервенция — начало . . . 26, 29
„ в Сибири . 54, 55, 77
отношения с СССР в послелокарнский период . . 217—226
политика в Персии 209
Сун Ят-сен 131

Т

Танака 216
Таннер 201
Тезисы о мире Ленина 12, 14
Террор красный . . . . . 33—34
Троцкий—выступления в Бресте 8
тактика в Бресте 14
о чехословаках 34
Турция:
договор о дружбе с РСФСР 16/III—21 г. 94
договор гарантийный 17/XII—25 г. 204
договор с Персией (22 апреля 1926) 205
отношения с СССР после Локарно . . . . . 204—6
торговый договор с СССР 11/III—27 г. в Ангоре . . 162

У

Ультиматум Керзона 8/V—23 г. 120—125
Урицкий убит 30/VIII—19 г. . . 33
Уркарт 114, 157
Устинов 129

Ф

Финляндия:
Колчак 68
мирный договор с СССР в Юрьеве 14/X—20 г. . . 20—77
революция 18
отношения с СССР после Локарно 201
Франция:
интервенция (начало) 22
отношения с СССР после Локарно . . . . . 188—190
предложение помощи против немцев 16
признание СССР де-юре 28/X—24 г. 130
Френсис 27

Х

Хива 96
Хикс Дж 177
Хлеб советский 40, 124, 125

Ч

Чернин в Стокгольме 6
Об опасности революции. . . . 14
Чемберлен 156
Нота о „пропаганде“ 23/II—27 г. . . . 158, 162, 164
Черчилль . 46, 145, 151, 156, 157, 160, 162
Чехо-Словакия:
временный договор между Чехо-Словакией и РСФСР 29/III—22 г. 114
интервенция (начало) . . . 31, 32
Колчак (и чехословаки) . . . 59
разложение чехословаков . 35, 59
Чичерин . . 40, 104, 105, 124, 158, 204
Чжан-Цзо-Лин 163, 214

Ш

Шанхайские события 30/V—25 г. 147, 149

Стр.

Швеция (признание СССР де-юре 15/III—24 г.) 131
Штреземан 186
Шуберт 182
Шумяцкий 120

Э

Экономическая конференция в Женеве 4—23/V—27 г. 163
Эррио 129

Эстония:

коммунистическое восстание 1/XII—24 г. 200
мирный договор с СССР в Юрьеве 2/II—20 г. 76
отношения с СССР после Локарно . . . . . 200—201

Стр.

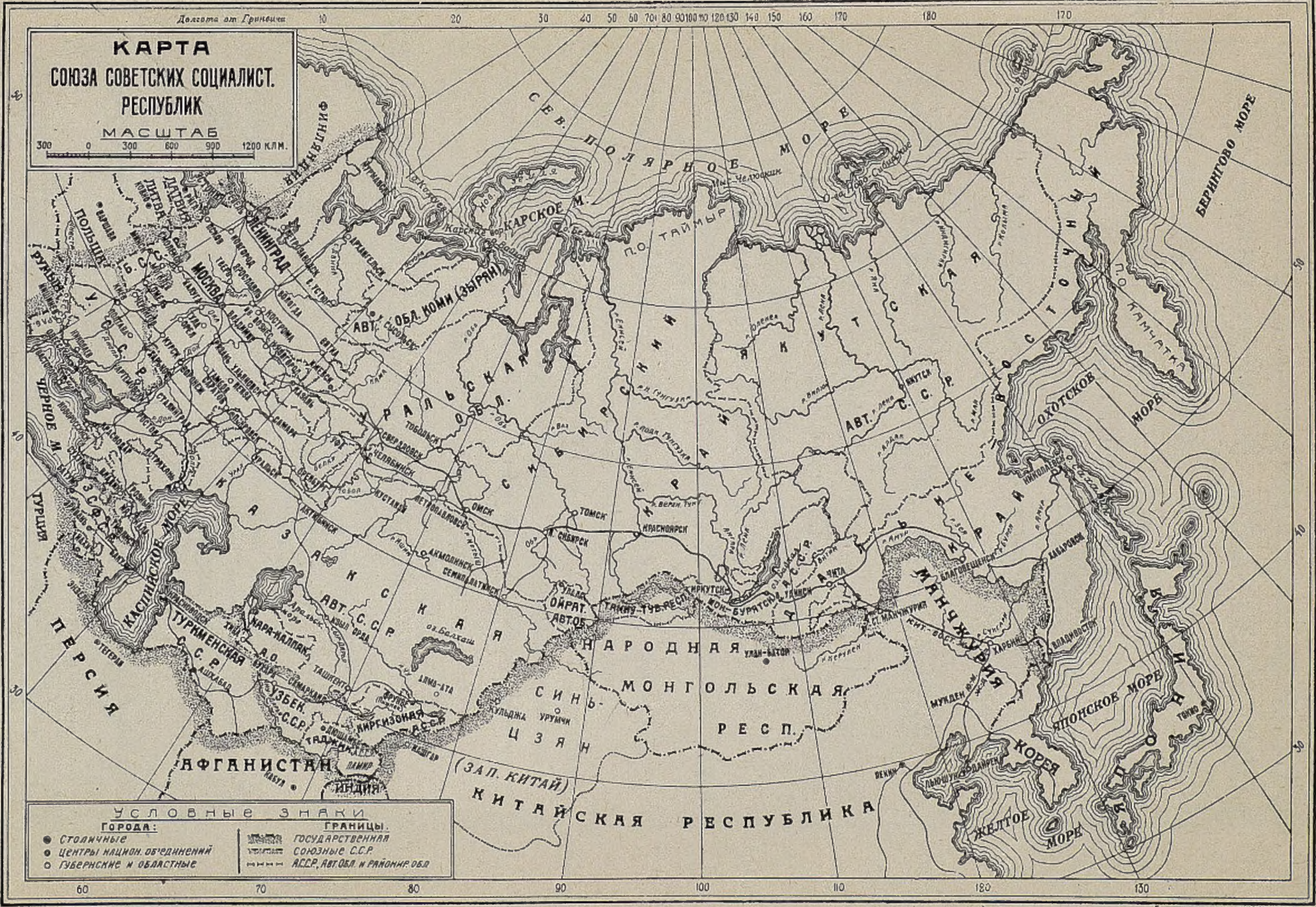
Ю

Юденич 70, 72
Юз 222

Я

Япония:

договор с СССР на основе признания совправительства де-юре 20/I—25 г. 133—134
интервенция во Владивостоке 28
отношения с СССР после Локарно . . . . . 215—17
эвакуация Владивостока . . 115
Японско-американский антагонизм в Сибири . . . . . 51—56
Ясское совещание (ноябрь 1918 г.) 44



КАРТА
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТ. РЕСПУБЛИК
МАСШТАБ
300 0 300 600 900 1200 КЛМ.
Долгота от Гринвича
СЕВ. ПОЛЯРНОЕ МОРЕ
КАРСКОЕ М.
П.О. ТАЙМЫР
БЕРИНГОВО МОРЕ
П.О. КАМЧАТКА
ОХОТСКОЕ МОРЕ
ЯПОНСКОЕ МОРЕ
ЖЕЛТОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ М.
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
ДАЛЬНЕ-ВОСТОЧНЫЙ КРАЙ
ЯКУТСКАЯ АВТ. С.С.Р.
СИБИРСКИЙ КРАЙ
УРАЛЬСКАЯ ОБЛ.
АВТ. ОБЛ. КОМИ (ЗЫРЯН)
КАЗАКСКАЯ АВТ. С.С.Р.
ТУРКМЕНСКАЯ С.С.Р.
УЗБЕК. С.С.Р.
КИРГИЗСКАЯ А.С.С.Р.
ТАДЖИК.
КАРА-КАЛПАК. А.О.
З.С.Ф.С.Р.
У.С.С.Р.
Б.С.С.Р.
ОЙРАТ. АВТ. ОБ.
ТАННУ-ТУВ. РЕСП.
БУРЯТ-МОНГ. А.С.С.Р.
ЛЕНИНГРАД
МОСКВА
ФИНЛЯНДИЯ
ЭСТОНИЯ
ЛАТВИЯ
ЛИТВА
ПОЛЬША
РУМЫНИЯ
ТУРЦИЯ
ПЕРСИЯ
АФГАНИСТАН
ИНДИЯ
НАРОДНАЯ МОНГОЛЬСКАЯ РЕСП.
СИНЬ-ЦЗЯН (ЗАП. КИТАЙ)
КИТАЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА
МАНЧЖУРИЯ
КОРЕЯ
ЯПОНИЯ
АРХАНГЕЛЬСК
ТОБОЛЬСК
СВЕРДЛОВСК
ЧЕЛЯБИНСК
ОМСК
ТОМСК
Н. СИБИРСК
КРАСНОЯРСК
ИРКУТСК
ЧИТА
БЛАГОВЕЩЕНСК
ХАБАРОВСК
ВЛАДИВОСТОК
ХАРБИН
МУКДЕН
УЛАН-БАТОР
АКМОЛИНСК
СЕМИПАЛАТИНСК
АЛМА-АТА
ТАШКЕНТ
САМАРКАНД
АШХАБАД
КАБУЛ
УРУМЧИ
КУЛЬДЖА
ТОКИО
ПЕКИН
Условные знаки
Города:
Столичные
Центры национ. об'единений
Губернские и областные
Границы.
Государственная
Союзные С.С.Р.
АССР, Авт. Обл. и районир. обл.
Границы по данным НКВД на

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ИСТПАРТ И АГИТПРОП ЦК ВКП (б)

БИБЛИОТЕЧКА ОКТЯБРЯ

Ярославский Ем., Партия большевиков в 1917 году, стр. 109, ц. 35 к.

Горин П., Пролетариат в 1917 году в борьбе за власть, стр. 118. ц. 40к.

Панкратова А., Фабзавкомы и профсоюзы в 1917 году.

Дубровский С., Крестьянство в революции 1917 года.

Шохин А., Рабоче-крестьянская молодежь в Октябрьской революции, стр. 93, ц. 30 к.

Смидович С., Работница и крестьянка в Октябрьской революции.

Попов Н. Н., Октябрьская революция и национальный вопрос.

„Библиотечка Октября“ рассчитана на пропагандистов, широкие кадры членов партии, комсомольцев и беспартийных рабочих.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ

В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСИЗДАТА РСФСР

Москва, Ильинка, Богоявленский пер. 4. Тел. 1-91-49, 3-71-37, 5-04-56
Ленинград, „Дом книги“, Проспект 25 Октября, 28. Тел. 5-34-18
и во все отделения и магазины Госиздата РСФСР

МОСКВА, ЦЕНТР, ГОСИЗДАТ „КНИГА—ПОЧТОЙ“
высылает немедленно по получении заказа
КНИГИ ВСЕХ ИЗДАТЕЛЬСТВ, имеющиеся на книжном рынке
Книги высылаются почтовыми посылками или бандеролью наложенным платежом. При высылке вперед всей стоимости заказа (до 1 руб. можно почтовыми марками) пересылка бесплатно.

Требуйте бесплатные каталоги „Октябрь“ (Десять лет борьбы и строительства) и „Истпарт“

1 р. 80 к.